

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА: ОТКРЫТИЯ, ГИПОТЕЗЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

XXXII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Майкоп
18–23 апреля 2022 г.**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ
АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА:
ОТКРЫТИЯ, ГИПОТЕЗЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ.
XXXII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной научной конференции
по археологии Северного Кавказа,
посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана
Майкоп, 18–23 апреля 2022 г.

Майкоп
ООО «Качество»
2022

УДК 903.5(470.6)(082)
ББК 63.4(235.7)
Д73

Конференция проведена при финансовой поддержке
Министерства культуры Республики Адыгея

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. М. С. Гаджиев,
д.и.н. В. Р. Эрлих

Д73 **Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации.** XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18–23 апреля 2022 г. – Майкоп : Качество, 2022. – 304 с. : ил.

Сборник составлен по материалам, представленным на Международную научную конференцию по археологии Северного Кавказа «Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации» – XXXII Крупновские чтения, посвященную памяти выдающегося ученого-кавказоведа, археолога, доктора исторических наук, профессора Евгения Игнатьевича Крупнова (1904–1970). Тематика докладов отражает широкий круг проводимых археологических исследований, охватывающих хронологический диапазон от каменного века до позднего средневековья.

ISBN 978-5-9703-0705-2

© Национальный музей Республики Адыгея, 2022
© Авторы статей, 2022
© ООО «Качество», дизайн, 2022

**СОСТАВ ПОСТОЯННОГО КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА
Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа
«Крупновские чтения»**

Председатель:

ГАДЖИЕВ Муртазали Серажутдинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала

Заместители председателя:

САВЕНКО Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором природы и археологии ГБУК СК «Пятигорской краеведческий музей», заслуженный работник культуры РФ, Ставропольский край, г. Пятигорск

КОРОБОВ Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий сектором теории и методики Института археологии РАН, г. Москва

Координатор:

БЕЛИНСКИЙ Андрей Борисович – кандидат исторических наук, научный руководитель ООО «Наследие», Ставропольский край, г. Ставрополь

Ответственный (ученый) секретарь:

КАШУБА Майя Тарасовна – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Члены:

АЛБЕГОВА (ЦАРИКАЕВА) Зарина Хаджи-Муратовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела полевых исследований Института археологии РАН, г. Москва

АТАБИЕВ Биаслан Хакимович – директор Института археологии Кавказа, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик

ГАДИЕВ Умалат Бесланович – заместитель директора Археологического центра им. Е.И. Крупнова Республики Ингушетия, заслуженный деятель науки РИ, г. Назрань

ГАГЛОЙТИ Роберт Хазбиевич – кандидат исторических наук, директор Юго-Осетинского НИИ им. З.Н. Ванеева, г. Цхинвал

ДЖИГУНОВА Фатима Кадырбечевна – кандидат исторических наук, директор Национального музея Республики Адыгея, г. Майкоп

ЗИЛИВИНСКАЯ Эмма Давидовна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра археологии Евразии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

КОСЯНЕНКО Виктория Мечиславовна – старший научный сотрудник отдела автоматизированного учета и публикации фондов, госкаталога и страхового фонда Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, Ростовская обл., г. Азов

КОЧКАРОВ Умар Юсуфович – кандидат исторических наук, заведующий научным архивом Института археологии РАН, гг. Москва – Карачаевск

МАМАЕВ Хамид Магомедович – кандидат исторических наук, заместитель директора Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный

ПИОТРОВСКИЙ Юрий Юрьевич – старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, заместитель заведующего Отделом археологии Восточной Европы и Сибири, г. Санкт-Петербург

ПЬЯНКОВ Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар

САНГУЛИЯ Гарик Анатольевич – старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия Академии наук Абхазии, г. Сухум

ТУАЛЛАГОВ Алан Ахсарович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, г. Владикавказ

ШИШЛОВ Александр Владимирович – заведующий отделом археологии ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник», г. Новороссийск

ЭРЛИХ Владимир Роальдович – доктор исторических наук, Главный научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, заслуженный работник культуры РФ, г. Москва

Почетные члены:

БАГАЕВ Муса Харонович – доктор исторических наук, профессор Чеченского государственного университета Чеченской Республики, г. Грозный, ученик Е. И. Крупнова

КОЗЕНКОВА Валентина Ивановна (1931–2021) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, сотрудница экспедиции Е. И. Крупнова

КУЗНЕЦОВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, ученик Е. И. Крупнова

МУНЧАЕВ Рауф Магомедович (1925–2021) – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, в 1990–2003 гг. директор Института археологии РАН, в 2003–2021 гг. – советник РАН, ученик Е. И. Крупнова

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ**XXXII Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа**

**«Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации»
(Майкоп, 18–23 апреля 2022 г.)**

Джигунова Фатимет Кадырбечевна – сопредседатель Оргкомитета, кандидат исторических наук, директор ГБУК РА «Национальный музей Республики Адыгея», г. Майкоп

Ципинов Рустем Касеевич – сопредседатель Оргкомитета, начальник Управления по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Адыгея, г. Майкоп

Мамий Дауд Казбекович – сопредседатель Оргкомитета, кандидат физико-математических наук, ректор АГУ, г. Майкоп

Годизов Георгий Леонидович – секретарь Оргкомитета, кандидат исторических наук, зав. отделом Северокавказского филиала Государственного музея Востока, г. Майкоп

Белинский Андрей Борисович – кандидат исторических наук, научный руководитель ООО «Наследие», Ставропольский край, г. Ставрополь

Гаджиев Муртазали Серажутдинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала

Савенко Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором природы и археологии ГБУК СК «Пятигорской краеведческий музей», заслуженный работник культуры РФ, Ставропольский край, г. Пятигорск

Эрлих Владимир Роальдович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, г. Москва

**ГЛАВА
РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ**

Жуковского ул., 22, г. Майкоп, 385000
тел. 57-19-00, факс 57-01-47
e-mail: kanc@adm.adygheya.ru

**АДЫГЭ РЕСПУБЛИКЭМ
И ЛЫШЪХЪ**

Жуковскэр ур., 22, къ. Мыекъуапэ, 385000
тел. 57-19-00, факс 57-01-47
e-mail: kanc@adm.adygheya.ru

04.12.2020 № Т-1450
На № _____ от _____

Председателю Постоянного
координационного совета
Международной научной
конференции по археологии
Северного Кавказа
«Крупновские чтения»,
доктору исторических
наук, профессору

Гаджиеву М.С.

Уважаемый Муртазали Серажутдинович!

Приветствую в Вашем лице сообщество археологов-кавказоведов, участников Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «Крупновские чтения».

«Крупновские чтения» за годы своего существования стали уникальным и значимым явлением в археологической науке Российской Федерации, важнейшим форумом, вносящим огромный вклад в изучение археологии, древней и средневековой истории регионов. Они способствуют сплочению и консолидации ученых из различных регионов России и зарубежных стран. «Крупновские чтения» объединяют научную и культурную общественность Северного Кавказа, позволяют правдиво, обоснованно, опираясь на факты, освещать историю и пропагандировать исторические знания среди широких масс населения, вносят немалый вклад в сохранение историко-культурного наследия нашей страны.

Ввиду того, что в 2022 году исполняется 125 лет со дня раскопок Майкопского кургана «Ошад», которые положили начало изучению Майкопской археологической культуры, предлагаю рассмотреть вопрос о проведении XXXII «Крупновских чтений» в городе Майкопе Республики Адыгея.

М.К. Кумпилов

**ПОСТОЯННЫЙ КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
«КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Республика Дагестан, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75, каб. 510
E-mail: murgadj@rambler.ru

Главе Республики Адыгея,
М.К. Кумпилову

Глубокоуважаемый Мурат Каральбиевич!

От имени Постоянного координационного совета Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «Крупновские чтения», представляющего многочисленное сообщество археологов-кавказоведов, выражаю Вам признательность за обращение в наш адрес с предложением провести XXXII Крупновские чтения в 2022 г. в Республике Адыгея и посвятить их 125-летию раскопок знаменитого Майкопского кургана Ошад, давшего наименование яркой и самобытной археологической культуре Кавказа.

Постоянный координационный совет с радостью принимает Ваше предложение и выражает Вам нашу искреннюю благодарность.

Мы готовы оказать Организационному комитету XXXII Крупновских чтений научно-организационную помощь в проведении конференции (отбор присланных статей, подготовка и редактирование сборника материалов конференции, который необходимо издать к началу конференции, и пр.).

Надеемся, что проведение XXXII Крупновских чтений в г. Майкопе послужит делу подготовки молодых кадров археологов в Республике Адыгея, столь обильной археологическими памятниками, раскрывающими неизвестные страницы богатой древней и средневековой истории Адыгеи и всего Кавказа. Полагаем, что проведение этого крупного и значимого научного форума явится вкладом в научно-культурную программу, посвященную 100-летию образования Республики Адыгея.

С добрыми пожеланиями,

Председатель Постоянного координационного совета
Международной научной конференции
по археологии Северного Кавказа «Крупновские чтения»,
доктор исторических наук, профессор

М.С. Гаджиев

08.12.2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Корневский С. Н.</i> Майкопский курган и группа его памятников (текущее состояние проблемы изучения)	12
<i>Мусеибли Н. А.</i> К вопросу о лейлатепе-майкопской культурно-исторической общности . .	14
<i>Цитинов Р. К.</i> Сохранение культурного наследия в Республике Адыгея. Вызовы. Проблемы. Перспективы	18

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА И ЭПОХИ БРОНЗЫ

<i>Агаларзаде А. М.</i> Курганы юго-восточного региона Азербайджана эпохи бронзы и раннего железа	20
<i>Атаев Г. Д.</i> О преемственности и инновациях в развитии культур эпохи ранней и средней бронзы равнинно-предгорной зоны Центрального Дагестана	24
<i>Бочкарев В. С., Пелих А. Л.</i> Проушные топоры переходного периода от средней к поздней бронзе из Прикубанья	28
<i>Бурков С. Б.</i> Основные погребения майкопской КИО в среднем течении р. Сунжа	32
<i>Голованова Л. В., Дороничев В. Б.</i> Фациальные и культурные различия в эппалеолите Северного Кавказа (на примере Губского ущелья)	34
<i>Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Дороничева Е. В.</i> Свидетельства контактов с соседними регионами в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа	39
<i>Джигунова Ф. К., Медведева М. В.</i> Майкопские древности: архивные документы Академии истории материальной культуры	41
<i>Дмитриев А. В.</i> «Постдольменные горизонты», «палеодольмены» и истоки их строительства	44
<i>Дмитриев В. А.</i> Возможности поиска этнографических аналогий реалиям майкопской культуры (культура адыгов XVIII–XIX вв.)	48
<i>Дороничева Е. В.</i> Заселение северного склона Центрального Кавказа в палеолите: новые открытия и новые данные	51
<i>Ильюков Л. С.</i> Вытянутые погребения энеолитического (константиновского) времени на Нижнем Дону	54
<i>Кизилов А. С.</i> Орудия эпохи энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа из рога оленя. Экспериментальная апробация процессов изготовления и эксплуатации . . .	57
<i>Ковалев А. А., Савенко С. Н.</i> Сооружения, погребение и находки майкопского времени в кургане №1 («Могильный») группы Занозина Балка у Кисловодска	61
<i>Крутоголовенко К. А.</i> Восточная периферия поселения майкопской культуры Натухаевское-3	65
<i>Кудин М. И.</i> Орнаментация порталов дольменов. Новые находки и попытки интерпретации	69
<i>Кулаков С. А.</i> Палеолит Западного Кавказа: некоторые итоги и перспективы изучения . .	73
<i>Недомолкин А. Г.</i> Технологическая характеристика каменной индустрии Губского навеса № 7 (по материалам горизонта 3)	75
<i>Осташинский С. М.</i> Новые радиоуглеродные даты поселения Мешоко	79
<i>Поплевко Г. Н., Дороничева Е. В.</i> Хозяйственная деятельность древнего человека среднего палеолита в гроте Сарадж-Чуко: новые данные трасологических исследований	83

<i>Поплевко Г. Н.</i> Экспериментальное моделирование и трасологическое исследование керамики по данным археологии и этнографии	86
<i>S. Reinhold, N. Ya. Berezina, W. Haak, A. Ghalichi, Ch. Warinner, A. Scott, C. Knipper, R. M. Galeev, A. A. Kalmykov, A. B. Belinskiy, S. Hansen.</i> Mr. Sharakhalsun – modern bioarchaeological research in the North Caucasus exemplified by a singular individual from sharakhalsun 6, kurgan 2	92
<i>Ch. Warinner, S. Reinhold, A. Scott, N. Ya. Berezina, W. Haak, A. Ghalichi, C. Knipper, A. A. Kalmykov, A. B. Belinskiy, S. Hansen.</i> The Role of the Caucasus in the beginning of pastoralism in Eurasia	95
<i>Резепкин А. Д., Кулькова М. А., Поплевко Г. Н.</i> Петрографический анализ керамики из поселения Усть-Джегутинское майкопской культуры	97
<i>Рябогина Н. Е., Трошина А. А., Южанина Э. Д., Идрисов И. А., Борисов А. В.</i> Динамика климата и эволюция экосистем горной зоны Западного Кавказа в голоцене	99
<i>Стёганцева В. Я.</i> Мастера по сооружению катакомбных погребальных конструкций эпохи бронзы (к постановке проблемы)	101
<i>Таймазов А. И.</i> Крупные отщепы и орудия из них в каменной индустрии конца раннего плейстоцена Северо-Восточного Кавказа	103
<i>Тойфер М., Савенко С. Н., Калмыков А. А., Рейнхольд С., Фасбиндер Й., Белинский А. Б., Хансен С.</i> Поселение майкопской культуры Комсомолец-1: начало и перспективы исследования	107
<i>Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Кондрашкина М. И., Бачура О. П.</i> Земледелие и скотоводство в хозяйственном укладе дольменной культуры С-З Кавказа III тыс. до н. э. (по материалам поселения Старчики)	109
<i>Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В.</i> Культурно-экономические связи и контакты населения приморской части Северо-Западного Кавказа в эпоху ранней бронзы	113
<i>Эрлих В. Р., Годизов Г. Л., Борисов А. В.</i> Новый постдольменный археологический комплекс «Севастопольский» в Майкопском районе Республики Адыгея. Первые результаты исследования	117

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

<i>Бакушев М. А., Борисов А. В., Попов Ю. В.</i> Об одном ритуальном действии на культовом месте на горе Зуберха в центральном Дагестане	122
<i>Безруков А. В., Улитин В. В.</i> Греческие эмпории в Северо-Восточном Причерноморье в контексте воздействия военно-политических факторов на греко-варварскую торговлю	126
<i>Белинский А. Б., Иванчик А. И., Цвинария И. И.</i> Новые исследования на городище Балан (Абхазия)	129
<i>Вальчак С. Б.</i> О статистическом соотношении комплексов начала железного века в Восточной Европе	130
<i>Воронятов С. В.</i> Обстоятельства раскопок курганов на Зубовском хуторе (1899 г.) и их влияние на интерпретацию полученных материалов	132
<i>Гараев И. А.</i> Погребения с ножами в контексте вопроса о наемниках на территории Боспора	136
<i>Джопуа А. И., Ньюшков В. А., Счастный Д. А.</i> Новые предметы античного вооружения из фондов Абхазского государственного музея	140

<i>Джопуа А. И., Ньюшков В. А.</i> Древние археологические памятники Бамборской поляны	143
<i>Дударев С. Л., Бережная В. А.</i> Бронзовый конский налобник из станицы Чамлыкской	145
<i>Иванов А. В.</i> Протомеотские погребения в кургане у с. Кеслерово в Западном Закубанье	148
<i>Канторович А. Р., Маслов В. Е.</i> Основные результаты исследований могильников Новозаведенное-III и Новозаведенное-V в 2020–2021 гг.	152
<i>Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.</i> Конская узда V–IV вв. до н. э. из меотских грунтовых могильников правобережья Кубани	154
<i>Мадуров Д. Ф.</i> Атрибуция бронзовых статуэток, сарыкамышских и «smiting gods»	157
<i>Мальшев А. А., Горланов С. С., Дрыга Д. О., Мочалов А. В.</i> Могильник абorigенного населения Родники: топография и хронология	160
<i>Мальшев А. А., Новичихин А. М.</i> Могильник ОПХ «Анапа» – некрополь населения архаической синдики	162
<i>Марченко Ю. В., Котин М. А.</i> Погребения с каури в могильнике Верхний Куркужин (Кабардино-Балкарская Республика)	165
<i>Мокрушин В. П., Соков П. В.</i> Протомеотская булавка с территории грунтового могильника из с. Южная Озереевка	168
<i>Мошинский А. П.</i> Сауар – производственный центр горной Дигории V–IV вв. до н. э. итоги тридцатилетних исследований	172
<i>Мустафаев Л. Х.</i> Генетическая связь штрихованной керамики, найденной в памятниках Азербайджана железного века, с европейскими находками	175
<i>Рябкова Т. В.</i> Императорская археологическая комиссия и покупки в Майкопе: к вопросу о раннескифских памятниках Закубанья	179
<i>Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Скакова И. В.</i> Новые исследования древнего Гиеноса (Абхазия)	183
<i>Субботин А. В.</i> Древние «святилища» в урочище Лунная поляна КЧР	187
<i>Ткачев А. Н.</i> У истоков изучения Елизаветинского городища (1920–1930-е гг.)	190
<i>Чандрасекаран С.</i> Коллекция Мерля де Массоно – древности юга России в западных музеях	193
<i>Шевченко Н. Ф.</i> Территориальные и хронологические особенности групп сарматских памятников в Нижнем Прикубанье	197

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Албегова (Царикаева) З. Х.</i> Металлические перстни со вставками из катакомб Даргавского могильника	202
<i>Атаев Г. Д., Магомедов Р. Г., Сайпудинов М. Ш., Сагитова М. Дж., Хазамов Д.-А. А.</i> О раскопках Дагнинского средневекового поселения в 2020 г.	206
<i>Бабенко В. А.</i> Сведения Ивлева Н. П. о золотоордынских памятниках Прикумья	210
<i>Болдырева Е. М.</i> Юртообразные жилища и постройки на городище Самосделка в нижнем Поволжье. Новые материалы	213
<i>Гаджиев М. С., Будайчиев А. Л., Абдулаев А. М.</i> Нововыявленный мусульманский могильник XI–XII вв. в Дербенте	215
<i>Гаджиев М. С., Будайчиев А. Л., Абдулаев А. М.</i> Кирпичное здание XI – начала XIII вв. в Шахристане Дербента	219
<i>Гадиев У. Б.</i> Раннесредневековые каменные ящики горной Ингушетии: вопросы изучения и этнокультурной интерпретации	223

<i>Глазов К. А., Юрков В. Г.</i> Дифференцированный подход к методике применения фотограмметрии в исследовании различных объектов на примере работы Маркульской археологической экспедиции	225
<i>Григорьева О. В.</i> Осетинское святилище Реком: исследования Миллера А. А. и Бакланова Н. Б. в 1928 г.	227
<i>Дружинина И. А.</i> Северо-Западный Кавказ в эпоху Средневековья: актуальные проблемы изучения на современном этапе	230
<i>Зеленский Ю. В.</i> Половецкое каменное изваяние из станицы Павловской	233
<i>Зиливинская Э. Д.</i> Об одном Кавказском мавзолее	236
<i>Казанский М. М.</i> Империя и Северный Кавказ: о формировании «вождеской» северокавказской культуры в позднеримское время	239
<i>Керцева (Вольная) Г. Н.</i> Раскопки средневекового грунтового могильника Мацута-I	234
<i>Кизилов А. С., Глазов К. А.</i> Крепость Мамай-Кале: новые данные о планировке и строительной керамике	247
<i>Коробов Д. С.</i> Зильгинское городище и Бесланский курганный могильник – новые данные полевых обследований	250
<i>Мамаев Р. Х., Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.</i> Изделия из кости и рога из Келийского могильника XIII–XIV вв. (высокогорная Ингушетия)	254
<i>Марков Д. Н.</i> Общие тенденции в средневековом христианском зодчестве на Черноморском побережье и Северном Кавказе	258
<i>Мастыкова А. В.</i> Ранневизантийские пряжки из кости и хрусталя в Понто-Кавказском регионе	262
<i>Нарожный Е. И., Сазонов А. А., Тищенко И. Б.</i> Об одном варианте погребального обряда VIII–XIV вв. у кочевников Северного Кавказа	265
<i>Нечипорук А. А.</i> Памятники хазарского времени на территории исторического центра г. Ростова-на-Дону	268
<i>Новичихин А. М., Смекалова Т. Н.</i> Навершие булавы из окрестностей станицы Гостагаевской: археологический и технологический аспекты	272
<i>Савенко С. Н.</i> О деревянных предметах из катакомб Кисловодской котловины позднеаланского времени (XI–XII вв. н. э.)	276
<i>Сакания С. М.</i> Храмы Очамчырского района Абхазии: новые материалы	281
<i>Сланов А. А.</i> Цхинвальская крепость	283
<i>Требелева Г. В., Сакания С. М.</i> Малоизвестные храмы Ткварчалского района Республики Абхазия	287
<i>Требелева Г. В.</i> К вопросу реконструкции поселенческой структуры Абхазии в V–XII вв. на основе пространственного анализа расположения христианских храмов	290
<i>Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В.</i> Новейшие исследования среднего Зеленчукского храма на городище Нижний Архыз	293
<i>Чхаидзе В. Н., Бабенко А. Н., Гольева А. А., Дружинина И. А., Медникова М. Б.</i> Некрополь Среднего Зеленчукского храма: результаты комплексных исследований материалов раскопок 2019 г.	296
<i>Доде З.В., Зеленский Ю.В.</i> Случайные находки в контексте древностей средневековых кочевников: костяной игольник и подвеска	299
Список сокращений	303

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Кореневский С. Н.

Институт археологии РАН, г. Москва

МАЙКОПСКИЙ КУРГАН И ГРУППА ЕГО ПАМЯТНИКОВ (ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ)

Майкопский курган был раскопан в 1897 году. Первая публикация его находок состоялась в 1900 г. С тех пор не утихают дискуссии по интерпретации древностей этого памятника.

В 1935-1950 гг. А.А. Иессен выделил особую группу памятников, которые имеют аналогии по оружию (бесчеренковые кинжалы) и керамике, предметам знаменитого комплекса. Она была невелика и входила в понятие раннего майкопского этапа. В настоящий момент изучение проблемы Майкопского кургана и его группы памятников приобрело гораздо большее количество источников. Критериями отнесения памятников к группе Майкопского кургана являются показатели керамического комплекса, прежде всего керамика I класса со знаками на плечиках, также погребения с бесчеренковыми кинжалами, но здесь требуются серьезные оговорки.

Аналогом на Южном Кавказе этой группе является лейлатепинская культура конца V – начала первой IV тыс. до н.э. (Мусеибли, 2020). В Северной Месопотамии и Восточной Анатолии – памятники Арслантепе VII того же времени.

Даты ранних памятников майкопско-носвободненской общности (МНО) в основном все соотносятся с майкопской группой и локализуются в Центральном Предкавказье, Адыгее, в Верхнем и Среднем Прикубанье. В то же время ранние майкопские погребения есть в низовьях Калауса, на Чограе, в Чечне, как отражение передвижений майкопцев в Предкавказье. Они редки в Западном Предкавказье. Поэтому прежняя версия о том, что только Западное Прикубанье является территорией наиболее ранних проявлений майкопской культуры, ее прародиной, уже не отвечает материалам изучения МНО.

Большой вклад в издание древностей Майкопского кургана в настоящее время внесли статьи 2020 г. Ю.Ю. Пиотровского (Пиотровский, 2020 а, б), но в них немало дискуссионных положений. Так, к ним относятся вопрос о каменном сосуде, а не о полой булаве; спорна интерпретация мотыги как инструмента деревообработки, а не орудия аграрных работ. Требуется внимания тема изучения дефектов на сосудах. В этой категории вещей отражена идея символической порчи сосудов, характерная для культов МНО в целом.

В целом символика Майкопского кургана иллюстрирует несколько вариантов мифологии смерти у ранних майкопцев. Они связаны с символикой Древа Жизни, расстановкой утвари по углам и вдоль стенок ямы, особым элитным набором из топора, инструментов деревообработки и аграрных работ. Последний набор отмечен, кроме БМК, в комплексах курганов мог. Заманкул к. 1 п.70, мог. Винсады-2 к.2 п.11 (Лычагин, 2016).

В системе древностей МНО погребение БМК может датироваться второй четвертью IV тыс. до н.э. согласно датам его аналогий в майкопских курганах Заманкул 1/70, Винсалы-4 к.2 п.11 (Лычагин, 2016).

В итоге анализ комплекса БМК на современном этапе еще раз показывает правоту трактовки этого памятника М.И. Ростовцевым как комплекса вещей местного изготовления, кроме украшений из полудрагоценных камней (Rostovzeff, 1922. P. 25-28). Эта точка зрения о местном производстве вещей Майкопского кургана, включая предметы из мышьяково-никелевого металла, начала снова развиваться спустя много лет в трудах разных ученых (Кореневский, 1988; 2004; 2011; Галибин, 1991; Масон, 1997; Courcier, 2014; Рындина, Равич, 2019).

По нашему мнению, ранний майкопский вариант отражает феноменальный взлет материальной культуры, связанный с местным производством оружия, инструментов, по-

суды и первобытных шедевров, совпадающих по символике образов с образами культов и верований Ближнего Востока. Компоненты его сложения требуют особого анализа.

Радиоуглеродные даты майкопского варианта иллюстрируют существование его памятников в Центральном Предкавказье в первой половине и середине IV тыс. до н.э. (например, Усть-Джегутинские курганы) (Кореневский, 2011. С.27-30). Самые молодые даты отражают существование поселений майкопского варианта в третьей четверти IV тыс. до н.э. только на левобережье Терека, на западном окончании Прикаспийской низменности (поселения Галюгаевское и Стодеревское).

В Центральном Предкавказье в начале второй половины IV тыс. до н.э. получили распространение памятники долинского варианта МНО. Археологические источники показывают, что традиции керамики раннемайкопского населения в Пятигорье явно сосуществовали с комплексами долинских племен (по примеру находок Иноземцевского кургана 1976 г).

В Западном Предкавказье во второй половине IV тыс. до н.э. распространились памятники позднего псекупского варианта, в котором сохранялись традиции изготовления керамики 1 класса ближневосточных форм, но несколько иных конфигураций по сравнению с керамикой 1 класса майкопского варианта. Их существование закончилось в самом конце IV – начале III тыс. до н.э.

Помимо них, в это время в предгорной Адыгее нашли отражение памятники разных «новосвободненских» групп, которые характеризуются своими специфическими наборами керамики.

Литература

Галибин В.А. 1991. Особенности состава находок из цветного и благородного металла из памятников Северного Кавказа эпох ранней и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л.

Кореневский С.Н. 1988. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Кореневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско – новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Кореневский С.Н. 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.

Лычагин А.В. 2016. Отчет о раскопах памятников археологии на Кавминводах, проведенных в 2014 году ГУП Наследие кургана Виноградский-2, курганного могильника Винсады-4. Скачки 3 // Архив ИА РАН №№ 55068.

Массон В.М. 1997. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.

Музейбли Н. 2020. Лейлатепинская культура Южного Кавказа на перекрестке традиций Передней Азии и Юго-Восточной Европы // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий. Archäologie in Iran und Turan. В.18. Berlin.

Пиотровский Ю.Ю. 2020а. Майкопский курган (Ошад). От археологического памятника к археологическому источнику // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий. Archäologie in Iran und Turan. В.18. Berlin

Пиотровский Ю.Ю. 2020б. Майкопский курган (Ошад) современный взгляд // Camera praehistorica №1 (4). С. 61–75.

Рындина Н.В., Равич И.Г. 2019. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований. М.

Courcier A. 2014. Ancient Metallurgy in the Caucasus From the Sixth to the Third Millennium BCE // Archaeometallurgy in Global Perspective. New York.

Rostovtzeff M. 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford

Мусебли Н. А.

Институт археологии и этнографии НАНА, г. Баку

К ВОПРОСУ О ЛЕЙЛАТЕПЕ-МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

В позднем халколите Южный Кавказ представлял ареал миграционных волн из Северной Месопотамии и Восточной Анатолии (верхний бассейн Евфрата и Тигра). В результате таких миграций в конце V – нач. IV тыс. до н.э. на Южном Кавказе сложилась лейлатепинская, а на Северном Кавказе – майкопская (в нач. IV тыс. до н.э.) халколитические культуры с общими переднеазиатскими корнями. За некоторыми исключениями все памятники лейлатепинской культуры (ЛК) исследованы на территории Азербайджана. Изученные памятники подтверждают, что майкопская культура (МК) возникла на базе традиций лейлатепинской культуры и обе культуры, следует рассматривать как составные части единой культурно-исторической общности.

Обе культуры объединяют схожий погребальный обряд, массовый материал – керамика и металлические изделия.

Структуры подкурганных могил и погребальный обряд ЛК находят близкие параллели в МК. Так, некоторые могильные ямы Союгбулагских курганов обкладывались булыжниками. Подобные обкладки могил Союгбулага находят близкие аналоги и с МК, где некоторые могильные камеры также имели аналогичную каменную обкладку. Дно могильных камер в Союгбулагских курганах №№ 8 и 14 окаймлено узкой канавкой, заполненной рыхлой землей с примесью золы. Принцип подобного обряда известен в МК. В указанных курганах Союгбулагского некрополя человеческие кости обнаружены в углах могильной камеры. Такой же погребальный обряд известен в курганах МК (Кореневский, 2004; Museibli, 2014).

Иногда могильные камеры курганов Союгбулага дополнительной поперечной булыжной выкладкой делились на две или три части, одна из которой больше других (№№ 3, 16, 18). Аналогичный принцип наблюдается в Большом Майкопском кургане, где могильная камера состоит из трех секторов. Здесь выявлены три захоронения, и все они уложены по диагонали могильных камер ногами на север, головой на юг (Пиотровский, 2020). Такой же очень редкий способ захоронения встречается и в Союгбулагском некрополе. Так, в кургане № 1 скелет обнаружен уложенным по диагонали могильной камеры ногами на север. Такая принципиальная схожесть структур могил и способов трупоположения, несомненно, является показателем одинаковых погребальных традиций обеих культур.

Важная роль при изучении связей лейлатепинской и майкопской культур принадлежит основному массовому материалу – керамике (рис. 1, 1-20). Основной особенностью керамики ЛК является изготовление на гончарном круге круглодонных сосудов из глины с растительной примесью (большинство) и редко из чистой глины (около 4 %).

Сосуды из глины с растительной примесью представлены кувшинами, пифосами с воронкообразным венчиком и круглым дном, и мисками разных размеров. Они хорошо обожжены и имеют розовый, красный, иногда желтоватый цвета. Среди общей массы керамического материала этой культуры преобладают керамические изделия данной груп-

пы. Сосуды из чистой глины малых размеров представлены чашами и узкогорлыми кувшинами, цвет в основном, розовый.

Исследователями уже отмечались архаические черты керамики ряда памятников МК. Определенная часть сосудов этих памятников, в том числе Большого Майкопского кургана, как и в ЛК, изготовлены из глины с растительной примесью. Для определения общих и отличительных черт керамического материала лейлатепинской и майкопской культур интерес представляют материалы ряда памятников Северного Кавказа. Среди них можно выделить Большой Майкопский курган, Усть-Джегутинские курганы и поселение, курган Брут-3, поселения Галюгай, Серегинское, Натухаевское, третий горизонт пещеры Мыштулагты-Лагат и др. Технично-типологические показатели керамического материала этих памятников полностью соответствуют данным керамики ЛК. В то же время растительная примесь керамики МК не является массовой, как в лейлатепинской культуре.

Одно из проявлений восточноанатолийских халколитических традиций в керамическом производстве лейлатепинской и майкопской культур – это нанесение различных знаков на сосудах до обжига (рис. 1, 7-8). Эти «знаки гончаров» являются одной из визитных карточек отмеченных археологических культур. Для халколитической керамики других археологических культур этого региона такие знаки не характерны.

Определенную часть керамических изделий памятников ЛК (Лейлатепе, Бююк Кесик-I, Пойлу-II, Галаери и др.) составляют орудия труда и различные предметы бытового назначения: скребки, пряслица, серпы, антропоморфные и зооморфные фигурки, печати, модели колес, «гвозди» и другие. Традиции их изготовления и использования указывают на их связь с Передней Азией (Мусеибли, 2020). Такие же предметы (керамическая ложка, модель колеса и более десяти скребков, изготовленных из фрагментов керамических сосудов) известны из Натухаевского поселения МК (Шишлов и др., 2010).

На Южном Кавказе начало развития металлургии в целом, вне всякого сомнения, связано с ЛК. На памятниках этой культуры выявлены связанные с металлургией орудия труда и печи для плавки металла, а также разнообразные металлические предметы: кинжалы, шилья, украшения и другие.

МК представлена более яркими и богатыми металлическими предметами. Некоторые однотипные предметы из мышьяковистой бронзы, например бесчеренковые кинжалы, найдены в памятниках обеих культур (рис. 1, 21-22). Но до сих пор в памятниках МК не обнаружены находки производства металлических предметов. Не исключено, что именно поселения ареала ЛК были источниками металлургии МК.

Поселения собственно МК (ранний этап) сезонные и толщина слоя на них не превышает 60-70 см. На этих памятниках не обнаружены не только предметы металлопроизводства, но и гончарные печи для обжига керамических сосудов. Все эти факты дают основание предположить, что ранние майкопцы – это часть населения ЛК, занимающиеся подвижным скотоводством, совершавшие периодические походы на Северный Кавказ (Мусеибли, 2020. С. 79, 286).

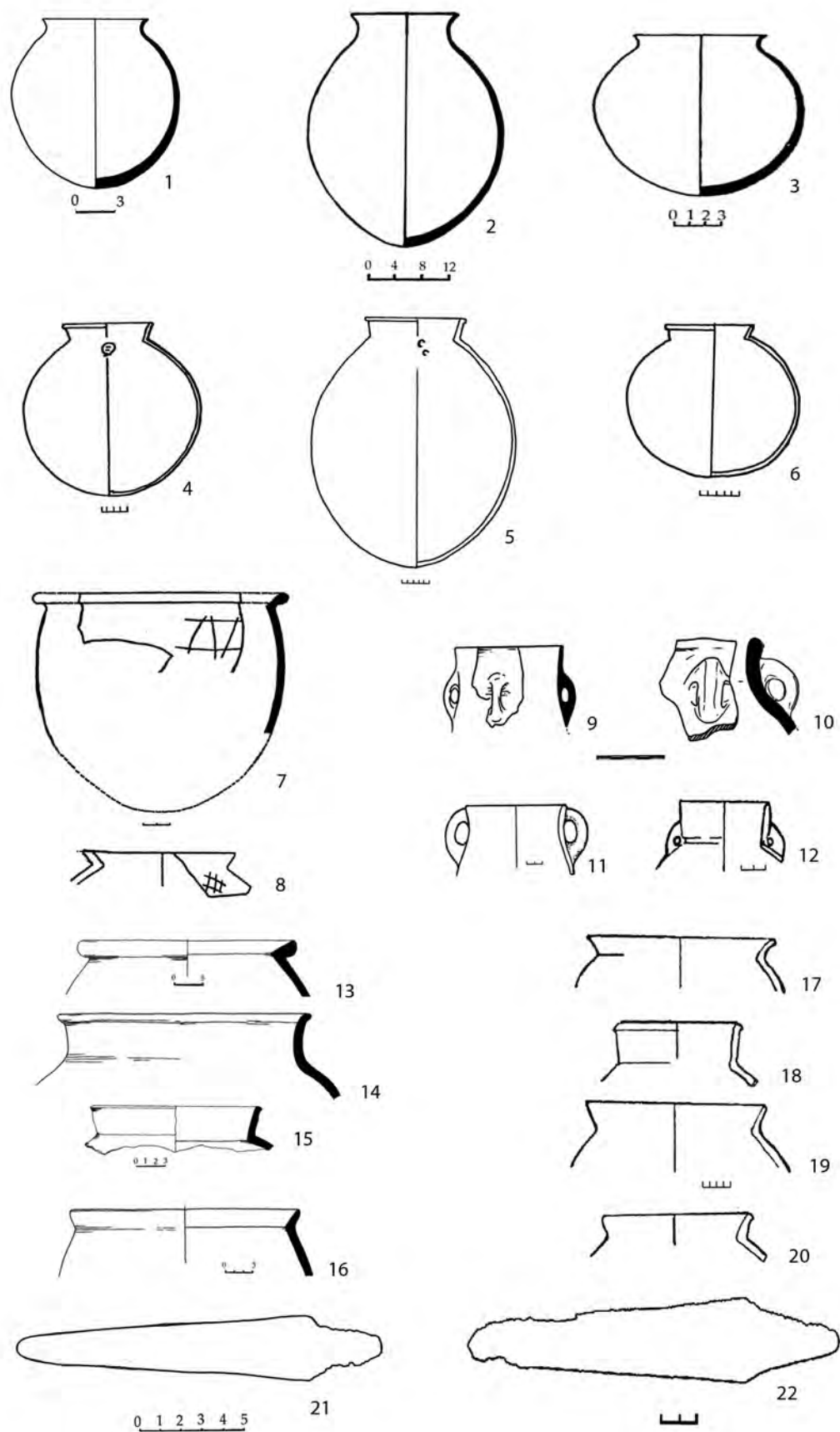

Рис. 1. Предметы лейлатепинской и майкопской культур:
 1-3, 7, 9, 10, 13-16, 21 – лейлатепинская культура;
 4-6, 8, 11, 12, 17-20, 22 – майкопская культура.

В ЛК с оседлым населением известны многочисленные детские погребения. Детские захоронения из майкопских памятников известны в ограниченном количестве, что позволяет предположить, что в походах на Северный Кавказ в основном участвовали взрослые. Тем не менее данное предположение нуждается в более детальном исследовании.

ЛК завершилась в середине IV тыс. до н.э., и исследования пока не подтвердили передачи основных традиций этой культуры последующей куро-аракской культуре. Вероятно, часть населения ЛК вернулась в Переднюю Азию. Не исключено, что в процессе этого появились курганы Се Гирдан близ оз. Урмия.

На данном этапе с уверенностью можно констатировать, что в результате периодических походов на Северный Кавказ лейлатепинцев там возникла МК. Часть населения ЛК осела там и превратилась в майкопцев. В свою очередь майкопская культура в своем дальнейшем развитии, во второй пол. IV тыс. до н.э. трансформируясь, слилась с другими комплексами Северного Кавказа.

Литература

Корневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.

Мусеибли Н. 2020. Лейлатепинская культура. Баку.

Museibli N. 2014. The grave monuments and burial customs of the Leilatepe culture. Баку.

Пиотровский Ю.Ю. 2020. Майкопский курган (Ошад): современный взгляд // *Samera praehistorica*, № 1 (4).

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2010. Исследования поселения Майкопской культуры у ст. Натухаевской // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас.

Ципинов Р. К.

*Управление по охране и использованию
объектов культурного наследия Республики Адыгея, г. Майкоп*

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ. ВЫЗОВЫ. ПРОБЛЕМЫ. ПЕРСПЕКТИВЫ

Республика Адыгея является одним из уникальных регионов Российской Федерации, где сосредоточены памятники археологии всех эпох человечества – от раннего палеолита до позднего средневековья.

В настоящее время на территории Республики Адыгея расположено 4098 объектов культурного наследия. Из них 3796 – это памятники археологии, и это число с каждым годом растёт.

На сегодняшний день общество начало воспринимать культурное наследие как некий экономический ресурс. В средствах массовой информации часто мелькают фразы: «Культурное наследие такой же экономический ресурс, как газ и нефть»; «Культурное наследие такой же ресурс, как природные ресурсы». Это, конечно, хорошо, но в этих высказываниях пугает одно обстоятельство – потребительское отношение общества (в частности российского общества) к культурному наследию. Для того чтобы объекты культурного наследия являлись неким экономическим ресурсом, необходимо, в первую очередь, воспитать культурное общество и изменить его отношение к памятникам истории и культуры.

В целом по этой причине охрана культурного наследия в нашей стране становится все более сложной и острой. Эта проблема требует постоянного внимания. Недаром же говорят, что об уровне развития культуры того или иного народа следует судить по тому, как он относится к своему культурному наследию.

В целом сохранение культурного наследия, в том числе археологического, сопряжено с многочисленными проблемами. К самым широко распространённым проблемам относятся:

1. Финансовые проблемы. Сохранение культурного наследия все чаще упирается в недостаток средств. В Республике Адыгея последние 23 года финансирование мероприятий по сохранению объектов культурного наследия федерального и регионального значения осуществляется исключительно за счёт республиканского бюджета. Даже если выделяемые денежные средства из республиканского бюджета и увеличиваются за последние годы, всё равно в этой сфере до сих пор сохраняются огромные потребности и дефицит. Это связано, главным образом, с возросшей ответственностью за сохранение культурного наследия. На федеральном уровне принимаются нормативные акты, исполнение которых требует значительных финансовых расходов на региональном уровне, вместе с тем в федеральном бюджете не предусматриваются расходы на эти мероприятия. Таким образом, спрос на денежные средства для сохранения объектов культурного наследия растёт быстрее, чем предоставление необходимых финансов государством. В связи с этим на федеральном уровне необходимо принять отдельную программу по сохранению культурного наследия.

Кроме того, следует предусмотреть определенные правила, которые бы стимулировали частные инвестиции в проекты сохранения объектов культурного достояния.

2. Проблемы организационного уровня. Несмотря на рост ответственности за сохранение культурного наследия, всё ещё существуют большие организационные проблемы. За деятельность в сферах планирования, управления и охраны культурного наследия отвечают разные организации и ведомства, но в области координации действий и сотрудничества между ними имеются серьезные проблемы.

3. Проблемы в сферах образования и профессиональной подготовки. Следует признать, что Республика Адыгея испытывает голод в квалифицированных кадрах в сфере сохранения культурного наследия, они есть, но их очень мало. Соответствующие направления образования находятся на неудовлетворительном уровне. Обучение в этой сфере следует начинать уже со школьной скамьи.

4. Проблемы документирования и каталогизации. Адыгея очень богата объектами культурного наследия. Однако до сих пор лишь в немногих районах удалось составить полные инвентарные описи существующих памятников археологии. То же самое относится к документированию и классификации соответствующих данных.

Перспективы сохранения культурного наследия. Для решения вышеуказанных проблем в нашей стране необходимо создать отдельный федеральный орган, который должен координировать всю систему сохранения историко-культурного наследия. Сохранение культурного наследия возможно в первую очередь через изучение, исследование, популяризацию и рациональное использование памятников истории и культуры.

У адыгов говорят: «БлэкЫггэр зымышIэрэм – непэрэм уасэ фишIыщтэп». (Кто не ценит прошлого – не оценит наших дней.)

В рамках программы «Развитие культуры» в настоящее время реализуется подпрограмма «Сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Республики Адыгея», которая предусматривает разработку проектов границ территорий и зон охраны объектов культурного наследия.

В Республике Адыгея очень много внимания уделяется популяризации историко-культурного наследия и главным инициатором в этом направлении является Глава Республики Адыгея М.К. Кумпилов.

На очередном слете талантливой молодежи, который состоялся у подножья горы Фишт в августе 2018 года, Глава Республики Адыгея Мурат Каральбиевич Кумпилов предложил инициативу по созданию волонтерского движения «Сохраним корни».

Главная идея, заложенная в основу проекта, заключается в консолидации усилий общества и власти для сохранения уникальных объектов природы и историко-культурного наследия, в частности самшита колхидского и дольменов (мегалитических сооружений) Северо-Западного Кавказа.

Не зря проект называется «Сохраним корни». Он предполагает масштабную работу, направленную на сохранение и возрождение уникального природного и исторического наследия Адыгеи.

Логотип волонтерского движения представляет собой стилизованное изображение, основанное на элементах традиционного адыгского орнамента и тамговой символики. Верхняя часть логотипа олицетворяет ветви и листья самшита, нижняя часть – корни в форме дольмена.

Усилиями волонтеров устанавливаются информационные надписи, проводится санитарная уборка и расчистка от зарослей объектов культурного наследия, совместно со специалистами проводится мониторинг состояния памятников истории и культуры.

При высоком туристско-рекреационном потенциале региона, развитие туристической отрасли находится лишь на стадии становления. Обладание культурно-историческим и природным наследием – огромное преимущество, которое позволяет развивать как внутренний, так и въездной туризм.

Туризм не только приносит доходы региону, но дает местному населению основание гордиться своим уникальным наследием и предоставляет возможности делиться им с туристами. Если общество будет это учитывать, то сможет создать систему рационального использования уникальных ресурсов для туризма.

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА И ЭПОХИ БРОНЗЫ

Агаларзаде А. М.

Институт археологии и этнографии НАНА, г. Баку

КУРГАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА АЗЕРБАЙДЖАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Одним из регионов, насыщенных курганами периода бронзы и раннего железа, является юго-восточная зона Азербайджанской Республики. Этот регион включает в себя южную часть Муганской степи, прикаспийскую низменность, а также зону Талышских гор. Плодородные равнинные территории и альпийские пастбища Талышских гор создавали благоприятные природно-экономические условия для интенсивного заселения людьми этого региона уже в эпоху ранней бронзы. Основу экономики этого региона в указанный период составляли оседлое земледелие и отгонное скотоводство. Последнее привело к появлению сезонных горных стоянок и разных типов захоронений, в том числе и подкурганых.

В период ранней и средней бронзы основным типом погребений были курганы, а в период поздней бронзы и раннего железа появились погребения в каменных ящиках без курганной насыпи.

Первые курганы периода ранней бронзы с грунтовыми могилами были изучены в Астаринском районе у села Тельманкенд в 1965 г. Эти, имевшие невысокую насыпь, два кургана располагались в равнинной зоне. В результате раскопок кургана № 1 в грунтовой могиле под каменной насыпью были обнаружены керамические фрагменты, в том числе фрагменты так называемой «пачкающей» керамики, наконечники копий и бронзовые топоры. Раскопанный курган № 2 по своей структуре был аналогичен первому. В подкурганной грунтовой могиле также выявлены фрагменты «пачкающей» керамики горшков, кувшинов и чаш. В обоих могилах следы человеческих останков не обнаружены (Махмудов, 2008. С. 38-39).

Следует отметить, что на момент исследования курганов Тельманкенда сведений о наличии курганов аналогичного типа в предгорных и горных зонах Талыша не было. После исследования этих курганов в указанной зоне длительное время раскопки курганов вообще не проводились.

Начавшееся впервые несколько лет тому назад изучение курганов эпохи ранней бронзы на территории высокогорного Ярдымлинского района позволило осуществить сравнительный анализ структуры этих курганных сооружений и полученных артефактов с тельманкендскими, установить их единство и хронологическую общность. Они стали первыми изученными раннебронзовыми курганами в зоне высокогорья. Начиная с 2018 года на высокогорном плато Кюрекчи, где было обнаружено курганное поле, были исследованы четыре курганных захоронения. Курганы горного плато Кюрекчи имеют невысокую каменную насыпь. В исследованных курганах отсутствует единый погребальный обряд. В одном из курганов в могильной камере при полном отсутствии погребального инвентаря обнаружены хаотично расположенные кости человека. В могильной камере двух других курганов погребенный находился в полусогнутом положении на левом боку при наличии могильного инвентаря. В трех исследованных курганах могильные камеры располагались

на глубине 50 см от дневной поверхности и имели слабовыраженные каменные перекрытия. В четвертом из исследованных курганов могильная камера находилась на глубине 1,8 м.

Сравнивая кюрекчинские курганы с тельманкендскими, следует отметить разницу в размерах. В обоих тельманкендских курганах диаметр насыпи составляет 14 м, а в кюрекчинских – всего 5,0 м. К общим элементам можно отнести наличие вокруг могильных камер кладки из булыжников средних размеров и устройство могил в неглубоких ямах.

Исследованные за последние 5 лет курганы периода ранней бронзы в высокогорной зоне позволили собрать и обобщить многочисленный материал, позволяющий реконструировать погребальную обрядность региона в указанный исторический период (Агаларзаде, 2021. С. 390). Исследование этих курганов показало, что, начиная с периода ранней бронзы, скотоводческое население региона приступило к интенсивному освоению высокогорной зоны с ее обширными альпийскими пастбищами. Несомненно, что научный интерес представляет сама структура курганов, обряд захоронения и полученный могильный инвентарь (рис. 1, 1-3). Выявленные в могилах керамика, оружие и украшения указывают на развитие местных ремесел и связей региона с переднеазиатскими центрами.

Погребения периода средней бронзы в регионе исследованы только на Мугани. Указанные захоронения на поселении Аликемектепе периода халколита в Джалилабадском районе являются впускными (Махмудов, 2008. С. 44). Не исключено, что часть выявленных, но еще не исследованных курганов в горной зоне региона относится к периоду средней бронзы.

Довольно распространены в исследуемой зоне и курганы периода поздней бронзы и раннего железа. Десятки таких курганов взяты на учет на Сарыбулагском горном плато Ярдымлинского района. Только в результате исследований, проведенных в 2014 г. на этом плато, выявлены более 30 курганов того периода (Агаларзаде, 2015. Р. 217-218). В последующие годы четыре из них были раскопаны. Хотя в исследованных курганах не зафиксированы следы ингумации, в них выявлен разнообразный могильный инвентарь (рис. 1, 4-9). Вероятно, такая картина связана с наличием локальных особенностей погребального обряда.

Сарыбулагские курганы представляют собой плотные каменные насыпи диаметром 7-8 м. У большинства из них глубина могильной ямы составляет 1,2 м. В курганной насыпи и в могильных камерах обнаружены фрагменты керамики, представленные фрагментами горшков, средних и маленьких кувшинов. Сравнительный анализ керамического материала позволяет датировать данные курганы XI-X вв. до н.э.

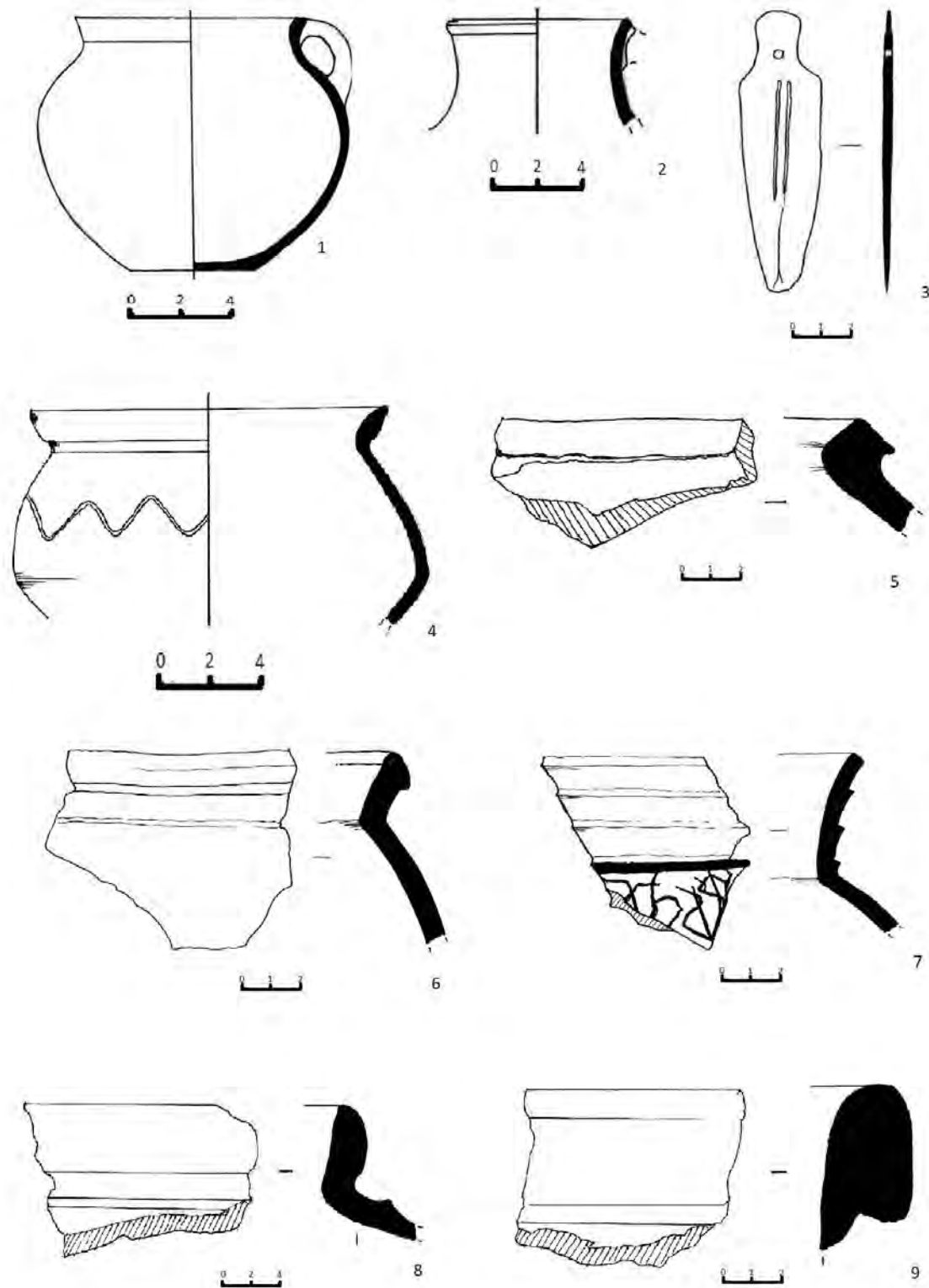

Рис. 1. Погребальный инвентарь из курганов Юго-Восточного Азербайджана эпохи бронзы и раннего железа: 1–3 – могильный инвентарь периода ранней бронзы; 4–9 – керамические сосуды и фрагменты периода поздней бронзы и раннего железа.

Подводя итоги раскопок, можно предположить, что курганные погребения исследуемой зоны периода поздней бронзы и раннего железа более древние, чем погребения в каменных ящиках. Впоследствии сформировался широко распространенный общий тип погребения в виде курганов с каменными ящиками. В качестве примера можно отметить зафиксированный здесь курган с подкурганым каменным ящиком, обрамленный каменным кромлехом. Такой тип курганных захоронений особенно характерен для первых веков I тыс. до н.э. К сожалению, большая часть этих памятников разграблена.

Таким образом, исследования курганов эпохи бронзы и раннего железа в юго-восточном регионе Азербайджана показывают, что начиная с III тыс. до н.э. здесь началось освоение горной зоны, которое во II тыс. до н.э. приняло интенсивный характер. Установлено, что древние скотоводческие племена, освоив обширные плодородные высокогорные пастбища, получили богатую кормовую базу на летний период. Формирование отгонного скотоводства связало низменные и горные регионы. В первом случае окончательно сформировались стационарные поселения, а в горных зонах – сезонные. В обеих зонах погребения осуществлялись в подкурганых могилах.

Литература

Агаларзаде А.М. 2021. Подкурганные захоронения раннего бронзового века горной зоны юго-восточного Азербайджана // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 2.

Махмудов Ф.Р. 2008. Культура юго-восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку.

Aghalarzade A.M. 2015. Late Bronze and Iron Age stone box and kurgan graves of southeast region of Azerbaijan on the basis of materials of Lerik and Yardimli districts. //Abstracts National Congress on Talesh region. 23-25 May 2015. Rezvan Shahr.

Атаев Г. Д.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИННОВАЦИЯХ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ РАВНИННО-ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА

На рубеже раннего и среднего бронзового века (с конца 1-й половины III – и во 2-й половине III тыс. до н.э.) в культурно-историческом развитии Дагестана произошли кардинальные изменения и сдвиги качественного характера. Стабильное развитие местного общества, происходившее более 3-х тысячелетий, было прервано. Произошел закат раннебронзовой куро-араксской культурно-исторической общности и распад культурного единства, сложились археологические образования среднего бронзового века, этнокультурная пестрота. Культурная трансформация первоначально произошла радикально на севере региона, а позже на юге, сопровождалась снижением темпов экономического и культурного развития (Гаджиев, 1991. С. 238-239). Причиной культурной трансформации наряду с природно-климатическими и экономическими является давление степных племен на оседло-земледельческие центры и их инфильтрация на территорию Дагестана.

На территории Центрального Дагестана исследованы поселения Геметюбе-I и Геметюбе-II, грунтовые могильники Карабудахкент-II и Каякент-VI раннего бронзового века, характеризующие северо-восточнокавказскую культуру куро-араксской культурно-исторической общности (Мунчаев, Смирнов, 1958. С. 146–175; Гаджиев, 1991. С. 234-236; Магомедов, 2000. С. 5-19). На поселениях выявлена стратиграфия, позволяющая проследить развитие культуры раннего и начала среднего бронзового века. Она подтвердилась и на других поселениях. М.Г. Гаджиев выделил три этапа функционирования поселений:

1-й – ранний этап эпохи ранней бронзы. Поселения Геметюбе-I, Геметюбе-II с круглыми в плане полуземлянками и круглыми наземными постройками;

2-й этап. Поселение Геметюбе-I (средний слой);

3-й этап. Верхние слои поселения Геметюбе-I (прямоугольные с закругленными углами постройки). Керамика и металл характерны для среднего бронзового века, а аналогии в других памятниках позволили синхронизировать их с беденской, северокавказской культурами (Гаджиев, 1991. С. 234-236; Магомедов, 2000. С. 34–82).

Образования среднего бронзового века Центрального Дагестана: манасская, утамышская, гентальская группы памятников характеризуются совершенно иными традициями и направлениями культурных связей и сохраняют частично преемственную связь с раннебронзовой культурой. Определяющими становятся признаки степных культур: курганный обряд захоронения, формы и орнаменты керамики и металла степного и северокавказского происхождения, каменные топоры, галечниковая и древесно-камышовая подстилка в погребальном обряде, охра в могилах и др. (Мунчаев, Смирнов, 1956. С. 184; Федоров, 1977. С. 22-25; Магомедов, 1977. С. 14-21; Котович, Котович, Магомедов, 1980. С. 47-62). Отмеченные инновации в культуре местного населения во 2-й половине III – начале II тыс. до н.э. свидетельствуют о проникновении сюда степных и северокавказских племен и о их влиянии на материальную культуру.

	керамика	металл	камень	кость	дерево
Памятники эпохи ранней бронзы Центрального Дагестана					
Памятники эпохи средней бронзы Центрального Дагестана					

Рис. 1. Таблица инвентаря памятников раннего и среднего бронзового века
Центрального Дагестана.

Для манасской группы памятников характерны подкурганые катакомбы, грунтовые ямы и каменные гробницы (могильник у ст. Манас), подкурганые каменные ящики (Кяхулай), подкурганые катакомбы и ямы у с. Дешлагар (Мунчаев, Смирнов, 1956. С. 184), подкурганые гробницы (Таулар-гол).

К гентальской группе памятников у с. Кафыр-кумух относятся подкурганые гробницы, перекрытые огромными плитами. Внутри гробниц найдены остатки деревянных колосов, где покоились вытянутые на спине одиночные скелеты. Керамика по форме и орнаментации близка сосудам из Манасских катакомб (Магомедов, 1977. С. 14-21). Интересно подкурганное захоронение в гробнице у с. Кафыр-кумух, совершенное в деревянной повозке – кибитке, от которой сохранились деревянные дуги.

Утамышскую группу памятников характеризуют курганы у с. Утамыш (Котович, Котович, Магомедов, 1980. С. 47-62). Здесь выявлены захоронения в срубках с деревянными повозками с четырьмя колесами и с саркофагами, в которых лежали вытянутые на спине костяки головой на запад.

В конце III тыс. до н.э. племена присулакской культуры (далее ПК) проникают на юг в центральную часть Приморского Дагестана. Об этом говорят следующие памятники: подкурганная гробница Ярти-тюбе, курганы Манаскент (Пярых, Салихов, Шишлина, 1986. С. 5-32), Олелитюбе (Эрлих, Магомедов, 2016. С. 66-68). Определенное время присулакские племена мирно сосуществовали с обитавшими южнее племенами великентской культуры. Со временем многие элементы культуры степного и северокавказского населения исчезают, что свидетельствует об их ассимиляции автохтонным населением. Но позже племена ПК проникают на территорию утамышской группы памятников и великентской культуры. Здесь появляются каменные ящики и конструкции смешанного типа гробница-ящик с одиночными захоронениями, с круглодонными сосудами и двуручными сосудами с горлом в виде раструба и с выпуклым туловом (Каякент, Урцеки 2, Мамайкутан и др.) – инвентарь, характерный для начального периода среднего бронзового века (Магомедов, 1976. С. 100-102; Гаджиев, 1979. С. 42-45). В этих погребениях наряду с двуручными сосудами чаще встречаются керамика с обмазанной поверхностью и изделия из металла, ставшими характерными для каякентско-хорочоевской культуры (далее КХК). Проникновение носителей ПК на территорию великентской культуры и утамышской группы памятников привело к их затуханию.

Здесь отсутствуют катакомбы, вырытые в естественной толще холма, и захоронения в срубках с саркофагами на повозках. Исчезают и погребения, совершенные под курганами. Но повсеместно начинают появляться захоронения в каменных ящиках с индивидуальными захоронениями и с инвентарем, типичным для новой КХК.

Пришлое иноэтническое население сыграло значительную роль в этнокультурных процессах на территории Центрального Дагестана. Впоследствии различия между отдельными группами исчезают в результате ассимиляции пришлых племен местным населением. На это указывают поздние погребения Манасского могильника и появление здесь могильников с захоронениями в каменных ящиках с одиночными погребениями и с инвентарем КХК, свидетельствующие о культурном единстве.

Литература

Гаджиев М.Г. 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.

Гаджиев М.Г. 1979. Отчет о работе Прикаспийской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1977 г. Махачкала, 1979 // РФ ИИАЗ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 600.

Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1980. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.

Магомедов А.Р. 1976. Археологические находки в с. Каякент // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. Вып. VI. Махачкала, 1976.

Магомедов М.Г. 1977. Гробницы эпохи бронзы в урочище Гентал // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.

Магомедов Р.Г. 2000. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала.

Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (Курганная группа у станции Манас) // СА. Вып. XXVI.

Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. 1958. Археологические памятники близ села Карабудахкент (Дагестанская АССР) // Древние племена и народности Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. № 68. М.; Л.

Пярых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И. 1986. Отчет о работах ДАЭ в 1985 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 627. М.

Эрлих В.Р., Магомедов Р.Г. 2016. Курган – святилище эпохи бронзы в Приморском Дагестане // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный.

Бочкарев¹ В. С., Пелих² А. Л.

¹Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

²Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

ПРОУШНЫЕ ТОПОРЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ СРЕДНЕЙ К ПОЗДНЕЙ БРОНЗЕ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

В прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы (далее – ПОММ ПБВ) можно выделить несколько групп проушных топоров.

Основной из этих групп считаются топоры т.н. верхнекубанского типа, выделенного А.А. Иессеном и разделяемого ныне на два варианта – с «легким» телом (А) и с массивным телом (Б) (Иессен, 1951. С. 102-105; Бочкарев, 1996. С. 97. Табл.; Пелих, 2003. С. 62).

Непосредственными предшественниками топоров верхнекубанского типа варианта А с овальной проушиной были подобные топоры с круглой проушиной, известные в Западном Закавказье в Лыхненском и Пицундском кладах, и сочетавшиеся в этих комплексах с топорами «среднебронзовых» форм. Предшественниками массивных топоров варианта Б видятся топоры т.н. балашовского типа.

Балашовский тип (рис. 1, 1) включает топоры, отлитые со стороны обуха, с овальной проушиной, прямым или слегка изогнутым клином и прямым, сравнительно узким лезвием (Климушина, 2019. С. 211-212). Данная характеристика развивает разработки С.Н. Кореневского, выделившего ранее эти топоры в группу 3,1 (тип Лескен) северокавказских среднебронзовых топоров (Кореневский, 1981. С. 32). Культурно-хронологическая позиция этих топоров определяется на основании Балашовского клада, который относится к удобненской хронологической группе ПОММ ПБВ, синхронизируемой с классической сабастиновской культурой (Бочкарев, Пелих, 2008. С. 65).

Намечается связь топоров балашовского типа с несколькими иными типами топоров:

1. Не известные пока на Кубани топоры похожих параметров, но с намечающимся дважды изогнутым туловом (Зажиточное, Заюково). Они занимают как бы промежуточное положение между изделиями балашовского типа с одной стороны и топорами группы «Д» по П.С. Уваровой – с другой (рис. 1, 2).

2. Топор из Краснодарского музея (Иессен, 1951. С. 96-97. Рис. 26, 1) обладает большинством позднебронзовых черт, но в нем заметны такие архаические, «урекские», черты, как удлиненный, свисающий со стороны брюшка и скошенный впереди обух (рис. 1, 3), а форма обуха напоминает топоры бериславского типа.

3. Топоры бериславского типа – группа 2,20 (тип Бериславский) по С.Н. Кореневскому (Кореневский, 1981. С. 32). Всего известно 6 изделий этого типа (рис. 1, 4) с территории Северного Причерноморья, Нижнего Дона и Кубани (Бериславский клад, Засмяно, Краснодарский музей, Самарский клад).

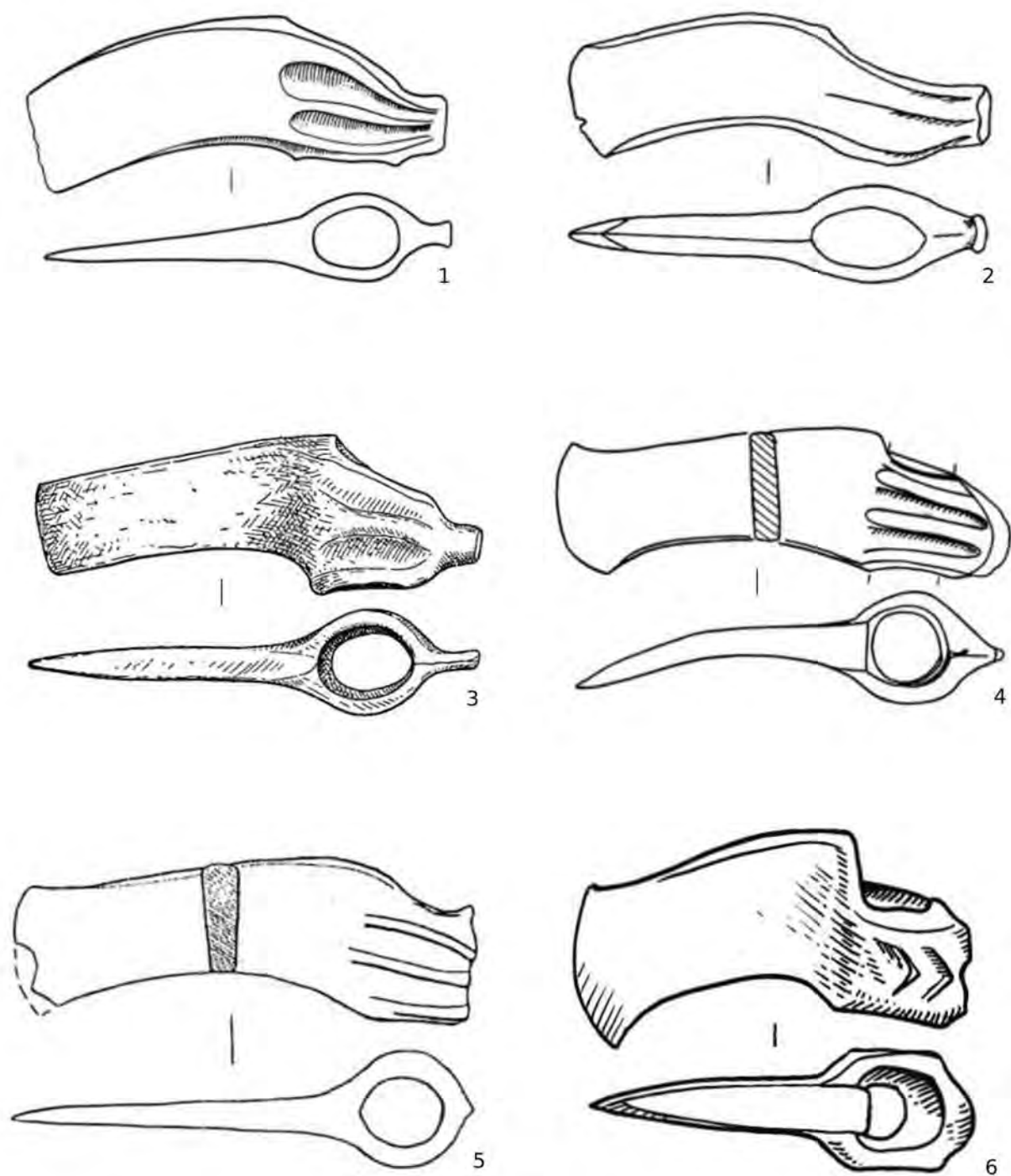

Рис. 1. Проушные топоры: 1. Балашовский клад; 2. с. Зажиточное (по: Черных, 1976); 3. Краснодарский музей (по: Иессен, 1951); 4. с. Засмяно (по: Дергачев, 2011); 5. Ахметовский клад (по: Дергачев, Бочкарев, 2002); 6. Самарский клад (по: Бочкарев, 1972).

Первые два из этих типов, равно как и топоры балашовского и верхнекубанского типа, изготовлены по технологии III, позднего этапа бронзового века юга Восточной Европы, когда проушные топоры отливались в закрытых двухстворчатых формах с литником, расположенном со стороны обуха орудия (Бочкарев, 2019. С. 168-169).

Такое расположение литника логично подразумевало «прямую» форму орудия – вислый обух изготовить было сложно. Поэтому для поздней бронзы оказались востребованы формы орудий, которые продолжали развитие формы среднебронзовых топоров бериславского типа, с прямым обухом и слабой изогнутостью клина. Именно от них начинается линия развития, идущая к верхнекубанским топорам варианта Б.

Кардинальным отличием топоров бериславского типа от более поздних изделий является их производство путем литья в двухстворчатых формах с узким литником, расположенном на «спинке» орудия. Этот принцип литья считается характерным для II, среднего, технологического этапа бронзового века юга Восточной Европы (Бочкарев, 2019. С. 168-169). Ранним признаком также является круглая форма проушины.

Если бериславские топоры находят продолжение в эпоху поздней бронзы, то другая форма изделий, обнаруженная, как и бериславские топоры, с ранними серпами ПОММ ПБВ, дальнейшего развития не получает. Мы имеем в виду топоры т.н. урекского типа (группа 2,19 по С.Н. Кореневскому) – вислообушные топоры с круглой проушиной, удлиненным клином равной либо сужающейся к лезвию ширины, симметрично (вверх и вниз) расширенным лезвием, втулка спереди скошена, клин поставлен под небольшим углом к обуху (рис. 1, 5).

Форма этих топоров с вислым обухом, исходящая из технологии их литья в спинку, перестала быть актуальной и технологически легко достижимой на III, позднем, этапе бронзового века.

Ныне мы имеем данные о не менее чем 32 (33) топорах (целых и фрагментированных) урекского типа с территорий Закавказья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья (Аксаут, Ахметовский клад, Балка Лисовицкого IV, Бериславский клад, Коблевский клад (?), Крыловский клад, Кяфар, Ленино, Лечкоп, Маруха, Нижний Архыз, Новая Водолага, Самарский клад, Ставропольский край, Урекский клад, Уреки – отдельные находки, Хабаз).

Топоры урекского типа по ряду параметров близки топорам т.н. костромского типа, а также с топорами типа Фаскау-5 и типа Фаскау-8 по С.Н. Кореневскому (Кореневский, 1976. С. 18-19; Он же, 1981. С. 28-31). Все эти типы топоров имеют вислый обух, круглую проушину, удлиненный клин.

Характерным признаком именно урекского типа топоров является симметрично расширенное лезвие. Важно, что симметрично расширенное лезвие является также одной из ведущих черт топоров пиленковского и аджарского типов (Куфтин, 1949. С. 231. Рис. 49; Иессен, 1951. С. 80-81. Рис. 2; 4,1), а затем – характерно для колхидо-кобанских бронз. Связь урекских топоров с изделиями пиленковского и аджарского типов можно увидеть также в уступе при переходе проушины к клину, который прослеживается у ряда топоров из Уреки.

Такой уступ есть и у некоторых топоров иных форм, в частности у массивного топора с коротким широким телом из Самарского клада (Бочкарев, 1972. Рис. 1,б). Ведя свое происхождение из Закавказья, топоры с уступом (рис. 1, б) в эпоху поздней бронзы далее не развиваются.

Литература

Бочкарев В.С. 1972. Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл. // КСИА 132. М.

Бочкарев В.С. 1996. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV – I тыс. до н. э. СПб.

Бочкарев В.С. 2019. К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.

Бочкарев В.С., Пелих А.Л. 2008. К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21-25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ.

Иессен А.А. 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА 23. М.-Л.

Климушина А.И. 2019. Об одном типе металлических топоров эпохи бронзы Северного Кавказа // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 15. Саратов.

Корневский С.Н. 1976. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА, № 4. М.

Корневский С.Н. 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.

Куфтин Б.А. 1949. Материалы к археологии Колхиды. Том I. Тбилиси.

Пелих А.Л. 2003. Топоры верхнекубанского типа позднебронзового времени // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск 1. Армавир.

Бурков С. Б.

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

ОСНОВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КИО В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. СУНЖА

Впервые погребения майкопской КИО в среднем течении междуречья Терека и Сунжи были изучены в ходе работ СКАЭ (Е.И. Крупнов, Р.М. Мунчаев) в районе сс. Бамут и Аршты в 1958-1965 гг. Большинство из них являлись одиночными центральными захоронениями для 18 курганов. Судя по опубликованным материалам, кроме 1 случая, они были сооружены в один прием и в 14 случаях состояли из каменных конструкций. Лишь в кургане № 18 были зафиксированы 2 погребения, для каждого из которых были последовательно возведены отдельные насыпи. Наиболее часто встречаемой погребальной конструкцией данного некрополя являются площадки прямоугольной, либо подквадратной формы, выложенные галькой, в некоторых случаях дополнительно укрепленные по периметру невысокими стенками из речных валунов и дерева. Заметно реже зафиксированы ямы прямоугольных очертаний, вырытые в материковом грунте и обложенные по периметру деревом. В отдельных случаях – это захоронения без признаков погребальных конструкций, либо на уровне древней дневной поверхности, слегка заглубленные в грунт. Ориентировки чаще всего – по линии СЗ-ЮВ. Труположение установлено в 14 случаях: 11 – правый, 2 – левый бок. Одно захоронение (курган № 3) было совершенно скорчено на спине, головой на ЮЮЗ, ноги сильно согнуты, что может соответствовать энеолитическим традициям. В кургане № 6 центральное погребение без признаков костяка, но с весомым вещевым сопровождением, было обозначено как «кенотаф». Ориентировки костяков: по 1 случаю – С, СЗ, СВВ, по 2 – В и Ю, и 3 – ЮЗЗ. В погребениях изредка встречены следы охры и угольки. Насыщенность инвентарем различна. Керамика – от 1 до 4 сосудов, в основном – крупных форм типа амфор, миски единичны, в 3 случаях – четырехгранные остря, обозначенные как шилья и в 1 случае – как «штыковидное орудие» (курган № 17). Здесь же найдены и 3 костяных предмета, определенные как «наконечники стрел». Они имеют выраженные «упоры». Среди прочих предметов вооружения – бронзовые клинки, кремневый наконечник стрелы. Украшения – золотые кольца округлой формы, нашивные бляшки, очень редко – бусы из пасты и бронзы. Единичные находки – бронзовые кольца, котел, тесло, каменный и бронзовый топоры. Р.М. Мунчаевым майкопские погребения отнесены к поздней фазе культуры.

В последующем курганные некрополи с погребениями майкопской КИО в изучаемой зоне исследовались В.Б. Виноградовым и С.Н. Савенко (могильник «Бамутский поворот» группы, I-III – 1986 г.) и С.Б. Бурковым (могильники «Орджоникидзевский» – 1988, «Бамутские сады» группы I-III – 1989 г., «Ассиновский» – 1990 г., «Самашкинский» – 1991 г.). В них было изучено 18 курганов с 20 основными погребениями т.н. «галюгаевского» и «долинского» (по С.Н. Кореневскому) типов различного временного диапазона. В 2 случаях погребения в сводку привлечены с известной долей условности.

Формы погребальных сооружений: наиболее часто встречаемы ямы сложной конструкции, многие – с заплечиками, стенки и борта по периметру выложены крупной галькой или речным булыжником. Форма в плане – подпрямоугольная, в 1 случае – неправильно-овальная (п. №13 к. № 6 могильника «Ассиновский»), без выкладки за пределами конструкции. Такое же количество (по 5 случаев) погребений на уровне древнего горизонта, по 4 – ямы в грунте подквадратной формы со следами деревянных конструкций (срубы в яме) и столько же – грунтовых ям без них, выполненных с уровня древнего горизонта, в материке. Галечная вымостка встречена в 1 случае (п. № 8 к. № 3 могильника «Самашкин-

ский)), и в 1 случае (п. № 27 к. № 1 гр. III могильника «Бамутские сады») захоронение было устроено на уровне древнего горизонта, с небольшими выходами гальки из лежащего ниже материкового слоя. В обоих случаях по периметру фиксировались деревянные плахи. Единичен случай нахождения парного захоронения (п. № 21 к. № 14 могильника «Орджоникидзевский»), которое было устроено в курганной насыпи I, без следов погребальной конструкции и выкидов, но являющегося основным для курганной насыпи II. Ориентировки погребальных конструкций: СВ-ЮЗ – 4 случая, ВВЮ-ЗЗС – 2, ССЗ-ВВЮ – 2, СЗ-ЮВ, З-В – по 1. Ориентировки для костяков установлены в 11 случаях, ещё в 2 – реконструированы. Из них на В – 4, Ю – 2, ВВЮ, СВ, ССЗ, З и С – по 1. Для ям погребений, особенно с деревянными конструкциями, характерно ориентирование углами по сторонам света. Преобладающая сторона – В, с различными отклонениями, что свойственно и для ориентировок погребенных. Погребение на правом боку – 6 случаев, левом – 3, вытянуто на спине – 1, и в 1 случае эта поза предполагается, исходя из особенностей погребальной конструкции (п. № 42 к. № 1 гр. I могильника «Бамутский поворот»). Дети и подростки (установлено в 5 случаях) размещались в неглубоких ямах, вырытых в слое древнего горизонта (2 случая), а также на нем (2 случая) и в 1 случае – в крупной яме с деревянными конструкциями. Для первых характерно наличие мисок, для вторых: 1 случай – миска и плоская (лячка?), 1 – 2 сосуда небольших размеров. Погребенный в яме сопровождался двумя крупными сосудами и напутственной пищей (кость животного). Охра, угольки, меловые подсыпки и тлен органического происхождения различных цветов характерны для большинства погребений. Мел и зола встречаются по периметру погребальных конструкций с использованием дерева (могильники «Бамутские сады» и «Ассиновский»). Основной керамический набор – амфоры различных форм, небольшие сосуды типа горшков, в некоторых случаях украшенные сложным прочерченным орнаментом и разнообразными налестками. В основных погребениях в набор входят 2 сосуда. Предметы вооружения – бронзовые черешковые ножи нескольких разновидностей, в двух случаях – в сочетании с костяными остриями (т.н. «костяными наконечниками стрел»), которые, на наш взгляд, являются навершиями церемониальных посохов. В п. № 35 к. № 5 гр. III могильника «Бамутские сады» найдены 3 камня-терочника. В п. № 31 к. № 2 того же могильника на дне из желтой глины – отдельная кость голени, среди камней обкладки стенки ямы – челюсть взрослого мужчины. Подобное же захоронение отдельных костей было зафиксировано в к. № 12 Бамутского курганного могильника (раскопки Р.М. Мунчаева). Важной особенностью наших материалов является наличие двух (для к. №№ 2 и 3 могильника «Самашкинский») и трех (к. № 14 могильника «Орджоникидзевский») основных погребений, которым соответствуют отдельные насыпи. Среди курганов, раскопанных СКАЭ, два основных погребения присутствовали лишь единожды (к. № 18). Совершение в нём второго основного захоронения в виде погребальной площадки, вымощенной галькой и деревянными плахами по периметру, на вершине насыпи I и перекрытой затем насыпью II точно соответствует стратиграфической ситуации для к. № 3 могильника «Самашкинский». Однако в первом случае насыпь была сооружена из булыжника, во втором – из насыпного грунта. Ещё одной важной особенностью основного погребения № 4 к.1 того же могильника является наличие сопутствующих двух захоронений, размещенных сверху на камнях выкладки, окружающей его по периметру (скоренно, левый бок, на СВ). В п. № 2 – кружка-кубок с петлевидной уплощенной в сечении ручкой и округлым дном, фрагмент керамики и кремневое орудие (скребок?).

Культурная атрибуция представляемых погребений – в основном долинский вариант МНО его позднего этапа. Ранний этап МНО с т.н. «галюгаевским» типом керамики представлен п. № 5 к. № 12 и п. № 13 к. № 6 могильника «Ассиновский».

Голованова Л. В., Дороничев В. Б.
АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

ФАЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЭПИПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ГУБСКОГО УЩЕЛЬЯ)

Работа подготовлена по проекту: «Тенденции культурного процесса в позднем плейстоцене на Северо-Западном Кавказе» (грант РФФИ No. 20-18-00060)

1. Новый этап изучения верхнего палеолита (ВП) в Губском ущелье (долина Кубани, Краснодарский край) начался в 2006–2008 гг. (Леонова, 2009). В 2012 г. слои 6 и 7 пещеры Двойная были датированы мезолитом (Леонова, Александрова, 2012). В 2015 г. слой 7 передатирован ВП, а слой 6 остался мезолитическим (Леонова, 2015), хотя дата $11,830 \pm 160$ л.н. после калибрования определяет возраст слоя 6 $13,536–13,986$ л.н. К 2021 г. большая часть отложений как Двойной пещеры, так и навеса Чыгай, за исключением сл. 4/5 Двойной и сл. 5 Чыгая, датируются плейстоценом (табл. 1). «На основании анализа стратиграфии и каменного инвентаря выделено четыре периода заселения ущелья, для каждого из которых присущи определенные набор и формы каменных орудий. Отчасти эти выводы подтверждаются и дополняются материалами навесов Губский-1 (Амирханов, 1986) и Сосруко...» (Леонова, Александрова, 2017). Сегодня ставятся более глобальные задачи: «В настоящий момент необходимо выделение локальных культур и определения их места и взаимосвязи с синхронными культурами сопредельных территорий» (Леонова, 2021. С. 122).

2. В табл. 1, графа 2 дано определение самого раннего этапа (Леонова, 2021а). Сюда включены материалы верхнего слоя ВП Губского н. 1, которые не имеют абсолютных датировок. При сравнении конкретных материалов (графы 4–14) выясняется, что в сл. 14 Чыгая выделены прямоугольники, а в Губском н. 1 геометрические микролиты отсутствуют (Голованова, Дороничев, 2012). Особый упор делается на горбатые острия, однако, во-первых, в Губском н. 1 представлены 2 экз. во фрагментах; во-вторых, морфология этих форм существенно отличается (см. Амирханов, 1986. Рис. 11; Леонова, Александрова, 2012. Рис. 1).

Во второй этап включены материалы сл. 7 пещеры Двойная, в которых присутствуют трапеции, сегменты, треугольники и прямоугольники. Также к этому этапу отнесены материалы Касожской пещеры, где геометрические микролиты не выделены (Голованова, Дороничев, 2012; Golovanova, Doronichev, 2020). Однако исследователи Двойной пещеры исключили геометрические микролиты: «Не исключено, что сегменты и трапеция переотложены из верхних слоев по кротовинам, пятна и полости которых зафиксированы на площади раскопа» (Леонова, 2015. С. 83). Если кротовины зафиксированы и именно из кротовин происходят находки сегментов и трапеций, тогда объяснение переотложением было бы оправданным. В этом случае весь материал из кротовин необходимо исключить из анализа. Однако у автора нет этих данных, она лишь предполагает, что «не исключено...». Объяснение состава индустрий случайным попаданием сверху или снизу – обычный «методический» прием. Попадание, переотложение объясняется не анализом стратиграфии и выявленных нарушений, а просто служит предлогом исключить то, что не соответствует созданной схеме.

К третьей стадии отнесены материалы сл. 6 Двойной пещеры, которые включают трапеции, сегменты, прямоугольники. В материалах сл. М3 Сосруко выделены только сегменты и близкие им треугольники. Существенно отличается состав острий (табл. 1).

Следует заметить, что в Сосруко в слое, датированном ок. 17 т.л.н. (сл. 8, гор. 10, раскопки Л.В. Головановой 2021), найдены трапеции, сегмент, прямоугольник.

Четвертый этап выделен практически только по материалам сл. 4/5 пещеры Двойная, т.к. коллекция сл. 5 Чыгая состоит всего из 57 артефактов, а коллекция слоя М1 Сосруко не изучена подробно (Леонова, 2021б).

3. Как видно из табл. 1, а также табл. 3-38, 3-39, 3-40, 3-41, 3-42 (см. Golovanova, Doronichev, 2020), для индустрий эпипалеолита (ЭП) Северного Кавказа и, в частности, стоянок Губского ущелья характерна пластинчатая технология, которая позволяла получать преимущественно пластинки, пластины и микропластинки менее многочисленны. Выделены симметричные и игловидные острия, острия граветт, микрограветт, вашон и другие единичные формы. Особенно важно наличие острий с боковой выемкой, оформленной крутой лицевой ретушью. Состав микролитов: ППК, ППК с микроскребком, ППК с тронкированием. Материалы включают ретушированные пластины, тронкированные пластины и пластинки, долотовидные, зубчатые и выемчатые орудия. Скребки преимущественно изготовлены на пластинах и пластинках, круглые скребки редки. Резцы немногочисленны, преобладают угловые ретушные, представлены срединные и другие, единичные микро-резцы.

Средняя стадия ЭП на С-3 Кавказе характеризуется появлением широкого ассортимента геометрических микролитов: равнобедренных и асимметричных треугольников, прямоугольников, трапеций, сегментов. Состав и разнообразие геометрических микролитов могли меняться на стоянках в пределах одного культурного ареала. Это хорошо видно в регионах, которые хорошо изучены, где много стоянок разной хозяйственной специализации. Например, в натуфиене, который широко распространен в Леванте, выделены памятники, в которых найдены только лунаты, а также стоянки, в которых лунаты встречаются совместно с прямоугольниками/трапециями и треугольниками (Bar-Yosef, 1970; Weinstein-Evron, 2018).

В позднем ЭП С-3 Кавказа появляются рогатые трапеции и гелуанские сегменты. Эта важная новация отмечается и в Двойной пещере, сл. 4/5. В индустриях рубежа плейстоцена–голоцена (12–10 т.л.н.) прослеживается появление техники ручного отжима (Недомолкин, 2020; Федорова, 2020) на ряде памятников (Мезмайская, сл.1-3, гор.1-2; Сосруко, сл. 4; Двойная, сл. 4/5; Псытуаже, сл. 2).

4. Изучение сырьевых стратегий, и, в частности, поступления обсидиана, на стоянки С-3 Кавказа показывает наличие удаленных контактов между популяциями, занимающими разные географические регионы. В ЭП обсидиан с территории южной Грузии (месторождение Чикиани) транспортируется на С-3 Кавказ, в Мезмайскую пещеру (слой 1-3) на расстояние ок. 450 км по прямой. Наличие контактов между С-3 Кавказом и Приэльбрусьем подтверждается наличием изделий из заюковского обсидиана (ок. 250 км по прямой) в Мезмайской, сл. 1-3; Губском н. 7, гор. 4; Касожской, гор. 2 и 5.

5. Перемещение сырья и технико-типологическая близость каменных индустрий, а также аналогии среди костяных орудий и украшений из зубов копытных и раковин свидетельствуют о наличии активных контактов населения С-3 Кавказа и Приэльбрусья (Golovanova, Doronichev, 2020). Поэтому можем ли мы при появлении новаций в культуре однозначно говорить о миграции населения или речь может идти лишь о «распространении идей» через контакты представителей разных популяций. Кроме антропологических и палеогенетических исследований, хотя эти находки единичны и слабо изучены, необходим детальный анализ каменной и костяной индустрии. Если речь идет о миграции новой популяции, то в материале должны быть выражены технико-типологические отличия новой индустрии от предшествовавшей. В случае же с новациями, которые появляются на рубеже плейстоцена и голоцена на С-3 Кавказе, основной компонент индустрий (преимущественные приемы техники расщепления, острия граветт, микрограветт, вашон, острия с

боковой выемкой, а также формы сегментов, низких трапеций, прямоугольников, типы скребков и резцов) сохраняется. В этот период появляются лишь отдельные технические и типологические новации.

6. Данные, приведенные в табл. 1, не дают оснований для выделения культур по схеме, представленной Е.В. Леоновой (2021а) – см. первые 3 графы. Согласно одному из определений археологической культуры: «это такая совокупность материалов (комплексов и отдельных находок) одного или – чаще – множества памятников, которая с одной стороны характеризуется внутренней однородностью, а с другой – заметно отличается по характеру и составу представленных в ней типов артефактов от комплексов, не включаемых в нее». (Васильев и др., 2007. С. 230). В настоящее время на С-3 Кавказе нет ЭП индустрий, которые заметно отличались бы на фоне других памятников.

7. ЭП комплексы С-3 Кавказа и Приэльбрусья характеризуются, как и ЭП комплексы Ближнего Востока, появлением геометрических микролитов после максимума последнего оледенения. Они развиваются вплоть до начала голоцена, когда появляется ряд новаций. В настоящее время здесь нет оснований выделять материалы, датирующиеся в интервале 11,8–9 т.л.н., (четвертый этап Леоновой; табл. 1) в самостоятельную эпоху – мезолит. По-прежнему остается практически неизученной в этом регионе проблема происхождения производящего хозяйства. На С-3 Кавказе уже ок. 8–8,5 т.л.н. появляется поздний керамический неолит (Голованова и др., 2016).

Литература

Александрова О. И. 2015. Функциональный анализ каменного инвентаря стоянок конца верхнего палеолита и мезолита Губского ущелья. Дис. канд. ист. наук. М.

Амирханов Х.А. 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М.

Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. 2007. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2012. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н.Сорокина. М.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Спасовский Ю.Н. 2016. Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры // РА, №3.

Леонова Е.В. 2009. О хронологии и периодизации позднплейстоценовых – раннеголоценовых памятников Северо-Западного Кавказа (по материалам последних исследований в Губском ущелье) // РА, №4

Леонова Е.В. 2015. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.

Леонова Е.В. 2021а. Проблемы хронологии и культурной дифференциации поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа // Верхний палеолит Европы: время культурных новаций. СПб.

Леонова Е.В. 2021б. Грот Сосруко: ревизия материалов из раскопок С.Н. Замятина и радиоуглеродная хронология верхних слоев каменного века // Camera Praehistorica. № 1.

Леонова Е.В., Александрова О.И. 2012. Динамика культурных процессов в верхнем палеолите – мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам многослойных памятников навес Чыгай и пещера Двойная // Историко – культурное наследие и духовные

ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.

Леонова Е.В., Александрова О.И. 2017. Характеристика каменного инвентаря из раскопок пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе: к вопросу о фациальности // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул.

Недомолкин А.Г. 2020. Технология расщепления каменного сырья в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа. Автореф. канд. ист. наук. М.

Фёдорова А.Ю. 2020. Технология расщепления камня в мезолитических слоях пещеры Двойная // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. Материалы XXXI Крупновских чтений. Махачкала.

Bar-Yosef O. 1970. The Epi-Palaeolithic Cultures of Palestine. Thesis Submitted for the Degree Doctor of Philosophy. Jerusalem.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. 2020. Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago. Newcastle upon Tyne.

Weinstein-Evron M., Yeshurun R., Ashkenazy H., Chasan R., Rosenberg D., Bachrach N., Boaretto E., Caracuta V., Kaufman D. 2018. Deeper in the Natufian Layers of el-Wad Terrace.

Возраст калибр. т.л.н.	Данные по Леоновой, 2021а		Геометрические микролиты						Острия					
	Характерные черты каменной индустрии	Памятники	трапеции	сегменты	треугольники	Прямые угольники	Параллелограмм, квадрат	С боковой емкой	Граветт+ микрограветт	вагон	симметричные	другие	горбатые	Всего острий
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
22,8–20,7	Однопл. нуклеусы, горбатые острия, короткие прямые угольники, МППК/ППК, средние и ретушные резцы	Чыгай с.14 Губский навес 1, с.1	-	-	-	8	-	-	+	+	+	-	+	24*
18,2–15,8	Одно- и двушл. нуклеусы, низкие асимметричные треугольники, разнообразные острия, в т. ч. с боковой выемкой, игловидные, граветт; длинные прямые угольники; ретушные резцы	Двойная сл. 7 Касожская гор. 3	1	3	4	3	-	+	+	+	+	-	-	75
14,4–12,7	Однопл. нуклеусы, сегменты, крупные трапеции с ретуш. основанием, много-выемчатые орудия («лекала»)	Двойная сл. 6 Сосуко сл. М3	9	40	-	3	-	-	+	+	-	-	-	25
11,8–9,0	Однопл. подконические и уплощенные нуклеусы, появление техники отжима, параллелограмма, высокие трапеции, в т. ч. «фогатые», микропластинки со скошенным концом, резцы на сломе	Двойная сл. 4/5 Чыгай сл. 5 Сосуко сл. М1	24	14	1	-	-	-	+	+	+	-	-	44
			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	?
			-	-	-	-	1	-	-	-	-	4	-	?

Таблица 1. Эпипалеолитические стоянки Губского ущелья и навес Сосуко в Приэльбрусье (по: Леонова, 2021а,б; Александрова, 2015, приложение 1, т. 3; Голованова, Дороничев, 2012; Golovanova, Doronichev, 2020).

* Данные известны только для сл. 10-14, по: Александрова, 2015, приложение 1, т. 3.

Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Дороничева Е. В.
АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

СВИДЕТЕЛЬСТВА КОНТАКТОВ С СОСЕДНИМИ РЕГИОНАМИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 20-18-00060

Современные археологические и палеогенетические данные показывают, что в эпоху верхнего палеолита (ВП) северный и южный регионы Кавказа были населены родственными по культуре и происхождению популяциями, и что популяционная история и культурное развитие населения ВП Кавказа отличались от таковых в Европе и на Ближнем Востоке (Golovanova, Doronichev, 2020). Население Кавказской верхнепалеолитической культуры (КВК) пришло на Кавказ с Ближнего Востока около 40 т.л.н. и осваивало этот регион на протяжении последующих как минимум 30 000 лет, демонстрируя специфический, кавказский путь развития.

Некоторые археологические материалы (артефакты из бивня мамонта, галька азуритового песчаника, раковины черноморских морских моллюсков и артефакты из обсидиана) из раскопок слоев раннего (40–30 т.л.н.) и позднего (30–23 т.л.н.) этапов ВП в Мезмайской пещере были изучены для определения характера и масштабов контактов населения КВК на северо-западном Кавказе с соседними регионами (Golovanova et al., 2021).

Наряду с особенностями технологии расщепления камня и производства каменных и костяных орудий, популяции КВК на северном и южном Кавказе демонстрируют схожие сырьевые стратегии. Они были основаны на преимущественном использовании высококачественного каменного сырья (кремня на Большом Кавказе или обсидиана на Малом Кавказе), приносимого из источников с расстояния <50 км, при этом типичная область эксплуатации сырьевых ресурсов для обеспечения жизнедеятельности жилых групп составляла около 100 км от стоянки (Doronicheva et al., 2013; Kandel et al., 2017). Артефакты из более удаленных источников сырья редки на всех стоянках, но они являются свидетельством контактов с соседними регионами.

В Мезмайской пещере, изделия из обсидиана, составляющие от 0.5% до 3.0% всех каменных артефактов, найдены во всех слоях ВП. Анализ источников этого сырья с использованием метода рентгенофлуоресцентной (XRF) спектроскопии показал, что популяция КВК на северо-западном Кавказе имела регулярные контакты с двумя кавказскими регионами, где расположены источники обсидианов из Мезмайской. Это месторождение Заюково в долине р. Баксан в Приэльбрусье на Центральном Кавказе (~250 км по карте к востоку от Мезмайской) и месторождение Чикиани в южной Грузии на Малом Кавказе (~450 км к юго-востоку от Мезмайской). Данные из Мезмайской являются свидетельством самого удаленного транспорта обсидиана на Кавказе. Более того, эти данные указывают на существование обширных социальных сетей, которые обеспечивали регулярные контакты, в том числе транзит обсидианового сырья между популяциями, населявшими соседние регионы в рамках культурного ареала КВК. На Северном Кавказе стоянки КВК прослеживаются от Мезмайской пещеры на нагорье Лагонаки до навеса Сосруко в Приэльбрусье. На Южном Кавказе цепочка стоянок КВК протягивается вдоль Черноморского побережья России в Абхазию и далее, в Западную Грузию и в Армению на Малом Кавказе.

Единственным источником обсидиана, который в настоящее время уверенно определен в слоях ВП в пещерах Бонди и Ортвале Клде, в западной Грузии, является месторождение Чикиани (Pleurdeau et al., 2016). Обе стоянки расположены около 110–120

км к северо-западу от этого месторождения, что составляет около $\frac{1}{4}$ линейного расстояния до Мезмайской пещеры. Данные об источниках изделий из обсидиана для других памятников ВП на этом маршруте пока неизвестны.

Находки в Мезмайской пещере неутилитарных предметов (гальки азуритового песчаника и раковин черноморских морских моллюсков) подтверждают контакты популяции КВК С-3 Кавказа с соседними регионами. Изучение источников азуритового песчаника с использованием рентгеноструктурного (XRD) и микронзондового (EMP) анализов показало, что он происходит с месторождения Тырнауз или Худес, расположенных в Приэльбрусье, неподалеку от месторождения Заюково. Ближайший район Черноморского побережья, откуда черноморские морские раковины могли попасть в Мезмайскую пещеру, расположен всего в 70 км к юго-западу от пещеры. Однако в современном рельефе этот район отделен от Мезмайской несколькими перевалами высотой до 1800 м н.у.м. через Кавказский хребет. В отличие от азуритовой гальки, раковины черноморских моллюсков найдены в разных слоях ВП в Мезмайской пещере. Эта регулярность их поступления на стоянку позволяет предполагать, что они отражают редкие, но постоянные контакты людей из Мезмайской с соседним регионом Черноморского побережья, который был им доступен через среднегорные перевалы западного сегмента Кавказского хребта. Этот район также является участком наиболее вероятного маршрута сети транспортировки/обмена обсидиана из месторождения Чикиани на Северо-Западный Кавказ.

Мезмайская пещера – это единственный памятник ВП на Кавказе, в котором найдены изделия из бивня мамонта. Эти изделия обнаружены только в слоях позднего ВП, которые датируются временем 30–23 т.л.н., и представлены почти исключительно украшениями, которые нами были определены как «нашивки-бусины» (Golovanova et al., 2021). Проведенный сравнительный анализ показывает, что эти изделия не имеют стилистических аналогов среди украшений на других стоянках КВК, но они и стилистически и по материалу изготовления близки украшениям известным на некоторых стоянках ВП на Русской равнине. Отмеченные аналогии изделий из бивня мамонта в Мезмайской пещере позволяют предполагать редкие контакты между населением КВК на Северо-Западном Кавказа с представителями ВП популяций на Русской равнине.

Литература

Doronicheva E.V., M.A. Kulkova, Shackley M.S. 2013. Exploitation of lithic raw material in the Northwestern Caucasus Upper Paleolithic // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 41 (2).

Golovanova L.V., Doronichev V.B. 2020. Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago. Newcastle upon Tyne.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E. V., Sapega V. F., Shackley M.S. 2021. Long-distance contacts and social networks of the Upper Palaeolithic humans in the North-Western Caucasus (on data from Mezmaiskaya Cave, Russia). // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 39.

Kandel A.W., Gasparyan B., Allue E., Bigga G., Bruch A.A., Cullen V.L., Frahm E., Ghukasyan R., Gruwier B., Jabbour F., Miller C.E., Taller A., Vardazaryan V., Vasilyan D., Weissbrod L. 2017. The earliest evidence for Upper Paleolithic occupation in the Armenian Highlands at Aghitu-3 Cave // *Journal of Human Evolution*. Vol. 110.

Pleurdeau D., Moncel M.-H., Pinhasi R., Yeshurun R., Higham T., Agapishvili T., Bokeria M., Muskhelishvili A., Le Bourdonnec F.-X, Nomade S., Poupeau G., Bocherens H., Frouin M., Genty D., Pierre M., Pons-Branchu E., Lordkipanidze D., Tushabramishvili N. 2016 Bondi Cave and the Middle-Upper Palaeolithic transition in western Georgia (south Caucasus) // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 146.

Джигунова Ф. К.¹, Медведева М. В.²

¹Национальный музей Республики Адыгея, г. Майкоп,

²Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

МАЙКОПСКИЕ ДРЕВНОСТИ: АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Академия истории материальной культуры¹, созданная после революции на базе Императорской археологической комиссии, в 1920-1930-е гг. занимала ведущее положение в решении вопросов археологических исследований и сохранении культурно-исторического наследия на территории России. Изучение Кавказа стало одним из основных направлений в работе Академии истории материальной культуры, а комплексная Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК под руководством А.А. Миллера положила начало систематическим исследованиям археологических памятников кавказского региона. Кроме организации собственных экспедиций, Академия курировала и археологические работы местных учреждений. Среди архивных документов небольшую, но важную часть занимают материалы, связанные с изучением древностей г. Майкопа и его округа в 1920-1930-е гг. В них представлены сведения об археологических памятниках вокруг Майкопа, переписка с местным обществом краеведения и материалы поездок члена академии, известного археолога и кавказоведа А.А. Иессена.

В 1926 г. Майкопское общество краеведения прислало в Академию истории материальной культуры копию доклада своего сотрудника В.К. Лакса по изучению археологических памятников в районе станиц Каменноостской, Новосвободной, Баракаевской Майкопского округа (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1926 г. Д. 222). В сообщении дается последовательное описание местоположений, размеров, конструктивных особенностей и предполагаемое количество сохранившихся к тому моменту дольменов в обследованных им местностях. В.К. Лакс с озабоченностью отметил, что многие дольмены имеют свежие следы разломов, поскольку местные жители используют их для получения строительных материалов. Он также зафиксировал холм с несколькими древними зернохранилищами около ст. Новосвободной. Наиболее «богатой дольменами, крепостями, пещерами и курганами» В.К. Лакс определил местность у ст. Баракаевской. Там же, в скалах кряжа у Борисовой Балки, со слов местных кладоискателей, располагалась и главная цель его ученого путешествия – предполагаемое место нахождения «тайника Шамиля». Однако перед прибытием археолога произошло сильное обрушение, все оказалось засыпано камнями, и работы провести не удалось.

Критическое состояние сохранности дольменов у ст. Даховской в середине 1920-х гг. описал и любитель истории И. Гулин. Как и В.К. Лакс, он отметил схожие проблемы охраны этих уникальных археологических объектов, когда местные жители «безжалостно их разбивают на куски» и «употребляют для фундамента под вновь строящиеся дома». В течение четырех лет проживая в ст. Даховской, И. Гулин наблюдал печальную картину разрушения дольменов, местные власти не реагировали на его призывы прекратить это варварство, более того сложилась устойчивая система расценок на «преобразование» древних памятников в строительный камень. Ситуация вынудила обратиться И. Гулина в 1928 г. за содействием в Академию наук, откуда его письмо было перенаправлено в ГАИМК для решения вопросов по сохранению дольменов у ст. Даховской (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 187).

¹ Существовала с 1919 по 1937 гг., до 1926 г. именовалась Российской академией истории материальной культуры (РАИМК), затем – Государственной академией истории материальной культуры (ГАИМК)

В 1927 г. состоялась переписка Академии истории материальной культуры с Майкопским обществом краеведения о хищнических раскопках курганных могильников скифского времени в двух верстах от г. Майкопа на левом берегу р. Белой (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 195). В 1926 г. общество получило сведения, что там, в одном из больших курганов, найден богатый погребальный комплекс, включавший «костяк воина с мечом, костяк ребенка и два кинжала», «лошадь с золотым убором», «жертвенник», «бронзовые подсвечники», «17 золотых женских головок», а в галерее кургана находились «172 костяка лошадей с бронзовым убором». Со слов грабителей удалось составить план кургана с указанием некоторых конструктивных деталей насыпи и мест обнаружение перечисленных находок, этот чертеж сохранился в архивном деле. Члены Майкопского общества краеведов в 1927 г. доследовали траншеей «жалкие остатки» кургана, но никаких выдающихся открытий не сделали. Судьба предметов из грабительских раскопок и из траншеи неизвестна. Исследования велись обществом без открытого листа, по поводу чего Академия направила письмо в Главнауку с просьбой сообщить местным органам о необходимости получения разрешения на разведки и раскопки в Главнауке перед работами, что и было исполнено. Тем не менее, в архив ГАИМК поступил краткий отчет об этих раскопках с несколькими планами и разрезами, также Майкопское общество краеведения просило Академию обратить внимание на археологические памятники Майкопского округа – «чрезвычайно интересные и гибнущие от руки хищников и невежественного населения».

В материалы А.А. Иессена входят документы двух его поездок в Майкоп (1933 и 1935 гг.), по результатам которых каждый раз планировалось начать планомерные археологические исследования региона при активном участии местных организаций. В октябре 1933 г. по пути из Сулакской экспедиции А.А. Иессен заехал в Майкоп и в течение двух недель проводил разведочные работы в его окрестностях, изучая состояние сохранности археологических памятников и выбирая перспективные места дальнейших исследований. Сохранился полевой дневник А.А. Иессена с подробным маршрутом 1933 г., описанием и схематичными планами памятников (урочище «Клады» и городище у ст. Новосвободной, памятники в местностях около ст. Даховской, с. Хамышки, пос. Гузерипля и др.), в процессе обследования он также сделал сорок пять фотографий (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1933 г. Д. 96а; ФО. Отп. О. 928/64-75, О.1005/1-32).

Поездка 1933 г. проходила в рамках работы А.А. Иессен в комиссии металлов при комитете по работам на новостройках ГАИМК, организованном по соглашению с трестами Главзолото и Союзолово для расширения сырьевых источников цветных и драгоценных металлов на Кавказе с использованием исторических и археологических данных (Иессен, 1935). В отсутствие транспорта разведка состоялась только вдоль р. Белой и по известному туристическому маршруту через Псеашхо. А.А. Иессен подробно опросил сотрудников комбината Лабзолото и местных жителей о древних и современных месторождениях металла, о месте расположения известных им памятников, выявил сведения о находках из незаконно раскопанных курганов в дореволюционный период, о возможных признаках наличия культурного слоя в местности, где происходила добыча металла, собрал данные по этнографии черкесов. Он частично опубликовал полученную информацию в «Известиях ГАИМК» (Иессен, 1935; Иессен, Деген-Ковалевский, 1935; Иессен, Пассек, 1935. 162-172), куда совсем не включил фотографии и чертежи. Во время этой поездки А.А. Иессен также установил научные связи с Кавказским государственным заповедником и вместе с его руководством разработал программу и смету для проведения в 1934-1935 гг. совместных масштабных археологических работ по изучению истории заселения края, однако планы остались только на бумаге.

Вторая поездка А.А. Иессена в Майкоп состоялась в 1935 г. из-за сообщения Кавказского государственного заповедника об участившихся случаях незаконных раскопок курганных могильников и находках большого количества древних вещей, среди которых

были монеты, оружие, шлемы, посуда, золотые изделия и другие предметы. По поручению ГАИМК для выяснения изложенных в письме обстоятельств А.А. Иессен в процессе возвращения из Сухумской экспедиции посетил Майкоп. Выяснилось, что работники комбината Азчерзолото по указанию руководства ведут «многочисленные раскопки курганов с целью добычи золота в изделиях» в бассейнах рек Белой, Малой и Большой Лабы, «причем найденное золото предлагается сдавать, а остальные находки выбрасывать». Организовать организованное и целенаправленное разграбление памятников помогло только вмешательство органов НКВД. Сколько курганов было раскопано таким образом при содействии Азчерзолота, и какие вещи были найдены, А.А. Иессену установить не удалось, но, видимо, размах был велик, так как по странному стечению обстоятельств именно в 1935 г. на реке Белой было добыто самое значительное количество золота (Волкодав, 2005. С. 46). По сообщению А.А. Иессена, «ни одна вещь не поступила в Майкопский музей», но часть их «сдана в управление Лабазолота». Впоследствии некоторые замечательные предметы все же пополнили музейные коллекции (Лунин, 1939; Эрлих, 2014. С. 11-12).

По результатам поездки А.А. Иессен обозначил перед Академией «исключительное значение Майкопского района для археологического изучения Северного Кавказа» и вновь поставил вопрос о необходимости срочного принятия мер по охране майкопских археологических памятников и включении в план Северо-Кавказской экспедиции их систематического научного изучения, но его предложения остались тогда нереализованными.

Ценность архивных документов, хранящихся в ИИМК РАН, сложно переоценить. Их отличает тщательность документирования и комплексный подход – в ходе экспедиций исследователи не ограничивались констатацией состояния археологических памятников. В дневниках встречаются описания бытовых ситуаций из жизни адыгов, представителей городской интеллигенции, топографические сведения, информация о деятельности учреждений культуры, природоохранных, промышленных и общественных организаций в эпоху становления Адыгейской автономной области.

Все перечисленные архивные документы из собрания Научного архива ИИМК РАН чрезвычайно важны для восстановления объективной истории изучения культурно-исторического наследия Северного Кавказа, а их полноценное введение в научный оборот уже давно востребовано специалистами.

Литература

Волкодав И.Г. 2005. Золотые россыпи Адыгеи // Вестник Адыгейского Государственного университета, 2005. № 1. С. 46-50.

Иессен А.А. Работы Комиссии металлов (Главзолото и Союзредметразведка). Общий отчет // Известия ГАИМК, Вып. 110. Л., 1935 г. С. 158-162.

Иессен А.А., Дегеном-Ковалевский Б.Е. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Из истории древней металлургии Кавказа. Известия ГАИМК, Вып. 110. Л., 1935 г. С. 7-237.

Иессен А.А., Пассек Т.С. Золото Кавказа // Известия ГАИМК, Вып. 110. Л., 1935 г. С. 162-178.

Лунин Б.А. Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станций Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ, № 3, 1939. С. 210-223.

Эрлих В.Р. при участии Г.Л. Годизова, А.А. Коцевой. Древности «Долины яблонь». Каталог выставки. М. : ГМВ, 2014.

Дмитриев А. В.

Свободный исследователь, г. Новороссийск

«ПОСТДОЛЬМЕННЫЕ ГОРИЗОНТЫ», «ПАЛЕОДОЛЬМЕНЫ» И ИСТОКИ ИХ СТРОИТЕЛЬСТВА

В предыдущих статьях об архитектуре дольменов (Дмитриев, 2020а. С. 108; Дмитриев, 2020б, С.30) поднимались 3 основных вопроса: вид дольмена после окончания его строительства, функциональное назначение и время постройки. Данная работа несколько углубляет эти темы.

Первоначальный вид дольменов – «палеодольмены». В.И. Марковин, обследуя дольмены на р. Кизинке, отметил массу дольменов, погружённых в насыпи или окружённых каменными кладками, но его интересовала только конструкция камеры и её содержимое. Он считал, что после погребения камера покрывалась насыпью. Правда, это противоречило его собственному убеждению, что все дольмены стояли открыто, поражая зрителя своей мощью. Обследовав полторы сотни дольменов, В.И. Марковин не исследовал ни одной насыпи. Это равноценно тому, что, раскапывая курган, археологи расчищали бы только центральное погребение, оставляя остальную часть насыпи нетронутой.

После исследования дольменов В.И. Марковиным, В.А. Трифоновым в Джубге и на р. Жане, а Д.Э. Василенко на г. Некис выявили остатки каменных стен, окружавших камеры с трёх сторон. Аналогичные стены были открыты на р. Озерейке в Архипо-Осиповке у с. Тешебс и в п. Криница (Дмитриев, 2020б. С. 41-45).

Исследование сохранившихся конструкций позволило высказать мнение, что все дольмены не предназначались для захоронений, а строились как храмы или культовые сооружения для сохранения чего-то нематериального (душ, духов). Они не стояли открыто, а были заключены в башнеобразные конструкции параболической в плане формы с параболическим фасадом, на котором была видна только передняя плита камеры с отверстием, торец плиты кровли и иногда боковые порталы (Дмитриев, 2020б. С. 41). Это полностью подтвердил анализ конструкции башни дольмена Псынако, которую В.И. Марковин принял за «толос». Первоначально такая конструкция была названа «дольмен в башне», но в отличие от камер, называемых дольменами, в этой статье такое сооружение будет называться «палеодольменом» (рис. 1, 1).

Перечисленные В.И. Марковиным насыпи на р. Кизинка исследовать уже невозможно, но в районе Крымска и Геленджика сохранились десятки камер, окружённых остатками стен, раскопки которых могли бы подтвердить или опровергнуть выдвинутую теорию. Практикуемые «зачистки» только камер и «притворов» необходимо категорически запретить.

Функциональное назначение «палеодольменов». Предположение, что дольмены строили специально для захоронений, завело археологов в тупик. При исследовании не учитывалось, что диаметр отверстий в передних плитах многих камер мал для акта захоронения (рис. 1, 2). Кроме того, «содержимое» дольменов почти никогда не соответствует стандартам «закрытого» археологического комплекса, т.к. сама конструкция дольменов предполагала их многократное использование, оставляя возможным вторжение в погребальную камеру и после завершения их использования, как и во времена существования «дольменной» культуры, так и много позднее, вплоть до наших дней» (Трифонов и др., 2012. С. 100).

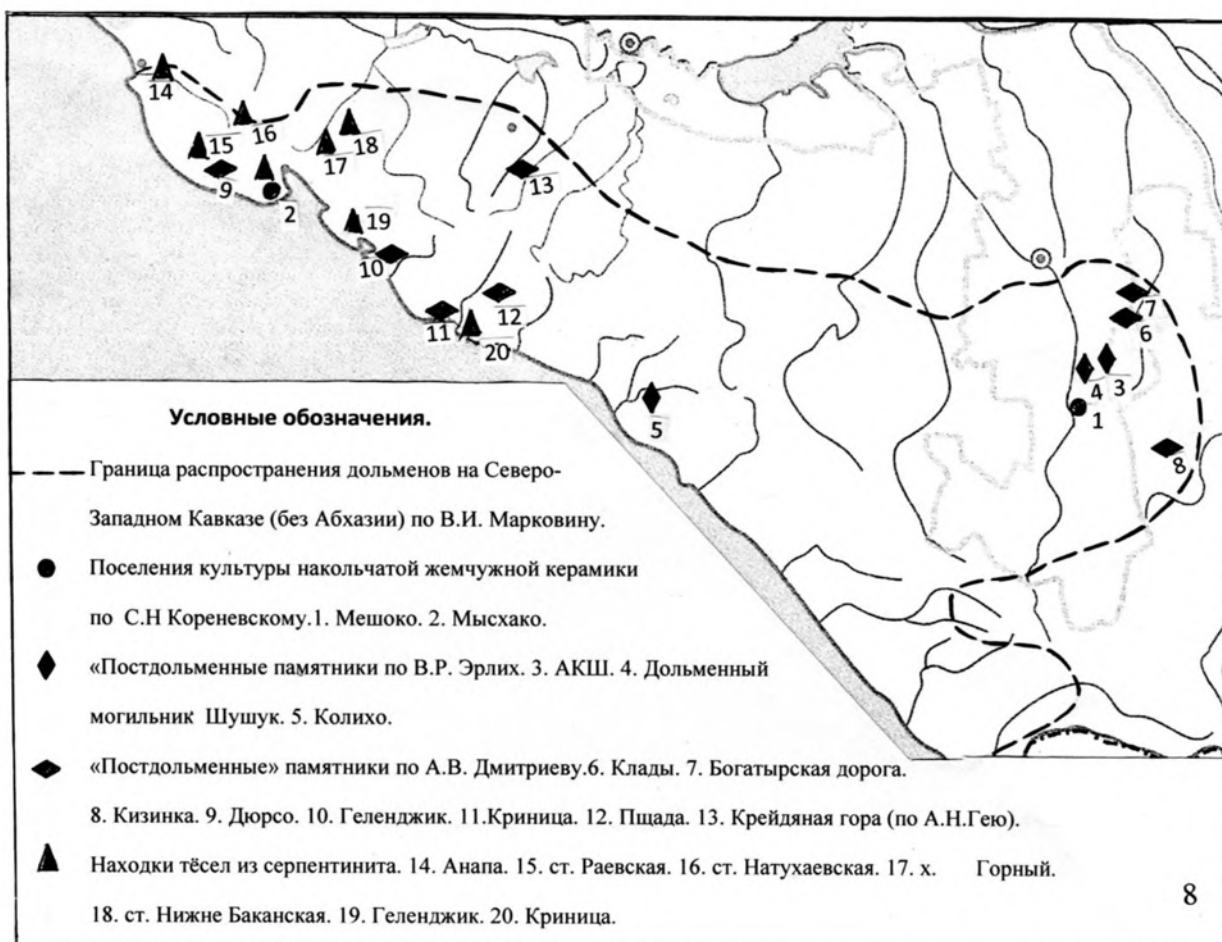

Рис. 1. 1. Палеодольмен (Озерейка) – макет. 2. Малый размер отверстия (Шушук). 3. Типичный вид «постдольменного» памятника (Полковничья щель, р. Джубга). 4. Постдольменный памятник (Геленджик). 5. Вторичное использование камер (Шушук). 6, 7. Тёсла из Криницы и ст. Натухаевской. 8. Схема исследованных «постдольменных» памятников, энеолитических поселений и находок

Археологи не обращали внимание на то, что исследованные дольмены не имели крышек, а в стенах зияли проломы (рис. 1, 3, 4). Даже у «запечатанного» дольмена Колихо не было покровной и половины передней плит, – типичный признак его позднейшего использования. Находки в камерах и перед ними считались равноценными для определения времени строительства дольмена.

Постдольменные горизонты и «постдольменные» памятники. В.И. Марковин полагал, что на всей территории распространения дольменов существовала единая культура дольменов или «дольменная культура», и с этой культурой связывалось всё, что было найдено в камерах дольменов, вокруг них и даже поселения с подобными предметами (Марковин, 1997. С. 389). Эта теория была принята большинством исследователей. М.Б. Рысин назвал культуру, территориально связанную с дольменами, «культурой строителей дольменов» (Рысин, 1997. С. 85).

Исследуя дольмены на р. Шушук, В.Р. Эрлих выделил сначала «постдольменный горизонт» (Эрлих, 2018. С. 7), а затем сделал обобщающий вывод: «проведённые к настоящему времени исследования АКШ (археологический комплекс Шушук) позволяют заключить, что переход к постдольменному обряду начался в предгорьях Северо-Западного Кавказа в СБВ, на рубеже первой второй четверти III тыс. до н.э. **В это время прекращается строительство дольменов, и они начинают разбираться для сооружения новых погребальных конструкций – ящиков-рам, либо используются для вторичных погребений**» (Эрлих и др., 2022) (рис. 1,5).

Под понятием «постдольменные памятники» авторы понимают «все разнообразие погребальных конструкций эпохи средней и поздней бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа с начала вторичного использования дольменов и их фрагментов, то есть памятники, которые оставили *не строители дольменов*»². На приведённой в статье карте кроме АКШ и ряда поселений обозначен дольмен Колихо и могильник Гнюкопсе (Эрлих и др., 2022. Рис. 1).

О «постдольменном» характере памятников могильника Клады уже говорилось (Дмитриев, 2020б. С. 50). Этот «постдольменный горизонт» охватывает период 40-29 в. до н. э. (Кореневский, Резепкин, 2008. С.114). Естественно, что памятники Абинского района (Гей, 2008. С. 296), Геленджикские «подкурганые» дольмены (Аханов, 1961. С. 139-149), дольменные комплексы на р. Озерейке (Дмитриев, 2020б, С.41.) и другие памятники перехода от эпохи бронзы к железному веку и позднее тоже являются «постдольменными» (рис. 1, 8). Говорить о «дольменном» обряде погребения от начала IV тыс. до н.э. до средневековья нет оснований. Следовательно, «дольменная культура» в современном понятии не существовала. Это заставляет снова ставить вопросы о культурной принадлежности этих памятников и «хронологических рамках дольменостроительства» (см. Эрлих и др., 2022).

Время строительства «палеодольменов». Если в период с IV тыс. до н.э. и до средневековья дольмены не строили, а неолитические памятники в рассматриваемом регионе не известны, то истоки строительства «палеодольменов» логичнее всего искать в северокавказском энеолите. Пока в регионе распространения дольменов известно только несколько поселений энеолитической культуры НЖК (накольчатой жемчужной керамики) – Мешоко на востоке и Мысхако на западе (Кореневский, 2008. С.122. Рис. 1) (рис. 1, 8).

Одним из характерных признаков культуры строителей «палеодольменов» могут являться многочисленные находки шлифованных клиновидных тёсел из серпентинита. При раскопках Мешоко в 1963 г. было найдено 236 целых и 586 обломков этих изделий (Мунчаев, 1975. С.208). В музеях Новороссийска, Анапы, Геленджика хранятся десятки

² Выражаю благодарность В.Р. Эрлиху и его соавторам за возможность использования материалов, находящихся в печати.

энеолитических тѣсел и топоров из местных находок (рис. 1, 6, 7). Предметы выполнены из сырья выходов этого минерала в долинах рек Белой, Кише, Бзыхи, Дегуако. Это говорит о широком распространении элементов энеолитической культуры, датируемой 45-40 в. (Корневский. 2008. С. 135.) в зоне обнаружения «палеодольменов».

Поздняя дата НЖК соответствует началу майкопско-новосвободненской общности, которая её «замещает». Это позволяет датировать период строительства и существования «палеодольменов» 45-40 вв. до н.э. Состояние сохранности камер «палеодольменов» на р. Кизинке может говорить о серьёзных геологических катастрофах на рубеже V-IV тыс., нанёсших непоправимый ущерб культуре «палеодольменов» (Дмитриев, 2020б. Рис. 16). Это могло привести к смене культур и населения в регионе.

Литература

- Аханов И.И. 1961. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. № 1.
- Гей А.Н. 2008. Исследования дольменных памятников Западного Кавказа в 2005-2007 гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. М.
- Дмитриев А.В. 2020б. Архитектура дольменов Западного Кавказа. (Размышления на тему) // МИАСК. Вып.18.
- Корневский С.Н. 2008. Поселение энеолитической эпохи Предкавказья Ясенева Поляна и культура накольчатой жемчужной керамики Предкавказья // ПИФК. Вып. XXI.
- Марковин В.И. 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.
- Мунчаев Р.М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Рысин М.Б. 1997. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древнейшие общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб.
- Трифонов В.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Бурова Н.Д., Семенцов А.А. Ришко С.А. 2012. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.
- Эрлих. В.Р. 2018 Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. Вып. 250.
- Эрлих В.Р., Клещенко А.А., Гак Е.И., Годизов Г.Л. 2022. Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы // РА. № 1 (в печати).

Дмитриев В. А.

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ВОЗМОЖНОСТИ ПОИСКА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ РЕАЛИЯМ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ (КУЛЬТУРА АДЫГОВ XVIII-XIX ВВ.)

Сопоставление данных археологии и этнографии рассматривается как одна из возможностей метода реконструкции, в котором этнографические материалы привлекаются для интерпретации информации, полученной из археологических источников. Основную проблему метода составляет правомочность сопоставления информационных блоков археологии и этнографии.

Археология и этнография являются смежными дисциплинами, изучающими локальные культурные общности, но различаются не только методикой сбора и изучения фактов действительности, но и языками описания фактов науки. Поэтому целесообразно сместить проблему интерпретации имеющейся информации на смысловое поле одной из наук, археологии (моделирование некрокультуры по данным, полученным в «живой» культуре) (Корусенко М.А., Полеводов А.В., 2011. С. 343-347) или этнографии (подбор смысловых аналогий) (Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэтнологии, 1989). В данном случае предлагается модель, выполненная в этнографическом походе.

Майкопская культура в этнологическом дискурсе имеет следующие признаки:

- Маркированное памятниками культуры пространство в Предкавказье и предгорьях Северного Кавказа от Таманского полуострова до границ восточной Чечни (Ичкерии) и Дагестана с выходом к Черноморскому побережью;
- Отсутствие в этом пространстве собственно «горских» территорий»;
- Наличие «областей подражания» к северу от основного ареала культуры;
- Земледельчески-скотоводческий характер экономики с креном в стороны скотоводческой составляющей, придомное земледелие мотыжного типа, стойлово-выгонное, пастушеское содержание скота; селекция пород крупного рогатого скота; свиноводство, коневодство, охота как дополнительный промысел;
- Развитие ремесел, особенно керамического и кузнечного с применением других технологий (обработка бронзы); наличие элитарных образцов металлообработки (оружие, посуда, торевтика) и их изъятие для использования в погребальном культе); выделение орудий сакральной власти (скипетры, крюки, вилообразные предметы);
- Наличие колесных повозок;
- Недолговременность поселений;
- Отделение поселений от водных ресурсов;
- Турлучная техника строительства жилищ;
- Социальное расслоение общества и выделение вождежской группы; гигантомания погребального культа вождей;
- Культ быка;
- Участие в дальнем товарообмене и получении элитного импорта;
- Возможно, внешнее происхождение социальной верхушки общества, допустимость происхождения ядра культуры в результате внешней миграции (Майкопская культура ru.wikipedia.org).

Таким образом, аналоги следует искать среди культур сходного экологического и социального типов, безусловно, обходя культуры, прошедшие модернизацию. Опора на этнографические и близко-смежные с ними источники, используемые в этнографии, по-

зволяют вести поиск в пределах позднего Средневековья – перехода к Новому времени. Представляется, что объектом для поиска историко-культурных аналогов могут быть аристократические социумы адыгов времен Великой Черкессии. В этом случае, наблюдаются следующие феномены культуры, вызывающие ассоциации с отмеченными выше:

- Территория Великой Черкессии простиралась от низовьев Кубани и Таманского полуострова до среднего течения Терека, включая на основе вассалитета земли с разноэтничным населением, объединенные принципами вассалитета династии Иналидов, имевших домены в Кабарде (Озова, 2013);

- Культурное влияние Черкессии распространялось на степные районы Предкавказья, присутствие групп адыгского населения в Средние века допускалось к северу вплоть до Среднего Поднепровья (ареал хоронима «черкас») (Горленко, 1982. С. 96-106);

- Территории т.н. «аристократических племен» располагались на переходе от равнин к предгорьям, что создавало базис скотоводчески-земледельческого хозяйства, основанного на возделывании проса и разведении крупного и мелкого рогатого скота, с уклоном в разведение крупного скота местной породы; господствовал пастушеский тип стойлово-выгонного содержания скота, развивающийся здесь, очевидно, с эпохи палеометалла; отгонное овцеводство частично сохраняло формы, не использовавшие летние высокогорные пастбища (Гарданов, 1967. С. 61-122); для создания аналогий не привлекается материал по Западной Черкессии (горные Закубанье и Причерноморье (Жанэ), ареал «демократических» социумов/абазино-адыгское пограничье), так как господствовавшая там экономика «лесо-хлебной системы» (Клинген, 1897) предполагала иной путь культурогенеза;

- Данный тип хозяйства способствовал созданию экономики вотчинного типа (Кажаров, 1993), дававшей достаточно высокую норму прибыли, которая слабо использовалась в обмене между феодальными хозяйствами в силу эквивалентности производства основного продукта и могла быть направлена на получение товаров из внешнего рынка или на удовлетворение престижных потребностей феодальной верхушки; у непосредственного производителя продукт изымался внеэкономическими приемами, включая силовые; одним из промыслов вотчинной экономики была работоторговля;

- Вотчинная экономика стимулировала развитие ряда ремесел и промыслов, ориентированных на удовлетворение потребностей социальных верхов и внешнеэкономический обмен (производство оружия, конской экипировки и седел, ювелирное дело);

- Вотчинной экономике в форме феодальной Великой Черкессии сопутствовали военнизированность быта, наездничество как прием организации экономических и общественных отношений и организации общего пространства политий, в первую очередь «аристократических» социумов (темиргоевцы, бесленеевцы, кабардинцы и ряд небольших социумов);

- Одним из признаков «аристократических» социумов было наличие княжеской верхушки (*пши*), особо и различными способами отделенной от остальной части социума при общем разделении всех адыгских социумов на дворянскую и крестьянскую части, усложнение социальной организации феодального *уорках первой степени*; *пши* и *первостепенные уорки* не только пользовались особыми правами, но и имели возможность использовать большую часть общественного продукта на престижные цели;

- Исторические и народные предания отмечают инородное происхождение сословия *пши* (Ногмов, 1947. С. 45-66);

- Сложение Великой Черкессии было реакцией на необходимость поддержания функционирования северокавказской трассы торговых связей в условиях прекращения действия Великого шелкового пути на Кавказе в XVI-XVII вв. (Дмитриев, 2017. С. 48-60);

• Культура жизнеобеспечения «аристократических» социумов сформировалась с определенными деформациями, в частности, отличалась недолговременностью поселений и примитивизацией конструкции жилища, и его низкой комфортностью; дом с турлучными стенами не эволюционировал до эпохи современности (Кобычев, 1982); в целом деформация сферы удовлетворения витальных потребностей сосуществовала с поддержанием высокого уровня аристократизма в культуре экономике престижа.

Суммируя отмеченное, предполагается, что поиск этнографических аналогий для реалий майкопской культуры целесообразен на основе модели вотчинной экономики и общества с выделением племенной аристократии.

Литература

Гарданов В.К. 1967. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.

Горленко В.Ф. 1982. Об этнониме «черкасы» в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в. // Советская этнография. № 3.

Дмитриев В.А. 2017. Влияние торговли на специфику культуры горцев Северного Кавказа // Музей, традиции, этничность. № 1 (9). СПб.

Кажаров В.Х. 1993. Адыгская вотчина: к проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик.

Клингген И.Н. 1897. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб.

Кобычев В.П. 1982. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М.

Корусенко М.А., Полеводов А.В. 2011. Некросфера вещи: к содержанию понятия // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сборник научных трудов. Омск.

Майкопская культура ru.wikipedia.org (дата входа 30.09. 2021).

Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэтнологии. 1989. Новосибирск.

Ногмов Ш.Б. 1947. История адыгейского народа. Нальчик.

Озова Ф.А. 2013. Очерки политической истории Черкесии. Пятигорск – Черкесск.

Дороничева Е. В.

АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

ЗАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО СКЛОНА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В ПАЛЕОЛИТЕ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

Работа подготовлена при поддержке РНФ, грант № 17-78-20082

Центральный Кавказ занимает ключевую географическую позицию для изучения взаимодействия разных культурных традиций в древности. К сожалению, на сегодняшний день этот регион остается малоизученным в плане древнейшего заселения в эпоху палеолита.

Свидетельство заселения человеком Центрального Кавказа в раннем палеолите зафиксировано пока только в пещере Мыштулагты Лагат (пещера Ласок) в Северной Осетии. По мнению исследователя этой стоянки Н.И. Гиджрати, слои 22-36 можно предварительно датировать эпохой ашеля – от 250 до 400 тыс.л.н. (Hidjrati et al., 2003).

Стоянки среднего палеолита представлены, в основном, сборами на местонахождениях, стратифицированных стоянки только две – это пещера Ласок (Мыштулагты Лагат) в Северной Осетии и грот Сарадж-Чуко в Кабардино-Балкарии.

Верхняя группа пещеры Ласок (Мыштулагты Лагат) (слои 5-11) содержит типично мустьерские, непластинчатые, нелеваллуазские индустрии (Гиджрати, 1987; Hidjrati et al., 2003). Средняя группа (слои 12-21) датируется исследователем от 70 до 250 тыс.л.н. Согласно Н.И. Гиджрати, здесь представлено зубчатое леваллуазское мустье с леваллуазскими орудиями на пластинах, включая леваллуазские острия. По мнению других исследователей (Голованова, Дороничев, 2005; Golovanova, 2015), в слоях 12-14 представлены леваллуазские, пластинчатые индустрии, которые находят аналогии в индустриях загросского мустье на Восточном Кавказе.

В 2016 г. была открыта первая стратифицированная стоянка среднего палеолита в Кабардино-Балкарии, в Приэльбрусье, грот Сарадж-Чуко (Doronicheva et al., 2017; Дороничева и др., 2020). Стоянка среднего палеолита в гроте Сарадж-Чуко является не только свидетельством самого раннего заселения людьми региона Приэльбрусья, но она также является ярким доказательством продвижения носителей загросского мустье с территории Юго-Восточного Кавказа в западный район Центрального Кавказа. Также в гроте Сарадж-Чуко представлены единственные известные на Северном Кавказе мустьерские обсидиановые индустрии – более 90% изделий во всех слоях среднего палеолита (слои 6В, 6А и 3 – снизу вверх) сделаны из этого вулканического сырья.

В результате работ 2021 г. нами было открыто новое местонахождение среднего палеолита в Кабардино-Балкарии, в 22 км к юго-юго-западу по прямой по карте от г. Нальчик. В русле небольшого безымянного ручья, впадающего в подземную пещеру Су-Акан, были найдены каменные артефакты, датированные средним палеолитом. Выявленное местонахождение получило название Хумалан. Площадь распространения материала – ок. 200 м. Абсолютная высота над уровнем моря – 1400 м. Местонахождение Хумалан представляет собой остатки разрушенной стоянки эпохи среднего палеолита. Определить точное место первичного залегания артефактов не удалось.

Стоянок верхнего палеолита возрастом до максимума последнего оледенения на северном склоне Центрального Кавказа пока не известно. Хотя, по данным геоархеологических исследований, обсидиан из месторождения ок. Заюково поступал в слои верхнего палеолита (1С-1А) в Мезмайскую пещеру, на Северо-Западный Кавказ. Однако поселений этого периода рядом с источниками обсидиана пока не обнаружено.

На сегодняшний день в Приэльбрусье известны три основные стратифицированные эпилеолитические стоянки (17/18-10/11 тыс.л.н.). Грот Сосруко расположен на правом берегу р. Баксан (Замятнин, Акритас, 1957). Раскопки, проведенные в 1954-1957 гг., вскрыли отложения мощностью 12,5 м, в стратиграфической колонке выделено 7 культурных слоев, большинство которых были отнесены к мезолиту, а нижний слой датирован верхним палеолитом. В 2017 г. раскопки этого памятника были возобновлены Северо-Кавказской палеолитической экспедицией под руководством к.и.н. Л.В. Головановой. По результатам раскопок 2017-2019, 2021 гг. получены новые данные (Голованова и др., 2019; Golovanova et al., 2020). Средняя часть отложений, датированная ранее мезолитом (соответствует слою М4 С.Н.Замятнина), получила серию радиоуглеродных датировок в интервале 16–13 тыс.л.н. Состав изделий находит полные аналогии в эпилеолитических индустриях Северо-Западного Кавказа (Golovanova et al., 2020).

Навес Бадыноко, расположенный на левом берегу р. Баксан, был исследован только в 2004 г. Часть памятника разрушена при строительстве дороги. Зачистка и раскопки выявили три слоя с каменными изделиями. Индустрии навеса Бадыноко относятся к широкому кругу эпилеолитических памятников Кавказа. Судя по калиброванным датам, нижние горизонты слоя 7 датируют около 17-14 тыс.л.н. (Селецкий и др., 2017).

Навес Псытуаже был открыт в 2018 г. (Doronicheva et al., 2020). Предварительные исследования (2019-2021 гг.) позволяют говорить, что материалы слоя 2 навеса Псытуаже могут датироваться возрастом 11-13 тыс.л.н. Техничко-типологические характеристики материала из слоя 2 навеса Псытуаже вполне согласуются с его эпилеолитическим возрастом. Проведенные исследования показывают, что в слое 2 навеса Псытуаже сохранилась стоянка активного обитания.

В период после максимума последнего оледенения на территории северного склона Центрального Кавказа были распространены индустрии, которые имеют широкие аналогии на эпилеолитических стоянках Кавказа.

Литература

Гиджрати Н.И. 1987. К проблеме интерпретации нижнепалеолитических отложений пещеры Ласок (Мыштулагты лагат) в Северной Осетии // Проблемы интерпретации археологических источников. Сборник научных трудов. Орджоникидзе.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5. №5.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В. 2019. Новые данные по палеолиту Приэльбрусья. Российская Археология. № 2.

Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Мурый А.А., Поплевко Г.Н., Иванов В.В., Корзинова А.С., Цельмович В.А., Блэквелл Б.А.Б., Кази М.Ф., Хуанг К.Л.К., Сингх И.К.С., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Шекли М.С., Спасовский Ю.Н. 2020. Грот Сарадж-Чуко в Приэльбрусье (результаты междисциплинарных исследований 2017-2019 гг.). Санкт-Петербург.

Замятнин С. Н., Акритас П.Г. 1957. Раскопки грота Сосруко в 1955 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. XIII. Нальчик

Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер кызы С. 2017. Эпилеолитические комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье). // Вестник Томского государственного университета. № 418.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Shackley M.S. 2017. The first Middle Paleolithic site exhibiting obsidian industry on the northern slopes of the Central Caucasus. *Antiquity*. 91 (359).

Doronicheva E., Golovanova L., Doronichev V., Nedomolkin A., Shirobokov I., Shackley S.M., Petrov A., Maksimov F. 2020. Psytuaje rockshelter – A new site documenting the final of the Epipalaeolithic in the north-central Caucasus, *Russia Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 29.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V., Tregub T.F., Volkov M.A., Spasovskiy Yu.N., Petrov A. Yu., Maksimov F.E., Nedomolkin A.G. 2020. Dynamique du climat et du peuplement du Nord-Central du Caucase au tournant du Pléistocène et de l'Holocène. *L'Anthropologie*. Vol. 124. Iss. 2.

Hidjrati N.I., Kimball L.R., Koetje T. 2003. Middle and Late Pleistocene investigations of Myshtulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia. *Antiquity*. 2003. V. 77, № 298.

Ильюков Л. С.

Южный научный центр, г. Ростов-на-Дону

ВЫТЯНУТЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО (КОНСТАНТИНОВСКОГО) ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕМ ДОНУ¹

На территории Нижнего Подонья в конце IV – начале III тыс. до н.э. распространяются памятники константиновской культуры, в судьбе которой особую роль сыграли «колонисты» Северного Кавказа. Выходцы из Северного Кавказа с высокоразвитыми культурными традициями оказали заметное влияние на местное население донских степей.

В последнее время появились новые археологические источники, которые позволяют затронуть ряд вопросов, связанных с наследием константиновской культуры. Небольшая выборка донских погребальных памятников красноречиво свидетельствует о сложных процессах культурогенеза в донских степях.

Ростов-на-Дону. Могильник «Вертолетное поле». Курган 1. (Раскопки В.Г. Житникова, 1998) (Курганные погребения... С. 49. Рис. 31). Под насыпью прослежен подпрямоугольный ровик, впущенный с уровня древнего горизонта. Его длина – более 14 м. Он опоясывал площадку, на которой находилось основное погр. 11 и погр. 12, совершенное в прямоугольной яме (0,9x0,5 м), засыпанной охрой. В ней находились семь черепов взрослых и детей со следами трепанаций, сложенные в два ряда вдоль длинных стен ямы. Между человеческими костями найдены длинные кости человеческих скелетов. Инвентарь отсутствовал. В заполнении ямы найдены отдельные кости быка. На этой площадке, очерченной ровом, располагался каменный кромлех диаметром 11 м, который ограждал первоначальную насыпь.

Погр. 7 (гл. – 3,16 м). Кости ног погребенного в погр. 7 перекрывали яму погр. 8, в которой находился вытянутый скелет. Форма могильной ямы погр.7 не прослежена. Сохранилась только северная половина костяка. Судя по ней, умерший был похоронен на спине, головой ориентирован на СЗ. Локоть правой руки выставлен в сторону. Его правая нога была полусогнута в колене, лежала на боку. По-видимому, ноги распались или были уложены в виде ромба. В изголовье найдена глубокая красноглиняная круглодонная неорнаментированная миска с резко отогнутым горлом. Керамическое тесто без примеси. Ее высота – около 8 см, диаметр тулова – 14 см. Аналогичная керамика известна в памятниках константиновской культуры. Рядом с миской найдено бронзовое тесло трапецевидной формы высотой – 8,3 см и серебряное колечко диаметром 2,2 см.

Ростов-на-Дону. Ст. Нижне-Гниловская. Курган 1. (Раскопки П.А. Ларенка, 1998) (Курганные погребения... С. 52–54. Рис. 33) Кромлех из плит, установленных на торце на древнем горизонте, имел диаметр около 8 м. Он окружал основное погребение. В районе кромлеха найдено несколько фрагментов керамики с ракушечной примесью.

Погр. 1 Основное (гл. – 0,78-0,85 м). По-видимому, прямоугольная могильная яма, ориентированная длинной осью по линии В-3, имела заплечики, на которых лежало продольное перекрытие из бревен вяза. Ниже заплечиков глубина ямы – 0,15 м. Ее размеры по дну – 2,5x1,4 м. На ее дне лежал скелет взрослого человека, похороненный на спине вытянуто, головой на В. Его руки вытянуты вдоль туловища. Под скелетом прослежен тлен от многослойной подстилки, местами «прошитой» ярко-малиновой краской. Ее перекрывал тлен от камыша. На правом виске обнаружена серебряная подвеска их круглой

¹ Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени № темы: 00-20-15, № гр 01201354248, направление 186 ПФНИ РАН на 2021 г.

проволами. У изголовья стоял круглодонный красноглиняный сосуд с шаровидным туловом и резко отогнутым горлом. Его поверхность лощеная, тесто без примеси. Высота сосуда – 11 см, диаметр устья – 10,5 см. У левого плеча обнаружен кремневый пластинчатый скол длиной 8,5 см, а у левого локтя – флажковидный кремневый наконечник стрелы. У правого локтя находилось бронзовое тесло трапецевидной формы длиной 9,5 см.

Веселый I. Курган 1, погр. 17. (Раскопки Ю.К. Гугуева, 2018) (Кияшко А.В. 2019. Прим. 1. Рис. 2, 2)

Погр. 17 перекрыло основное погр.19, в котором умерший был похоронен скорченно на левом боку, головой ориентирован на СВ, его кисти рук сложены у лица. В погр. 17 могильная яма имела прямоугольную форму (2,3x1,5 м), длинной осью ориентирована по линии СВВ-ЮЗЗ. Она имела продольное плашковое перекрытие. На ее дне лежал скелет мужчины (?) старше 45 лет. Умерший был похоронен на спине вытянуто, головой на ВЮВ. Его руки раскинуты по сторонам туловища. По дну отмечены пятна красно-коричневого тлена. В заполнении ямы найден фрагмент черно-серого горшка с прямым горлом высотой около 4 см, поверхность сосуда была расчесана гребенкой, тесто с примесью ракушки. Кроме того, в погребении обнаружены три фрагмента стенок от крупного сосуда оранжево-красного цвета, тесто без примеси (Кияшко А.В. 2019. Рис.2, 7,8). Судя по керамическому тесту, сосуд относился к константиновской группе.

В Ростове-на-Дону, в низовьях р. Темерник, впадающей в Дон, на пересечении улиц Станиславского и Островского во время реконструкции трамвайного полотна были обнаружены остатки погребения, едва углубленного в материк (раскопки А.А. Нечипорук, 2017). (Доклад А.А. Нечипорука на XIV Архсреде в ЮФУ в 2019 г.)

Форма могильной ямы не прослежена. На ее дне лежал скелет взрослого человека. Умерший бы похоронен на спине вытянуто, головой ориентирован на СВ. Руки протянуты вдоль туловища. Около правого плеча стоял светло-коричневый тонкостенный сосуд с высоким прямым горлом и отогнутым венчиком. Горло резко отогнуто от выпуклых плечиков. К основанию горла симметрично были прилеплены два вертикальных ушка с поперечным отверстием для подвешивания. Поверхность сосуда лощеная, керамическое тесто без примеси. Высота сосуда – 8,5 см, диаметр устья – 6,7 см, диаметр тулова – 9 см, диаметр дна – около 3 см. По форме и тесту сосуд относится к константиновскому типу.

Эти редкие погребения с вытянутыми костяками сопровождала выразительная высококачественная посуда, которая находит аналогии в третьей группе керамики Константиновского поселения.

Небольшая выборка из подкурганых погребений на Нижнем Дону красноречиво свидетельствует о сложном процессе культуругенеза на заре эпохи раннего металла. Появившиеся в донских степях племена майкопской культуры не только принесли в донские степи более развитые традиции, но и оказали заметное влияние на трансформацию степной культуры, которая следовала среднестоговским степным традициям (Ильюков, 1994). В результате взаимодействия двух культурных традиций на Нижнем Дону складывается константиновская культура. Одним из ее форпостов являлось Константиновское поселение, открытое и исследованное В.Я. Кияшко на окраине г. Константиновска в Ростовской области. Индикатором ранней группы погребений является керамика, выполненная из хорошо отмученного керамического теста. Она находит многочисленные аналогии среди импортной посуды майкопского типа на территории Нижнего Дона. К ней можно добавить предметы вооружения и украшения.

Константиновская культура являлась синкретической культурой. В ней сочетались степные и кавказские признаки (Кияшко, 1994). Если в степи традиционным было положение умершего на спине с подогнутыми в коленях ногами, то для пришлого населения (кавказского) была характерна традиция укладывать умершего в скорченном виде на боку. Памятники гибридного типа были отнесены А.В. Файфертом к константиновской культу-

ре. Среди них в особую группу следует относить погребения с вытянутым труположением, которые сопровождались не только импортной, кавказской керамикой. Вероятно, в них можно видеть признаки нового культурного феномена. Зародившись в экстремальных условиях, культурные новации быстро распространились в предгорьях Северного Кавказа. На смену майкопско-новосвободненской общности Северного Кавказа появились памятники, которые были выделены в северокавказскую культурную общность, которая испытывала сильное степное влияние.

Литература

Ильюков Л.С. 1994. К вопросу о кенотафах эпохи энеолита // *Донские древности*. Вып. 2. Азов.

Кияшко В.Я. 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы // *Автореферат канд. ист. наук*. М.

Кияшко В.Я. 1994. Между камней и бронзой // *Донские древности*. Вып. 3. Азов.

Кияшко А.В. Новые данные о формировании курганного обряда в эпоху энеолита – раннего бронзового века на Нижнем Дону // *Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V – III тыс. до н.э.* Сборник научных статей. Оренбург.

Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья. 2014 (свод археологических источников). 2014. Составитель А.В. Файферт. Ростов-на-Дону.

Нечипорук А.А. Курганы в исторической части г. Ростова – на Дону // *Доклад на заседании XIV Архсреды в ЮФУ в 2019 г.*

Кизилов А. С.

*Федеральный исследовательский центр
«Субтропический научный центр Российской академии наук», г. Сочи*

**ОРУДИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ИЗ РОГА ОЛЕНЯ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ
АПРОБАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ**

Необходимым этапом исследования археологического материала спорного предназначения является экспериментальная апробация непосредственных технологий изготовления и применения этих артефактов, что позволяет дать более точную интерпретацию предназначению изучаемых предметов.

В 2012 году при аварийных спасательных работах на поселении эпохи ранней бронзы Шепси был обнаружен ряд изделий из оленьего рога, имеющих, вероятно, сельскохозяйственное назначение. На поселении эпохи бронзы Шепси находилось несколько дольменов. Радиоуглеродное датирование костей овцы, тура и угля из очага, с каменного керна, окружающего гробницу, показало даты приблизительно 2560 г. до н.э. Эти артефакты относятся к культурным отложениям поселения, перекрывшим гробницу (Trifonov et al., 2014. P. 749). Учитывая смещение слоёв течением реки, найденные клевцы-мотыжки можно датировать, как и погребение в дольмене, – 3250 лет до н. э.

В этот ряд находок можно отнести клевцы-мотыжки из острого конца рога. Оказалось, что этот вид орудий был востребован на данном поселении, поскольку таких орудий было найдено ещё пять экземпляров (Кудин, Кизилов, Кондряков, 2018. С. 141).

Обнаруженные на поселении Шепси орудия из оленьего рога аналогичны найденным при археологических раскопках поселения Арухло в Грузии (Лордкипанидзе, 1989. С. 77-82). Арухло – поселение культуры Шулавери-Шомутепе, примерно VI тыс. до нашей эры. Мотыжки из Арухло имеют более древние датировки, чем мотыжки из Шепси, что подтверждает факт движения культуры растениеводства на Кавказе из восточных районов на запад.

Экспериментальная апробация, проведённая с изготовленными репликами, наглядно показала их пригодность к сельскохозяйственным работам. Реплики экспериментального инструмента были изготовлены с использованием технологий, описанных в литературе как предположение, но не прошедших апробацию в эксплуатации. Используемые реплики показали свою эффективность и износостойкость на участках с грунтами прибрежных пойменных участков рек (где, собственно говоря, и были найдены сами артефакты).

При изготовлении реальных орудий труда из оленьего рога, предложенные ранее в литературе варианты крепления рога к древку (Лордкипанидзе, 1989. С. 80, 81), показали на практике свою техническую несостоятельность. По этой причине был применён способ крепления (рис. 1, 1,2), известный в этнографии папуасов (National Gallery: Melanesia). При реконструкции мотыжки был соблюден также угол крепления рога относительно рукоятки изделия, как и у сохранившегося артефакта из Корнуолла (рис. 1, 3) (Some Cornish Mining History, 2016).

Последующая экспериментальная апробация орудий для обработки почвы в реальных условиях в течение длительного периода показала эффективность изготовленных ре-

плик. Фактический износ рабочей части рогового окончания экспериментальных мотыжек показал трассологическое сходство с артефактами поселения Шепси (рис. 1, 4,5).

Сопоставляя трассологическое исследования окончаний рога, используемого для различных унитарных задач, можно, очевидно, подчеркнуть значительную разницу. Так, кончики рога, использованные для отжимной техники образования сколов кремня, имеют затупленное лощёное окончание и отсутствие царапин от трения об абразивные компоненты почвы (рис. 1, 6) (David, Sorensen, 2016. P. 12. Fig. 6), в то время как окончание рога, обрабатывавшее почву, имеет лощение по участку трения в грунте и одновременно крупные царапины на его же поверхности о редкие, но крупные абразивы.

Не менее интересным вопросом является и сам процесс изготовления орудий. Поскольку сохранность изделий из оленьего рога зачастую не позволяет однозначно утверждать о технике его обработки, было принято решение провести апробацию несколькими вариантами.

Кажущаяся простой и эффективной технология рубки кремневым рубилом по линии будущего излома показала свои слабые места, поскольку на базовых и необработанных оленьих рогах соседние сохранившиеся «ветви» сильно затрудняют движения при нанесении удара. Учитывая ценность исходного сырья, а «средний пант (рог) мог бы производить минимум 6-8 инструментов (включая балку и основание)» (Vitezović, Antonović, 2014. P. 153), более продуктивным способом разделки его на части видится техника «распиливание влажным абразивным шпагатом с последующим разрывом», упоминаемая исходя из трассологических данных (рис. 1, 7) (Vitezović, Antonović, 2014. P. 158. F. 2. P. 166. F. 10). Однако фактические данные о непосредственном исполнении подобного метода в научных источниках не приводятся. Экспериментальный распил рога был произведён с помощью кожаного шнура и с помощью растительных волокон. В качестве растительных волокон были заготовлены гибкие стебли плюща (лат. *Hédera*), поскольку для одного распила рога расходовалось более десяти стеблей. Процесс распила экспериментального образца проводился в густой суспензии речного песка с продольным погружением в неё распиливаемого участка рога более чем наполовину. Проходивший в охват рога шнур, поочерёдно перемещаемый «внатяг» вручную, захватывал абразивные частицы песка и осуществлял постепенный распил твёрдой внешней оболочки (рис. 1, 9). Полученный кольцевой пропилен рога позволил легко обломить в заданном месте нужный фрагмент, поскольку мягкое внутреннее губчатое костное вещество уже не препятствовало разлому (рис. 1, 8). Длительность процесса распила рога составила около 15 минут.

Сквозное отверстие в зоне крепления рогового окончания было выполнено без использования лучкового сверления, как и на поселении Шепси. Поступательным трением роговой заготовки об угловую линейный скол плиты крупнозернистого песчаника были получены две супротивные проточки на твёрдой поверхности и далее соединившее их отверстие получено с помощью костяной проколки. Суммарно процесс занял 20 минут интенсивной работы. Подобный способ описан, когда «некоторые племена не обзаводились специальными камнями для шлифования, а обтачивали изделия на первом попавшемся куске подходящей породы и бросали его по использованию» (Семенов, 1968. С. 109). Очевидно, что, если «... плиты из крупнозернистого песчаника употреблялись для надпиливания дерева, которое потом ломалось по надпилу» (Семенов, 1968. С. 110), то подобный способ был абсолютно уместен и для оленьего рога. Песчаник встречается на Западном Кавказе в изобилии, что и делает его наиболее вероятным подручным материалом для подобных технологических операций.

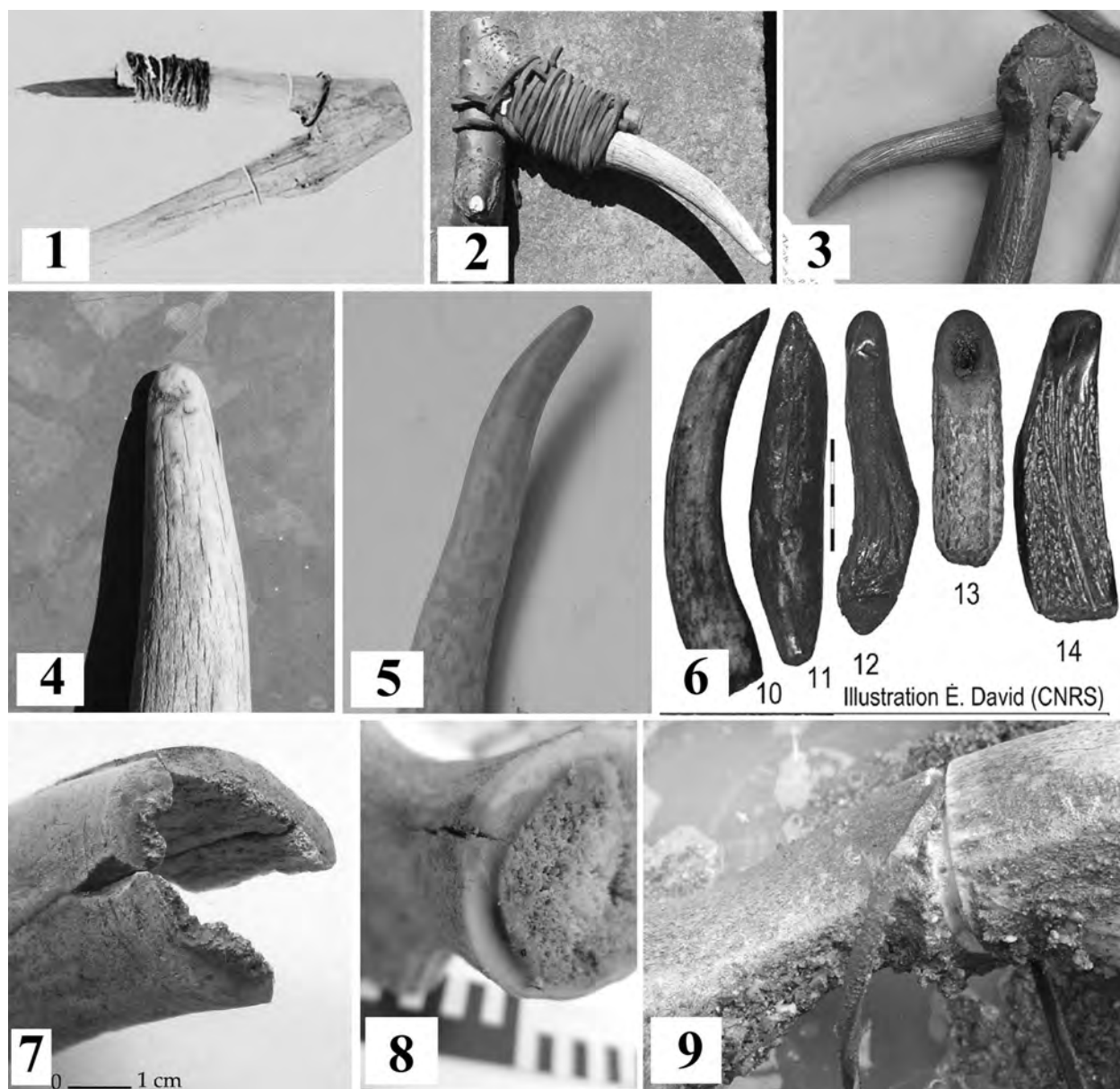

Рис. 1. Технологии изготовления клевцов-мотыжек из оленьего рога.

1 – этнографический топор папуасов; 2 – реплика клевца-мотыжки; 3 – клевец-артефакт из Корнуолла; 4 – лощение рабочей части рогового окончания реплики; 5 – лощение рабочей части рогового окончания артефакта из Шепси; 6 – выработка окончаний рога при технике отжима; 7 – следы абразивного распила на артефакте; 8 – следы абразивного распила на реплике; 9 – абразивный распил реплики.

Время изготовления клевца (мотыжки) занимало около одного часа рабочего времени, что делало этот инструмент доступным и широко применяемым. Результаты проведённых сельскохозяйственных работ с использованием описанных орудий показали их высокую эффективность, но они не отрицают возможность их применения в качестве оружия. Вероятно, в случае военной специализации, показателем оной должен являться угол крепления клевца к древку, поскольку орудие выполняло разные задачи.

Литература

Кудин М.И., Кизилов А.С., Кондряков Н.В. 2018. Слои эпохи ранней и средней бронзы поселения Шепси-1 // VIII «Анфимовские чтения» по археологии западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции. Краснодар.

Лордкипанидзе О. Д. 1989. Наследие древней Грузии. Тбилиси.

Семенов С. А. 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.

David E., Sorensen M. First insights into the identification of bone and antler tools used in the indirect percussion and pressure techniques during the early postglacial. *Quaternary International*, 22 November. 2016. P. 123-142. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040618215014561?via%3Dihub> (дата обращения 12.03.2021).

National Gallery: Melanesia. Stone axes with wooden handles, Papua New Guinea, 19th century. URL: <https://www.historytoday.com/archive/national-gallery/national-gallery-melanesia> (дата обращения 12.03.2021).

Some Cornish Mining History - The Ground Beneath Our Feet. URL: <https://cornishbirdblog.com/2016/08/17/the-ground-beneath-our-feet/> (дата обращения 12.03.2021).

Trifonov V.A., Zaitseva G.I., J. van der Plicht, Kraineva A.A., Sementsov A.A., Kazarnitsky A., Burova N.D., Rishko S.A. Shepsi, the oldest dolmen with port-hole slab in the Western Caucasus // *Radiocarbon*, vol. 56, Nr 2. 2014. P. 748-750.

Vitezović S., Antonović D. *Arheotehnologija: proučavanje tehnologije od praistorije do srednjeg veka* Beograd, 2014. URL: https://www.academia.edu/8922239/Antler_as_raw_material_in_the_Star%C4%8Devo_culture (дата обращения 12.03.2021).

Ковалев А. А.¹, Савенко С. Н.²

¹Институт археологии РАН, г. Москва,

²ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск

СООРУЖЕНИЯ, ПОГРЕБЕНИЕ И НАХОДКИ МАЙКОПСКОГО ВРЕМЕНИ В КУРГАНЕ № 1 «МОГИЛЬНЫЙ» ГРУППЫ ЗАНОЗИНА БАЛКА У КИСЛОВОДСКА

Курган Занозина Балка №1 («Могильный») располагался на северо-востоке города Кисловодска на первой надпойменной террасе правого берега р. Подкумок, в 350-360 м от русла реки и в 100 м к западу от края Занозиной балки, высота памятника – около 2 м, диаметр – около 20 м. К началу 1990-х гг. местность была размежевана для садоводства, курган оказался разделен между двумя участками. Хозяин юго-западного участка бульдозером срыл верхнюю часть насыпи минимум на 1 м. В 1993 г. авторами были проведены спасательные раскопки памятника. Насыпь вначале снималась вручную до уровня первоначального горизонта с зачисткой и сохранением *in situ* всех каменных конструкций, затем фиксировались разрезы по четырем диаметральным бровкам, дополнительные планы и разрезы в ходе последовательной разборки и доисследования сооружений. В результате была получена достаточно детальная картина памятника, включая и объекты майкопского времени.

Конструкции майкопского времени были снесены в центральной части кургана на площади не менее 5x5 м более поздними впускными ямами 2-4 и погребением 12. В связи с этим остался открытым вопрос о наличии гробницы в центре кургана – в яме либо на горизонте. Наиболее ранней структурой, выявленной при раскопках, был слой желтого материкового суглинка наибольшей мощностью около 0,2 м (с выклиниванием наружу), залегавший на поверхности древнейшей погребенной почвы с северо-запада от центра кургана на площади около 3x4 м («выкид 1»). Удалось проследить, что этот слой начинается в 1 м от центра кургана, выклиниваясь в направлении к центру. Возможно, это был выкид из несохранившейся могильной ямы.

На северо-восточной оконечности «выкида 1» поверх него было устроено каменно-земляное сооружение, представлявшее собой небольшой холмик из гумусированного грунта, обложенный песчаниковыми плитами в один-два слоя (насыпь 1). На одной из плит были зачищены пять костей стопы человека (плюсна), лежащих в анатомическом порядке.

На камнях насыпи 1, а также на поверхности погребенной почвы к юго-востоку от этой насыпи и края «выкида 1» залегали фрагменты крупного майкопского сосуда (развал сосуда 1). Удалось собрать полный профиль сосуда с раздутым туловом, округлым дном и резко отогнутой шейкой. Высота сосуда – около 33 см, диаметр тулова – 32 см, высота шейки – 3 см, толщина стенки ок. 1 см. Заглаженные поверхности сосуда изнутри и снаружи и черепок в изломе имели охристый цвет. Тесто качественно отмучено. Под венчиком и на шейке были проведены две горизонтальные бороздки (Рис. 1, б).

Насыпь 1, а также частично «выкид 1» были перекрыты насыпью 2, сложенной из чернозема. Эта насыпь прослеживалась под пестрой насыпью 3. Она простиралась на северо-запад от центра кургана на 2 м, на северо-восток и на юго-запад – на 3,5 м, имела высоту у центра около 1 м и крутые склоны (около 30 градусов) с западной стороны. Конфигурация этой насыпи за пределами перекрывающей ее насыпи 3 в СВ части кургана не была прослежена, так как поздние курганные структуры также были сложены из чернозема.

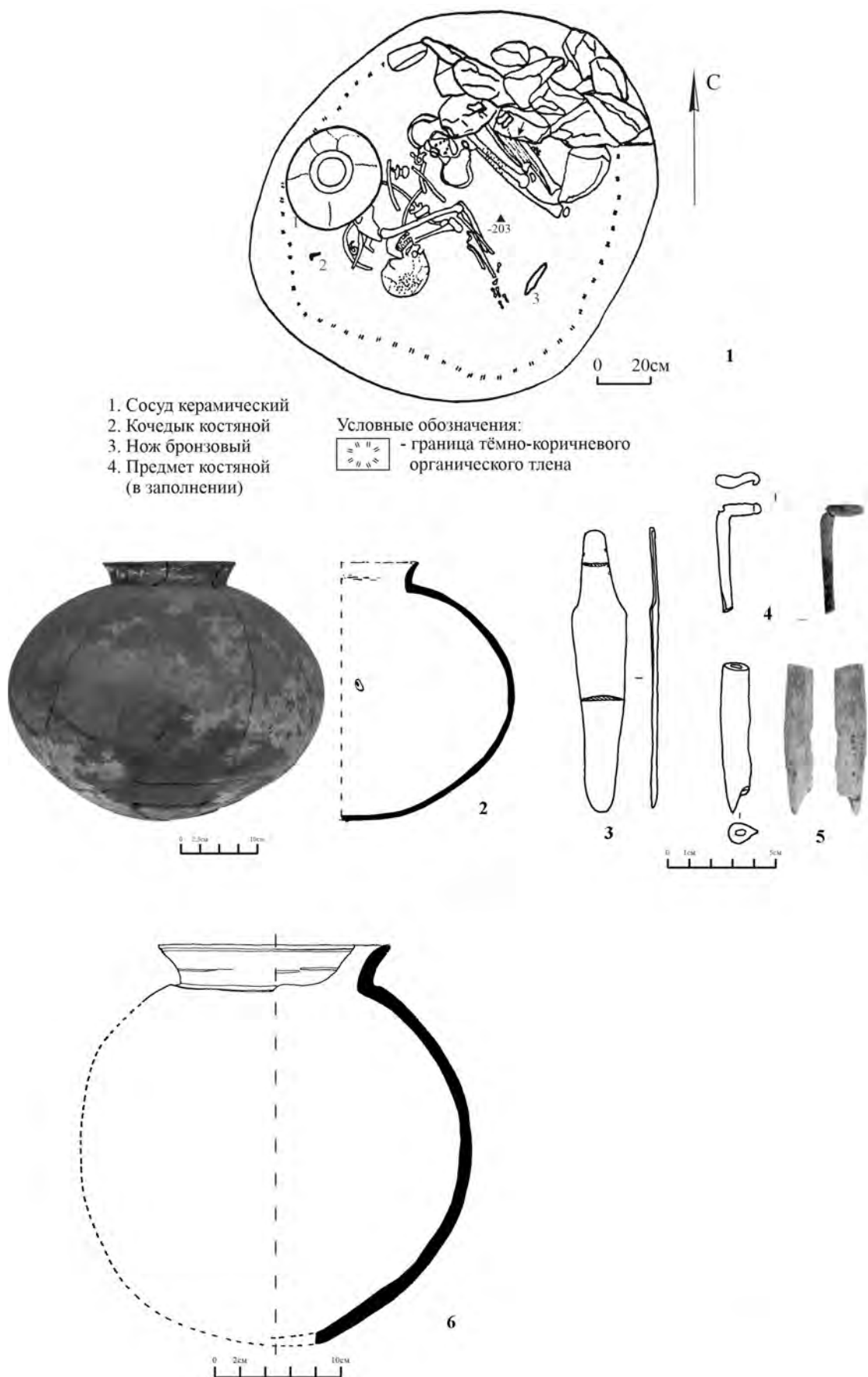

Рис. 1. 1 – курган №1 «Могильный» группы «Занозина Балка», план погребения 15; 2-5 – инвентарный комплекс погребения № 15; 6 – сосуд из развала 1, реконструкция.

После сооружения насыпи 2 была устроена дугообразная насыпь 3 мощностью до 0,25 м, сложенная из пестрого мешаного материкового суглинка с вкраплениями гумусированного грунта. Она простиралась на северо-запад от центра на 3 м, на северо-восток и юг – на 4 м. Эта насыпь полукольцом легла на насыпь 2, не заходя на ее «вершину», а к северо-западу и к югу выходила за ее пределы и перекрывала первоначальную дневную поверхность.

Как можно было проследить в юго-западном секторе кургана благодаря наличию здесь более поздних материковых выкидов и досыпок из мешаного суглинка, насыпи 2 и 3 были перекрыты насыпью 4, сложенной из однородного гумуса. Эта насыпь простиралась на 5,5-6 м от центра кургана, ее наибольшая мощность (0,6 м) была зафиксирована на периферии, за пределами насыпей 2 и 3, к центру кургана насыпь выклинивалась. В юго-западном секторе было зафиксировано, что границей этой насыпи снаружи служит ограда в виде кольца диаметром около 12 м, высотой 0,5-0,6 м из больших (до 1х0,5х0,6 м) каменных блоков и плиток в один-три слоя (кромлех 1). Хотя верхняя граница насыпи 4 в восточном секторе не прослеживается из-за налегающих черноземных досыпок, можно предположить, что она имела округлую форму и была окружена кромлехом 1 по периметру. С внешней стороны к кромлеху 1 на уровне первоначального горизонта примыкала кольцевидная подсыпка из известняковой щебенки мощностью 0,1-0,15 м, шириной 0,8-0,9 м.

С поверхности южной половины насыпи 4 было впущено погребение 15. Оно совершенно в земляной яме округлой формы размерами в плане 1,6х1,4 и глубиной 0,8 м, имело органическое перекрытие с каменной наброской. На дне ямы был зачищен костяк взрослого человека хорошей сохранности. Погребенный был уложен на правый бок, скорченно, головой на юг, ноги сильно согнуты в коленях, в бедренном суставе согнуты на 90°, кисти рук перед головой. По всему дну могилы прослеживался темно-коричневый органический тлен от подстилки (Рис. 1).

К юго-востоку от кистей рук на подстилке был обнаружен бронзовый двулезвийный нож длиной 13,2 см. В поперечном сечении и лезвие, и черенок с одной стороны плоские, с другой имеют выпуклую поверхность. На черенке с одной стороны три, с другой – одна насечка (Рис. 1,3). В 20 см к западу от лопаток на подстилке лежал костяной крючок, обломанный с одной стороны (сохранившаяся длина 5 см), изогнутый в двух плоскостях, сечение костяного стержня округлое, диаметр около 6 мм (Рис. 1,4). В центральной части заполнения, в 15 см выше уровня дна, была обнаружена трубчатая кость животного, спиленная поперечным спилом с одной стороны и обломанная с другой (Рис. 1,5). У спины погребенного стоял глиняный сосуд с раздутым туловом, резко отогнутым отгибающимся наружу венчиком и округлым, несколько уплощенным дном. Высота сосуда – 32 см, диаметр тулова – 41,5 см, венчика – 17 см, высота венчика – 3 см, толщина стенки на плечиках – до 1,1 см, в придонной части – около 0,6 см. Цвет внешней, хорошо залощенной поверхности (на верхней части тулова лощение полосчатое) – темно-серый, внизу с охристым оттенком. Такой же цвет и у внутренней заглаженной поверхности сосуда. В изломе черепок имеет охристо-коричневый цвет с серой прослойкой. Под венчиком прослеживаются горизонтальные вдавленные полосы (следы изготовления на гончарном круге). Глиняное тесто хорошо отмучено, в качестве отошителя – мелкий песок. На плечиках – охристая полоса шириной около 10-15 см. На средней части тулова – округлое вдавление («глазок») размерами 1,6х1,0 см, что может быть и знаком гончара (Рис. 1,2).

Еще один развал сосудов серовато-охристого цвета с признаками керамики эпохи ранней бронзы (отмученность теста, лощение, обжиг и т.п.) был обнаружен при зачистке каменных конструкций в южной поле кургана на поверхности погребенной почвы. Собранный фрагменты стенок, венчика и донца.

Несмотря на то, что отчет по данным работам не был оформлен до 2020 г., некоторые сведения о нем и материалах из него попали в литературу. Так, общий план кургана был опубликован одним из соавторов (Археология и не только, 2002. С. 486). Сведения о комплексах и изображения находок с разрешения авторов использовались и другими специалистами, в частности С.Н. Корневским, который погребение 15 с шаровидно-уплощенным сосудом отнес к псекупскому варианту майкопско-новосвободненской общности (МНО) (Корневский, 2004. С. 53, 129, 155, 186, 217. Рис.1,42; 27,5; 56,1-3; 91,5). Стратиграфически более ранний сосуд из развала 1 можно отнести к образцам майкопского (галюгаевско-серегинского) варианта МНО по С.Н. Корневскому, который исследователь считает «наиболее древним» (Корневский, 2004. С. 50-51, 67, Рис. 44, 1; 45, 1, 2; 49, 1 и др.). Данные стратиграфии кургана Занозина балка №1 могут служить аргументом в пользу такого вывода.

Прослеженная нами система вытянутых и дуговидных насыпей различных цветов, равно как устройство кромлеха и кольца из белого щебня, находит аналогии в памятниках майкопского и долинского вариантов МНО (Корневский, 2012. С. 97-99, рис. 88-91, 93).

Литература

Археология и не только... К 30-летию Сибирской археологической экспедиции Ленинградского дворца пионеров. 2002 / Составители и редакторы С.Г. Васильев, А.В. Виноградов, А.А. Иконников-Галицкий. Науч. ред. д.и.н., проф. Г.С. Лебедев. СПб.

Корневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Кавказа. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М. : Наука.

Корневский С.Н. 2012. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М. : Таус.

Крутоголовенко К. А.
Краснодарское отделение ВООПИК, г. Краснодар

ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ПОСЕЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАТУХАЕВСКОЕ-3

Поселение Натухаевское-3 находится на южной окраине ст. Натухаевской у г. Новороссийска на левом берегу р. Котлама. Известно благодаря работам сотрудников Новороссийского музея, датировавшим памятник ранней бронзой и античностью (Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2013. С. 13).

Археологические работы на поселении Натухаевское-3 ранее проводились к западу от автодороги Натухаевская – Раевская. К востоку от дороги в рамках разведок 2019 г. собран подъемный материал и заложены два шурфа (Крутоголовенко, в печати). В шурфе 1 (57 в отчете 2020 г.) на материке прослежено темное пятно, при расчистке которого исследовано погребение поздней бронзы и хозяйственная яма майкопской культуры, прилегающие друг к другу.

Верхний контур ямы округлой формы размерами – 1,95x1,8 м, диаметр дна – 1,45x1,50 м, глубина – 0,5 м, в разрезе зафиксировано 2 слоя отличных по цвету (рис. 1, 2). В заполнении выявлены обломки керамики (табл. 1), кости животных, угольки (1-2 см), кремнёвая проколка с мелкой ретушью по краям одной стороны (рис. 1, 8), фрагмент верхней части очажного конуса (рис. 1, 4) – группа 3 Псекупского варианта МНО (Корневский, 2004. С. 40). На дне ямы расчищено 3 скопления крупных стенок охристого сосуда (диаметр тулова – 60 см), плоских камней и комков обожженной глины (рис. 1, 2). Один обломок камня имеет обработанные (гладкие) поверхности и воронкообразное отверстие в центре (рис. 1, 5). Каменные плитки со «сработанными» краями и углублениями обнаружены в кургане 31 могильника Клады, предполагается их использование для заточки металлических инструментов, некоторые предназначались для изготовления ювелирных украшений (Массон, 1997. С. 72. Рис. 10, 5, 6, 9).

Керамику ранней бронзы из сборов, двух шурфов и хозяйственной ямы представляют обломки грубой лепной посуды с обилием примесей в тесте и сосуды оранжево-красного цвета, с плотным тестом и редкими включениями мелкой дресвы. У сосудов с выраженными примесями в изломе выделяется прослойка серого цвета, поверхность пачкается, они составляют большинство. Единичны фрагменты со сквозным обжигом и отсутствием примесей (таб. 1.). Отмечена орнаментация «качественной» керамики красной и бордовой краской (рис. 1, 20) и лощением тремя параллельными полосами (рис. 1, 17).

Среди венчиков мисок по классификации А.Д. Резепкина выделяются *Типы 1, 2, 2а, 3* (рис. 1, 9-11) (Резепкин, 2009. С. 318. Таб. I). Сосуды закрытых форм (рис. 1, 13-17, 19) близки к *Типам 1, 3* (Резепкин, 2012. С. 127. Таб. I).

В хозяйственной яме примечателен венчик чана (рис. 1, 6) с упором для крышки на внутренней стороне. Венчик «полумесяцем» отогнут наружу, устье утончено. Поверхности светло-коричневые, в изломе тесто черного цвета с примесью дресвы и обилием выгоревшей органики. Толщина на сломе достигает 3,0 см., диаметр – 98 см, наиболее близок к

типам 11-13 (Резепкин, 2012. С. 126. Таб. I), но имеет принципиальные отличия. Такой венчик известен в нижних слоях поселения лейлатепинской культуры Бериклдееби, расположенного на Южном склоне Кавказа (Корневский, 2004. С. 91. Рис. 117, 3). Выполнение таких чанов представляется энергозатратным мероприятием, мало оправданным даже при не слишком частых кочевках-перемещениях с места на место, предполагающих, в таком случае, перевозку крупногабаритной и тяжелой посуды.

Из хозяйственной ямы получено 50 костей животных: бык домашний, овца/коза, челюсть и зубы свиньи, челюсть собаки, фрагменты рога оленя. На костях археозоологом отмечены зарубки, указывающие на употребление их в пищу. Osteологическая коллекция, представленная выше, хорошо соотносится с уже известными данными о фауне на поселении Натухаевское-3 в период ранней бронзы (Иванов, Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2020. С. 9-11. Рис. 1).

Шурф-2 (58) раскопан в 87 м к ЮЗ от шурфа-1 (57). Перекрыт несколькими насыпными слоями – 35-50 см, перекрывающими пахоту – 30-55 см, под которой залегает слой толщиной до 70 см, серый суглинок с керамикой, костями животных и небольшими камнями. Материк обнаружен в 180-190 см от поверхности (рис. 1, 3).

Таблица 1. Фрагменты майкопской керамики из разведок 2019 г.

локация	сборы ¹ п. Натухаевское 3	шурф-1	хоз. яма	шурф-2
тесто				
без примесей		1	2	2
плотное, с примесями	16	10	11	9
рыхлое, с примесями	13	15	16	3
Всего	105 фр.			

В 0,3-0,5 км к юго-востоку от поселения Натухаевское-3, на территории виноградников найдены: венчик миски – *Tun 5* (рис. 1, 7) (Резепкин, 2009. С. 318. Табл. I); четыре обломка толстых стенок (2,5-3 см) посуды грубой выделки с тестом, идентичным венчику чана из хозяйственной ямы, один с обработанными краями имеет округлую форму (рис 1, 18). Округлые черепки стенок сосудов с поселения Галюгай-I интерпретированы как крышки (Корневский, 1995. С. 58-59. Рис. 70, 1, 2, 6, 7; 71, 2, 3). Такие же изделия, но с отверстием в центре, могут быть пряслицами, а при наличии выделенной «ступицы» – моделью колеса (Юдин, Баринов, Кочетков, 2020. С. 365. Рис. 1, 7-8).

В последнее время исследуется всё больше поселений МНО со значительной глубиной культурного слоя – около 1 м, уточняется кратное увеличение мощности напластований для уже известных ранее бытовых памятников (Бочковой и др., 2012. С. 95; Исерлис, Брилева, Днепровский, 2020. С. 114-128). Встречаются заглубленные в материк жилища-землянки. В osteологических коллекциях отмечено устойчивое наличие костей свиней. Все это указывает, по моему мнению, на преимущественно оседлый характер для

¹ Восточная окраина поселения Натухаевское 3.

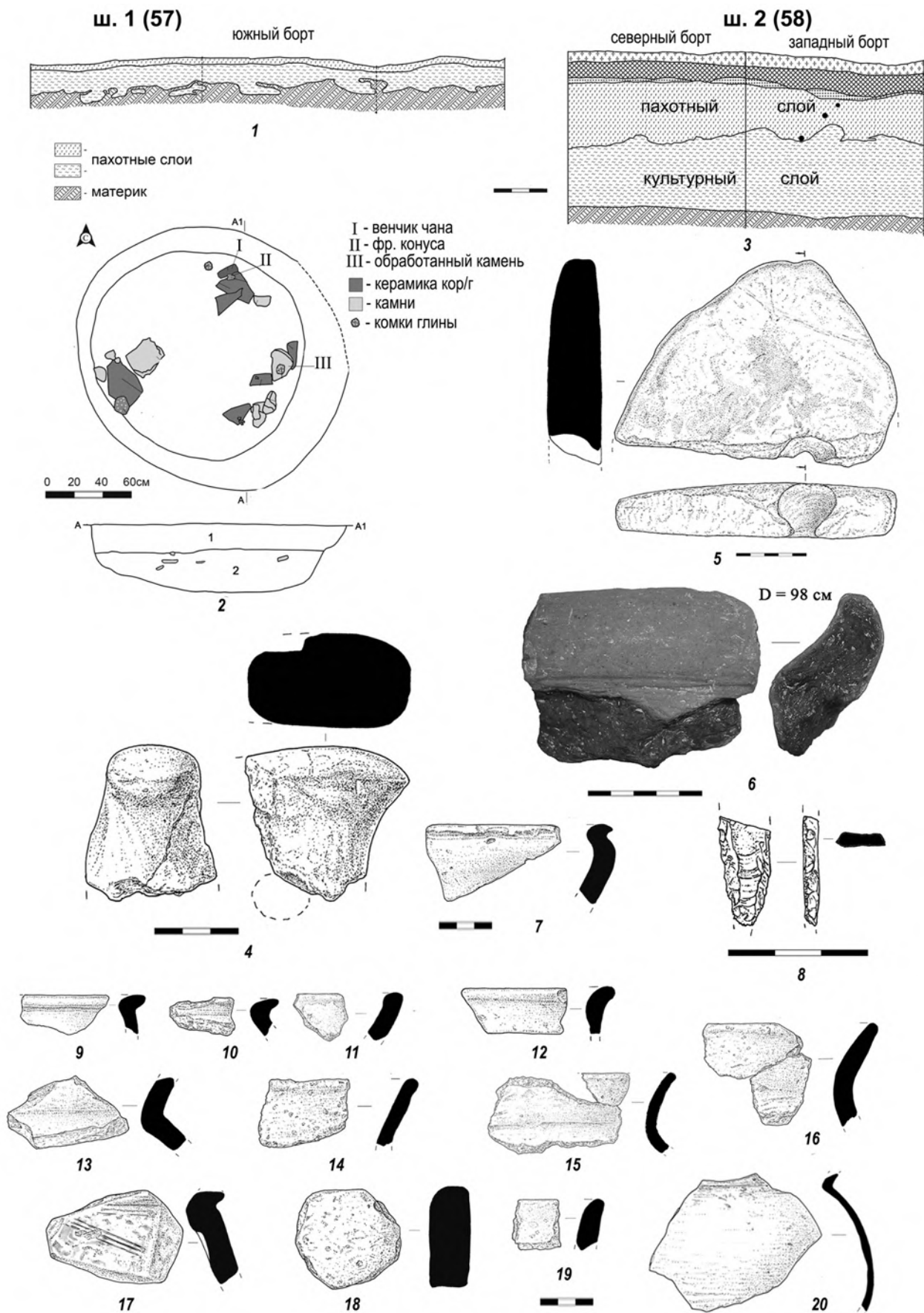

Рис. 1. Поселение Натухаевское-3.

1 – стратиграфия шурфа 1; 2 – план и разрез хозяйственной ямы в шурфе 1;
3 – стратиграфия шурфа 2; 4 – фрагмент очажного конуса, 5 – обработанный камень,
8 – кремень 6, 7, 9-20 – фрагменты сосудов.

западного ареала расселения майкопских племен, что уже отмечалось ранее (Юдин, Баринов, Кочетков, 2020. С. 365).

Литература

Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д. 2012. Материалы поселения Чекон и классификация керамики майкопской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.

Исерлис М., Брилева О.А., Днепровский К.А. 2020. Планиграфия и архитектура строений на Серёгинском поселении // КСИА. № 259.

Корневский С.Н. 1995. Галюгай-I – поселение майкопской культуры. М.

Корневский С.Н. 2004. Древние земледельцы и скотоводы Северного Кавказа. М.

Крутоголовенко К.А. В печати. Разведки в Анапе, Новороссийске и Сочи // АО – 2019 года.

Массон В.М. 1997. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.

Резепкин А.Д. 2009. Миски из поселений Майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Резепкин А.Д. 2012. Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2013. Керамический комплекс поселения майкопской культуры Натухаевское-3 // Историко-археологический альманах. Вып. 12. Армавир-Краснодар-Москва.

Иванов Д.В., Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2020. Фауна из раскопок поселения майкопской культуры Натухаевское-3 // Историко-археологический альманах. Вып. Армавир-Краснодар-Москва.

Юдин А.И., Баринов Д.Г., Кочетков Ю.А., 2020. Поселение майкопской культуры у с. Кеслерово на Кубани // Труды VI (XXII) всероссийского археологического съезда в Самаре. СГСПУ. Самара.

Кудин М. И.

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева, г. Майкоп*

ОРНАМЕНТАЦИЯ ПОРТАЛОВ ДОЛЬМЕНОВ. НОВЫЕ НАХОДКИ И ПОПЫТКИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Орнаменты, знаки и петроглифы на стенах и перекрытиях кавказских дольменов встречаются крайне редко. В настоящее время речь может идти примерно о 50-60 дольменах, т.е. о 2% от общего числа сохранившихся памятников. Возможно, что изначально их число было значительно больше. Эрозия и отслаивание наружных поверхностей привели к исчезновению некогда существующего резного орнамента.

Следует отметить, что орнаментация дольменных плит обнаружена лишь на определенных локальных территориях. Это Центральный, Причерноморский и Шапсугский районы концентрации дольменов. В Абхазском и Белореченско-Лабинском районе орнаменты на дольменных памятниках пока не найдены. Локальной особенностью некоторых дольменов близ ст. Новосвободной является наличие остатков росписи, выполненных красной краской (Трифонов и др., 2014. С. 510).

Задача нашей работы ввести в научный оборот новые находки орнаментации дольменов, обнаруженные автором и краеведами г. Сочи и г. Туапсе, дающие более полное представление обо всем многообразии дольменного искусства.

В последние годы были обнаружены два памятника, украшенные зигзагообразным орнаментом. Сложный узор из горизонтальных и вертикальных зигзагов нанесен на фасадную плиту стоящего в центре группы обнаруженного краеведом А.Б. Кротовым плиточного дольмена на р. Нихетха (рис. 1, 1).

Н.В. Кондряковым обнаружен зигзагообразный орнамент в центре плиты главного фасада дольмена с двумя отверстиями у пос. Марьино (рис. 1, 2).

В декорировке фасадных плит изредка встречаются орнаменты из горизонтальных линий. Обломок фасадной плиты дольмена, украшенного широкими горизонтальными линиями, был обнаружен напротив пос. Пригородный, в урочище 1-я Каштановая щель (рис. 1, 3). Длина плиты – 1,10 м, наибольшая ширина сохранившегося обломка – 0,86 м, толщина – 0,18 м. Поверхность плиты покрыта горизонтальными канавками глубиной до 0,02 м, шириной около 0,10 м, чередующимися с выступами такой же ширины.

Мотив расходящихся от отверстия лучей есть на плите главного фасада разрушенного дольмена №7 группы «Два брата». Этот оригинальный орнамент очень кратко упоминает М.К. Тешев (Тешев, 2004. С.10). К сожалению, ни местонахождение рельефа на плите, ни количество лучей в его описании не были указаны. Остатки этого памятника считались окончательно уничтоженными в ходе лесозаготовительных работ, но в 2019 г. были вновь обнаружены автором (рис. 1, 4). Сохранилась верхняя часть обломка фасадной стены шириной 0,70 м, высотой 0,67 м и толщиной 0,21 м с сохранившимся верхним краем входного отверстия. Отверстие обрамляют две концентрические окружности, выполненные врезками шириной 0,04-0,05 м и глубиной 0,015 м. От второй окружности в стороны отходят выполненные врезками два прямых «луча», соединенные снизу врезанной дугой.

Орнамент в виде пяти врезанных, расходящихся от отверстия и закручивающихся по часовой стрелке лучей нанесен на плиту разрушенного дольмена в урочище Камышовая горка в долине по правому борту р. Пшады (рис.1, 5).

В 2021 году краеведом Ю. Егоровым был обнаружен плиточный дольмен с изображением двух полусфер на фасадной стене в урочище Адигналово, по правому борту р. Псынако. Диаметр выпуклостей – 10 см, высота – 3-4 см, расстояние между ними – 20 см (рис.1, 6).

Тема интерпретации абстрактно-геометрических мотивов орнаментации дольменов очень сложная. Репрезентативные мотивы дольменного орнамента могли означать некие конкретные образы, но нам не хватает контекста, чтобы уверенно их идентифицировать. Определить, что конкретно из множества вещей, которые может означать круг или волнистая линия в определенном контексте очень сложно. Схематические, геометрические знаки представляют сильно закодированные, полисемантические образы. Поэтому изучение их сравнительным методом с привлечением аналогий по принципу формального сходства, на котором ранее традиционно основывались исследователи, часто дает сомнительные результаты.

Ритмичность зигзага, повторение его числовых рядов на разных памятниках дольменной культуры позволило выдвинуть гипотезу о календарном значении зигзагообразного орнамента (Кудин, 2017. С.59-74). Для результативной интерпретации орнаментальных мотивов важно рассмотреть пространственную организацию изображений, их расположение в архитектурном контексте:

1. Наиболее часто орнамент наносился на наружную поверхность плит фасада памятников. Здесь можно встретить практически все из мотивов дольменного орнамента.

2. На передних торцах выступов боковых плит отдельных дольменов нанесен вертикальный зигзаг.

3. Зигзаги, треугольники, парные полусферы встречаются на поверхности порталных выступов.

4. Чашевидные знаки, метки и композиции из них, солярные знаки, зигзаг расположены на перекрытиях некоторых дольменов.

5. Периметр внутренних стен иногда покрывался сплошным елочным орнаментом, или линиями зигзагов, свисающих углов.

6. На наружные поверхности боковых и задних стен орнамент наносился крайне редко. Единственный мотив, который на них можно встретить, это сплошной елочный орнамент.

7. Камни, включенные в сакральный ландшафт дольменных памятников, обычно украшены чашевидными знаками и метками, иногда образующими круги, линии. На их поверхности встречены солярные знаки, ромбы со сглаженными боковыми углами, следовик, схематичное изображение животного.

Три первые из перечисленных выше архитектурных зон орнаментации относятся к лименальному пространству портала дольмена. На границе (пороге) между земным и небесным миром находятся и изображения на поверхности перекрытий дольменов. Таким образом, орнаменты дольменов показывают, прежде всего, прочную связь с пространствами прохода и перехода из одного мира в другой. Пространство орнаментальных мотивов ассоциируется с входными отверстиями (отдельные мотивы сфокусированы на них) и переходными пространствами. Орнамент мог иметь апотропные свойства и потому, предпочтительно, изображался у входов.

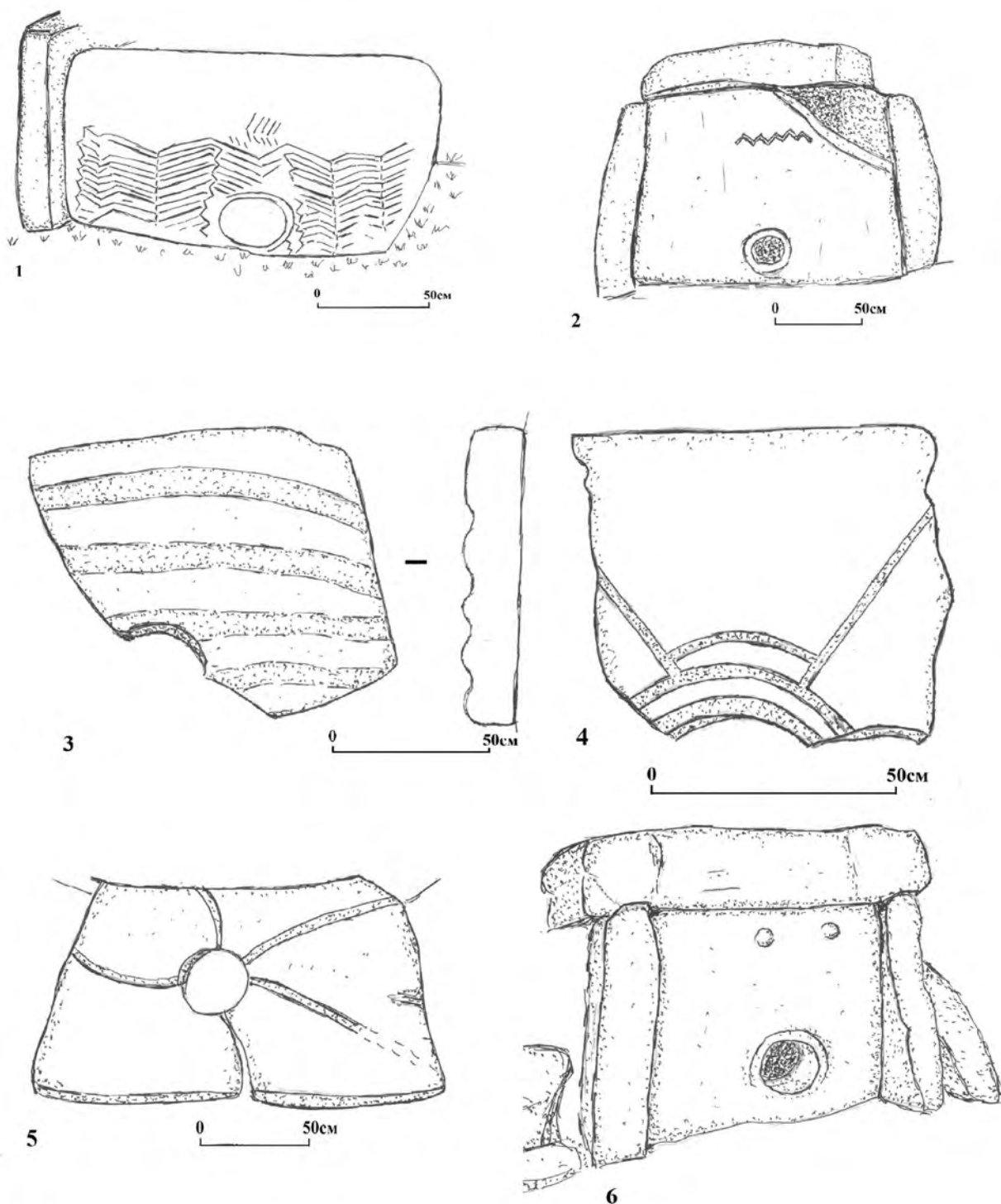

Рис. 1. Орнаментация дольменов.

- 1 – Фасадная плита дольмена на р. Нихетха; 2 – Фасад дольмена у пос. Марьино;
 3 – Фасадная плита дольмена ур. 1-я Каштановая щель; 4 – Фасадная плита дольмена №7
 группы «Два Брата»; 5 – Фасадная плита дольмена из ур. Камышевая горка, р. Пшада;
 6 – Дольмен в ур. Адигналово, р. Псынако.

Другое возможное значение орнамента связано с тем, что он изображает некие символы и элементы иного мира. Сам процесс нанесения знаков и их дальнейшее существование, даже навсегда скрытых от зрителя, по-видимому, были очень важны. Каменные стены дольмена служили своеобразным интерфейсом между земным и иным миром, а орнамент служил его проявлением в реальности. В этом плане иным миром могут служить изображения порталов на некоторых памятниках – символических дверных проемов, ведущих за пределы гробницы в мир мертвых. В сочетании с выступами боковых плит и перекрытия такое изображение создает эффект удвоения портала и художественной перспективы, иллюзию архитектурного продолжения пространства дольмена в «ином мире», куда закрыт доступ живым. Дольменное искусство явно ассоциируется со смертью и загробным миром.

Отношением к общему культурному кругу можно объяснить сходство отдельных мотивов орнамента дольменной культуры с изображениями на памятниках из соседних регионов. Прежде всего, это изображение елочного орнамента, так называемого «дерева жизни». Елочный орнамент встречается на стенах каменных ящиков раннего бронзового века Северного Причерноморья и Крыма и у входов в камеры погребений раннекатакомбной культуры (Санжаров, Черных, 2021. С.173-174. Рис.30). Такое изображение нанесено на фасады двух дольменов Солоницкого хребта (Бианки, 2012. С.51-52. Рис.1). Изображение пяти рядов елочного орнамента на катакомбе из кургана 1 Лисичанск, Березово, практически совпадает с изображением на фасаде дольмена на р. Нихетха (рис.1, 1). Следует отметить, что в обоих случаях орнаментация подчеркивает особое значение входа в камеру.

Эти примеры показывают широкие контакты и обмены между древними обществами, которые способствовали и широкому распространению отдельных орнаментальных мотивов.

Литература

Бианки А.М. 2012. Декор двух дольменов Солоницкого хребта и проблема его интерпретации // Записки ИИМК РАН. №7. СПб.

Кудин М.И. 2017. Календарные мотивы в орнаменте дольменов // Материалы IV Абхазской международной археологической конференции, посвященной археологическому кавказоведу Л.Н. Соловьеву. Сухум.

Санжаров С.Н. Черных Е.А. 2021. Курганные древности эпохи бронзы Привольнянской излучины Северского Донца. Луганск.

Тешев М.К. 2004. Из истории Туапсинского района. Период древности и средневековья. Туапсе.

Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Алексеев А.О., Калинин П.И., Конников С.Г., Нащекин А.В. 2014. Цвет в архитектуре дольменов Западного Кавказа // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань.

Кулаков С. А.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ПАЛЕОЛИТ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Работа подготовлена в рамках выполнения ФНИ ГАН

«Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012)

Под палеолитом Западного Кавказа автором, в данном случае, понимается сосредоточение памятников каменного века в причерноморских районах России и Абхазии. Эта территория в начале XX в. прославилась как одно из мест, богатых памятниками палеолита различных эпох. Благодаря целенаправленным поисковым и раскопочным работам, предпринятым в 1930-е годы в Сочи-Адлерском районе и Абхазии, были открыты памятники всех эпох палеолита: раннего, среднего и позднего (Замятнин, 1937; 1961; Соловьев 1971; 1987). Поисковые археологические работы, предпринятые на Западном Кавказе в середине и второй половине XX в. не только на морских и речных террасах, но и в низкогорье, позволили увеличить количество разнообразных и разновременных палеолитических памятников (Любин, 1984; Бадер, 1984; Щелинский, 2007; Хварцкия и др., 2005). Регион Западного Кавказа к настоящему времени, пожалуй, самый изученный район палеолитического пространства Кавказской горной страны. На небольшом участке суши между Черным морем и горами обнаружено, по разным подсчётам, более 150 стратифицированных пещерных и открытых памятников, крупных местонахождений и пунктов сборов артефактов всех эпох палеолита.

Такое обилие найденных и много исследованных памятников палеолита давало возможность в конце XX в. – начале XXI в. публиковать обобщающие работы по палеолиту Западного Кавказа (Любин, 1989; 1998; Любин, Беляева, 2006; 2011; Голованова, Дороничев, 2003). Общепринятыми стали положения, что:

- ранний палеолит на Западном Кавказе представлен только артефактами с поверхностных сборов, которые по облику должны быть датированы концом ашельской стадии. И только несколько ручных рубил и колун-кливер, собранных на местонахождении Яштух в Абхазии, могут быть отнесены к среднему ашелю;

- средний палеолит в этом регионе представлен многочисленными памятниками, но только стратифицированные пещерные стоянки в низкогорье дают комплекс биостратиграфических данных для их хронологии и атрибуции, а артефакты, полученные на этих памятниках, дают основание выделять на Западном Кавказе особую «хостинскую культуру зубчатого мустье»;

- поздний палеолит на Западном Кавказе также представлен очень неравномерно. К его ранней поре относятся только многочисленные местонахождения с нестратифицированными артефактами, а индустрии немногочисленных пещерных стоянок в предгорьях относятся к поздней стадии верхнего палеолита или даже ко времени перехода к мезолиту.

Эти устоявшиеся концепции с одной стороны структурировали западнокавказский палеолит, а с другой стороны создали большие проблемы по его изучению.

Первая проблема – отсутствие стратифицированных памятников раннего палеолита на Западном Кавказе стало восприниматься как аксиома, объясняемая большими постдепозиционными изменениями. Если и были древнейшие люди в этом районе, то следы их жизнедеятельности уничтожены процессами созидания-разрушения в молодых горах Кавказа. Конечно, этот фактор играл и играет большую роль в сохранности памятников раннего палеолита. Но уничтожается далеко не всё. Для обнаружения памятников раннего палеолита надо менять стратегию их поиска, необходимо оторваться от приморских равнин и низкогорья и сосредоточить внимание и силы на поиски в горах на высотах от 1000 до 1500 м за-

консервированных раннеплейстоценовых рельефов. Этот вывод подтверждается открытием и исследованием памятников раннего палеолита на Северном Кавказе (Амирханов, 2016; Деревянко и др., 2012) и по соседству, на Тамани (Кулаков, 2018).

Вторая проблема – это много лет доказываемый постулат о существовании на Западном Кавказе особой «хостинской зубчатой мустьерской культуры». Но новые исследования Ахштырской пещерной стоянки и эксперименты по сохранности артефактов в ней дают веские основания утверждать, что этой особой «культуры» в пещере не существовало (Кулаков, 2017; Кулаков, Гиря, 2017). В свете новых данных необходим пересмотр всех индустрий среднепалеолитических памятников региона для их современной атрибуции.

Третья большая проблема кроется при обилии подьёмных артефактов также в малочисленности стратифицированных памятников позднего палеолита на Западном Кавказе. Открытие в 2014 г. во много раз хоженных археологами местах, на р. Мзымта, нового пещерного памятника позднего палеолита – мезолита заставляет в этом случае менять парадигму изучения этого периода на данной территории (Кулаков и др., 2017).

Литература

- Амирханов Х.А. 2016. Северный Кавказ: начало преистории. М.
- Бадер Н.О. 1984. Поздний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2003. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. Сборник статей. Донецк, № 13.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. 2012. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск.
- Замятнин С.Н. 1937. Палеолит Абхазии. Труды Института абхазской культуры им. акад. Н.Я. Марра. Сухуми.
- Замятнин С.Н. 1961. Очерки по палеолиту. М.-Л.
- Кулаков С.А. 2017. К вопросу о выделении и определении «хостинской мустьерской культуры» на Северо-Западном Кавказе // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.
- Кулаков С.А. 2018. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове // Археологические вести. № 24. СПб.
- Кулаков С.А., Гиря Е.Ю. 2017. К вопросу о «зубчатых орудиях» в свете экспериментальных данных (по материалам Ахштырской пещерной стоянки) // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.
- Кулаков С.А., Дятлов А.С., Казарницкий А.А. 2017. Открытие нового памятника каменного века на Северо-Западном Кавказе // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул.
- Любин В.П. 1984. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М.
- Любин В.П. 1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Палеолит мира. Л.
- Любин В.П. 1998. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.
- Любин В.П., Беляева Е.В. 2006. Ранняя преистория Кавказа. СПб.
- Любин В.П., Беляева Е.В. 2011. Страницы ранней преистории Абхазии. СПб.
- Соловьев Л.Н. 1971. Первобытное общество на территории Абхазии: Природа и человек нижнего и среднего палеолита. Сухуми.
- Соловьев Л.Н. 1987. Памятники каменного века Абхазии. Тбилиси.
- Хварцкия М.Х., Полякова Н.Е., Очередной А.К. 2005. Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб.
- Щелинский В.Е. 2007. Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб.

Недомолкин А. Г.

Национальный музей Республики Адыгея, г. Майкоп

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ГУБСКОГО НАВЕСА № 7 (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРИЗОНТА-3)

Работа выполнена при поддержке РФФ, грант №20-18-00060

Губский навес № 7 расположен в Борисовском Ущелье р. Губс на абсолютной высоте около 700 м. Памятник был открыт П. У. Аутлевым в 1961 году. За время исследований культурные отложения стоянки были изучены на площади около 46 м² (Амирханов, 1986).

Отложения памятника были разделены на два литологических слоя, из которых только слой 2 содержал археологический материал эпохи финального палеолита-мезолита. В 2012 году Л.В. Головановой были опубликованы радиоуглеродные даты для 4 горизонтов слоя 2, согласно которым нижние горизонты имеют возраст около 13 тыс. л.н., а верхние – порядка 8 тыс. л.н. (Golovanova, Doronichev, 2020). Таким образом, только нижние горизонты этого памятника могут быть отнесены к эпипалеолиту.

Коллекция Горизонта-3 Губского навеса №7 включает 2180 предметов из кремня. Нуклеусы (108 экз.) и нуклевидные обломки (46 экз.) достаточно многочисленны (4,9%). Сколы составляют около 90% всей коллекции. Пластин и пластинок (1116 экз.) больше, чем отщепов (840 экз.). Микропластинки единичны.

Нуклеусы. Среди ядрищ с выраженной морфологией преобладают призматические односторонние одно – и двуплощадочные нуклеусы (рис. 1А-2,3,4). Торцовые нуклеусы представлены 12 предметами (рис. 1А-5,6), отмечены нуклеусы, демонстрирующие переход от скалывания по широкому фронту к торцовому (рис. 1А-7).

Технические сколы представлены реберчатыми пластинами и сколами подправки ударной площадки. Среди реберчатых пластин достоверно могут быть выделены сколы, инициирующие расщепление (рис. 1А-8), краевые сколы (снятые для поддержания выпуклости фронта расщепления) (рис. 1А-9).

Характеристика сколов. Часть сколов имеет на дорсальной поверхности участки, покрытые желвачной коркой. Среди отщепов таких сколов – 15,8%, среди пластин и пластинок – 5,2%. Большая часть пластинчатых сколов (82,6 %) фрагментирована.

Длина целых пластинчатых сколов колеблется в интервале от 17 до 65 мм. Для 77,3% сколов этот показатель попадает в интервал от 20 до 45 мм. Более крупные сколы составляют 17,3% (рис. 1В-1). Небольшой процент сколов длиной менее 20 мм вероятно объясняется неполнотой коллекции.

Распределение пластинчатых сколов по ширине показывает график на рисунке 1В-2. Этот показатель колеблется в интервале от 4 до 25 мм. Среднее значение составляет 12,9 мм. Большая часть сколов (71,9%) достаточно равномерно распределена в диапазоне от 8 до 15 мм, крупные сколы шириной более 15 мм малочисленны.

Толщина пластин и пластинок в Горизонте-3 Губского навеса №7 не превышает 10 мм при среднем значении 3,9 мм. У 91 % сколов этот показатель колеблется в интервале от 2 до 6 мм. Наиболее многочисленны сколы толщиной 3-4 мм (33,7%) (рис. 1В-3).

Для оценки пропорций пластинчатых сколов дополнительно был введен показатель относительной толщины скола (толщина/ширину $\times 100\%$). Для 90% сколов этот показатель колеблется в интервале от 15 до 45%. Более массивные сколы малочисленны (рис. В-4).

Характеристика ударных площадок пластинчатых сколов. Большая часть целых пластинчатых сколов и проксимальных фрагментов имеют выраженную ударную площадку. У подавляющего числа сколов (87,2%) ударная площадка гладкая. Сколы с двухгранной и фасетированной ударной площадкой единичны.

Ширина ударных площадок колеблется в интервале от 1 до 12,5 мм, но у 85,1% не превышает 7 мм. Глубина ударной площадки попадает в диапазон от 0,5 мм до 6 мм. Для 85,1% сколов этот показатель изменяется в интервале от 0,5мм до 2,5 мм. У небольшой части сколов (9,8%) глубина ударной площадки составляет 2,5-4 мм. Пластины с более глубокой ударной площадкой единичны.

Морфологическая характеристика пластинчатых сколов. Огранка. Для большей части (87,6%) пластинчатых заготовок горизонта 3 Губского навеса №7 характерна параллельная однонаправленная огранка. У 8,5% сколов дорсальная сторона сочетает параллельную однонаправленную огранку и участки, покрытые коркой. У 3,2% сколов огранка параллельная встречная.

Форма окончания. Целые сколы и дистальные фрагменты имеют преимущественно перообразное окончание (76,5%). Сколы с петлевидным окончанием малочисленны (16,5%), единичные изделия имеют ныряющее окончание (3,1%).

Профиль. Для части пластин и пластинок характерен прямой профиль, изогнутый профиль встречается только у крупных пластин и единичных пластинок.

Вентральный карниз и изъянец. Базальные части пластинчатых сколов характеризуются плоским, слабовыраженным ударным бугорком. Среди пластин и пластинок выделена небольшая группа сколов с т.н. «неконическим началом скалывающей», т.е. очень широкой и глубокой ударной площадкой при отсутствии ударного бугорка.

Наличие вентрального карниза отмечено у 61,9% целых сколов и проксимальных фрагментов, у 38,1% он отсутствует. 20,1% сколов имеют изъянец на ударном бугорке. У двух сколов на ударном бугорке отмечен глубокий вылом.

Выводы. Приведенное выше описание технологического контекста Горизонта-3 Губского навеса №7 позволяет охарактеризовать технологию расщепления на этом памятнике.

Небольшое число сколов с коркой дает основание предполагать, что первоначальный отбор кусков сырья и подготовка нуклеусов проходили за пределами стоянки. При этом обилие нуклеусов и технических сколов указывают на то, что скалывание заготовок велось непосредственно на стоянке.

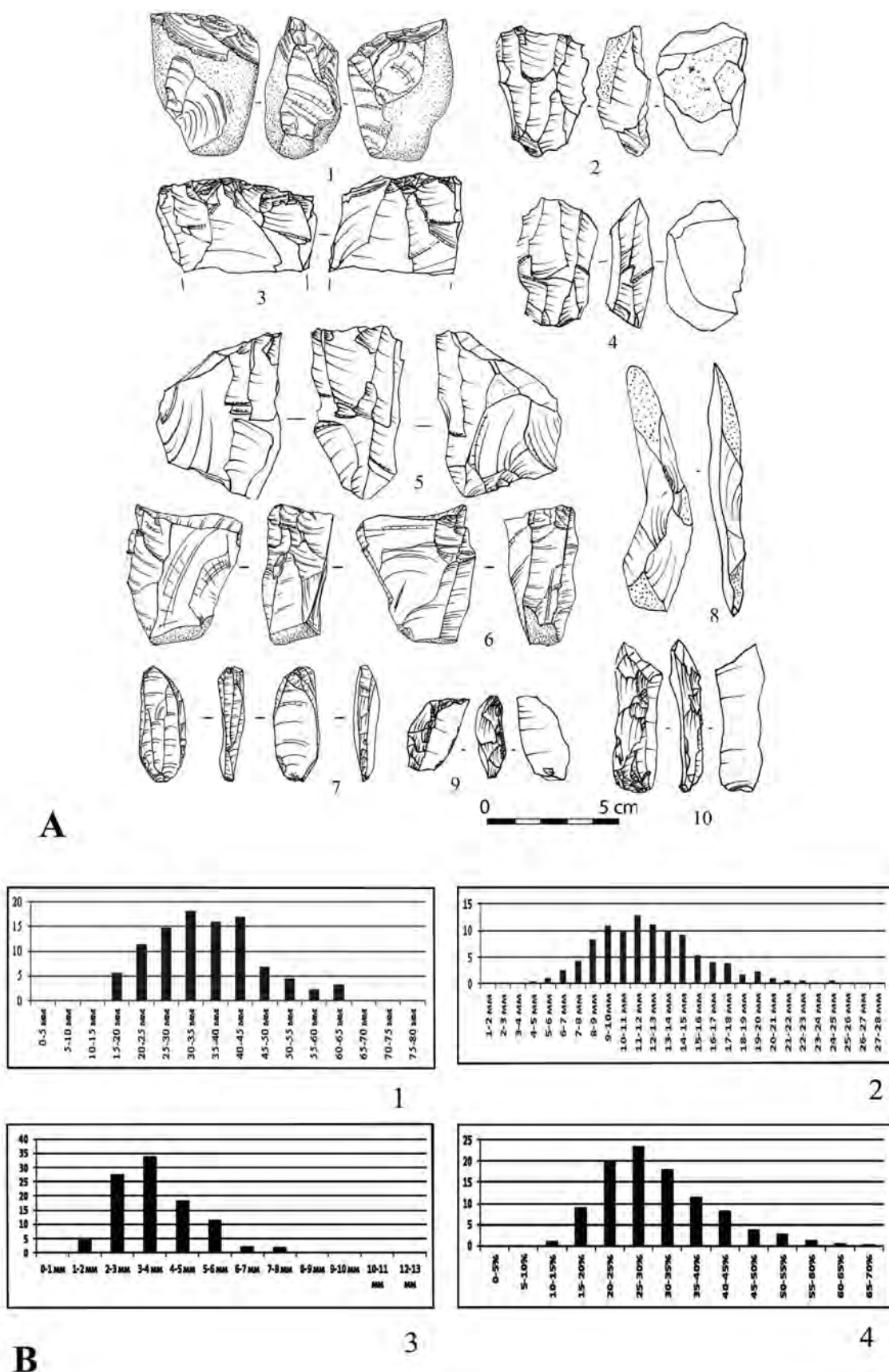

Рис. 1. А. Нуклеусы и технические сколы из Горизонта-3 Губского навеса №7. 1-7 – нуклеусы, 8-10 – технические сколы. В. Метрические параметры сколов заготовок из Горизонта-3 Губского навеса №7. 1 – распределение по длине, 2 – распределение по ширине, 3 – распределение по толщине, 4 – распределение по относительной толщине.

Скалывание велось преимущественно с призматических односторонних нуклеусов с широким фронтом скалывания. Целью расщепления были пластинки и пластины шириной 8-15 мм, которые служили заготовками для подавляющего большинства ретушированных орудий.

Наличие у большей части пластинчатых сколов вентрального карниза, слабо выраженный ударный бугорок, небольшое число сколов с изъязцем позволяют исключить из возможных способов скалывания прямой удар жестким каменным отбойником. Преобладание сколов с достаточно широкими и глубокими ударными площадками (больше 1,5 мм в глубину) исключают использование мягкого минерального отбойника, т.к. для сколов, полученных мягким минеральным отбойником, характерна незначительная глубина ударной площадки (около 1 мм) (Pelegrin, 2000). В тоже время наличие в коллекции серии пластин с прямым профилем и регулярной огранкой предполагает возможность использования техники отжима или удара через посредник. При этом толщина значительной части сколов превышает значения толщины, характерные для пластин, полученных в технике отжима (2,5-3 мм) (Волков, Гиря, 1990), что позволяет предполагать либо возможность сочетания ударной и отжимной техник скалывания, либо использование удара через посредник.

Литература

- Амирханов Х. А. 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М.
- Волков В.П., Гиря Е.Ю. 1990. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск.
- Golovanova L.V., Doronichev V.B. 2020. Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago. Newcastle upon Tyne.
- Pelegrin J. 2000. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de la table-ronde (Nemours, 14-16 mai 1997). Nemours.

Осташинский С. М.

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ПОСЕЛЕНИЯ МЕШОКО

Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко, полученные в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, в основном соответствовали диапазону конца 5 – начала 4 тыс. до н.э., и указывали на более ранний возраст поселения по сравнению с памятниками майкопской культуры (Зайцева, Бурова, Семенцов, 2004). Однако и в этой серии, а также среди датировок других энеолитических памятников присутствовало определенное количество дат майкопского времени, на что обратил внимание М.Б. Рысин, подчеркнувший «разной», противоречивость и немногочисленность полученных результатов (Рысин, 2012).

Уточнение хронологии поселения Мешоко остается актуальной задачей и сегодня. В рамках этой работы было продатировано 27 образцов угля и костей животных, преимущественно из слоя 2 и 3. Слой 3 (светло-серый гумусированный суглинок) – это нижний культурный слой поселения. Слой 2 (темно-серый гумусированный суглинок насыщенный щебенкой) – средний слой, в котором выделяются два уровня – нижний (слой 2b) и верхний (слой 2a). Слой 2 является верхним культурным слоем поселения. Слой 1 (темно-серый гумусированный суглинок) – верхний слой. Он содержит материалы, аналогичные материалам слоя 2a, а также некоторое количество находок поздней бронзы – раннего железного века и средневековья. Полностью или частично этот слой соответствует горизонту современного почвообразования. Из этого слоя для датирования был отобран только один образец.

Табл. 1. Радиоуглеродные даты поселения Мешоко. Часть 1.

Пор. №	Лабор. №	Год, раскоп, квадрат/ горизонт	Слой	Материал	Дата ВР	Дата calBC (95,4 %)
1	Ле-7909	Мш-64. Кол. 2. Кв. Б1-2/6	1	Кость	4030±250	3336-1922
2	Ле-7911	Мш-64. Кол. 2. Кв. Б2/9	2a	Кость	6390±360	6012-4543
3	Ле-7910	Мш-64. Кол. 2. Кв. Б1/7	2a	Кость	5570±380	5312-3645
4	Ле-11220	Мш-08. Р-VI. Кв. И14/3	2a	Кость	3890±210	2911-1772
5	Ле-11472	Мш-07. Шурф I. Кв. Б4/4	2a	Кость	3610±220	2579-1439
6	Ле-11473	Мш-07. Шурф I. Кв. А4/8	2b	Кость	4450±210	3639-2581
7	Ле-11766	Мш-07. Шурф I. Кв. Б4/9	2b	Уголь	5070±70	4036-3657

8	Ле-11469	Мш-07. Шурф I. Кв. А3/6	2b	Кость	5200±160	4341-3655
9	Ле-10476	Мш-08. Р-VI. Кв. М11/4	2b	Уголь	5740±70	4780-4406
10	Ле-11470	Мш-07. Шурф I. Кв. А1-Б1/10	3	Кость	4850±200	4216-3033
11	Ле-10479	Мш-10. Р-VII. Кв. М12/15	3	Уголь	5135±210	4443-3518
12	Ле-11471	Мш-07. Шурф I. Кв. А1-Б1/11-14	3	Кость	5200±160	4341-3655
13	Ле-10478	Мш-10. Р-VII. Кв. М15/15	3	Уголь	5260±130	4351-3786
14	Ле-10477	Мш-07. Шурф I. Кв. Б1/14	3	Уголь	5301±170	4487-3711

Даты, полученные в лаборатории ИИМК (14 экз.), демонстрируют большой разброс значений и большую поправку, в отдельных случаях противоречат стратиграфии (табл. 1).

Еще 6 дат (УМС) было получено в Институте ядерной физики им. Г.И. Будкера в Новосибирске благодаря любезной помощи академика РАН В.В. Пархомчука (табл. 2).

Табл. 2. Радиоуглеродные (УМС) даты поселения Мешоко. Часть 2.

Пор. №	Лабор. №	Год, раскоп, квадрат/горизонт	Слой	Материал	Дата ВР	Дата calBC
1	NSU-1202	Мш-07. Шурф I. Кв. А3/5	2a	Кость	4628±82	3630-3555 (8,4%) 3539-3264 (68,5%) 3246-3101 (18,5%)
2	NSU-1201	Мш-08. Р-VI. Кв. К13/3	2a	Кость	4729±93	3707-3670 (1,6%) 3660-3335 (93,2%) 3213-3191 (0,7%)
3	NSU-1203	Мш-08. Р-VI. Кв. И11/4	2b	Кость	4722±58	3634-3486 (55,5%) 3473-3372 (40%)
4	NSU-1204	Мш-09. Р-VII. Кв. М14, Л15/9	3	Кость	4803±60	3704-3677 (2,9%) 3657-3496 (81,9%) 3452-3445 (0,5%) 3440-3378 (10,1%)
5	NSU-1206	Мш-10. Р-VII. Кв. Л13/18	3	Кость	4953±48	3932-3877 (8%) 3804-3641 (87,5%)

6	NSU-1205	МШ-10. Р-VII. Кв. Л12/14	3	Уголь	4957±60	3945-3857 (15,8%) 3842-3840 (0,2%) 3818-3638 (79,5%)
---	----------	-----------------------------	---	-------	---------	--

Эти даты соответствуют стратиграфии и имеют меньший разброс и погрешность. Первые четыре из них принадлежат майкопскому времени, а две последние, более ранние, соответствуют датам энеолитического 5 слоя навеса Мешоко (Осташинский, Черленок, 2020). Однако по данным относительной хронологии поселение Мешоко предшествует энеолитическому слою навеса, что было установлено А.Д. Столяром и А.А. Формозовым. А энеолитический слой в навесе Мешоко, как показали современные раскопки, предшествует майкопскому слою и отделен от него стерильной прослойкой. Поэтому можно предположить, что описываемая серия дат является омоложенной. Объясняется это, как и большой разброс дат, полученных в лаборатории ИИМК, вероятнее всего, плохой сохранностью образцов.

Выходом из этой ситуации может быть получение новой серии AMS дат. Первые даты, полученные в лабораториях Познани и Манхайма, имеют незначительную погрешность, соответствуют стратиграфии и относительной хронологии (табл. 3). Согласно этим датам нижний культурный слой поселения Мешоко (слой 3) датируется 44-43 вв. до н.э. Даты из нижней части верхнего культурного слоя (слой 2b) относятся к двум хронологическим диапазонам: 43-41 вв. до н.э. и 40-38 вв. до н.э. Это говорит о том, что работа по датированию верхней части отложений поселения Мешоко должна быть продолжена. Сейчас следует отметить, что даты слоя 2b, включая наиболее позднюю из них, предшествуют датам 5 слоя навеса Мешоко, а также датам майкопской культуры.¹

Табл. 3. Радиоуглеродные (AMS) даты поселения Мешоко. Часть 3.

Пор. №	Лабор. №	Год, раскоп, квадрат/ горизонт	Слой	Материал	Дата BP	Дата calBC
1	Роз-133156	МШ-09. Р-VII. Кв. М17/7	2b	Кость	5070±35	3961-3782 (95,4 %)
2	MAMS-49299	МШ-09. Р-VII. Кв. М14/7	2b	Кость	5275±24	4231-4193 (20,7%) 4170-4039 (64,4%) 4021-3992 (10,3%)
3	MAMS-49300	МШ-09. Р-VII. Кв. М14/7	2b	Кость	5304±22	4239-4187 (26,9%) 4176-4048 (68,6%)

¹ Благодарю С. Райнхольд и С. Хансена (Евразийское отделение Германского археологического института) за помощь в получении дат в Центре археометрии им. К. Энгельхорна (Манхайм).

4	MAMS -49302	Мш-10. Р-VII. Кв. Л13/16	3	Кость	5371±24	4330-4282 (29,7%) 4272-4223 (28,9%) 4201-4163 (21,6%) 4130-4108 (3,8%) 4101-4058 (11,5%)
5	Poz- 133159	Мш-10. Р-VII. Кв. Л12/17	3	Кость	5420±40	4352-4228 (86,2%) 4196-4167 (6,8%) 4094-4070 (2,4%)
6	MAMS -49303	Мш-10. Р-VII. Кв. Л12/17	3	Кость	5427±24	4341-4246 (95,4 %)
7	MAMS -40351	Мш-10. Р-VII. Кв. М12/15	3	Уголь	5472±25	4359-4319 (58,9%) 4295-4256 (36,5%)

Литература

Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., Семенцов А.А. 2004 Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб.

Рысин М.Б. 2012. Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа (радиоуглеродная «революция» и традиционная археологическая типология) // Археологические вести. № 18.

Осташинский С.М., Черленок Е.А., 2020. Стратиграфия навеса Мешоко и проблема соотношения культур энеолита и бронзового века на Северо-Западном Кавказе // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога. Archäologie in Iran und Turan. Band 19.

Поплевко¹ Г. Н., Дороничева² Е. В.

¹Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

²Лаборатория доистории, г. Санкт-Петербург

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ГРОТЕ САРАДЖ-ЧУКО: НОВЫЕ ДАННЫЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Работа подготовлена при поддержке РНФ, грант № 17-78-20082

Грот Сарадж-Чуко расположен на левом берегу р. Фандуко (местное название участка реки – Сарадж-Чуко), левобережного притока р. Кишпек, притока р. Баксан (долина р. Терек, Бассейн Каспийского моря) на северном склоне Центрального Кавказа, в ~70 км от г. Эльбрус (5642 м). В административном отношении стоянка находится в ~4 км южнее селения Заюково и в ~20 км по прямой по карте от г. Нальчик (~50 км с учетом автомобильных дорог) в Баксанском районе Кабардино-Балкарской Республики.

Грот был обнаружен в 2016 г. отрядом под руководством Е.В. Дороничевой (Doronicheva et al., 2017). В 2017-2019 были проведены междисциплинарные исследования на стоянке, исследования опубликованы в виде коллективной монографии (Дороничева и др., 2020). В 2021 г. было продолжено комплексное изучение памятника, проведены археологические раскопки, отобраны новые образцы для ОСЛ датирования, изучен новый участок стоянки.

В стратиграфической колонке отложений выделено 11 слоев, три из которых (слои 6В, 6А и 3 – снизу вверх) относятся к среднему палеолиту. Абсолютное большинство артефактов во всех слоях изготовлено из местного обсидиана. Мустьерские индустрии грота Сарадж-Чуко по основным техническим показателям резко отличаются от ранних микокских памятников Северо-Западного Кавказа. Основные технико-типологические показатели позволяют сближать мустьерские индустрии грота Сарадж-Чуко с индустриями мустьерских стоянок восточной части Малого Кавказа и с загросским мустье гор Загрос в Иране (Дороничева и др., 2020).

В данном трасологическом исследовании была впервые изучена небольшая выборка изделий из всех среднепалеолитических слоев (6В, 6А и 3) грота Сарадж-Чуко. Как визуальный анализ, так и анализ изделий под микроскопом, показал, что сохранность поверхности изучаемых материалов хорошо подходит для проведения трасологического исследования. Артефакты не окатаны, поверхность не повреждена патиной, известковыми или иными видами натечков, не повреждены в ходе проведения археологических работ. Отмечается лишь незначительное повреждение поверхности некоторых обсидиановых изделий, вызванное воздействием кислых осадков слоев, а также окислов вулканического пепла или золы из кострищ.

Для сохранения изделий археологические раскопки ведутся в гроте с учетом всех современных методических разработок, крайне осторожно и медленно, с применением металлических и пластиковых ножей, стеков, деревянного инструмента, кисточек с натуральным ворсом, чтобы исключить повреждения поверхности орудий. Все отложения

полностью промываются через двойные сита (нижнее – с ячейками 1 мм), что позволяет собрать коллекцию микроинвентаря. Согласно рекомендациям трасологов, артефакты моются исключительно с помощью кистей с натуральным ворсом. Согласно общепринятой методике, каждый артефакт, включая небольшие фрагменты и осколки, сразу пакуется в индивидуальный пакет с шифром (за исключением чешуек, которые разбираются позднее).

Трасологические исследования проводились на оборудовании, доступном в «Лаборатории доистории». Для исследований были использованы микроскоп МС-2ZOOM с увеличением до 80 крат и микроскоп МСП-2, вариант 5 с увеличением до 160 крат. Для микрофотографирования использовался видеоокуляр TOUPCAM и цифровая камера МС-12. Использовались методики трасологического анализа по: Коробкова, Щелинский, 1996; Поплевко, 2007; Семенов, 1957.

Трасологический анализ позволил определить следующие функции орудий: охотничье вооружение, скобление/строгание кости/рога, обработка дерева, обработка мяса/шкур/сухожилий, обработка других орудий. Состав орудий указывает на многообразие хозяйственной деятельности, которой занимался древний человек на стоянке в период среднего палеолита.

Так, в слое 6В, изученном на площади 40 кв.м., было зафиксировано три кострища. Планиграфический анализ и состав коллекции указывает, что рядом с кострищами осуществлялось активное расщепление, изготовление и использование орудий из обсидиана. Впервые в среднем палеолите Кавказа, в слое 6В грота Сарадж-Чуко выделены с помощью трасологии обсидиановые наконечники копий (Дороничева и др., 2021), которые могли использоваться для охоты на копытных животных, кости которых многочисленны во всех слоях среднего палеолита стоянки. В коллекции выделены орудия для обработки дерева, которые могли использоваться для оформления древков для наконечников. Для крепления наконечников предположительно использовался битум. Часть орудий связана с разделыванием охотничьих трофеев. Это, прежде всего – ножи для мяса. Также на стоянке в период среднего палеолита, возможно, происходило изготовление одежды, на что указывают орудия, связанные с обработкой шкур. Несомненно, что это предположение требует более детального изучения.

По археологическим данным, в период формирования слоя 6А активность обитания древнего человека на стоянке в гроте резко снижается. Характер индустрии в слое 6А свидетельствует, что грот продолжают посещать носители культурной традиции загросского мустье. Трасологические исследования указывают и на снижение видов деятельности древнего человека на стоянке в этот период.

Самый поздний этап обитания древнего человека в гроте Сарадж-Чуко зафиксирован в слое 3. Вероятно, в этот период человек редко заходил в грот. С уменьшением активности посещения можно говорить о сужении хозяйственной деятельности. Расщепление каменного сырья было ограничено. В основном, на стоянку приносились готовые к использованию орудия и сколы-заготовки.

Таким образом, трасологический анализ позволяет реконструировать разнообразие видов деятельности, которыми занимался древний человек в среднем палеолите в период

обитания в гроте Сарадж-Чуко. Эти данные, вместе с данными других видов анализов, дополняют картину заселения древним человеком этой стоянки.

Литература

Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Мурый А.А., Поплевко Г.Н., Иванов В.В., Корзинова А.С., Цельмович В.А., Блэквелл Б.А.Б., Кази М.Ф., Хуанг К.Л.К., Сингх И.К.С., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Шекли М.С., Спасовский Ю.Н. 2020. Грот Сарадж-Чуко в Приэльбрусье (результаты междисциплинарных исследований 2017-2019 гг.). СПб.

Дороничева Е.В., Поплевко Г.Н., Иванов В.В. 2021. Организация жилого пространства и хозяйственная деятельность на среднепалеолитической стоянке в гроте Сарадж-Чуко (по материалам слоя 6В). // Поволжская Археология. №3 (37).

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. 1996. Методика микро-, макроанализа древних орудий труда. Часть 1. СПб.

Поплевко Г.Н. 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.

Семенов С.А. 1957 Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.-Л.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Shackley M.S., 2017. The first Middle Paleolithic site exhibiting obsidian industry on the northern slopes of the Central Caucasus. // *Antiquity* 91 (359).

Поплевко Г. Н.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЕРАМИКИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

В основу данного исследования будут положены трасологические, технологические, экспериментальные и этнографические наблюдения по изготовлению древней керамики в эпоху неолита на Нижнем Дону и эпохи ранней бронзы на Северо-Западном Кавказе. Такой комплексный подход к анализу материалов позволяет фиксировать некоторые детали, которые выпадают при анализе только одним из методов. Комплексный подход к исследованию керамики из поселения Ракушечный Яр применялся автором с 2010 г., используя комплексный подход, о чем показано в ряде публикаций (Поплевко, 2011 *а-д*; 2012; 2013 *а-г*; 2014 *а-в*). В работе рассматриваются итоги экспериментальных исследований технологии изготовления керамики в эпоху раннего неолита на Нижнем Дону и эпохи ранней бронзы на Северо-Западном Кавказе. Комплексная археологическая экспериментально-трасологическая экспедиция ИИМК РАН под руководством автора при финансовой поддержке РФФИ проводила многолетние с 2010 по 2020 гг. экспериментальные исследования по изучению древних технологий изготовления керамики.

Визуальный анализ керамики (без систематизации по типам и реконструкции) всего поселения проводился совместно с Т.Д. Белановской в 1995-1997 гг. в процессе передачи всей коллекции материалов поселения Ракушечный Яр с хранения на кафедре археологии СПбГУ на хранение фондов Отдела археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕ-иС) Государственного Эрмитажа.

При поддержке РФФИ с 2010 г. проводилось комплексное исследование керамики из нижних слоев поселения Ракушечный Яр, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Статистически были обработаны образцы с 12 по 23 слой. В таблице 1 показано, как распределяются фрагменты керамики в нижних неолитических слоях поселения. В самых нижних слоях – с 21-23 – количество фрагментов составляет всего 104 экз., из них только 13 венчиков и 5 стенок имели орнамент. Часть фрагментов имела расчески на внутренней поверхности от разглаживания зубчатым штампом из ракушки, кости или сланца. 20 слой наиболее насыщен керамикой из самых нижних слоев. Затем с 16 по 19 слои – немногочисленное количество керамики. Начиная с 15 слоя, количество фрагментов превышает 100 и более экземпляров, также возрастает и количество орнаментированных обломков керамики.

Таблица 1. Количественное распределение керамики пос. Ракушечный Яр по слоям 23-12.

Слой	Всего, экз.	Венчики		Фрагмент плоского донца	Фрагменты стенок сосудов	
		орнамент	без орнамента		орнамент	без орнамента
12	198	11	24	19	15	129
12 зачистка	76	7	6	+1	2	60
13	467	19	74	21+1	35	316
14	283	18	21	14	15	215
14-15	10	-	3	2	-	5
15	108	8	13	5	6	76
16	23	10	1	1	1	10
17-16	13	-	1	3	-	9
17	23	5	3	-	2	13
18	55	3	6	3	1	42
19	76	7	10	8	4	46
19-20	1	-	-	-	-	-
20	201	20	43	16	9	113
21	54	7	7	9	2	29
22	5	2	1	-	-	2
23-22	3	-	-	-	-	3
23	42	4	6	2	3	19
ИТОГО	1638	121	219	103+2	95	1087

В начале основные исследования были сосредоточены на изучении и экспериментальном моделировании сосудов из нижних слоев эпохи раннего неолита многослойного поселения Ракушечный Яр. Это в основном баночные плоскодонные сосуды с небогатым орнаментом. Практически все виды орнамента были экспериментально смоделированы, соотнесены с отпечатками разных ракушек, фрагментами костей или специально изготовленных орнаментиров. Экспериментальные, трасологические и петрографические исследования помогли подобрать источники глин, состав примесей и приемы лепки, а также способы обработки внешней и внутренней поверхностей сосудов. Уточнены некоторые виды орнамента, которые ранее связывали с другими орнаментами, в частности отпечатки раковины *Viviparus*. Для моделирования керамических сосудов были использованы современные илистые глинистые осадки в русле протоки Дона, а также более древние отложения в русле Дона – монтмориллонитовые сине-бурые глины во влажном состоянии и железистые красные глины также из берегов русла Дона. Также были использованы источники схожих глин, но из сухих источников. Для реконструкции лепки плоскодонных

баночных сосудов были использованы илестые глины, монтмориллонитовые, красные железистые и белые карбонатные. В качестве примесей служили органические составляющие и размолотая ракушка и песок. Для завершения экспериментов использовались разные приемы обжига: над костром, у костра, и в яме под костром. Для обжига были использованы поленья из сосны и плодовых деревьев, а также тростник. Самые высокие температуры были у сосудов у костра после исследования их фрагментов петрографическим анализом, также от тростникового обжига. Длительность обжига – 36 часов. Позднее были более короткие условия обжига. В экспериментах использовались жгутовая, ленточная и лоскутная (фрагментами лент) лепка, а также ленты на форме, изготовленные раскаткой куска глины с последующим нарезанием лент в плоской форме-доске с бортиками, как для раскатки теста. Проводилась раскатка глиняного теста с последующим нарезанием лент определенной ширины. Регулятором в данном случае выступает форма с бортиком, который определяет толщиной лент соразмерной археологическим образцам. В следующий год были использованы приемы обжига в яме примерно до 1 м глубиной. Для обжига были использованы кусты срезанного боярышника и связки тростника. Длительность обжига 8-10 часов, т.к. пламя не сразу исчезло. Далее несколько дней оно остывало. Керамика в яме обожглась очень хорошо, но часть керамики получила микротрещины из-за того, что не было достаточного времени для ее остывания. Эти данные показали, что микротрещины на лепных сосудах идут не по лентам соединения, а произвольно, независимо от приема лепки, причем части сосуда могут быть разного цвета в зависимости от близости к костру и остаткам дымящихся головешек. Дальнейшая склейка фрагментированных сосудов показала, что на одном сосуде могут быть как фрагменты красного, так и черного цветов, а также в изломе однородные, одноцветные, двуцветные и трехцветные.

В дальнейших экспериментах были использованы приемы лепки лентами с последующей выколоткой стенок сосудов. Наблюдения археологической керамики и разных приемов лепки показали, что археологическая керамика была изготовлена как ручной лепкой, так и сочетанием приемов ручной лепки и последующей выколотки. Прослежено на ее поверхности два вида ангоба: один жидкий, а второй более густой по типу сметанообразной массы. М.А. Кулькова петрографическим методом определила третий тип ангоба, который наносился отмученным жидким составом другой глины, отличающейся от основного теста керамики (табл.2). Помимо этого, проводилась серия экспериментов по смешанному составу глин, когда более тощие глины смешивались с так называемыми «жирными». Были смоделированы сосуды и других неолитических стоянок, в частности стоянки Байбек. Это очень крупные плоскодонные сосуды высотой 20-30 см.

Таблица 2. Пример петрографического анализа керамики из нижних слоев поселения Ракушечный Яр (анализ выполнила Кулькова М. А.)

Керамика	Глины	Обработка поверхности	Отощитель	Источники вещества	Обжиг
23 слой:	Образец: 0310 (325-33/26)				
керамика тонкостенная (6 мм), плотная	глины (жирные) гидрослюдистого состава, кластическая составляющая: слюда и карбонат (15%). Большое количество включений разложившихся остатков раковин и органики	заглаживание внешней поверхности и обработка внутренней	алеврит (20%), размер зерен 0,07-0,7 мм, шпат (15%), размер зерен 0,5 мм. Состав алеврита: кварц, зерна средней окатанности	сапропелевые, обогащенные органикой отложения из поймы и алеврит из береговых частей на суходоле	среднетемпературный, кратковременный (650-800 °С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – коричневого цвета (0,3 мм), граница резкая
21 слой	Образец: 0338 (325 30/39)				
керамика толсто-стенная (8 мм), плотная	глины (жирные) гидрослюдистого состава, кластическая составляющая (10%): слюда, кварц. Включения разложившихся остатков раковин и органики	верхняя поверхность покрыта отмученной глиной другого, чем черепок, состава (тощие гидрослюдистые глины), внутренняя поверхность заглажена материалом	алеврит (10%), размер зерен 0,07-0,7 мм. Состав алеврита: кварц, полевой шпат, зерна средней окатанности Пористость (10%), тонкие, узкие, длинные поры от выгоревшей органики (болотного происхождения) и остатков мелких раковин, длина пор до 3 мм	сапропелевые, обогащенные органикой отложения из поймы и алеврит из береговых частей на суходоле	среднетемпературный, кратковременный (650-800 °С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – бежевого цвета (0,3 мм), граница резкая, черепок науглерожен в результате не полностью выгоревшей органики

В 2013–2015 гг. были проведены эксперименты по моделированию сосудов с помощью техники выколотки. Была изготовлена целая серия круглодонных и плоскодонных сосудов с помощью техники выколотки, а также с сочетанием разных приемов – ручной лепки и выколотки.

Экспериментально-трассологическое исследование керамики поселения Ракушечный Яр позволило зафиксировать:

- ручную лепку сосудов лентами;
- лепку сосудов на форме-основе;
- лепку сосудов сочетанием приемов – ручной лепки и выколотки на руке деревянной лопаточкой.

Второе направление исследований по моделированию майкопской керамики ранее было более полно и разносторонне описано, и представлено в многочисленных публикациях автора, а рамки тезисов не позволяют также подробно показать экспериментальные исследования по этой теме.

Изучение большого разнообразия техники лепки круглодонных и плоскодонных сосудов следует продолжить и провести экспериментальное моделирование разных приемов с целью последующего сравнительного анализа структуры поверхности и стенок сосудов для выявления характерных признаков разных приемов лепки. Это основная задача экспериментальных и трассологических исследований на ближайшие годы.

Литература

Поплевко Г.Н. 2011а. Методика экспериментальных исследований по моделированию лепной керамики // Труды III (XIX) археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб. – М. – Великий Новгород.

Поплевко Г.Н. 2011б.о. Методический подход к комплексным трассологическим, экспериментальным и естественнонаучным исследованиям // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск.

Поплевко Г.Н. 2011в. Эксперименты по лепке и обжигу лепной керамики // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Материалы международной научной конференции 17–18 июня 2011 г. Самара.

Поплевко Г.Н. 2011г. Эксперименты по лепке сосудов из разных глин на твердой основе // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень.

Поплевко Г.Н. 2011д. Эксперименты по формовке и обжигу лепных керамических сосудов // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова). Сухум.

Поплевко Г.Н. 2012. Экспериментальное моделирование профилированной керамики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала.

Поплевко Г.Н. 2013а. Технология изготовления майкопской керамики // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола. М.

Поплевко Г.Н. 2013б. Трасологическое исследования материалов поселения майкопской культуры Чекон // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.

Поплевко Г. Н. 2013в. Эксперименты по лепке профилированной керамики // Гістарычна-археалагічны зборнік 23. Мінск.

Поплевко Г. Н. 2013г. Комплексное исследование и реконструкция древних технологий (методический аспект) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Иркутск – Омск.

Поплевко Г. Н. 2014а. Разные технологические приемы ручного изготовления профилированной керамики // Верхнедонской археологический сборник 6.

Поплевко Г. Н. 2014б. Приемы ручной лепки круглодонной керамики по данным археологии, этнографии и экспериментального моделирования // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. Материалы XXVIII Крупновских чтений. М.

Поплевко Г. Н. 2014в. Техника выколотки и ручная лепка сосудов без использования гончарного круга // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань 2014.

S. Reinhold¹, N. Ya. Berezina², W. Haak³, A. Ghalichi³, Ch. Warinner^{3,4},
 A. Scott³, C. Knipper⁵, R. M. Galeev⁶, A. A. Kalmykov⁷,
 A. B. Belinskiy⁷, S. Hansen¹.

¹*Eurasia-Dept. DAI, Berlin, Germany,*

²*Research Institute and Museum of Anthropology, MSU, Moscow, Russia,*

³*Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, Germany,*

⁴*Harvard University, Cambridge, USA,*

⁵*Curt-Engelhorn Centre for Archaeometry, Mannheim, Germany,*

⁶*Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russia,*

⁷*OOO 'Nasledie', Stavropol', Russia*

MR. SHARAKHALSUN – MODERN BIOARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE NORTH CAUCASUS EXEMPLIFIED BY A SINGULAR INDIVIDUAL FROM SHARAKHALSUN 6, KURGAN 2

Modern bioarchaeological methods are becoming increasingly relevant in the interpretation of archaeological issues. Since 2016, an international team of experts from Russia and Germany has been addressing such questions for the Bronze Age on the basis of the thousands of skeletons that have been excavated in the North Caucasus and the neighbouring steppes over the last three decades.

Mr. Sharakhalsun, or better the male individual buried in grave 18 in kurgan 2 of the mound group Sharakhalsun 6 in the valley of the Raguli river, border of Apanasenkovsky and Turkmeny districts, Stavropol Region, who was excavated in 2001, offers the opportunity to apply nearly all current methods of bioarchaeological research, encompassing the archaeology of Maykop graves, the technological study of early wagons, radiocarbon dating, physical anthropology, isotope analyses, archaeogenetics, and most recently the analysis of proteins to detect the consumption of milk as an indicator of the economy of the group to which he belonged.

The contextual evidence allows us to reconstruct aspects of the life history of this man and presents him as a driver of a wagon, who was buried sitting on his vehicle in a small, catacomb-like shaft. He belongs to a group of graves known as the 'sitting dead', which N. I. Shishlina has previously identified as a special group of Maykop burials in the South Russian/North Caucasian steppe (Shishina, 2008). At the same time, his vehicle is the oldest dated wooden wagon in Eurasia so far. Physical anthropology detected 29 healed bone fractures that date to several years before his death, and which resemble trauma from accidents involving a wagon or draft animals, or both (Tucker et al., 2017). The severity of the damage to the bones indicates that this individual was reliant on the help of other people for a long time following the accident(s).

The carbon and nitrogen isotope data, which reflect the diet of his last years of life, show that he consumed a protein-rich diet of animal products originating from the steppe (Knipper et al., 2020). The fact that the diet of Maykop-associated individuals found in the steppe, like him, showed little isotopic signal indicative of residence in the mountain foothills was a first indication that these individuals belong to distinct Maykop groups that did not, as had been previously assumed, migrate seasonally between the foothills and the steppes.

In addition, results from osteometric investigations suggested a difference between the populations from the steppe sites and those in the foothills. The limbs of foothill groups seemed to be longer, and people there are taller in general. The Steppe group showed a higher variability in height/stature, and while Mr. Sharakhalsun's bone length is on the extreme upper end for the Steppe group, he falls within the median range of the foothill group.

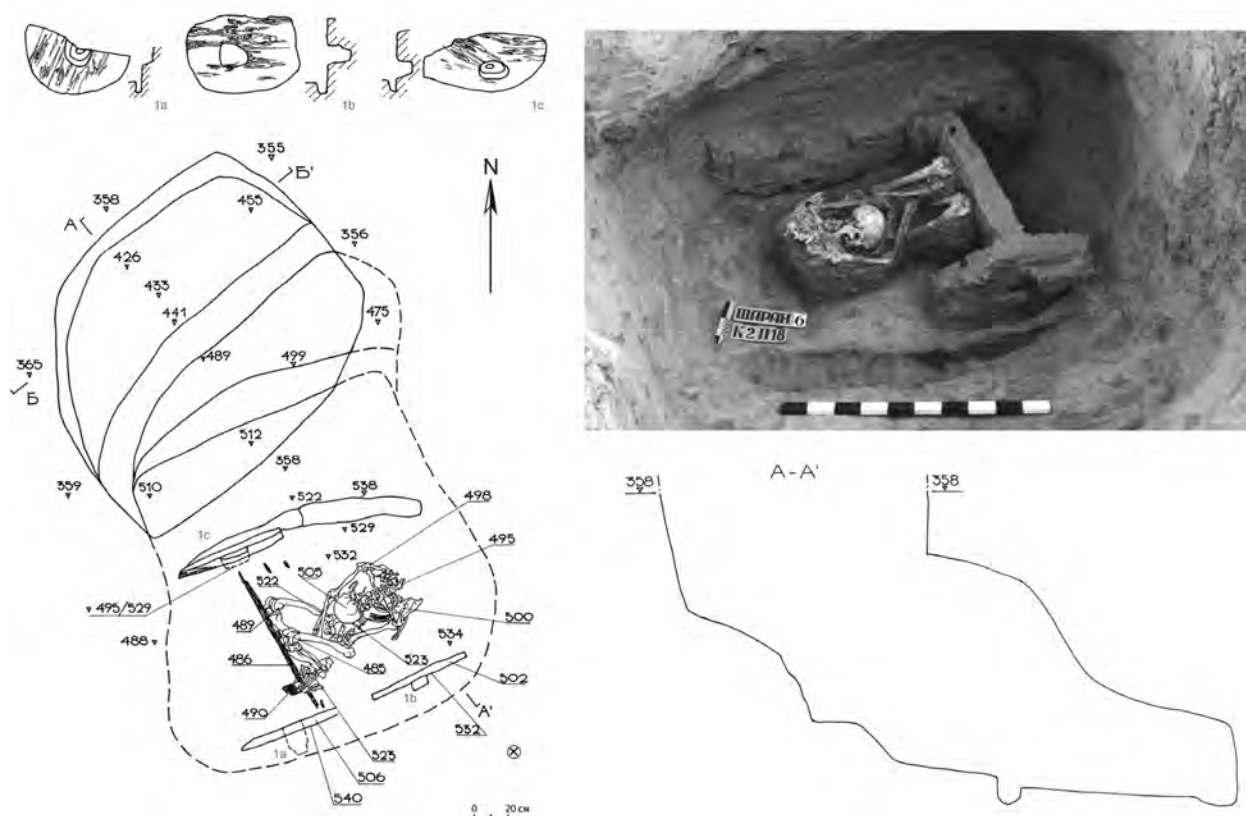

Fig. 1. Sharakhalsun 6, kurgan 2, grave 18.

Recent proteomic analysis of Mr. Sharakhalsun's dental calculus made it possible to determine that he had consumed the milk of sheep – as had all contemporaneous Eneolithic and Maykop-associated individuals from all environmental zones of the Caucasus. The number of milk-associated peptide spectral matches (PSMs) identified in his dental calculus ($n=116$) are among the highest that have ever been recorded in a human, ancient or modern, and include matches to three separate sheep milk proteins: beta-lactoglobulin, alpha-lactalbumin, and alpha-S1-casein.

Parallel archaeogenetic analyses revealed an even bigger surprise (Wang et al., 2019): the genomic profile of Mr. Sharakhalsun indicates that he belonged to a group of individuals who can be genetically differentiated not only from Maykop individuals in the foothills, but also from Eneolithic individuals in the steppe, in that the Steppe Maykop individuals carry a higher proportion of Ancestral North Eurasian (ANE) ancestry that was more common in regions east of the Urals. Steppe Maykop individuals form a biologically distinct group within the various Eneolithic and Bronze Age groups of the Caucasus, but their material culture assigns them clearly to the Maykop culture-historical community.

Archaeogenetic analyses not only permit population genetic assessments of the studied individuals, which informs on the genetic history of prehistoric populations and the processes that led to today's populations of the region. The genetic data also reveals information about variants that inform on the individual's phenotype and genetic traits under selection. This information, together with the anthropological methods of facial reconstruction, enables an informed reconstruction of Mr. Sharakhalsun appearance in which specific details such as hair, eye and skin pigmentation are based on the observed phenotypic variant alleles.

Considering all lines of evidence together, the studied male individual from kurgan 2 in Sharakhalsun 6 showcases how the strengths of multiple analytical approaches can produce outstanding insights when combined in a single project.

The differentiation of the Maykop groups into distinct populations living in mountain foothill zone and those that were permanently established in the steppe is no longer only a hypothesis based on archaeological arguments, but now also has a strong biological foundation. And the current archaeogenetic studies indicate that this was not only the case for the Steppe-Maykop and the classical Maykop populations, but that the genetic structure of the Early Bronze Age in the North Caucasus was a much more complex array of different regional subgroups than thought before.

References

Knipper C., Reinhold S. et al. 2020. Diet and subsistence in Bronze Age pastoral communities from the southern Russian steppes and the North Caucasus // PLOS ONE October 14, 2020. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239861>.

Shishina N. 2008. Reconstruction of the Bronze age of the Caspian Steppes: life styles and life ways of pastoral nomads. // BAR. Is. S1876. Oxford.

Tucker K., Berezina N. et al. 2017. An accident at work? Traumatic lesions in the skeleton of a 4th millennium BCE “wagon driver” from Sharakhalsun, Russia. // HOMO – Journal of Comparative Human Biology. Volume 68. Issue 4. <https://doi.org/10.1016/j.jchb.2017.05.004>.

Wang C.-C., Reinhold S. et al. 2019. Ancient Human Genome-Wide Data from a 3000-Year Interval in the Caucasus Corresponds with Eco-Geographic Regions. // Nature Communications 10 (1) <https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8>.

Ch. Warinner^{1,2}, **S. Reinhold**³, **A. Scott**¹, **N. Ya. Berezina**⁴, **W. Haak**¹,
A. Ghalichi¹, **C. Knipper**⁵, **A. A. Kalmykov**⁶,
A. B. Belinskiy⁶, **S. Hansen**³

¹*Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, Germany*

²*Harvard University, Cambridge, USA*

³*Eurasia-Dept. DAI, Berlin, Germany*

⁴*Research Institute and Museum of Anthropology, MSU, Moscow, Russia*

⁵*Curt-Engelhorn Centre for Archaeometry, Mannheim, Germany*

⁶*OOO 'Nasledie', Stavropol', Russia*

THE ROLE OF THE CAUCASUS IN THE BEGINNING OF PASTORALISM IN EURASIA

Pastoral livelihoods are at the economic heart of many pre-modern populations across Eurasia (Frachetti, 2012; Honeychurch, Makarewicz, 2016). Milkable ruminants and equids, such as cattle, sheep, and horses, are able to transform inedible grasslands into nutritious dairy products that can form the basis for a protein-rich, animal-based diet. Various dairy products play a decisive role in this, because processed forms of milk, such as curds, cheeses, and butter, not only increase the digestibility of this primary animal product, but they also make it more durable and storable, allowing milk products to be consumed year-round.

The importance of livestock husbandry for societies in the Caucasus – whether they lived in the mountain zone or in the valleys to the south or north – is well known. What has not been known until now was when the first steps towards this important economic development were taken (Shishlina, 2008). Did this new use of animals travel northwards together with the first domesticated animals from the South Caucasus? Or did the secondary use of animal products only develop later, during the course of the 4th and 3rd millennia BCE, as was long assumed from a European perspective (Sherratt, 1981)? What contribution did the "Pastoral Revolution" have in the Caucasus, and what role did it play in the opening up of the Eurasian steppe as a human habitat?

To answer these questions, we have conducted extensive paleodietary analyses based on stable isotope analysis of human and animal bone and proteomic analysis of human dental calculus across a transect through time. The first method is informative about lifelong dietary patterns and trends, and can be used to reconstruct local ecologies and climatic variability over time. The second method allows us to directly identify milk proteins consumed by ancient populations and to determine the livestock species of origin of the dairy products. Together, these methods provide valuable insights into the subsistence activities of prehistoric pastoralists and their ecological challenges.

Bone collagen stable isotope values for C and N of both humans and livestock are highly variable across the study area, indicating regional diversity and variability in environmental conditions and diets (Knipper, et al. 2020). The isotopic values are consistent with diets rich in animal products, and are suggestive of a primarily reliance on small herbivores, such as sheep and goats. These results are in agreement with zooarchaeological analysis of faunal remains recovered from graves and mound fill. In addition, foodstuffs with elevated carbon and nitrogen isotopic values, such as the meat of unweaned animals, fish, or arid-tolerant plants, also contributed to human diets, especially among communities living in the drier regions. Regionally variable, but locally consistent animal and human stable isotope values with few outliers points to mobility radii that were largely concentrated within the environmental zones in which the respective sites are located.

Against this isotopically diverse but ecologically fragile landscape, we analysed temporal and regional trends in dairy product consumption by measuring milk proteins present in the human dental calculus. We found that sheep dairying accompanies the earliest forms of Eneolithic pastoralism in the North Caucasus and can be detected as early as 4338-4074 BCE at the piedmont site of Progress 2. During the 4th mill. BCE, Maykop and early Yamnaya populations focused their dairying activities exclusively on sheep, and likely used cattle for traction and other purposes. During the late Yamnaya and North Caucasus Culture phases, we observed a breakdown in livestock specialization and an economic diversification of dairy herds to also include goat and cattle milking. The onset of this trend correlates with ecological changes towards aridification, followed by progressively deteriorating conditions during the Catacomb and Lola periods (Борисов и др., 2006; Shishlina et al., 2017). We hypothesize that the need for additional pastures to support livestock herds during these periods may have driven the heightened mobility of the Middle and Late Bronze Age periods. Beginning around 1700 BCE, there was a general depopulation of the steppe, followed by a repopulation centuries later by pre-Scythian groups once ecological conditions improved during the Early Iron Age. We found that these Early Iron Age groups practiced a broad mobile dairy economy that included a new focus on horse milking.

Taken together, our evidence confirms that dairy pastoralism has played a prominent role in the economies of Caucasus populations since the Eneolithic period. During the subsequent Bronze Age, fluctuating ecological conditions likely played an important role in influencing herd composition and management, and we argue that the heightened mobility of Caucasus groups during the Middle and Late Bronze Ages may have been an adaptive strategy to increasing climatic instability and deterioration. Finally, we find that horse milking likely only became widespread in the region after it was introduced by pre-Scythian groups in the Early Iron Age.

References

- Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Дёмкин В.А. 2006. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы, IV-II тыс. до н.э. М.
- Frachett M. D. 2012. Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia // *Current Anthropology*. 53.
- Honeychurch W., Makarewicz Ch. 2016. The Archaeology of Pastoral Nomadism // *Annual Review of Anthropology*. 45.
- Knipper C., Reinhold S. et al. 2020. Diet and subsistence in Bronze Age pastoral communities from the southern Russian steppes and the North Caucasus // *PLoS ONE* October 14, 2020. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239861>.
- Shishina N. 2008. Reconstruction of the Bronze age of the Caspian Steppes: life styles and life ways of pastoral nomads. // *British Archaeological Reports*. Is.1876. Oxford.
- Shishlina N., Sevastyanov V., Kuznetsova O. 2017. Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain based on the isotope data of modern and archaeological animal bones and plants // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2017. Vol. 21.
- Sherratt A. G. 1981. Plough and Pastoralism. Aspects of the Secondary Products Revolution // Hodder I., Isaac G., Hammond N. (Eds.). *Pattern of the Past (Studies in honour of David Clarke)*. Cambridge.

Резепкин¹ А. Д., Кулькова² М. А., Поплевко¹ Г. Н.

¹Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-ДЖЕГУТИНСКОЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

По композиционному составу глин и отощителей можно выделить несколько рецептур керамического теста, а условия среды обжига и температурные характеристики позволяют охарактеризовать использованные технологические приемы. Всего репрезентативно было выбрано 70 образцов.

Было выделено 5 типов глин, из которых были изготовлены сосуды. Чистые: 1 – гидрослюдистые, 2 – смектитовые. Смешанные: 3 – карбонатно-гидрослюдистые, 4 – гидрослюдисто-каолинитовые, 5 – хлоридно-смектитовые.

Из глин первого типа был проведен анализ по 13 образцам, второго – по 14, третьего – по 28, четвертого – по 13 и пятого – по 2.

Керамика, изготовленная из гидрослюдистых глин – 13 экз. Почти вся подвергалась окислительному обжигу – 12 экз. и только 1 – восстановительный. Из 13 экземпляров 8 образцов с примесью либо песка, либо дресвы. Обжиг образцов с примесью происходил при довольно широком диапазоне – 600-900 градусов, а без примесей в более узком – 800-900.

Керамика, изготовленная из смектитовых глин – 14 экз. 12 из них подверглись окислительному обжигу, 2 – восстановительному. 11 экз. с примесью дресвы, 3 – известняка. 13 экземпляров обжигались при температуре 600-700 градусов, 1 – при 700-800. Еще 4 образца были проанализированы ранее. Все окислительного обжига, 2 без примесей, 1 – с песком, 1 – с дресвой (Резепкин, Кулькова, 2019).

Керамика, изготовленная из смешанных глин. Наиболее многочисленные – карбонатно-гидрослюдистые – 28 экз. 24 из них подверглись окислительному обжигу, 4 – восстановительному. Без примесей – 17 экз. С примесью – 11, из них 5 с дресвой, 4 – песок, 1 – песок и шамот, 1 – дресва и шамот. 13 экземпляров обжигались при температуре 600-700 градусов, 1 – при 700-800.

Керамика, изготовленная из гидрослюдисто-каолинитовых глин, – 13 экз. Все подвергались только окислительному обжигу. Без примесей – 10 экз. 2 экз. – дресва, 1 экз. – песок. 12 экз. обжигались при температуре 600-850, 1 – при 800-1100 градусах (с примесью песка).

Керамика, изготовленная из хлоридно-смектитовых глин – 2 экз. Обжиг окислительный, примесь дресвы, обжигались при температуре 600-700 градусов.

Итого анализу были подвергнуты 74 образца. Из представленных данных видно, что из чистых глин мы имеем 31 экземпляр, из которых только 7 экз. не содержат примеси. Общий температурный обжиг – 600-850 градусов.

Из смешанных глин обработано 43 экземпляра. Из них без примесей – 27 экз. То есть, надо полагать, что при выделке керамики хорошего качества и без примесей предпо-

читались смешанные глины. Таким образом, из 74-х экземпляров керамики только 34 образца не содержат примесей. Можно сделать предварительный вывод, что в усть-джегутинском варианте майкопской культуры, по крайней мере на поселенческом материале, все же несколько преобладает керамика с примесями.

Если же мы обратимся к другому варианту майкопской культуры, иноземцевско-костромскому (псекупскому), то увидим, что здесь большинство керамики было изготовлено из чистых гидрослюдистых глин – 20 экз. Соотношение керамики с примесью и без примеси практически одинаково (Резепкин, Кулькова, 2019). Также велико количество экземпляров из смектитовых глин – 18 из 51, большинство с примесями. 8 образцов – из каолиновых глин, почти все – без примесей. Здесь 46 экземпляров керамики изготовлено из чистых (не мешаных) глин и только 5 – из смешанных (Резепкин, Кулькова, 2019. С. 34-35).

Исходя из данных выборок (всего 125 экз.), можно сделать вывод, что если в усть-джегутинском варианте большинство керамики изготовлялось из смешанных глин, то в иноземцевско-костромском – из чистых. Количество керамики с примесями также, как и в усть-джегутинском, несколько преобладает – 28 из 51.

Литература

Резепкин А. Д., Кулькова М. А. 2019. Сравнительный анализ из поселений майкопской и погребений новосвободненской культур по данным петрографических исследований // Записки ИИМК РАН. Вып. 21.

Рябогина¹ Н. Е., Трошина² А. А.; Южанина¹ Э. Д.,
Идрисов³ И. А., Борисов⁴ А. В.

¹Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень

²Институт археологии РАН, г. Москва

³Институт геологии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

⁴Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пуццино

ДИНАМИКА КЛИМАТА И ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОСИСТЕМ ГОРНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ГОЛОЦЕНЕ

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 19-18-00406

Для реконструкции природных условий в горной зоне Кавказа наиболее результативно использование палинологических данных болотных или озерных отложений. Длиннопериодические пыльцевые «летописи» из торфяных или донных отложений наглядно документируют изменения растительности под влиянием климата, позволяют проследить динамику верхней границы леса, состояние лугово-степной растительности, колебания в тепло и влагообеспеченности, и зачастую влияние хозяйственной деятельности людей на состояние экосистем.

В отличие от других районов Кавказа, его западная часть была обеспечена пыльцевыми записями из озерно-болотных отложений. Так, наиболее западной точкой исследования были ледниковые озера Серны и Корго в истоках р. Безымянка (Kvavadze, Efremov, 1994), приуроченные к субальпийской зоне Кавказского биосферного заповедника. Интересная серия из трех торфяников изучена в районе Архыза, вдоль р. Кяфар (Kvavadze, Efremov, 1996). Однако эти природные архивы, как правило, охватывают только вторую половину голоцена, и, к сожалению, они плохо датированы радиоуглеродным методом. Одна или две датировки не дают возможность сделать точную хронологическую привязку полученных палеоэкологических выводов, что особенно важно для археологических задач. Однако болото Луганское, также исследованное ранее (Kvavadze et al., 1994), наиболее перспективно для повторного изучения и при детальном датировании отложений могло стать ключевым объектом для реконструкции природных условий всего голоцена Западного Кавказа.

Болото Луганское (2428 м над у.м.) расположено в истоках р. Закан, в Кавказском биосферном заповеднике. Новая колонка отложений, отобранная в 2019 году, обеспечена серией из 10 дат, что позволило построить надежную возрастную модель по калиброванным датировкам и детально проанализировать хронологическую последовательность изменений растительности и облика ландшафтов на протяжении 10,5 тыс. лет.

Установлено, что в раннем голоцене, примерно до 9,4 тыс. л.н., на склонах гор почти не было лесов, а обилие пыльцы полыней, злаков и маревых указывает на недостаток увлажнения, поэтому основной облик ландшафтов формировали остепненные луга. После 9,4 тыс. л.н. их сменили смешанные леса с сосной, пихтой и елью, при участии березы, граба и вяза. Экспансия древесной растительности, значительное облесение склонов и формирование выраженного лесного пояса произошли быстро и хорошо согласуются с потеплением и улучшением увлажнения в начале голоцена. В небольшом количестве всегда присутствует также пыльца бука, лещины, кленов, дуба, липы, ореха и каштанов, пыльца которых, вероятно, заносилась из широколиственных лесов низкогорного лесного пояса.

Наиболее благоприятные условия для расширения пояса светлохвойных лесов отмечены около 8,2-7,0 тыс. л.н. Но в интервале 7,0-5,0 тыс. л.н. роль сосновых лесов со-

крашается и в составе древостоя заметно возрастает доля пихты, бука, ореха и каштана, что свидетельствует о расширении их ареала и возможности продвижения лесной границы выше на фоне потепления и хорошего увлажнения. Начиная с 4,5 тыс. л.н. лесной пояс начал снижаться в результате похолодания, основой лесов в среднегорном поясе по-прежнему оставались светло- и темнохвойные породы, чередующиеся с широколиственными, однако участие последних значительно сократилось.

Появление пыльцы культурных злаков является важным дополнительным источником информации о распространении земледелия в регионе, в озерно-болотных отложениях можно проследить динамику «земледельческого сигнала» за длительный период времени и датировать по радиоуглеродным данным, используя возрастную модель. Наиболее ранние признаки земледелия, выявленные в отложениях болота Луганское, приходятся на 8,4 тыс. л.н., когда обнаружена пыльца *Cerealia* в комплексе с крестоцветными *Brassicaceae*. Пыльцевой сигнал довольно слабый, но примечательно, что в это же время 8,4-8,2 тыс. л.н. вокруг болота увеличивается доля открытых участков ландшафта, преимущественно за счет злаковых сообществ.

Продолжительное время (8,4-5,9 тыс. л.н.) явных свидетельств хозяйственной активности человека не обнаруживается, в этот период на склонах ниже верхней границы леса доминируют хвойные леса с участием березы и широколиственных, а открытых участков сравнительно немного. Только в отложениях, датированных 6,0-5,6 тыс. л.н. вновь появляется пыльца *Cerealia*, синхронно и выше этого интервала увеличивается встречаемость пыльцы зонтичных *Apiaceae* (часто являются сорными), также расширяется доля открытых участков (вплоть до 5,2 тыс. л.н.). В дальнейшем появление пыльцы *Cerealia* приходится на интервал около 3,0-2,3 и 0,6-0,5 тыс. л.н., когда появляется земледельческий сигнал, маркированный пылью культурных злаков и сорняков сеgetальной группы (крестоцветные и зонтичные). Верхний интервал, связанный с появлением пыльцы культурных злаков, зонтичных и крапивы, датирован последними тремя столетиями (0,27-0 тыс. л.н.).

Результаты исследования болота Луганское, дополненные недавно опубликованными палеоэкологическими данными по горному озеру Хуко (возраст 10,5 тыс. л.н.) (Grachev et al., 2020), являются полноценной основой для понимания природных изменений Западного Кавказа.

Литература

Grachev, A. M., Novenko, E. Y., Grabenko, E. A., Alexandrin, M. Y., Zazovskaya, E. P., Konstantinov, E. A., Shishkov, V. A., Lazukova, L. I., Chepurnaya, A. A., Kuderina, T. M., Ivanov, M. M., Kuzmenkova, N. V., Darin, A. V., & Solomina, O. N. 2020. The Holocene paleoenvironmental history of Western Caucasus (Russia) reconstructed by multi-proxy analysis of the continuous sediment sequence from Lake Khuko // *The Holocene*, Vol. 31(3).

Kvavadze, E.V., Efremov Y.V. 1994. Palynological studies of Holocene lake sediments in the headwaters of the river Bezymianka (West Caucasus) // *Acta Palaeobotanica*, Vol. 34(2). Krakow.

Kvavadze, E.V., Efremov Y.V. 1996. Palynological studies of lake and lake-swamp sediments of the Holocene in the high mountains of Arkhys (Western Caucasus) // *Acta Palaeobotanica*, Vol. 36(1). Krakow.

Kvavadze, E.V., Y.V. Efremov, G.V. Bukreeva, Akatov V.V. 1994. Palynological characteristic of the series of lacustrine and paludal deposits of the Holocene in the headwaters of the Zakan river (Western Caucasus) // *Bulletin of the Georgian Academy of Sciences*, Vol. 150. Tbilisi.

Стёганцева В. Я.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

**МАСТЕРА ПО СООРУЖЕНИЮ КАТАКОМБНЫХ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Во второй половине прошлого века в изучении эпохи бронзы Восточной Европы наибольший интерес вызвал вопрос о погребениях ремесленников. Первыми были выделены погребения литейщиков (Шилов, 1959. С. 11–38; 1966). После предположения В. С. Бочкарёва о том, что в катакомбной культуре помимо погребений кузнецов-литейщиков можно ожидать выделения погребений мастеров других специализаций, были атрибутированы погребения мастеров-плотников (Бочкарев, 1978. С. 52), мастеров по изготовлению стрел (Смирнов Ю., 1983), мастеров по изготовлению повозок (Смирнов А., 2004).

На принадлежность погребенного к группе мастеров определенной специализации прежде всего указывает наличие в погребальном инвентаре орудий труда, необходимых для этой профессии. Косвенным образом наличие инструментов определенного вида может свидетельствовать о существовании стандартов для продукции, производимой этими инструментами.

Среди доступных для изучения материальных остатков катакомбной культуры наиболее стандартизированными являются погребальные сооружения. Особенно ярко это проявляется для раннекатакомбных погребений. Наиболее ранние из них отличаются строгостью форм, тщательностью в проработке деталей, чистотой отделки (Стёганцева, 2010. С. 130). Стандартное раннекатакомбное сооружение состояло из довольно глубокой входной шахты прямоугольной формы со ступеньками в одном из углов, продольными ступеньками-уступами, в том числе ограничивающими лоткообразный спуск ко входу в камеру. Камера прямоугольной формы с прямыми стенами и плоским потолком соединялась со входной шахтой дромосом, арочным в сечении. Известны два комплекса, в которых камеры имели двускатный потолок – Красногоровка 13/9 (раскопан Е. И. Беспалым в 1986 г.) и Хавалы II 1/16 (раскопан В. А. Шефом в 2003 г.). Все углы были тщательно проработаны. На стенах входных шахт и камер прослеживались следы узких долотообразных орудий.

Приемы обработки материкового суглинки, в котором были вырезаны сооружения, обнаруживают сходство с приемами обработки каменных поверхностей дольменных сооружений. Исследователи неоднократно отмечали подобие раннекатакомбных погребений дольменным сооружениям (Кияшко В., 1979. С. 50; Кияшко А., 1999. С. 177; Смирнов, 1996. С. 23). Иногда на стенах входных шахт и камер встречаются изображения, вырезанные на стенах (Стёганцева, 2010. С. 128).

Учитывая разработанный стандарт раннекатакомбных погребальных сооружений, логично предположить, что их строили мастера, которые обладали определенными навыками создания погребальных конструкций и техническими приемами обработки материалов, включающих обтесывание стен из глины, как каменных стен.

В настоящее время погребения мастеров определяются чаще всего по наличию в погребальном инвентаре профессиональных орудий труда. Наиболее четко выделяются погребения кузнецов-литейщиков и мастеров-стрелоделов.

В погребениях «погребальных дел» мастеров разумно было бы ожидать наличия в инвентаре долот с округленным краем. Но реально такие орудия встречаются в составе наборов тесло – долото – нож – шило в погребениях развитого этапа катакомбных культур: донецкой, западноманычской, восточноманычской. Для раннекатакомбного времени

известны только два долота (Высочино, V 30/15 и Кулешовка, 1967. 1/2) (Кияшко А., 1999. С. 150. Рис. 94, 1–8, 9).

Нам остается судить о существовании мастеров, строителей погребальных сооружений, по существованию стандартизированных катакомб, имеющих такие особенности конструкций, как прямые высокие стены камер, плоские или двускатные потолки, прямые углы стыков стен и пола или стен и потолка. Немногочисленность погребальных конструкций, отмеченных указанными признаками, и расположение их в довольно широком ареале позволяют предположить детрибализацию мастеров-носителей идеи склепового сооружения, в котором допустимо многократное использование погребальной камеры. Идея склепового сооружения использовалась в ареале распространения катакомбных культур в течение всего периода средней бронзы, а стандарты изменялись в направлении упрощения формы погребального сооружения, что, несомненно, было связано с трудоемкостью обработки стен и свода камер в прямоугольных пропорциях.

Литература

Бочкарев В. С. 1978. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Сборник статей в память проф. М. И. Артамонова. Вып. 2. Л.

Кияшко А. В. 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.

Кияшко В. Я. 1979. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. Донецк.

Смирнов А. М. 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.

Смирнов А. М. 2004. Создатели повозок эпохи бронзы в Понто-Каспийском ареале: идентификация профессиональных инструментов и погребений мастеров // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тезисы докладов научной конференции. М.

Смирнов Ю. А. 1983. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона: материалы работ Донской экспедиции. М.

Стеганцева В. Я. 2010. Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // Записки ИИМК РАН. Вып. 5.

Шилов В. П. 1959. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА. № 160.

Шилов В. П. 1996. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. 1966. Вып. 106.

Таймазов А. И.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

КРУПНЫЕ ОТЩЕПЫ И ОРУДИЯ ИЗ НИХ В КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ КОНЦА РАННЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Многолетние целенаправленные исследования многослойных памятников раннего плейстоцена Центрального Дагестана предоставили выразительные археологические материалы, относящиеся к широкому хронологическому интервалу: от примерно 2,0 до 0,8 млн л.н. (Амирханов, 2016). Это дает возможность проследить здесь в прямой стратиграфической последовательности изменения каменной индустрии на протяжении как минимум 1,2 млн лет. Особое место в исследованиях последних лет занимает проблема эволюции культуры олдована Центрального Дагестана и ее проявления на заключительной стадии раннего плейстоцена (Амирханов, 2020; Амирханов, Таймазов, 2019; Ожерельев, 2020; Таймазов, 2020; Amir khanov, 2021).

Как показывают конкретные материалы, полученные раскопками в верхней части разрезов стоянок Мухкай-1 и Мухкай-2, в конце раннего плейстоцена (0,99–0,8 млн л.н.) на Северо-Восточном Кавказе сложилась крупнотщеповая каменная индустрия, которая соответствует стадии перехода от олдована к раннему ашелю (Амирханов, Таймазов, 2019). От индустрии местного типичного олдована ее отличают: *в технологии*: а) возникновение элементов бифасиальной техники; б) появление в качестве типичной заготовки крупного (более 10 см) отщепа и соответствующего ему нуклеуса; в) регулярное использование указанного типа заготовки для изготовления крупных орудий: рубящих (чоппер), режущих и скоблящих (крупные ножи, скребла) и раскалывающих, дробящих (пики) орудий; г) сокращение в общем составе инвентаря заготовок в виде обломков и желваков относительно отщепов; д) возникновение приема поджигления лезвия крупных режущих орудий снятием, которое технологически близко к плоскому резцовому сколу; *в типологии*: а) возникновение протобифасов; б) заметное увеличение доли двулезвийных безобушковых и долотовидных чопперов; в) появление тенденции к измельчению пиков и пиковидных изделий; г) возникновение категории крупных ножей.

Переход к использованию крупного отщепа как заготовки для систематического изготовления соответствующих им по размерам массивных орудий считается одним из важнейших критериев, отличающих ранний ашель Африки от предшествующего олдована (или началом трансформации одной индустрии в другую) (Isaac, 1969; Leakey, 1971). Для данной работы этот вывод также является ключевым.

Появление крупных отщепов на памятниках раннего плейстоцена Центрального Дагестана отмечается к началу палеомагнитного эпизода Харамильо (~1,07 млн л.н.) (Amir khanov, 2021). К концу раннего плейстоцена (0,99–0,8 млн л.н.) доля заготовок указанного типа среди изделий с вторичной обработкой заметно возрастает. Например, в верхних слоях стоянки Мухкай-1 в статистически значимых коллекциях орудия на крупных отщепах составляют до 25,77 % всех изделий с вторичной обработкой (Табл. 1). Крупные отщепы и орудия из них представлены практически во всех слоях верхней части разреза памятника. Обращает внимание, что в рассматриваемой группе доля заготовок, использованных для изготовления морфологически выраженных орудий, заметно выше в сравнении с показателями, прослеживаемыми в остальных группах заготовок. Более 80 % крупных отщепов, происходящих из верхних слоев стоянки Мухкай-1, подверглись вторичной обработке с целью формирования лезвий и аккомодационных частей.

Таблица 1. Орудия на крупных отщепах в коллекции конца раннего плейстоцена многослойной стоянки Мухкай-1 (раскоп 3)

Слой	Кол-во находок	Кол-во орудий	Орудия на крупных отщепах	
			кол-во	%
1в	151	2	–	–
1г	118	12	–	–
1д	138	32	3	9,38
1и	93	5	–	–
1л	200	16	3	18,75
2	211	34	5	14,71
3	113	27	5	18,52
4	560	97	25	25,77
5	465	95	13	13,68
5б	339	122	25	20,49
6	71	23	2	8,70
7а	3	1	–	–
7б	57	4	–	–
7б/1	50	9	1	11,11
7в	186	43	2	4,65
8	933	91	6	6,59
9	25	5	–	–
11	43	7	–	–
Всего	3756	625	90	14,4

Археологические материалы, полученные из верхней части отложений многослойных памятников раннего палеолита Мухкай-1 и Мухкай-2, свидетельствуют об эволюции каменного инвентаря Центрального Дагестана в конце раннего плейстоцена. В указанное время уже доминирует технология крупного отщепа, что указывает на отдаление данной индустрии от олдована в строгом значении этого термина. Но при этом рубила, как выработанный тип орудия, памятникам этой стадии не присущи, хотя элементы бифасиальной обработки здесь присутствуют. Единично представлены предметы, которые можно отнести к проторубилам. Техничко-типологические и статистические данные в целом подтверждают правомерность выделения в схеме периодизации раннего палеолита изучаемой территории стадии перехода от олдована к ашелю на хронологическом отрезке примерно от 1,0 до 0,8 млн л.н.

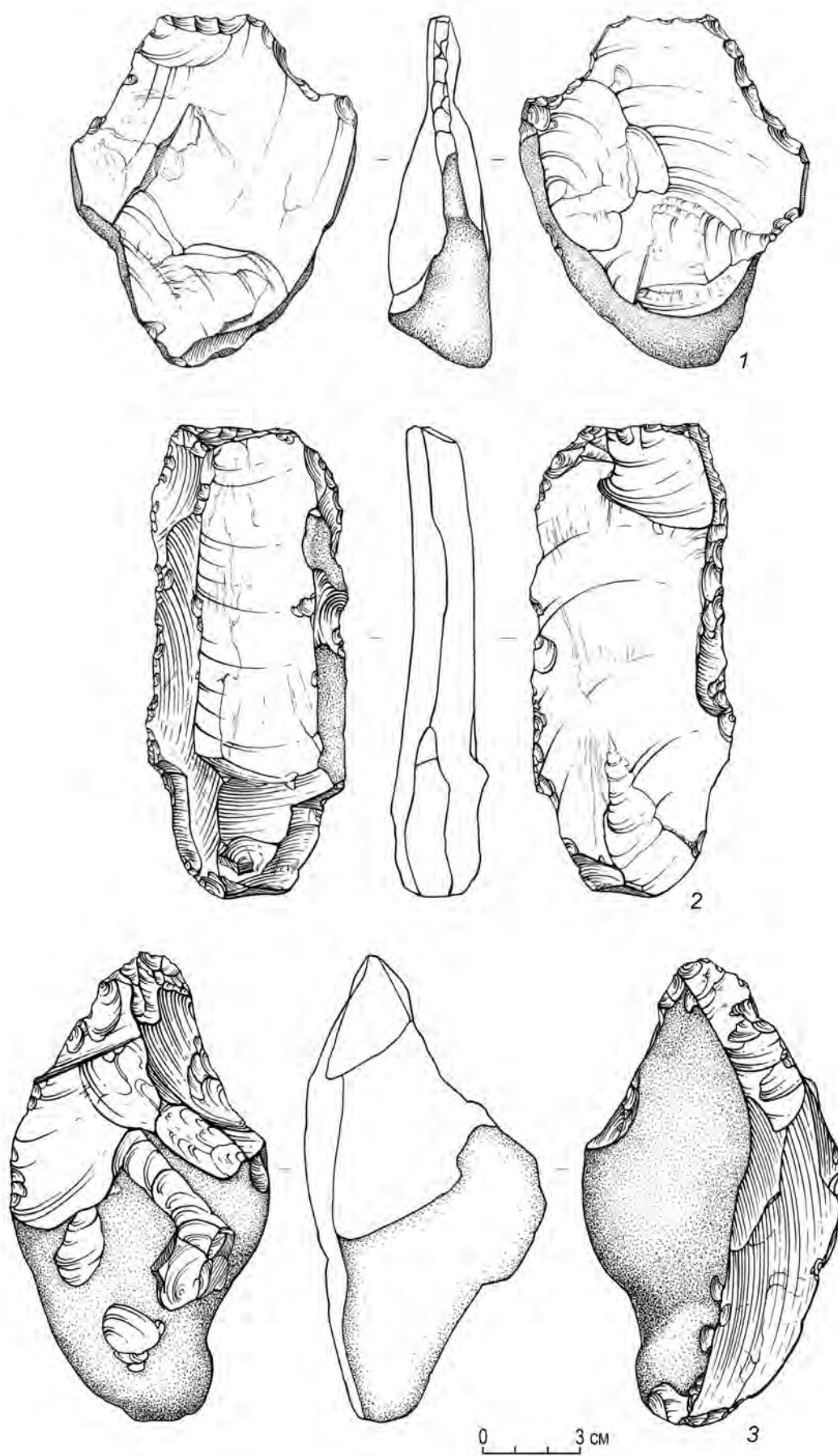

Рис. 1. Стоянка Мухкай-1, слой 4. Образцы орудий на крупных отщепах:
1 – скребок с выделенным лезвием, 2 – нож с обушком, 3 – пик.

Литература

- Амирханов Х.А. 2016. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала.
- Амирханов Х.А. 2020. Палеолитическая культура Кавказа конца эоплейстоцена: олдован, ранний ашель, переходная стадия? // РА. № 2.
- Амирханов Х.А., Таймазов А.И. 2019. Раннеплейстоценовая крупноотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадийный статус // КСИА. Вып. 254.
- Ожерельев Д.В. 2020. Новые данные о каменной индустрии многослойной стоянки Мухкай II в конце раннего плейстоцена // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Тезисы докладов международной конференции. М.
- Таймазов А.И. 2020. Новые материалы к характеристике культуры финального эоплейстоцена Центрального Дагестана (по данным раскопок стоянки Мухкай-1 в 2018–2019 гг.) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала.
- Amirkhanov H.A. 2021. Evolution of the Lithic Industry in Central Dagestan During the Early Pleistocene: The Rising Occurrence of Flake Blanks // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Vol. 49/1.
- Isaac G.L. 1969. Studies of early culture in East Africa // *World Archaeology*. Vol. 1 (1).
- Leakey M.D. 1971. Olduvai Gorge. Excavations in Bed I and II, 1960-1963. Vol. 3. Cambridge.

Тойфер¹ М., Савенко² С. Н., Калмыков³ А. А.,
Рейнхольд¹ С., Фасбиндер⁴ Й.,
Белинский³ А. Б., Хансен¹ С.

¹Германский археологический институт, г. Берлин

²ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», г. Пятигорск

³ООО «Наследие», г. Ставрополь

⁴Университет Людвига-Максимилиана, г. Мюнхен,

Отделение естественно-геологических наук, Геофизика, г. Мюнхен

ПОСЕЛЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОМСОМОЛЕЦ-1: НАЧАЛО И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках международного проекта ARCHCAUCASUS специалисты Евразийского отделения Германского археологического института и предприятия «Наследие» (Ставрополь) приступили к комплексному изучению поселений майкопской культуры на Северном Кавказе. Главной целью проекта является уточнение хозяйственного типа и экономической базы древнего майкопского населения.

В качестве первого объекта исследования выбрано поселение Комсомолец-1, расположенное на правом берегу р. Золки в 2 км к юго-западу от поселка Комсомолец Кировского района Ставропольского края. Ранее, в 2013–2015 гг., в непосредственной близости от этого памятника совместной экспедицией «Наследия» и Германского археологического института был раскопан курган Комсомолец-1 (собственное название кургана – Марфа), возникновение которого, ранние периоды строительства и использования в качестве кладбища были связаны с представителями майкопской культуры.

Поселение Комсомолец-1 известно с начала 2000-х годов. Оно было обнаружено и атрибутировано как майкопское поселение по подъемному материалу, представленному различной степени сохранности керамическими изделиями, каменными и кремневыми орудиями, костями животных. Большинство находок происходит из отвалов траншеи, разрезавшей примыкающую к небольшой водоносной балке часть поселения, остальные – с поверхности пахотного поля. За прошедшее с момента открытия время поселение неоднократно осматривалось специалистами «Наследия», собирался подъемный материал, однако никакие другие археологические работы на его территории не проводились.

Полевые работы 2021 г. начались с создания подробных топографического и ортофотографического планов поселения и примыкающей к ней территории. Затем была проведена геофизическая съемка центральной части поселения, в результате которой были выявлены несколько перспективных для последующих раскопок объектов. Параллельно с целью уточнения границ, наличия и мощности культурного слоя были заложены несколько разведочных шурфов, которые вместе с ландшафтно-топографической ситуацией и картой распространения подъемного материала позволили примерно определить границы поселения.

Основные усилия экспедиции на данном этапе направлены на изучение указанной ранее траншеи. Проведенная на протяжении нескольких десятков метров зачистка ее бор-

тов позволила получить стратиграфический разрез, проходящий через центральную часть поселения. В траншее выявлены несколько древних ям хозяйственного и иного предназначения, отобраны образцы для радиоуглеродного датирования и палеоботанических исследований. Производится сбор археозоологических материалов.

Первые результаты изучения поселения показывают, что памятник был двухслойный: нижний майкопский слой перекрывают древности кобанской культуры. Более поздние поселенцы в значительной степени нарушили остатки более раннего поселения. На непо потревоженных участках толщина культурного слоя майкопского поселения колеблется в пределах 30–60 см. Майкопские находки относятся к раннему периоду культуры, примерно к 1-й половине IV тыс. до н. э., и находят аналогии в материалах майкопских поселений Терека и верховьев Кубани.

Полевые работы на момент написания тезисов продолжаются. На предстоящей конференции коллектив авторов планирует представить результаты первого сезона раскопок.

Трифонов¹ В. А., Шишлина² Н. И.,
Кондрашкина³ М. И., Бачура⁴ О. П.

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

²Государственный исторический музей, Москва

³МГУ, Кафедра общего земледелия и агроэкологии, Москва

⁴Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО В ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ ДОЛЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ С-З КАВКАЗА, III ТЫС. ДО Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ СТАРЧИКИ)

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 20-29-01035

Введение

Одной из главных черт С-З Кавказа в III тыс. до н.э. является преемственный характер его культурного развития в рамках «дольменной» традиции. Все это тысячелетие здесь повсеместно сооружаются обширные кладбища с мегалитическими склепами для коллективных погребений, что вместе с синхронными поселениями создает картину оседлого образа жизни и высокой плотности населения. Экологические условия С-З Кавказа, большую часть которого занимают высокопродуктивные низкогорья, подгорные и речные долины, теоретически являются благоприятными для развития различных форм традиционного фермерства, но какой конкретно хозяйственный уклад поддерживал устойчивую оседлость и воспроизводство «дольменного» населения, до последнего времени оставалось неясным. Предполагалось, что его основой было разведение крупного рогатого скота и свиней (Марковин, 1997. С. 242-243), в то время как земледелию («огородничеству») по косвенным признакам отводилась «подсобная роль» (Рысин, 1997). Новые сведения, полученные при анализе материалов с поселения Старчики, позволяют пересмотреть эту точку зрения и реконструировать более полную картину жизненно важных отраслей традиционного хозяйства.

Поселение Старчики

Поселение Старчики (первоначально Новосвободненское-2), открытое в 1967 г. П.У. Аутлевым и исследованное в 1980-1990 гг. М.Б. Рысиным, расположено в 3,5 км к северу от станицы Новосвободная (Адыгея) на правом берегу р. Фарс (Аутлев, 1968). Мощность культурных отложений местами достигает 2,8 м. В разные годы на поселении было заложено два раскопа и шурф. Расстояние между раскопами – около 140 м. Площадь поселения, возможно, превышает 2 га, но его точные границы неизвестны. С целью сбора образцов для естественно-научных анализов и радиоуглеродного датирования в 2019 г. на краю раскопа 1980 г. был заложен стратиграфический разрез глубиной 3,5 м. Стратиграфия отложений в разрезе не подтвердила существование стерильной прослойки между основными слоями, за которую, вероятно, по ошибке были приняты многократно подмазанные полы жилищ. Судя по результатам радиоуглеродного (AMS) датирования зерна и костей животных из стратиграфического разреза 2019 г., поселение на этом участке существовало в период между *cal.* (68.2%) 2666/2569 и 2481/2400 гг. до н.э., т. е., несмотря на

почти трехметровый слой отложений, всего около 200 лет. Среди дат с других участков поселения есть ранняя, относящаяся к рубежу 4–3 тыс. до н.э. В какой степени она соответствует времени основания поселения, пока не ясно.

Земледелие

В ходе флотации образцов грунта была собрана и датирована коллекция злаков. Учитывая высокую вероятность интрузии плодов и семян из одного слоя в другой, их прямое радиоуглеродное датирование (AMS) позволило исключить связанную с этим ошибку.

Семена зерновых хлебов были обнаружены во всех культурных слоях. Зерновки принадлежат растениям двух родов – ячменю (*Hordeum* L.) и пшенице (*Triticum* L.). Зерновки культурного многорядного ячменя (*H. vulgare* L.) присутствуют во всех слоях, а зерновка двурядного ячменя (*H. distichon* L.) – только в верхнем горизонте. Пшеница представлена семенами двузернянки (полба) (*Tr. dicocum* L.) и пшеницы мягкой (*Tr. aestivum* L.). Злаки этих видов культивировались на С-3 Кавказе с эпохи энеолита (Лебедева, 2011; Осташинский и др., 2016). Можно предположить, что мягкая пшеница и многорядный ячмень возделывались на полях со смешанными посевами, что способствует их более высокой урожайности (Woldeamlak, Struik, 2000), в то время как более требовательная к условиям возделывания полба выращивалась отдельно. Общую картину развитого земледелия дополняют многочисленные находки каменных зернотерок во всех слоях поселения Старчики.

Скотоводство

Видовой состав, количество и соотношение остатков млекопитающих с поселения Старчики указывают на подавляющее преобладание костей домашних животных над дикими. Количество последних не превышает 1% от общего количества костей животных (Таблица 1). Основой животноводства было разведение крупного рогатого скота. Он составлял больше половины состава стада. Оставшаяся часть приходилась на мелкий рогатый скот и свиней, причем последние по количеству превосходили овец и коз. Возрастной состав и сезонность забоя крупного рогатого скота указывают на мясомолочное направление хозяйства с устойчивым воспроизведением животных в стаде. Присутствие костей нескольких очень крупных быков и баранов, возможно, отражает преднамеренную селекцию животных с целью усиления целевых характеристик стада или разновидностей скота (напр., тягловые волы).

Обращает внимание незначительное количество костей крупной дичи – оленей и косуль, и полное отсутствие костей дикой лошади, представленных в слоях расположенного рядом более раннего Новосвободненского поселения (Спасовский, 2011). Небольшое количество костей собак на поселении Старчики так же может быть косвенным отражением сокращения роли охоты и отсутствия практики отгонного скотоводства.

Заключение

В ходе исследования материалов с поселения Старчики впервые установлено, что в 3 тыс. до н.э. одной из основ хозяйственной деятельности населения дольменной культуры было земледелие, базирующееся на выращивании ячменя и пшеницы. Зерновые куль-

туры оставались фундаментальной частью комплексного хозяйства населения С-З Кавказа с 5 тыс. до н. э. до позднего средневековья. В конце 2 тыс. до н. э. эта традиция была обогащена вводом в севооборот проса, а в 18 веке – кукурузы.

Высокий уровень зернового земледелия позволял развивать эффективное мясо-молочное животноводство, в том числе поддерживать среди домашних животных высокий процент свиней (Price, Hongo 2020). Эта модель скотоводства на С-З Кавказе существенно изменилась только с появлением коневодства и позднее – исламских пищевых запретов.

Литература

Аутлев П. У. 1968. Некоторые данные о поселениях бронзового века в районе станции Новосвободная // АО 1967. М.

Лебедева Е. Ю. 2011. Первые результаты археоботанических исследований на археологических памятниках Адыгеи // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.

Марковин В. И. 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.

Рысин М. Б. 1997. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб.

Осташинский С. М., Черленок Е. А., Лоскутов И. Г. 2016. Новые данные о древнем земледелии Северо-Западного Кавказа. // Археологические Вести. Вып. 22. СПб.

Спасовский Ю. Н. 2010. Анализ фаунистических остатков из культурного слоя поселения Новосвободненское // Человек и древности. М.

Price M., Hongo H. 2020. The Archaeology of Pig Domestication in Eurasia. *Journal of Archaeological Research*. 28.

Woldeamlak, A. and P. C. Struik. 2000. Farmer's use of barley and wheat landraces in the Hanfetz mixed cropping system in Eritrea // C. J. M. Almekinders and W. de Boef (eds). *Encouraging Diversity. Plant genetic resource conservation and crop development*. London.

Таблица 1. Поселение Старчики. Видовой состав, количество и соотношение остатков млекопитающих

Годы раскопок	1981-1982										1985				2019	
	1		2		3а		3		2		3					
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>	15	83	166	65	67	68	95	74	34	49	41	38	274	68		
Мелкий рогатый скот – <i>Ovis et Capra</i>	2	11	28	11	9	9	13	11	11	16	29	27	69	17		
Свинья – <i>Sus scrofa domestica</i>	1	6	60	24	22	22	20	16	24	35	35	33	55	14		
Собака – <i>Canis familiaris</i>	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2	2	1	0,2		
Олень благородный – <i>Cervus elaphus</i>	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0,2		
Волк – <i>Canis lupus</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,2		
Косуля – <i>Capreolus capreolus</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,2		
Всего	18	100	255	100	99	100	128	100	69	100	107	100	402	100		

Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В.
Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск

КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРСКОЙ ЧАСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

На сегодняшний день в приморской части Северо-Западного Кавказа (окрестностях Анапы – Новороссийска) в разной степени исследовано пятнадцать памятников эпохи ранней бронзы. Это девять поселений: Дюрсо-1, Натухаевское-3, Катусвина Кривица-2, Заря-1, Орёл-1, Орёл-3, Чекон, Чекон-1, Старотиторовская 19 и шесть погребальных памятников: курган у ст. Раевской; курганная группа у х. Рассвет; курган №4 курганной группы Натухаевская-1; курганы №2 и №4 курганной группы Натухаевская-3; курган №1 курганной группы Победа 5; грунтовый могильник Натухаевский 4.

Рассматривая вопрос о взаимоотношениях местного населения с окружающим миром, обратимся к керамической посуде – основному археологическому материалу, полученному при исследованиях. Керамика майкопской культуры, её формы, качество изготовления, орнаментация, по мнению большинства специалистов, несёт на себе следы влияния цивилизации Переднего Востока (Мунчаев, 2010. С. 159). Это относится и к материалам рассматриваемых нами памятников. Ремесленное производство высококачественной керамики связывается с проникновением в местную среду мастеров-ремесленников из Анатолии, передавших свои навыки местным гончарам (Мунчаев, Амиров, 2012. С. 43). Кроме высокого качества изготовления керамической посуды, на поселениях Натухаевское-3, Катусвина Кривица-2, Заря-1, Чекон, а также на грунтовом могильнике Натухаевский-4 и в курганной группе Натухаевская-3 зафиксирован орнамент, в виде пролощёного зигзага по шейке сосуда (рис. 1, 1-3). По мнению А.Д. Резепкина, этот вид орнамента является признаком влияния урукской культуры (Резепкин, 2013. С. 32-33).

Особо отметим четыре процарапанных граффити: в двух случаях в виде 2-х параллельных друг другу линий (рис. 1, 4, 5), в одном – в виде мелких, хаотично расположенных штрихов и линий (рис. 1, 6) и знак в форме косоугольного креста (рис. 1, 8). Граффити, по мнению С.Н. Корневского, являются метками мастеров и были распространены на памятниках племен северо-месопотамской культуры, включая Восточную Анатолию, современную Сирию, долину Амука и верхнее Двуречье (Корневский, 2018. С. 24).

Другим доказательством культурно-экономических связей являются два отиска печати с геометрическим штампом на головке очажной приставки из поселения Натухаевское-3 (рис. 1, 9). Отиски свидетельствуют о том, что печати применяли по назначению, подтверждением этого стала находка цилиндрической печати с геометрическим штампом на поселении Чекон (Бочковой и др., 2013. Рис. 4, 1, 2). Цилиндрические печати появились в период «среднего урука» и затем распространились по всему Переднему Востоку (Резепкин, 2013. С. 33).

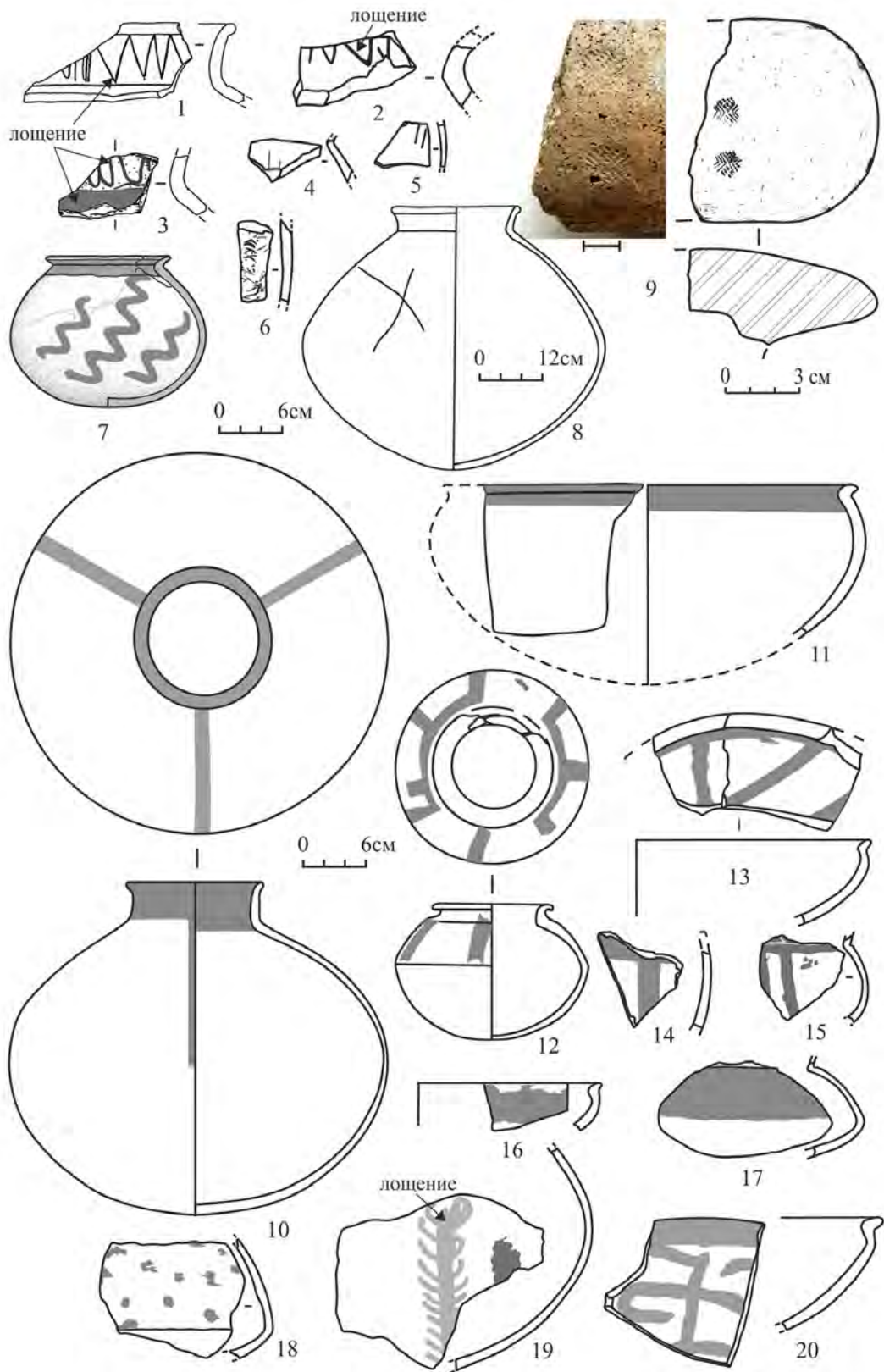

Рис. 1. 1-3 – пролощенный зигзагообразный орнамент; 4-6, 8 – знаки на стенках сосудов; 9 – оттиск печати на очажной приставке; 7, 10-20 – орнаментированная краской керамика (1, 20 – поселение Катусвина Кривица-2; 2, 4-6, 9, 13-19 – поселение Натухаевское-3; 3 – поселение Заря-1; 7 – могильник Натухаевский-4; 8 – курганный группа Натухаевская-3; 10, 11 – поселение Дюрсо-1; 12 – курганный группа Натухаевская-1).

Но главной особенностью и доказательством культурно-экономических контактов является орнаментация краской керамических сосудов 1 класса, что прослеживается на всех перечисленных выше поселениях (рис. 1, 10, 11, 13-20) и на двух поселениях, расположенных на Тамани: Тузла-15 (Кореневский, 2020. Рис. 81-84) и Балка Лисовицкого (Шишлов и др., 2016. Рис. 4, 9). Статистические данные количества орнаментированной краской керамики от общего числа сосудов 1 класса, полученные при анализе керамического материала на наиболее исследованных нами поселениях, составляют: на поселении Натухаевское-3 – 16,8%, а на поселении Катусвина Кривица-2 – 15%. В погребальных памятниках региона орнаментация краской также присутствует: в курганной группе Натухаевская-1 (рис. 1, 12) (Шишлов, Федоренко, 2008. Рис. 7) и в погребениях грунтового могильника Натухаевский-4 (рис. 1, 7) (Гей, Шишлов и др., 2018. Рис. 2, 1, 2; 5, 1; 7, 1; 11, 7; 20). На других известных памятниках майкопской культуры, расположенных на северном склоне Кавказского хребта, орнаментация краской керамических сосудов отсутствует. Расписная керамика убейдского типа в середине V тыс. до н.э. была широко распространена практически на всей территории Великой Месопотамской равнины (Мунчаев, Амиров, 2012. С. 40). Самые северные ближайшие к нам памятники периода энеолита – ранней бронзы – с орнаментированной краской керамикой известны на территории Азербайджана на поселениях лейлатепинской культуры (Нариманов и др., 2007. С. 57-58), но количество найденной там расписной керамики невелико и авторами раскопок эта керамика считается импортной (Мусеибли, 2007. С. 119-121). Естественно, возникает вопрос, каким путём попала традиция росписи керамики на причерноморские памятники, минуя всю территорию распространения майкопской культуры. Вывод напрашивается один – морским путём. Эта догадка не нова, о вероятности морских контактов писали Р.М. Мунчаев (Мунчаев, 1975. С. 376; 1994. С. 225) и А.Н. Гей (Гей, 2013. С. 14).

Таким образом, данные, полученные в результате исследования памятников эпохи ранней бронзы в приморской части Северо-Западного Кавказа, свидетельствуют о самобытном развитии местного населения эпохи ранней бронзы, которое поддерживало альтернативные контакты с цивилизацией Передней Азии, вероятно, с привлечением анатолийских центров, связь с которыми могла осуществляться морским путём.

Литература

Бочковой, В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д. 2013. Поселение Майкопской культуры «Чекон» // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Сб. научных трудов. Вып. 1. Краснодар.

Гей А.Н. 2013. «Южный след» в памятниках Майкопской культуры Западного Кавказа // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н.Я. Мерперта. М.

Гей А.Н., Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2018. Могильник Натухаевский-IV – новый памятник майкопской культуры под Новороссийском // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М.

Кореневский С.Н. 2018. На пороге цивилизаций. Майкопско-новосвободненская общность. Западный Кавказ (Обзор новых источников и проблема протоцивилизации) // МИАСК. Вып. 16.

Кореневский С.Н. 2020. Поселение раннего бронзового века Тузла-15 на Тамани. М.

Мунчаев Р.М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Мунчаев Р.М., 2010. Культуры эпохи камня и бронзы // Античное наследие Кубани. Т.1. М.

Мунчаев Р.М. Амиров Ш.Н. 2012. Ещё раз о месопотамско-кавказских связях IV–III тыс. до н.э. // РА. 4. М.

Музейбли Н. 2007. Энеолитическое поселение Бёюк Кесик. Баку.

Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г. 2007. Лейлатепе. Поселение, традиция, этап в этно-культурной истории Южного Кавказа. Баку.

Резепкин А.Д. 2013. Влияние Переднего Востока на формирование эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. М.

Шишлов А.В., Федоренко Н.В. 2008. Памятники майкопской культуры в приморской части предгорий Северо-Западного Кавказа // Наследие Кубани. Вып. I. Сб. научных статей. Краснодар.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2013. Керамический комплекс поселения майкопской культуры Натухаевское-3 // Историко-археологический альманах. Вып.12. Армавир, Краснодар, М.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2016. Исследования поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции. Краснодар.

Эрлих¹ В. Р., Годизов² Г. Л., Борисов³ А. В.

¹Государственный музей Востока, г. Москва

²Северокавказский филиал Государственного музея Востока, г. Майкоп

³Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пушкино

НОВЫЙ ПОСТДОЛЬМЕННЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ» В МАЙКОПСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ. ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате разведочных работ по проекту РФФИ¹ Кавказской археологической экспедицией музея Востока в 2019 г. был открыт постдольменный комплекс у ст. Севастопольской, состоящий из курганно-дольменного могильника, включающий 121 объект археологического наследия (разрушенные дольмены и небольшие курганы с каменной наброской) и относящегося к нему поселения.

На поселении площадью 2,5 га материал эпохи средней бронзы был выявлен в двух шурфах – №№ 6 и 7. Мощность культурного слоя достигала в них 90 см. В частности, из шурфа 6 происходят 16 находок – фрагменты стенок лепных сосудов, а из шурфа 7 – 51 находка – фрагменты стенок лепных сосудов и кремневые отщепы, включая 13 фрагментов диафизов трубчатых костей конечностей крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, лошади или свиньи. По углю, обнаруженному на гл. 40 см (штык 2), была получена радиоуглеродная дата (IGAN_{AMS}-8971: 3860±20 BP или 2411– 2281BC cal.) с вероятностью 2σ (95,4%).

Из этого же шурфа была взяты палеопочвенные образцы и выполнены некоторые химические и микробиологические анализы культурного слоя. Определялось содержание органических и минеральных фосфатов по методу Сандерса и Вильямса. По результатам фосфатного анализа установлено, что начало активного поступления в почву фосфатов антропогенной природы началось с глубины 80-90 см. Максимальные объемы фосфорсодержащих субстратов органической и минеральной природы пришёлся на период формирования слоя 50-60 см. В слое 20-30 см отмечается снижение содержания минеральных форм фосфатов, что можно рассматривать как следствие прекращения функционирования памятника.

Проведено изучение ферментной активности в образцах культурного слоя поселения. Определяли активность ферментов класса протеаз (лейцинпептидаза и глицинпептидаза), липаз, а также кислой и щелочной фосфатазы с помощью микропланшетного метода. Для ферментов группы пептидаз, ответственных за разложение белковых субстратов, характерно изменение активности, совпадающее по профилю, но с некоторым более глубоким пиком в случае с глицинпептидазой, по сравнению с лейцинпептидазой. Но в целом, и в том, и в другом случае наблюдаются пики на глубине 60-70 см, снижение в слое 30-50 и очередное возрастание в слое в приповерхностном слое. Для ферментов группы

¹ Грант РФФИ № 19-09-00100.

липаз отмечено синхронное возрастание активности в слое 30 см, после чего наблюдается спад с глубиной. На глубине 60 см заметен пик активности 16-углеродной липазы, что следует рассматривать как индикатор поступления в почву жиров на этой глубине. Аналогичным образом изменяется активность фосфатаз. Как и в случае с липазами, в активности фосфатаз хорошо видны два пика на глубине 30 и 60 см, что указывает на возрастание поступления органических форм фосфатов во время формирования этих слоев. Проведен учет численности сапротрофных микроорганизмов в культурном слое поверхностным посевом на чашки Петри.

В отличие от рассмотренных выше индикаторов антропогенной активности, в профиле культурного слоя выделяется лишь один пик увеличения численности этой группы микроорганизмов в слое 60 см. Очевидно, в период формирования этого слоя было максимальное антропогенное загрязнение почвы на месте поселения.

В 2020 и 2021 гг. было произведено исследование трех объектов могильника. В 2020 г. для раскопок был выбран один курган с каменной наброской (курган Севастопольский-35 и один разрушенный дольмен Севастопольский-41). Оба объекта находились в южной залесенной трети могильника.

В первом объекте – слабо задернованном каменном кургане диаметром около 8 м и высотой 0,5 м – был выявлен ящик-рама подквадратной формы размером 2,5×2,5 м. Ящик был сложен из шести крупных плоских плит известняка и ориентирован по сторонам света с отклонением около 15°. Внутреннее пространство ящика-рамы имело подпрямоугольную форму с длинной осью по линии З–В и размерами 1,3×1 м. В ящике-раме были обнаружены мелкие фрагменты костей (возможно специально раздробленных), принадлежавших не менее 8 погребённым. Число погребённых было установлено по скоплениям зубов (черепные кости были раздроблены), лежащих в разных частях ящика. Дно ящика было выложено плитками жёлтого песчаника, уложенными на галечный материк. Вне всякого сомнения, кости помещались в ящик-раму после того, как они были очищены от мягких тканей. Таким образом, сам ящик-рама представлял собой оссуарий – костехранилище. Среди костей внутри ящика-рамы были обнаружены фрагменты керамики, подвеска из клыка животного (рис. 1, 1) и три подвески из моляра оленей (рис. 1, 2-3). Подобные украшения в сочетании с ящиком-рамой позволяют достаточно уверенно отнести данное погребение к постдольменным памятникам периода Шушук-I (Эрлих, Годизов, 2020; Эрлих и др., 2022).

Дольмен Севастопольский-41 находился в 22 м к северу от исследованного кургана и имел каменную наброску внутри. Плиты и камни-наброски были частично задернованы. Первый уровень расчистки обнажил плиты и заполнения между ними. Очевидно, что обломки плит передавали общий подпрямоугольный контур дольмена, который был ориентирован осью по линии С–Ю и имел приблизительные размеры 4×3 м. *In situ* находилась лишь расколотая южная пяточная плита, имевшая паз шириной до 25 см и глубиной до 10 см.

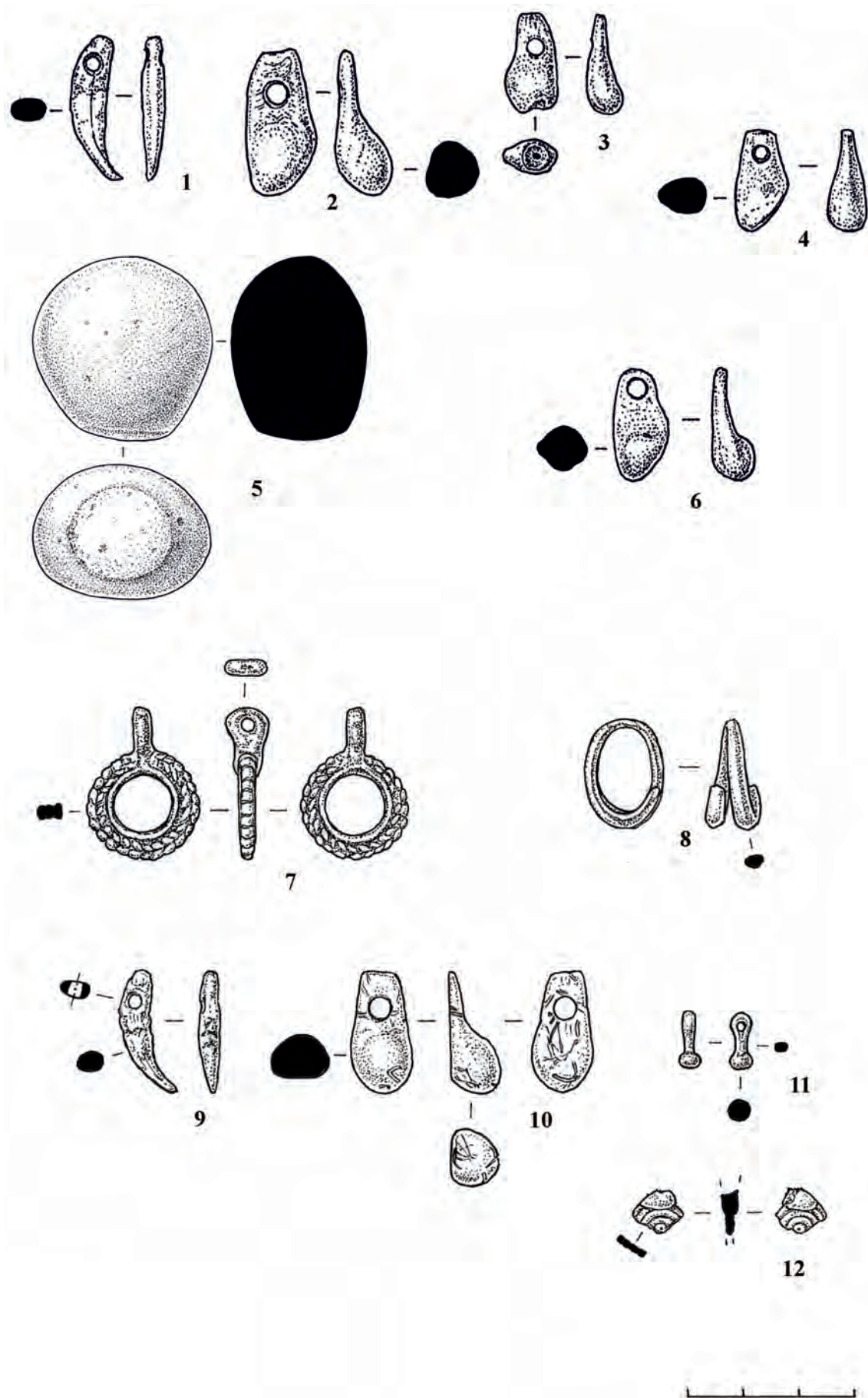

Рис. 1. 1-4 – курган Севастопольский-35; 5,6 – дольмен Севастопольский-41,
7-12 – курган Севастопольский-103.
1-4, 6, 9,10 – зубы животных; 5 – камень; 7,8, 11, 12 – бронза.

На втором уровне расчистки объекта были обнаружены к востоку от внешнего северо-восточного угла дольмена кремневый отщеп, а к юго-востоку от покровной плиты – каменный отбойник (рис. 1, 5).

Заполнение внутренней части дольмена чистилось, как погребение, также по нескольким уровням. На втором уровне расчистки были убраны мелкие камни заклада и обнажены смещённые нижние плиты дольмена. На них и частично в расщелинах между ними находились остатки погребения. В центре на наклонной плите были обнаружены фрагменты костей и остатки черепа человека. Другие фрагменты костей погребённого были расчищены у северо-восточного угла погребения на глубине 18 см. В расщелине у внутреннего края пяточной плиты и плит западной стенки на глубине 16 см найдены фрагменты костей и зубы, возможно, ещё одного погребённого. В этой же расщелине найдено каменное орудие и костяная подвеска, аналогичная подвескам из моляров оленя в кургане 35 (рис.1, 6). У восточного края погребения на глубине 33 см расчищены многочисленные фрагменты лепных сосудов и зуб животного. Очевидно, что открытое нами разрушенное погребение совершено во вторично использованном дольмене. Оно также, как курган 35, может быть отнесено к постдольменным погребениям эпохи средней бронзы периода Шушук-I.

В 2021 году для исследования был выбран объект в северной части могильника, отстоящий от объектов исследованных в 2020 г. на 400 м, – курган Севастопольский-103. Он имел диаметр 8 м и высоту 0,5 м. Данный объект содержал остатки двух погребений, совершенных в ящиках-рамах, один из них (п. 2) был полностью ограблен. В нем сохранились лишь развал сосуда и несколько костей человека.

Внутри ящика рамы (п. 1) были обнаружены остатки костей 20 погребенных, лежавших по трем уровням. Причем каждый уровень погребения закладывался плоскими плитами, предположительно боковыми плитами разобранных дольменов. На верхнем уровне были расчищены фрагменты черепов и костей 4-х погребенных, лежавших на плоских каменных плитах. Среди находок этого уровня можно отметить остатки каменного оселка, бронзовый медальон (рис. 1, 7) и бронзовое височное кольцо (рис. 1, 8). Под плитами «пола» верхнего уровня обнаружены остатки еще 14 погребенных, которые сопровождалась подвеской из клыка животного (рис.1, 9) и моляра оленя (рис. 1, 10), бронзовыми бисериной и подвеской (рис. 1, 11). На нижнем уровне расчистки этого погребения обнаружены кости и зубы 2-х погребенных и фрагмент бронзового изделия (медальона?), отлитого по восковой модели с орнаментом в виде концентрических окружностей (рис. 1, 12).

На основе полученного вещевого материала из ящика-рамы погребения-1 можно отметить, что большая его часть указывает на период Шушук-IB постдольменных памятников (26-24 вв. до н. э.), к нему можно отнести и бронзовые медальоны, и бронзовый бисер (Эрлих и др., 2022. Рис. 5). Несколько архаично выглядит бронзовая подвеска, наиболее близкая аналогия происходит из п. 1 объекта Шушук-75, относящегося к периоду Шушук-IA (28-27 вв до н. э.) (Эрлих и др., 2022. Рис. 4, 11). Подвески из клыка животного и моляра оленя характерны в целом для периода Шушук-I.

В то же время массивное бронзовое кольцо, обнаруженное в верхнем уровне погребения, может относиться и к периоду Шушук-II (первая пол. II тыс. до н. э.). Подобные височные кольца, отлитые исключительно из оловянной бронзы, являются характерным украшением данного периода (Эрлих, Гак, 2020; Эрлих и др., 2022. Рис. 6, 3,4).

Очевидно, более точную дату разных уровней погребения даст радиоуглеродное датирование взятых образцов, однако сейчас мы предположительно можем датировать это погребение периодом Шушук-IB, что соответствует дате образца из поселения Севастопольское. Однако мы не исключаем, что верхний уровень погребения-1 объекта Севастопольский-103 может относиться и к периоду Шушук-II.

Литература

Эрлих В. Р., Гак Е. И. 2020. Древнейшие оловянные бронзы на Северо-Западном Кавказе. Новые данные // Восток (Oriens), № 5.

Эрлих В. Р., Годизов Г. Л. 2020. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала.

Эрлих В. Р., Клещенко А. А., Гак Е. И., Годизов Г. Л. 2022. Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы // РА. № 1. М.

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Бакушев¹ М. А., Борисов² А. В., Попов³ Ю. В.

¹ООО «Артефакт», г. Ростов-на-Дону

²ИФХ и БПП РАН, г. Пушино

³Институт наук о Земле ЮФУ, г. Ростов-на-Дону

ОБ ОДНОМ РИТУАЛЬНОМ ДЕЙСТВИИ НА КУЛЬТОВОМ МЕСТЕ НА ГОРЕ ЗУБЕРХА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ

Работа выполнена при содействии РФФ, грант №17-18-01406

Культовое место на горе Зуберха, расположенной в Гергебильском районе Республики Дагестан, известно уже давно. Первые однодневные раскопки на ней провел в 1882 году Д.Н. Анучин. Результатом работ явились локализация культового места и некоторые находки, из которых наибольший интерес представляли головки оленей и быков, спиральные колечки, браслеты, железные пуговицы, большое количество костей животных в слое чернозема, сменяющегося золой и углями. Автор раскопок предположил, что на этом месте совершались пиршества или жертвоприношения, а кости и рога бросались по скату площадки. Он же отмечал, что у местных жителей не сохранилось никаких преданий о «сборищах или пиршествах на вершине Зуберхи» (Анучин, 1884. С. 88, 89).

Ввиду скудности информации конца XIX века о культовом месте в сезоне 2021 года на нем были проведены археологические разведки. Культовое место расположено на вершине горы Зуберха на высоте 2346 м над уровнем моря на юго-восточной оконечности подковообразной горной гряды. Оно имеет овальную форму и вытянуто вдоль крутого северного склона по оси ЮЗ-СВ. Размеры площадки – 30x12 м. В настоящее время южная и центральная части частично разрушены вышками связи для установки которых была проведена срезка грунта. Шурфовочные работы и сбор подъемного материала позволил получить коллекцию предметов, из которых надо отметить бронзовые бляшки, бусы, фрагменты браслетов и фибулы, элементы конской узды, керамику и кремневые сколы. Радиоуглеродная датировка костей животных, найденных в шурфе 1, позволила предварительно датировать памятник второй половиной II в. до н. э.

На северо-западном склоне, под культовым местом, помимо отдельных бронзовых и керамических изделий, было найдено девять фрагментов расплавов бронзы (рис. 1, б-10). Все они располагались в случайном порядке, на разных высотах и не образовывали скоплений. На самом культовом месте в шурфах и сборах бронзовых расплавов обнаружено не было. Расплавы имели размеры от 1,2x0,7 до 8,5x5,6 см. Визуальный осмотр позволил сделать предположение, что они представляют собой продукт переплавки бронзовых предметов. В частности, на это указывала недоплавленная бронзовая пластина, в которой находился кусочек витой проволоки. В лаборатории был проведен спектральный анализ некоторых расплавов и целых бронзовых изделий с последующим сравнением их химического состава. В качестве образцов были отобраны две бляшки (образцы 1 и 2) (рис. 1, 1, 2), одна из которых имела орнаментацию на лицевой стороне (образец 1) (рис. 1, 1), фрагмент бронзового браслета из круглой в сечении проволоки (образец 3) (рис. 1, 3), фрагмент расплава с витой проволокой и пластиной (образец 4) (рис. 1, 4) и небольшой по размеру бронзовый расплав (образец 5) (рис. 1, 5).

Изучение состава металлических предметов выполнено на растровом электронном микроскопе VEGA II LMU (фирмы Tescan) с системами энергодисперсионного микроанализа INCA ENERGY 450/XT и волнодисперсионного анализа INCA WAVE. С учетом известных ограничений (Попов, Дедюлькин, 2017. С. 170-173) результаты микроанализа достаточно уверенно характеризуют элементный состав сплавов.

Изделия изготовлены из оловянной бронзы. Сплавы имеют дендритовую структуру, представлены α -раствором с микрофазами эвтектоидных Cu-Sn соединений и свинца. Состав бляшки с орнаментом (образец №1) отвечает сплаву с содержанием Sn ~8 мас.%; дужка сделана из сплава с меньшим содержанием Sn (~4.6 мас.%). На ней же возможно ликвационное обогащение свинцом приповерхностной части изделия. Бляшка без орнамента (образец № 2) отличается присутствием в составе сплава примеси мышьяка, неравномерно распределенного в α -растворе, в количестве (менее 1 мас.%), значимо не влияющем на физические свойства сплава. Это позволяет связывать его присутствие с использованием сплавов, полученных путем переплавки содержащих мышьяк изделий.

Сплавы с сохранившимися фрагментами изделий также являются оловянными бронзами, фрагментарно в составе α -раствора содержащими примесь мышьяка.

Таблица 1. Состав сплавов в мас.% (без учета микропримесей и связанных с коррозионными процессами C, O, S).

Результаты характеризуют локальный состав на измеренных участках

	Cu	As	Sn	Pb	Итог
σ, \pm	1.5	0.2	1.0	0.3	
Образец 1, диск	89.3	-	8.0	1.4	98.7
Образец 1, дужка	93.8	-	4.6	0.7	99.1
Образец 2, диск	90.4	<1.0	6.8	0.5	98.7
Образец 2, дужка	90.6	<1.0	5.8	0.4	97.8
Образец 3	92.33		6.50	0.10	98.93
Образец 4	84.7	-	14.0	0.4	99.1
Образец 5	85.2	<0.20	11.2	1.7	98.3

Полученные результаты позволяют с высокой долей вероятности подтвердить предположение о плавении на культовом месте бронзовых изделий. Сейчас невозможно сказать, какие именно изделия были здесь переплавлены, однако фрагмент недоплавленной бронзовой пластины с витой проволокой может указывать на украшение. Полировка поверхности исследованных расплавов показала наличие под коррозией чистого металла без видимых примесей золы, угольков и продуктов кипения металла. Это позволяет утверждать, что изделия не закидывались в костер, плавилась не в открытом огне и, таким образом, их плавление имело целенаправленный характер, для чего, по всей видимости, были использованы специальные тигли, камни или керамические сосуды. Форма расплавов (каплевидная, аморфная, с прямым углом) может говорить о том, что после плавления металл выливался на какую-либо поверхность, скорее всего на камни или на грунт, а после застывания расплав скидывался вниз, на северо-западный склон горы Зуберха.

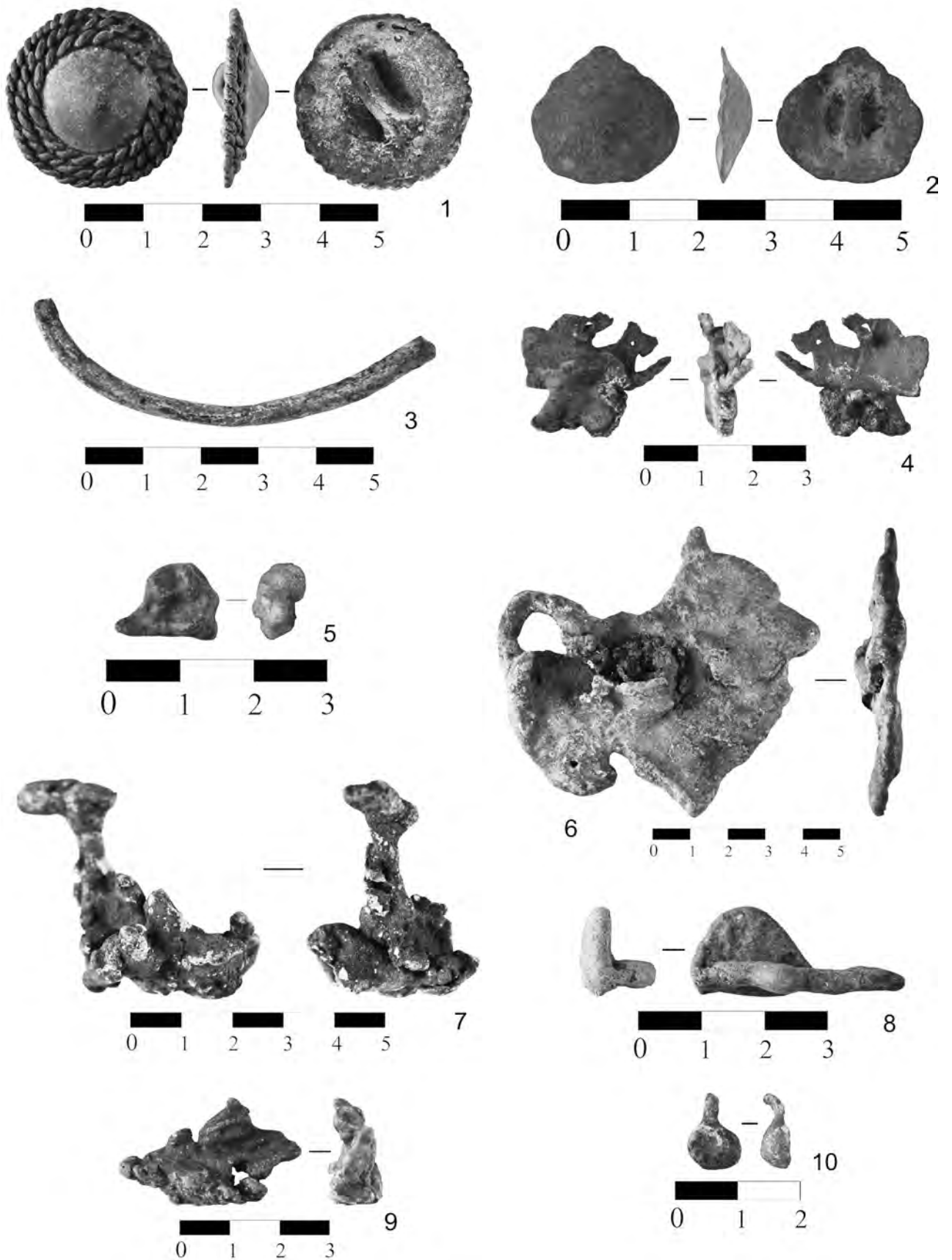

Рис. 1. Культовое место на горе Зуберха. 1 – образец 1; 2 – образец 2; 3 – образец 3; 4 – образец 4; 5 – образец 5; 6-10 – бронзовые расплавы, найденные на культовом месте.

Сейчас, ввиду отсутствия данных, невозможно точно интерпретировать этот ритуал, понять его идеологическую составляющую, однако на основании этнографических данных можно предположить, что его сутью являлось гадание. В этнографическом прошлом для определения источника сглаза на ребенке плавил свинцовую пулю, выливали расплав в воду и по его форме определяли сглазившего. Более сложная процедура определения сглазившего заключалась в проливании расплава свинца через ручку ножниц с упоминанием имен подозреваемых в сглазе. Если свинец разбивался на капли, то тот, чье имя было произнесено, невиновен, в случае, если свинец разливался сплошным слоем при произнесении имени, то того человека объявляли источником сглаза (Чурсин, 2008. С. 98). В близлежащем селении Гергебиль это гадание существует до сих пор (информатор З.Б. Ибрагимова). Не исключено, что на культовом месте на горе Зуберха мы видим истоки этих магических действий с использованием личных вещей или украшений, что, возможно, по мнению древних, усиливало эффект от гадания, позволяло предсказать будущее или определить причины бед конкретного человека, хозяина вещей.

Литература

Анучин Д.Н. 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Русского Императорского географического общества // Изв. Русского Императорского географического общества. Т. XX. СПб.

Попов Ю.В., Дедюлькин А.В. 2017. Электронно-зондовые исследования археологических металлов: источники погрешностей и специфика измерений // Геоархеология и археологическая минералогия. Екатеринбург.

Чурсин Г.Ф. 2008. Авары. Этнографический очерк. Махачкала.

Безруков¹ А. В., Улитин² В. В.

¹Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск
²Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ГРЕЧЕСКИЕ ЭМПОРИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ГРЕКО-ВАРВАРСКУЮ ТОРГОВЛЮ

Целью работы является рассмотрение проблемы механизмов влияния военно-политических факторов на функционирование греческих эмпориев в Северо-Восточном Причерноморье. В этом регионе выделяются две обособленные друг от друга основные зоны функционирования таких эмпориев, как боспорские города, так и греческие торговые пункты, основанные на территории варварских поселений. Первая – устьевая область реки Танаис, где в качестве важнейших торговых центров существовали Таганрогское поселение, два боспорских поселения на территории Елизаветовского городища и, наконец, город Танаис (Копылов, 2002. С. 229–232). Вторая – Северо-Западный Кавказ, где в качестве эмпориев выступали Фанагория, Семибратнее городище, Елизаветинское городище № 1 и позднее также, вероятно, Горгишпия (Кошеленко, Малышев, Улитин, 2010. С. 282–283; Горончаровский, 2010. С. 52).

Одной из важнейших целей эмпория как одного из видов торговых портов (port of trade) было обеспечение безопасности торговли (Поланьи, 2010. С. 104–105). Само его возникновение предполагало наличие благоприятной военно-политической обстановки и договоренностей с верхушкой варварского племени, на территории которого он находился.

Функционирование эмпориев зависело от особенностей военно-политической обстановки. Эмпории дельты Дона были ориентированы на торговлю в большей мере с кочевым населением Северо-Западного Кавказа – как с оседлым, так и с кочевым населением. Эмпории дельты Дона были вовлечены напрямую в торговлю с населением не только ближней, но и дальней периферии, отсюда большее воздействие на положение эмпория военно-политических событий на дальних территориях. Эмпории Азиатского Боспора и Прикубанья были связаны в основном с ближней варварской периферией, ситуация на дальней периферии могла повлиять на них только при миграционных процессах, затрагивавших ближнюю.

Позитивная направленность воздействия военно-политической обстановки выражалась в возможности основания эмпориев и включения их в более глобальные торговые магистрали. Так, Танаис, вероятно, был включен в систему северной ветви Великого шёлкового пути (Суворова, 2018. С. 238–239). К негативной направленности влияния для эмпориев, безусловно, относится их разрушение, гибель или полное или частичное оставление. Среди типов военных конфликтов, действовавших на эмпории в Северо-Восточном Причерноморье, отметим междоусобные войны, восстания, варварские нападения.

Боспорский квартал на Елизаветовском городище был оставлен населением, а большая греческая колония, возникшая на месте того же городища, погибла в результате варварского нападения (Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 252, 258.). Сочетание

разрушений с частичным оставлением города прослеживается в Танаисе в связи с событиями похода Полемона I (Шелов, 1970. С. 226–235). В Лабрисе разрушения, способные оказать воздействие на его торговую деятельность как эмпория, фиксируются в конце первой трети и конце IV в. до н.э., и в конце I в. до н.э. (Горончаровский, 2010. С. 54–55, 57). Однако к моменту третьего разрушения Лабрис мог уже фактически утратить свою прежнюю роль в торговле с варварскими племенами. На Елизаветинском городище № 1 в Прикубанье В.А. Городцовым были прослежены не датированные им следы двух пожаров, после которых жизнь на поселении еще продолжалась (Городцов, 1941. С. 210–212). Пожары, судя по всему, относятся ко времени эмпория, что свидетельствует об ухудшении военно-политической обстановки.

Среди причин оставления эмпориев, безусловно, преобладают военно-политические (гибель Таганрогского поселения, оставление Елизаветовского поселения и боспорского квартала в нем, гибель большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища). Сложно сказать, было ли вызвано оставление эмпория на Елизаветинском городище №1 военно-политическими причинами или же экономическими, во всяком случае, прекращение здесь денежного обращения исследователи не синхронизируют с прекращением существования эмпория (Анфимов, 1966. С. 162; Малышев, 1994. С. 13)

Различия в военно-политической ситуации обусловили фактически разные типы «эстафеты» в функционировании эмпориев. «Эстафета» во времени «моноцентрического» типа прослеживается в дельте Дона, где один эмпорий практически всегда сменяет другой. «Эстафета» на территории Северо-Западного Кавказа во времени и пространстве «полицентрического» типа означала не полную утрату одним эмпорием своего значения и роли и перехода их к другому, но лишь перераспределение торговых функций в связи с появлением новых эмпориев в глубь варварских земель, то есть здесь прослеживается синхронное существование нескольких эмпориев.

Отметим также наличие двух моделей торговли, связанных с эмпориями разных типов (эмпорий – античный город и эмпорий на территории варварского поселения). Вторая была впервые опробована в Прикубанье (Лабрис, ставший, правда, очень скоро фактически настоящим античным городом) и использовалась там дальше в эпоху эллинизма (эмпорий на Елизаветинском городище № 1). Та же модель первоначально использовалась и в дельте Дона (боспорский квартал на Елизаветовском городище), однако затем ее сменяет первая модель с основанием большой греческой колонии и особенно затем Танаиса. Фактически к той же первой модели (эмпорий – античный город) происходит возвращение и в Прикубанье после прекращения существования Елизаветинского городища № 1. В римское время в обеих зонах мы можем фактически говорить только о функционировании в качестве эмпориев античных боспорских городов. Вполне вероятно, что военно-политическая обстановка не способствовала возникновению и существованию эмпориев на варварских поселениях в это время.

В обеих зонах региона при различии конкретных военно-политических факторов и различной степени их влияния прослеживаются схожие механизмы их воздействия на эмпории. Боспорские города-эмпории оказались более устойчивыми к воздействию военно-политических факторов, чем боспорские эмпории, возникшие на территории варварских поселений.

Литература

- Анфимов Н.В. 1966. Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. № 2.
- Городцов В.А. 1941. Станица Елизаветинская, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л.
- Горончаровский В.А. 2010. Лабрис (Семибратнее городище): итоги исследований 2001–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.; Киев.
- Копылов В.П. 2002. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой четверти III в. до н.э. // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб.
- Кошеленко Г.А., Малышев А.А., Улитин В.В. 2010. Торговля // Античное наследие Кубани. Т. 1. М.
- Малышев А. А. 1994. Античный импорт на Северном Кавказе (по материалам Прикубанья VI–I вв. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Поланьи К. 2010. Избранные работы. М.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000. Елизаветовское городище на Дону. М.
- Суворова Н.И. 2018. Богиня из Нисы (к вопросу о среднеазиатских связях с Северным Причерноморьем) // Боспорские исследования. Вып. XXXVI.
- Шелов Д.Б. 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.

Белинский¹ А. Б., Иванчик² А. И, Цвинария³ И. И.

¹Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

²ООО «Наследие», г. Ставрополь

³Абхазский институт гуманитарных исследований, г. Сухум

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ БАЛАН (АБХАЗИЯ)

Исследование проведено при поддержке РФФ, грант № 18-18-00237

Археологические исследования на памятнике Балан (Очамчырский район Абхазии) планомерно проводятся с 2017 г. до настоящего времени. Основные работы сосредоточены на центральном холме – цитадели, господствующей над местностью. К настоящему времени площадь центрального раскопа, расположенного на южной оконечности холма, составляет ок. 300 кв.м. Здесь прослеживается два слоя. Первый датируется IV в. до н.э. и содержит в основном керамику местного производства, а также некоторое количество импортов; в нем встречается немало фрагментов черепицы. Непосредственно под ним залегает второй слой, в котором сохранился сложный комплекс сооружений, определяемый как культовый комплекс. Здесь также преобладает местная керамика; греческие импорты датируются между рубежом VII-VI и рубежом VI-V вв. до н.э. По-видимому, этот комплекс использовался в течение значительной части VI в. до н.э.

Кроме того, раскопки и разведки проводились на других участках поселения и позволили установить, что культурные остатки здесь прослеживаются на широкой полосе, простирающейся примерно на 5 км вдоль морского побережья. Пока неясно, в какой мере эти пространства использовались и осваивались в разные периоды, однако уже очевидно, что мы имеем дело с очень крупным памятником. Так, на расстоянии ок. 3 км к востоку от цитадели, обнаружены культурные слои и строительные остатки IV-III вв. до н.э. Находок, которые бы надежно датировались более поздним временем, на памятнике до сих пор не обнаружено. Таким образом, хронологические рамки существования этого крупного поселения предварительно определяются рубежом VII-VI – III вв. до н.э.

Вальчак С. Б.

Институт археологии РАН, г. Москва

О СТАТИСТИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ КОМПЛЕКСОВ НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Погребальные памятники позднейшего предскифского периода, сочетающие в инвентаре предметы вооружения и конского снаряжения, как и отдельные их признаки, характерные как для новочеркасской «классики», так и «жаботинские», по-прежнему вызывают неоднозначную интерпретацию у исследователей.

По мнению В.А.Ильинской, «жаботинские» наконечники стрел «вероятно, связаны с формами, принесёнными из глубин Степного Востока». Эта гипотеза подтверждается как давно известными, так и относительно недавними находками в погребальных комплексах Северной Евразии.

Основной проблемой является определение места этих памятников в хронологии начала раннего железного века юга Восточной Европы, от чего зависит и их отождествление с историческими киммерийцами или ранними, так называемыми некоторыми исследователями «древнейшими» скифами. Многие современные исследователи солидарны с высказанной В.Р.Эрлихом 30 лет назад гипотезой о появлении в Восточной Европе в конце предскифского периода «инокультурного всаднического компонента, который на раннем этапе не смешивался» с местными северокавказскими комплексами «типа Новочеркасского клада». То есть, эти типы вооружения и упряжи не встречаются в автохтонных для юга Восточной Европы комплексах классического Новочеркасского (финального) этапа предскифского периода, который датируется не ранее конца VIII, но не позднее середины VII в. до н.э. Тогда же, опираясь на работы других исследователей, В.Р.Эрлих предположил и возможные пути проникновения этих новаций на Северный Кавказ. Один из них – «по степному коридору через степи Причерноморья». Другой – «через Переднюю Азию».

Следует заметить относительную немногочисленность жаботинских погребений по сравнению с классическими новочеркасскими. В отличие от раннескифских памятников «келермесского» этапа (Келермес, Нартан), памятники с жаботинскими элементами не формируют больших курганных могильников. Впускные погребения в курганы эпохи бронзы располагаются дискретно (например, Льговское, к.2, п.16 в Крыму). Впускные и основные захоронения встречаются и в курганах, которые расположены парами на очень близком расстоянии (Хаджох-1), что подтвердили и раскопки двух курганов Уашхиту-1. Вполне можно включить в этот список парные курганы у с. Водяное (где найдены детали новочеркасской тягловой упряжи) в Кировоградской области и курганы 2 и 524 у с. Жаботин на Украине.

Интересной является ситуация на грунтовых могильниках Северного Кавказа. На фоне десятков и даже сотен погребений различных этапов предскифского периода, погребения с жаботинскими типами конского снаряжения и вооружения единичны (Кубанский, п.39; Пшиш-1, п.37) или очень немногочисленны (Чишхо, п.5, возможно и п.4; Большие

хутора, погребения 3, 6, и 10). Могильники эти принадлежали местному населению, скорее всего, ему же принадлежат и погребения жаботинского этапа, набор воинско-всаднического характера которых отражает относительно короткий период «принятия» этих новых форм, что позволяет связывать их с влиянием культуры «допоходных» скифов, которые (как известно из письменных источников) надолго в регионе не задержались.

Аналогичным образом единичны подобные погребения и на могильниках, большую часть которых составляют комплексы келермесского этапа, то есть времени возвращения из скифских походов в Закавказье и Переднюю Азию (Келермес, п.5 и 27; Шесхарис, п.4 и 6). Вполне вероятно, что это уже рудименты «жаботинской» культуры, сохранившиеся в воинской среде вне пределов Северного Кавказа.

Воронятов С. В.

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА РАСКОПОК КУРГАНОВ
НА ЗУБОВСКОМ ХУТОРЕ (1899 Г.) И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ ПОЛУЧЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ**

Четыре кургана на Zubовском хуторе в Прикубанье (I в. до н.э. – I в. н.э.) были раскопаны в 1899 г. (Думберг, 1901. С. 94). После анализа М.И. Ростовцевым схожих погребальных древностей могильник приобрел статус эпонимного (Ростовцев, 1925. С. 570–573). Впоследствии К.Ф. Смирнов расширил название «зубовская группа» до «зубовско-воздвиженская», употребляющееся до сих пор и маркирующее часть кочевнических древностей сарматского периода Прикубанья.

За характерностью и значимостью материалов Zubовских курганов скрыта малоизвестная история их раскопок и интерпретации. В литературе распространена сжатая информация о том, что курганы раскопал мещанин Забродин, а Н.И. Веселовский произвел их исследование (Думберг, 1901. С. 96; Гущина, Засецкая, 1989. С. 71; Мордвинцева, 2007. С. 207; Шаров, 2008. С. 580, 581, и др.). Однако архивные источники уточняют эту информацию и раскрывают канву более насыщенных событий тех далеких лет.

История раскопок курганов на Zubовском хуторе начинается с обращения (от 23.02.1899 г.) запасного рядового С.С. Забродина¹ в Императорскую археологическую комиссию с просьбой о разрешении на раскопки. Комиссия отказывает (от 2.04.1899 г.) просителю по причине отсутствия у него опыта работ и научной цели (РО ИИМК РАН. Оп. 1. 1899. Д. 14. Л. 25, 26). Отказ, видимо, не смутил Забродина, о чем в ИАК узнали позже. Летом, практически одновременно, в комиссию пришли два письма. Первое (от 2.06.1899) от начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Я.Д. Маламы, сообщавшего о приостановленных им раскопках курганов жителями х. Зубова. Он просил ИАК проконсультировать его насчет законности раскопок и дальнейшей судьбе добытых древностей. Также в письме спрашивалось, не признает ли полезным ИАК назначить лицо, которое могло бы присутствовать при дальнейших раскопках (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 3).

Автором второго письма (от 9.06.1899 г.), адресованного делопроизводителю ИАК И.А. Суслову, был книготорговец и коллекционер из Ростова-на-Дону Ф.С. Романович, сообщавший, что, возвращаясь из Майкопа, заехал в х. Зубова. В избе хуторского старосты он увидел довольно много предметов, в том числе золотых и серебряных, добытых хуторянами из курганов. Романович спрашивает у Суслова, примет ли комиссия каких-либо мер против уничтожения вещей, поскольку целью раскопщиков был поиск средств на постройку церкви, и они могут переплавить находки для продажи золота (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 9, 10).

Реагируя на полученные письма, ИАК командирует на место раскопок старшего члена комиссии Н.И. Веселовского, работавшего недалеко от Майкопа. Однако он, небрежно отвечая (от 7.07.1899 г.) на поручение руководившего в то время работой ИАК Ф.А. Брауна, ссылается на дорожные трудности и не обещает посетить х. Зубова (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 4; Мусин и др., 2019. С. 261, 262). Ответ Веселовского совпал по времени с поступившей в ИАК информацией об его отсутствии на месте собственных раскопок и злоупотреблениях лиц, которым он передоверил дела. Разбираться с этой

¹ В архивных документах, связанных с раскопками курганов на х. Зубова, встречено два варианта инициалов с фамилией Забродин. Трудно судить, какой из них верный, если, конечно, речь не идет о двух разных Забродиных, что было бы удивительно.

скандальной историей ИАК поручает К.Е. Думбергу (Мусин и др., 2019. С. 262), который вместе с тем должен был прояснить ситуацию с раскопками Зубовских курганов.

Н.И. Веселовский все же побывал на х. Зубова, о чем мы узнаем из отчета о работах 1899 г. и из письма (от 14.07.1899 г.) Ф.А. Брауна начальнику Кубанской области (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 4). В отчете Веселовский указывает, что курганы по соглашению с жителями х. Зубова раскопал мещанин Забродин. Только для одного кургана (№ 2) вскользь упомянуто устройство могилы. Указано, что она была перекрыта деревом. Для нее же и для могилы кургана № 1 описана топография и интерпретация найденных вещей, видимо, со слов раскопщиков. Суммарно отчет Н.И. Веселовского о Зубовских курганах занял 3,5 страницы текста (РО ИИМК РАН. Оп. 1. 1899. Д. 96. Л. 51–53). На основе информации, заключенной в этом отчете, можно сделать вывод о том, что Веселовский в раскопках курганов никак не участвовал. Их раскопали неподготовленные люди, которые своей интерпретацией найденных вещей, повлияли на восприятие будущими исследователями зубовских материалов. Веселовский же всего лишь зафиксировал факт раскопок, прошедших без участия ИАК.

Особняком в этой истории стоит вопрос о том, почему первая публикация рассматриваемых материалов принадлежит К.Е. Думбергу, если так называемое исследование провел Н.И. Веселовский. Вероятно, это как-то связано с тем, что К.Е. Думберг выполнял поручение по расследованию злоупотреблений и нарушений в экспедиции Веселовского и тоже побывал на х. Зубова. Но наверняка утверждать это нельзя. Сравнение текстов отчета Веселовского и статьи Думберга свидетельствует, что последний использовал в своей работе отчет, в котором назначение ряда найденных вещей определено неверно. При их анализе становится понятно, что они не фиксировались и не осмыслились. Приведу лишь несколько ярких примеров этой ситуации.

1. Пять золотых маленьких «фаларов» в зверином стиле (рис. 1, 1) отнесены находчиками к поясным украшениям, хотя место их находки указано расплывчато – «при костяке». Сделать такой вывод можно было, только руководствуясь наличием скоб для пропускания ремня на тыльных сторонах изделий. Однако исследователи в конце XX в. подметили, что эти предметы относятся к оформлению ножен меча (Раев, Яценко, 1993. С. 114, 115) и, соответственно, должны были быть найдены рядом с ним.

2. Семь малых золотых фаларов со вставками стёкол от разбитых сосудов (рис. 1, 2) названы раскопщиками поясными бляхами, хотя сведений об их находке в районе пояса нет.

Роль в определении опять сыграли петли для пропускания ремня с тыльной стороны предметов. При анализе вещей и подборе аналогий выясняется, что они являются фаларами конского оголовья (Манцевич, 1976. С. 179; Воронятов, 2020. С. 281–285) и вряд ли могли быть надеты на пояс погребённого.

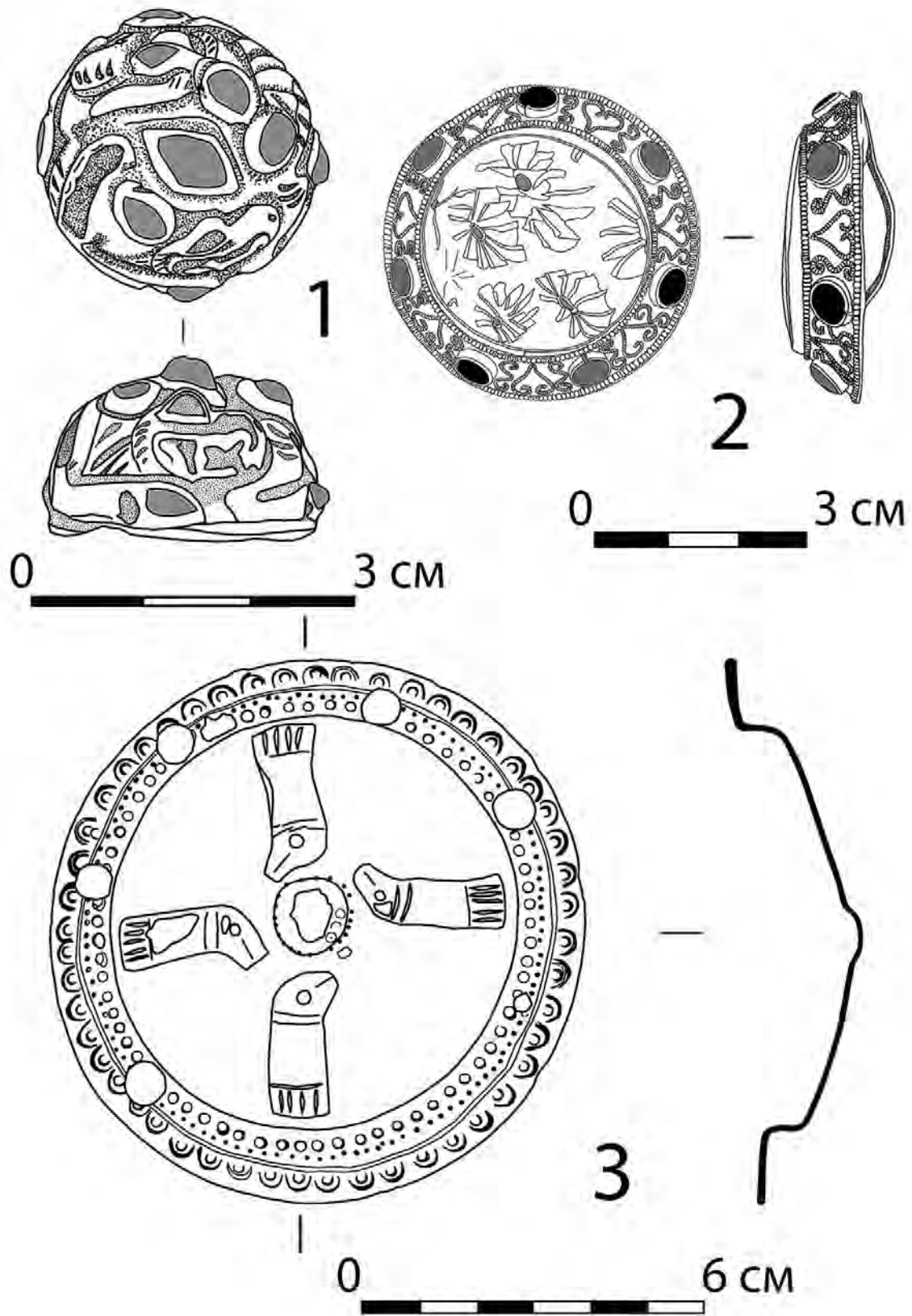

Рис. 1. Находки из погребения кургана 1 на Зубовском хуторе.
 1 – один из пяти «фаларов» в зверином стиле; 2 – один из семи малых фаларов конского оголовья; 3 – один из двух больших наплечных фаларов конского снаряжения (рисунки автора).

3. Два крупных серебряных фалара (рис. 1, 3), найденных по информации отчета «по бокам» костяка, спровоцировали в свое время Л.А. Мацулевича на ошибочную реконструкцию, в которой фалары являются украшениями чешуйчатого панциря погребённого (Мацулевич, 1947. С. 5–8). Реконструкция присутствует в научной литературе до сих пор. Однако накопленный археологический материал позволяет предполагать, что фалары были наплечными украшениями конского снаряжения и составляли комплект с семью малыми фаларами (Воронятов, 2022. Рис. 12). В случае с данным комплектом можно допустить, что находчики зафиксировали его относительно верно, если предположить помещение конского снаряжения на тело погребённого, аналогии чему в наше время известны. Но тогда возникает вопрос, почему их не смутила находка удила с псалиями «с левой стороны костяка», и т.д.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что курганы на х. Зубова копались случайными людьми и, соответственно, качество работ было очень низким даже для конца XIX в. Роль Н.И. Веселовского в этих работах преувеличена. Доказательств исследования им курганов не обнаружено. Можно предполагать, что масса важной информации об устройстве курганов и топографии находок в могилах была потеряна. Это заставляет пересмотреть скудные архивные сведения и вновь обратиться к изучению коллекции материалов Зубовских курганов в надежде реконструировать хотя бы малую часть утраченной информации.

Литература

Воронятов С.В. 2020. Фалары конского оголовья из кургана 1 на Зубовском хуторе // Археологія і давня історія України. Вип. 3(36). Київ.

Воронятов С.В. 2022. Сарматская жизнь греческой фиалы с посвящением Аполлону предводителю // ВДИ (в печати).

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Труды ГИМ. Вып. 70. Археологические исследования на юге Восточной Европы.

Думберг К.Е. 1901. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. Вып. 1.

Манцевич А.П. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Мацулевич Л.А. 1947. Бляхи-обереги сарматского панциря // СГЭ. Вып. IV.

Мордвинцева В. 2007. Сарматский полихромный звериный стиль // Мордвинцева В., Трейстер М. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье (2 в. до н.э. – 2 в. н.э.). Т. I. Симферополь, Бонн.

Мусин А.Е., Медведева М.В., Платонова Н.И., Всевиов Л.М., Тихонов И.Л. 2019. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 г. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). Т. 1. СПб.

Раев Б.А., Яценко С.А. 1993. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск.

Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.

Шаров О.В. 2008. Зубовско-воздвиженская группа // БРЭ. Т. 10. М.

Гараев И. А.
ООО «Ирида», пос. Волна

ПОГРЕБЕНИЯ С НОЖАМИ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О НАЕМНИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ БОСПОРА

Среди погребений, открытых экспедицией ООО «Ирида» в грунтовом могильнике «Волна 1»¹ выделяется небольшая группа погребений с оружием, в которых на или под плотным мечей располагались железные ножи. Всего открыто 7 таких погребений. Все они совершены в ямах прямоугольной формы и, по крайней мере в 5 случаях, принадлежат мужчинам 30-50 лет (погребения №№44, 140-40, 140-48, 451, 611). В погребениях №№608 и 637 половую принадлежность погребенных не удалось установить (они принадлежат индивидам 13-18 и 35-45 лет соответственно), но, весьма вероятно, видеть в них мужчин.

Хронологически рассматриваемые погребения можно разделить на два периода: 1-я половина V в. до н.э. (№№140-40 и 611); 4 четверть V – 1 четверть IV вв. до н.э. (№№44, 140-48, 451, 637). Погребение №608 не имеет узко датированного инвентаря, но по аналогии с погребением №611 его тоже можно датировать 1-й пол. V в. до н.э. Таким образом, обычай располагать нож на или под плотным меча не выходит за пределы 1-й четверти IV в. до н.э. Для первого периода характерно положение меча поперек туловища погребенного, от правой руки к левому колену (№140-40) и на левом бедре (№№608, 611). Во втором периоде мечи расположены более разнообразно: поперек туловища (№44); у правого бедра (№637); у правого плеча (№451); у левого бедра (№140-48).

Сами ножи не отличаются большими размерами, их длина варьируется в пределах 90-190 мм, а ширина – 15-22 мм, что, возможно связано с размерами мечей, к которым они принадлежали. Среди них можно выделить несколько типов: с черешковой рукоятью, имеющие прямую (№611, 637), слегка изогнутую (№608) и «горбатую спинки (№140-40); с пластинчатой рукоятью и прямой (№44, 140-48) или слегка изогнутой спинкой (№451). Примечательно, что черешковые ножи в основном относятся к первому хронологическому периоду, а пластинчатые – ко второму.

Традиция совместного ношения ножа и меча была довольно широко распространена в античном мире. Об этом говорят и археологические находки (правда, не всегда удается выделить нож на полотне меча из-за сильной коррозии) и изображения древних воинов с их вооружением в скульптуре и живописи. Например, на знаменитой статуе воина из Капестрано изображен меч, к ножнам которого прикреплен нож, а в гробницах Камповалано неоднократно находили ножи, лежащие на полотнах мечей (Конноли, 2001. С. 101, 104). В ножнах мечей иберийских всадников также иногда устраивались отделения для небольших ножей и даже для запасных наконечников копий мечей (Алексинский, Жуков, Бутягин, Коровкин, 2005. С. 83, 88).

¹ В работе был использован материал раскопок 2015-2018 гг., проведенных экспедицией ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур. Автор выражает огромную благодарность Ирине Васильевне за предоставленный материал, и беседы, вдохновившие на эту работу.

Известны совместные находки мечей и ножей и в более восточных регионах. Так, в погребениях ранних кочевников Южного Урала ножи, расположенные на полотне меча, под ним или близко к клинку, трактовались как часть единого клинкового набора. Истоки этой традиции автор приписывала культуре кочевников Азии, а функциональность ограничивала чисто боевым назначением (Вильданова, 2021. С. 33-38). Но как мы видели, данная традиция появляется в разных частях континента, и, по-видимому, независимо друг от друга (по крайней мере, что касается традиций Урала и Испании). Объясняется это удобством такого ношения ножа, особенно в походе. Функционал ножа, конечно же, не ограничивался только боевым применением (хотя в критической ситуации он мог использоваться как оружие), но был в первую очередь хозяйственным инструментом. Например, в некоторых скифских погребениях ножи лежали вместе с набором наконечников стрел, возможно на колчане для него был сделан специальный карман (Плешивенко, 1991. С. 60, 64, 65). Такие ножи могли использоваться для правки древков стрел или подточки наконечников. В чем-то подобном использовались и ножи при ножнах, они всегда были под рукой (что особенно важно в походах), располагаясь, скорее всего, с внутренней стороны ножен – в специальной нише или футляре – ближе к телу. При этом он не болтался на поясе, а его случайная потеря равнялась практически нулю.

Что касается Боспора, то сюда способ размещения ножа на ножнах меча мог попасть из местной, кочевнической среды, но с другой стороны, он не был чужд и грекам-колонистам, которые могли быть знакомы с западно-средиземноморской традицией. И тут мы сталкиваемся с вопросом – носители какой из этих двух традиций были похоронены в могильнике Волна 1? По нашему мнению, кочевнической. И не просто кочевнической, а принадлежащей представителям союзных или наемных контингентов. И на это указывает несколько обстоятельств. Во-первых, ближайшие аналогии. Как бы не были заманчивы иберийские и итальянские аналогии, от границ Боспора их отделяют значительные расстояния и культуры. Если предположить, что общей для них стала греческая традиция, то это тоже сомнительно – насколько известно, для материковой Греции она не характерна. Напротив, в погребениях кочевников Причерноморья и Южного Урала мы находим параллели не только идее размещения ножей в предметах воинской амуниции, но и размещения их именно на ножнах мечей, типы которых и способ ношения также совпадают (Вильданова, 2021. С. 35). Во-вторых, все рассмотренные погребения – одиночные², практически все принадлежат мужчинам среднего возраста. При этом инвентарь их погребений (за исключением №44) довольно скромный. Это может указывать на слабые социальные связи с окружающим обществом, а значит эти люди могли быть пришлыми, но по каким-то причинам похороненными на местном некрополе. В-третьих, традиция размещения ножей на ножнах мечей выделяется в погребениях конкретных хронологических периодов, а именно в моменты высокой военно-политической напряженности (Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 46, 73; Завойкин, Сударев, 2006. С. 134-136). Ни до, ни после она не встречается.

² Хотя на могильнике отмечено значительное количество парных и коллективных погребений с оружием.

Все это указывает на то, что ножи на ножнах мечей пришли на территорию Боспора вместе с нанятыми или союзными воинами, которые здесь погибли и были погребены в могильнике поселения, которое они, возможно, защищали. В связи с этим интересно отметить, что в наиболее эллинизированной, европейской части Боспора удалось выделить из всей массы погребений с оружием только два, имеющих ножи под полотном меча. Одно в некрополе Пантикапея и одно – в некрополе Мирмекия (Шкорпил, 1904. С. 92; Шкорпил, 1909. С. 85).

Литература

Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С. 2005. Всадники войны. Книга первая. Кавалерия Европы. СПб.

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. 2008. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб.

Вильданова Е.В. 2021. Совместные находки ножей и мечей в погребальных комплексах ранних кочевников Южного Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №1(52). Тюмень.

Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006. Погребения с оружием VI-V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора // Древности Боспора. Вып. 9. М.

Конноли П. 2001. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.

Плешивенко А.Г. 1991. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. Киев.

Шкорпил В.В. 1904 Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. 9. СПб.

Шкорпил В.В. 1904 Отчет об раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях // ИАК. 30. СПб.

Джопуа А. И., Ньюшков В. А., Счастный Д. А.
Абхазский государственный музей, Сухум

НОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ АНТИЧНОГО ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ФОНДОВ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Рассматриваемый в данной статье набор предметов вооружения из Гудаутского района представляет большой интерес для понимания ареала их распространения в пределах территории Республики Абхазия, поскольку до сих пор самым частым районом для подобных находок оставался город Сухум и его окрестности. Более того, несмотря на неясные обстоятельства, при которых оружие было извлечено из земли и отсутствие сопутствующего археологического материала, а также отсутствие должной фиксации места находки, рассматриваемый набор раннеантичного оружия можно считать достаточно богатым, ведь по одному только мечу можно сделать вывод, что погребенный был не рядовым воином.

В комплекс входят:

1. Меч с брусковидным навершием и треугольной формы лезвием (рис. 1, 1). Общая длина – 43,5 см. Максимальная ширина клинка – 5,8 см. Плечики переходят в рукоятку под прямым углом. Рукоятка прямоугольная в сечении, вогнутая по бокам. Максимальная ширина рукояти в верхней и нижней частях – 2,9/3,5 см. Минимальная ширина в средней части – 2 см. Толщина рукояти – 0,6 см.

2. Железная секира с полукруглым асимметричным лезвием и длинной бородкой, резко профилированной обушной частью и прямоугольным молоточковидным обухом в виде шляпки (рис. 1, 2). Общая длина – 12,7 см. Ширина лезвия – 15 см. Длина и ширина шляпки обуха – 3,5/2,7 см. Края проуха имеют четыре зубца по два сверху и снизу. Высота зубцов – 1,1 см. Форма проушного отверстия овальная (2,3/2,1 см).

3. Железный топор с небольшой бородкой и суженным обухом (рис. 1, 3). Длина – 16,5 см. Ширина лезвия – 4,5 см. Форма проушного отверстия овальная (3,9/2,4 см).

4. Наконечник дротика с треугольным пером (рис. 1, 4). Общая длина – 18 см, максимальная ширина пера – 4,1 см. Переход к втулке оформлен двумя острыми зубцами. Длина зубцов – 2,4 см. Втулка обломана.

5. Четырехгранный дротик вытянутой формы (рис. 1, 5). Общая длина – 21,2 см. Максимальная толщина боевой части – 1,1 см. Втулка круглая в сечении. Обломана.

6. Наконечник дротика линзовидного сечения (Рис. 1, 6). Общая длина – 21,5 см, максимальная ширина пера – 2,8 см. Втулка обломана.

7. Подток конусовидной формы круглого сечения с переходом в четырехгранный стержень (длина – 3,2 см) в нижней части (рис. 1, 7). Общая длина – 11,5 см. Диаметр отверстия – 2 см.

Для датировки описанного комплекса достаточно остановиться подробнее на предметах вооружения под номерами 1, 2 и 4. В сочетании друг с другом, либо же отдельно, они входили в состав погребений на Сухумской горе, доследованных М.М. Трапш в середине XX в. и датированных сопутствующим керамическим материалом IV-III вв. до н.э. (Трапш, 1955. С. 207).

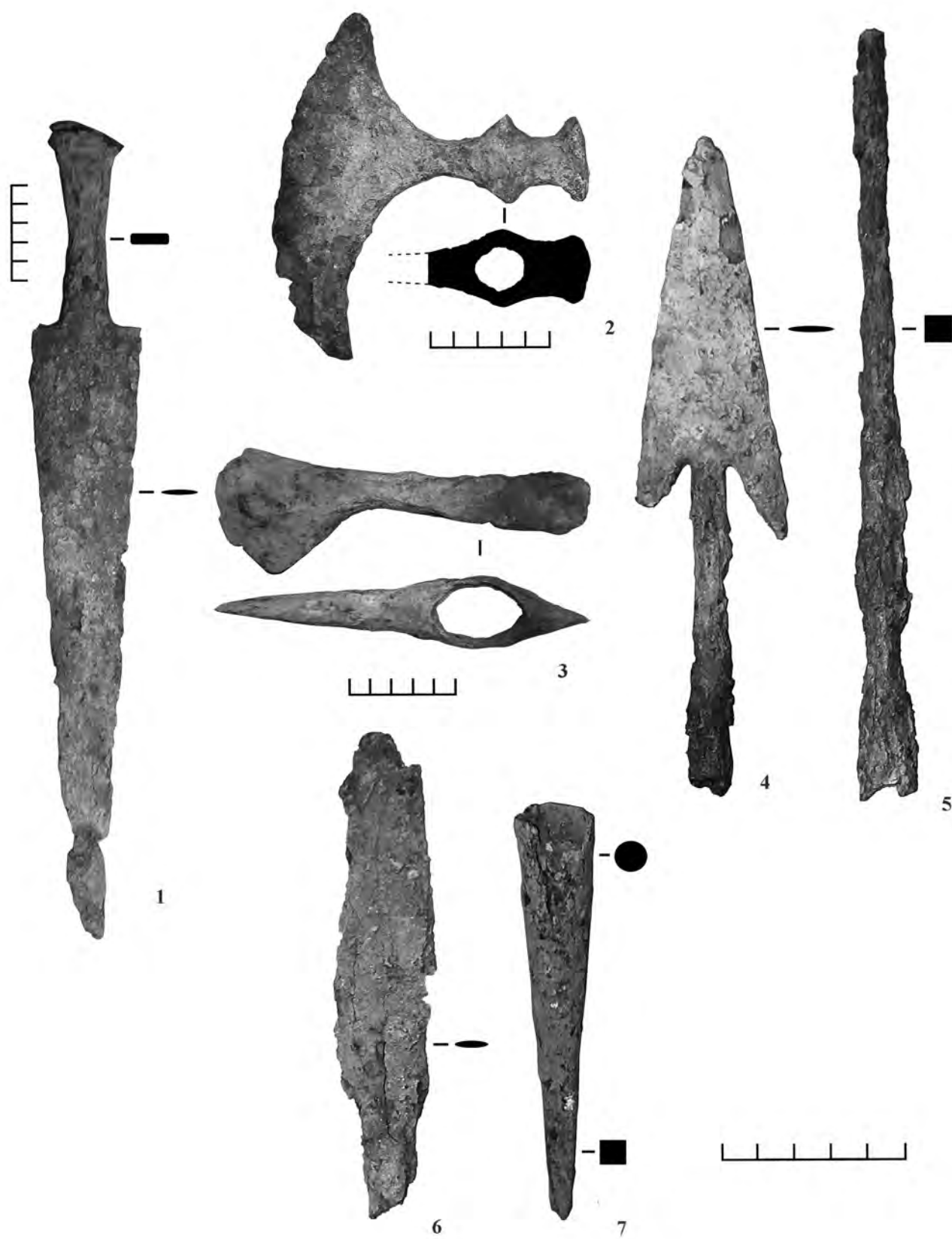

Рис. 1. Предметы, поступившие в Абгосмузей из Гудаутского района Республики Абхазия.

Следует отметить, что мечи с брусковидным навершием и треугольной формы лезвием также хорошо известны в Прикубанье и Закубанье под названием мечей «синдо-меотского» или «меотского» типов по месту наибольшей концентрации находок (Эрлих, 1991. С. 31). По классификации В.Р. Эрлиха, они относятся к I подотделу I типу, а самые ранние находки таких мечей, по мнению автора, датируются концом V в. до н.э. (Эрлих, 1991. С. 31).

Основная концентрация топоров-секир в Абхазии приходится на окрестности города Сухум. Датируются они V-III вв. до н.э. (Трапш, 1969. С. 242), IV-III вв. до н.э. (Каландадзе, 1953. С. 78) и IV-II вв. до н.э. (Воронов, 1975. С. 221-222).

Обращает на себя внимание и второй топор. По своему профилю он напоминает экземпляр, получивший распространение с V в. до н.э. (Воронов, 1975. С. 221-222). Однако у гудаутского экземпляра обух имеет резкое сужение в виде клина и проушное отверстие в форме вытянутого овала, что сближает его внешне с бронзовыми боевыми топорами колхидско-кобанского круга конца бронзового века.

Не противоречит датировке и сравнительный анализ наконечника дротика с треугольным пером. По мнению Ю.Н. Воронова, данный тип метательного оружия в комплексах сочетается с инвентарем V-II вв. до н.э. (Воронов, 1975. С. 221-222).

Таким образом, мы можем говорить о том, что данный набор оружия широко использовался населением Северо-Восточного Причерноморья в рассматриваемое время. Более того, оно показывает высокий уровень производства вооружения у древнеабхазских племен.

Литература

Воронов Ю.Н. 1975. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н. э. // Скифский мир. Киев.

Каландадзе А.Л. 1953. Археологические памятники Сухумской горы. Сухум.

Трапш М.М. 1955. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953 гг. // СА. XXIII. Москва.

Трапш М.М. 1969. Труды. Древний Сухум. Т. II. Сухум.

Эрлих В.Р. 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. Москва.

Джопуа А. И., Ньюшков В. А.
Абхазский государственный музей, г. Сухум

ДРЕВНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАМБОРСКОЙ ПОЛЯНЫ

Из существующих на территории Абхазии известных археологических памятников мы хотим, в частности, выделить памятник в Гудаутском районе в посёлке Бамбора, на западной окраине г. Гудаута, на правом берегу маленькой речки Кистрик – поселение и могильник «Бамборская поляна». Данный памятник характерен тем, что здесь ведущее место по массовости и значению принадлежит керамическим изделиям, представленным различными по форме и назначению обломками.

Следует отметить, что Бамборское поселение по сути является Кистринским поселением неолитической эпохи. Но новые исследования, начавшиеся на данном поселении, показали, что неолитический слой на данном поселении перекрыт жилыми и другими культурными отставками эпохи поздней бронзы и раннего железа. Поэтому, чтобы не путать два разновременных объекта, поселение, относящиеся к верхнему слою, стало называться не Кистрикским, а Бамборским – по месту своего расположения (Габелия, 2014. С. 23).

Поселение было открыто А.Л. Лукиным в 1940 г., собравшим на распахиваемой поляне большой археологический материал. Первые раскопки на поселении проведены в 1960 году Л.Н. Соловьёвым. Затем в 1963 году Л.Н. Соловьёв и В.В. Бжания заложили здесь разведочный раскоп (№1) площадью 3х5 м для установления стратиграфии памятника. С 1970 года совместная экспедиция Института археологии АН СССР и Абхазского НИИ АН ГССР под руководством В.В. Бжания приступила к изучению этого интересного памятника. Исследование поселения с некоторыми перерывами продолжалось и в 80-х гг. Общая раскопанная площадь поселения составляет 7000 кв. м (Бжания, Габелия, 2002. С. 364).

Согласно А.Л. Лукину, на поселении Кистрик никаких сопутствующих материальных свидетельств, кроме неолита на поселении (селище) Кистрик, не отмечено, правда здесь он же оговаривается и замечает, что «к северу и к западу от селища имелись некоторые находки бронзы III этапа и керамики энеолитического облика» (Лукин, 1950. С. 281). Вслед за А.Л. Лукиным Л.Н. Соловьёв отмечает, «при наших разведках, однако, выяснилось, что обоймицы были найдены в чёрном пятне, представлявшем заполнение гумусированной почвой обширного, но мелкого четырёхугольного углубления, в котором встречались отдельные фрагменты посуды колхидской, позднебронзовой культуры». Здесь же специалист указал, что «найденная в это же время нами на поверхности селища половинка каменной формочки для отливки подвески с тремя лопастями, также не имеет никакого отношения к неолитическому слою» (Соловьёв, 1967. С. 24).

Так, ещё в 1960 г. на западном краю Бамборской поляны было доследовано разрушенное богатое погребение с остатками человеческих костей. Инвентарь состоял из двух бронзовых и одного железного топора, четырёх бронзовых браслетов, трёх крупных очковидных подвесок, двух спиральных навитых пронизей и обломков двух маленьких поясных пряжек. Как правило, железные изделия копируют формы бронзовых, с которыми они были положены. Датируется комплекс VIII–VII вв. до н.э. (Трапш, 2017. С. 213; Шамба, 2000. С. 43).

Его, т.е. Бамборский могильник, Г.К. Шамба отнёс к **комплексу 1** по хронологическому принципу, отметив, «оттуда известно большое число погребальных комплексов» (Шамба, 2000. С. 43).

Далее, к **комплексу 2** он уже определил находку 1940 г. Она была опубликована у Ю.Н. Воронова в 1969 г. Речь идёт о вещах, обнаруженных в погребении конца эпохи

поздней бронзы (VIII в. до н.э.) на Бамборской поляне. В него входили 32 разной величины круглые сердоликовые бусины, два бронзовых орнаментированных топора, столько же наконечников копий, кинжал с продольным ребром, четыре массивных ножных кольца, две спиральки и т.д. (Воронов, 1969. С. 20; Шамба, 2000. С. 44).

К комплексу 3 Г.К. Шамба отнёс погребение, вскрытое в 1980 г. на раскопе №25 Бамборской поляны на глубине 60-70 см в слое светло-серого плотного суглинка. Здесь было найдено два бронзовых браслета, три фибулы, из них две соединены цепочкой; подвеска, железный топор скифского типа, 6 сердоликовых и 5 стеклянных бус, золотое колечко со змеевидными головками, трёхлепестковая подвеска. Предварительно погребение датируется VII–VI вв. до н.э. (Шамба, 2000. С. 44).

В 1981–1982 гг. на поселении Кистрик продолжились охранные археологические исследования. Так, ранее на территории, отведённой под застройку, были выявлены крупные чёрные пятна с мощным культурным слоем. Возле них были заложены раскопы. В процессе раскопок выяснилось, что мощные тёмные пятна относятся к жилищам эпохи бронзы и раннего железа. Одно из таких жилищ было зафиксировано в центральной части поселения на площади раскопов №№ 22 и 48. С самого начала работ на этом участке наблюдалось скопление древних находок в виде обломков глиняных сосудов и каменных орудий. В нижних слоях начали прослеживаться тёмные пятна. По мере углубления на глубине 20-25 см пятно приняло форму удлинённого прямоугольного жилища. Его размеры: длина – около 15 м, ширина – около 8 м. На площади жилища были расчищены две хозяйственные ямы и одна производственная площадка (Бжания, Габелия, Амиров, 1987. С. 3-4).

Нельзя не отметить, что найденный материал на Бамборском поселении, по мнению В.В. Бжания, А.Н. Габелия, отражает сложное многоотраслевое хозяйство его древних насельников. Судя по многочисленным находкам зернотёрок, тёрочников, хозяйственных ям, крупных сосудов, основу хозяйства обитателей Бамборского поселения составляло земледелие. Osteологическая коллекция, собранная на поселении, говорит о значительном развитии животноводства. Судя по ней, охота имела второстепенное значение. Более важное место, чем охота, в хозяйстве древнего населения занимало рыболовство, свидетельством чего являются многочисленные каменные грузила. Также нужно указать, что одну из основных отраслей домашнего ремесла составляло текстильное производство. Об этом говорят отпечатки ткани на глиняных сосудах. Кроме того, как свидетельствует археологический материал, у древнего населения существовали и другие виды производственной деятельности – это выпаривание из морской воды соли, деревообработка, обработка камня и кожи (Бжания, Габелия, 2002. С. 379).

Таков краткий обзор памятников РЖВ Бамборской поляны и посёлка Бамбора. Название посёлка с абхазского переводится как «место получения урожая хлопка».

Литература

- Бжания В.В., Габелия А.Н. 2002. Поселение позднебронзового века на Бамборской поляне // ПИФК. Вып. 12. М. Магнитогорск.
- Бжания В.В., Габелия А.Н., Амиров Ш.Н. 1987. Раскопки поселения Кистрик // Археологические открытия 1983 г. в Абхазии. Тб.
- Воронов Ю.Н. 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухум.
- Габелия А.Н. 2014. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум.
- Лукин А.Л. 1950. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут // Советская Археология. Вып. XII.
- Соловьёв Л.Н. 1967. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик // Материалы по археологии Абхазии. Тб.
- Трапш М.М. 2017. Труды. В пяти томах. Том I. Сухум.
- Шамба Г.К. 2000. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. Сухум.

Дударев¹ С. Л., Бережная² В. А.

¹Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

²Музей истории и краеведения им. Ф. И. Моисеенко, г. Лабинск

БРОНЗОВЫЙ КОНСКИЙ НАЛОБНИК ИЗ СТАНИЦЫ ЧАМЛЫКСКОЙ

В штабе Кубанского казачьего войска в ст. Чамлыкской Лабинского района Краснодарского края хранится найденный в окрестностях указанного населенного пункта бронзовый конский пластинчатый налобник. В 2020 г. он был любезно предоставлен для изучения авторам данной статьи станичным атаманом М.В. Власовым. Предметы, принадлежащие к данной категории конской упряжи меотов, до сих пор не были известны в восточных районах Закубанья, в связи с чем авторы и предпринимают публикацию настоящего артефакта.

Налобник сделан из бронзового листа толщиной 1 мм и представляет собой сложную фигуру в виде круга (диаметр его 13,0 см), внутри которого рельефно вычеканены концентрическая окружность, а также выпуклый малый круг (диаметр 4,5 см). От круглой части налобника (в самом верху которой приклепано пластинчатое ушко (петля), охватывающее край окружности с двух сторон для крепления к основе) вниз идет трапециевидное расширение, завершающееся расходящейся в стороны секировидной фигурой. Размах ее «лопастей» – 18, 0 см. В месте перехода «круга» в «трапецию» с двух сторон имеются выступы в виде языков, один из которых плохо сохранился. Общая длина предмета – 33,2 см. Он в целом пострадал от времени, утрачена часть внешней окружности верхней части налобника, которая, как и нижняя его часть, имеют трещины, а боковые части и низ находки в большей или меньшей степени выщерблены (рис.1, а). На тыльной стороне налобника, в месте перехода трапециевидной части в «секирообразную» приклепана еще одна пластинчатая петля. В нее было вдето съёмное кольцо из бронзовой проволоки размерами 6,1x5,7 см толщиной 1,5 мм с несомкнутыми концами. На нем есть несколько косях насечек. Данная сторона предмета местами несет, надо полагать, отпечатки основы (кожа, войлок?) и тонких ремешков от оголовья (рис.1, б).

В свое время функциональная принадлежность таких артефактов, обнаруженных в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, дискутировалась. Некоторые авторы считали их украшениями щитов (А.П. Манцевич), другие – усилением нагрудной зоны кожного панциря (Виноградов, 1972. С.128). Однако В.Ю. Мурзин и Е.В. Черненко доказательно отнесли эти находки к пластинчатым налобникам (Мурзин, Черненко, 1980. С.158-167). Хронологическая принадлежность налобников первоначально определялась как время скифской архаики (Мурзин, Черненко, 1980. С.156). В 1996 г. И.И. Марченко, опираясь на ряд археологических материалов, сумел, во-первых, опровергнуть связь налобников из коллекции Д.Г. Шульца с Келермесскими курганами, и во-вторых, выступил против отнесения датировки подобных налобников к кругу древностей скифской архаики, отнеся их ко второй половине IV в. до н.э. (Марченко, 1996. С.77). Позднее Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, собрав практически все известные к середине 2000-х гг. находки таких налобников (Лимберис, Марченко, 2005. С.162-167), вновь выступили с указанными выше тезисами, вступив, при этом, в дискуссию со ставропольскими исследователями А.А. Кудрявцевым, Е.А. Кудрявцевым и Ю.А. Прокопенко, которые, опираясь на материалы могильника № 2 Татарского городища, датировали эти налобники IV – концом III-началом II в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2005. С.163). Заметим, что еще ранее к последним также обращалась Е.А. Беглова, анализируя предметы конского убора из Тенгинского могильника (Беглова, 2002. С.161). Она фактически подтвердила датировку ставропольских коллег, указав, что время функционирования склепа – с IV по II в. до н.э.

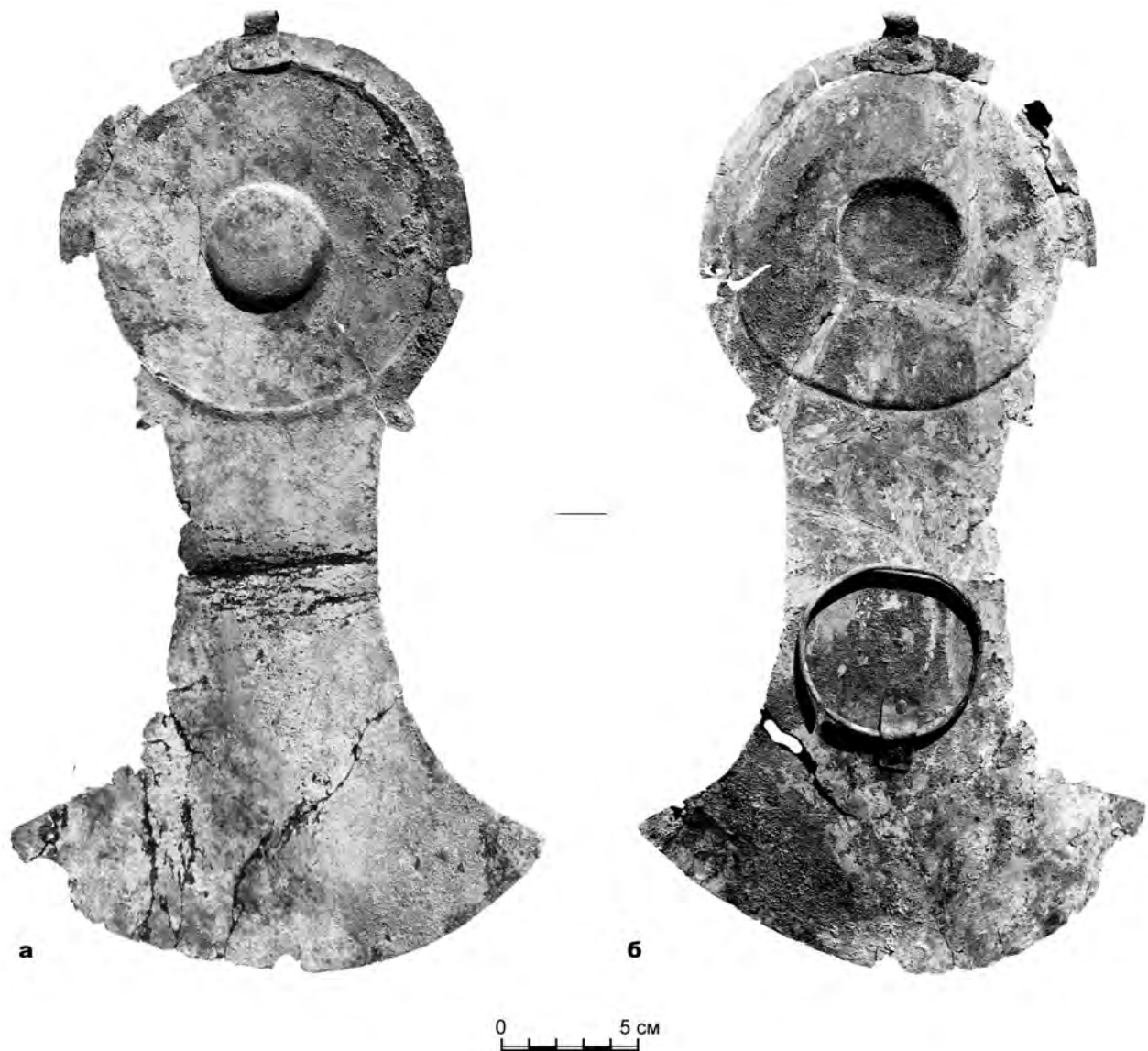

Рис. 1. Бронзовый конский налобник из станицы Чамлыкской (Лабинский район Краснодарского края).

В конце 2000-х гг. Ю.А. Прокопенко вновь вернулся к датировке налобников из могильника № 2 Татарского городища. Он отметил, что комплексы, содержавшие данные налобники, надежно датированы амфорами типа Солоха-1, Усть-Лабинский и др., практически повторив выводы И.И. Марченко 1996 г. (Прокопенко, 2009. С. 314) и не ответив прямо на полемику Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко с указанной выше коллективной точкой зрения. В то же время Ю.А. Прокопенко, остановившись на анализе других предметов конской сбруи из склепа № 1 могильника № 2 Татарского городища, постарался показать, что они относятся к периоду второй половины IV – начала II в. до н.э. (Прокопенко, 2009. С.314-315). В несколько модифицированном виде эта датировка фактически повторяет выдвинутую ранее группой ставропольских авторов.

Возвращаясь же к статье Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, укажем на то, что они предположили местное, меотское происхождение налобников анализируемого типа, основываясь на географии и массовости находок. К ним теперь прибавился и налобник из ст. Чамлыкской, который показывает использование подобных деталей сбруи не только в западном и центральном ареалах меотской культуры, но и на востоке ее распространения. Особенностью данного предмета в отличие от ряда известных является подвижное и, как

было отмечено выше, съемное бронзовое кольцо в нижней части тыльной стороны налобника. Наличие такого кольца, вероятно, демонстрирует пока еще не исследованные особенности в использовании налобников. Дело в том, что, как отмечали еще В.Ю. Мурзин и Е.В. Черненко, ссылаясь на А.П. Манцевич, верхний узел крепления служил для подвешивания пластины вертикально, а нижняя петля не давала сместиться ей в сторону (Мурзин, Черненко, 1980. С.161). Наличие кольца в нижней петле не дает возможности осуществить указанное соединение, а предполагает какое-то иное. Иными словами, новая находка заставляет задуматься над спецификой функционирования данного варианта крепления у некоторых налобников из указанной серии.

Литература

Беглова Е.А. 2002. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. Вып. 3. М.

Виноградов В.Б. 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.

Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани. Краснодар.

Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. 1980. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев.

Лимберис Н.Ю. Марченко И.И. 2005. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.

Прокопенко Ю.А. 2009. Особенности предметов конской упряжи из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья второй половины IV – начала II в. до н.э. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.

Иванов А. В.

Южный региональный центр археологических исследований, г. Краснодар

ПРОТОМЕОТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНЕ У С. КЕСЛЕРОВО В ЗАПАДНОМ ЗАКУБАНЬЕ

В 2015 г. у с. Кеслерово экспедицией ЮРЦАИ проведены раскопки кургана 1 курганной группы Кеслерово-4, расположенной на террасе левого берега р. Адагум. Исследовано 22 погребения, насыпь сооружена одномоментно, без досыпок в эпоху бронзы над погребением, разрушенным впущенной в центр кургана гробницей начала IV в. до н.э. (Иванов, 2019. С. 61-70). В сообщении речь пойдет о двух впускных погребениях начала раннежелезного века.

Первое погребение (Рис. 1, 1) совершено в длинной и узкой яме, ориентированной по линии ВВЮ-33С. В погребении находились не в анатомическом порядке кости трех взрослых человек, компактно помещенные в яму без определенной системы. Здесь же лежали два лепных черпака. В центральной части ямы на костях зафиксировано скопление кальцинированных, сильно горелых костей. Так же в погребении обнаружены два бронзовых височных кольца, бронзовая спиральная подвеска и лепное пряслице. Второе погребение (Рис. 1, 2) совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной аналогично первому погребению. Погребение коллективное, в яме находились без определенной системы останки не менее трех взрослых людей. Стенки ямы в ее придонной части обложены большими камнями желтого песчаника. Часть камней завалилась внутрь ямы, но большая часть осталась на месте, маркируя границы ямы. В захоронении находились: костяная и гешировая бусины, стенка лепного черпака и лепное пряслице.

Погребения объединяет ориентировка, коллективный характер захоронения и признаки манипуляции с телом умерших, связанные либо с длительными обрядовыми действиями, либо со вторичным захоронением. Подобное известно в катакомбное и срубное время и отмечаются в черноговорской культуре (Черных, Дараган, 2014. С. 356; Лукьяшко, 1999. С. 142-143). Представленные погребения имеют аналогии и параллели. До настоящего времени на Кубани было известно два погребения с полностью идентичным первому погребению обрядом. Одно из них представляло собой коллективное захоронение останков шести человек, исследовано на могильнике Ахтырский Лиман-I (Беглова и др. 1997. С. 71-77; Эрлих, 2007. С. 40. Рис. 25), еще одно, с останками шести взрослых и двоих детей – в кургане 2 курганной группы Фурожан-3 (Иванов, 2013. С. 151. Рис. 2,V; 2020. С. 5, 64. Рис. 23,VI,VII). Отличительная черта второго погребения из Кеслерово – использование камня. Камень зафиксирован в четырех погребениях кургана 2 Фурожан-3 и связан с древнейшими погребениями кургана (Иванов, 2013. С. 150, 151. Рис. 1, I; 2, I). Округлое тулово черпаков из представленных погребений близко сосудам из могильника Черноклен (Анфимов, Пьянков, 1989). В.Р. Эрлих считает сосуды с округлым туловом наиболее ранней формой, восходящей к черпакам периода финальной бронзы – перехода к раннему железу (Эрлих, 2007. С. 75). Бронзовые кольца и подвеска находят аналогии в курганах могильника Черноклен, Ахтырском Лимане-I, в материалах Николаевского могильника и т.д. (Анфимов, Пьянков, 1989; Эрлих, 2007. Рис. 221).

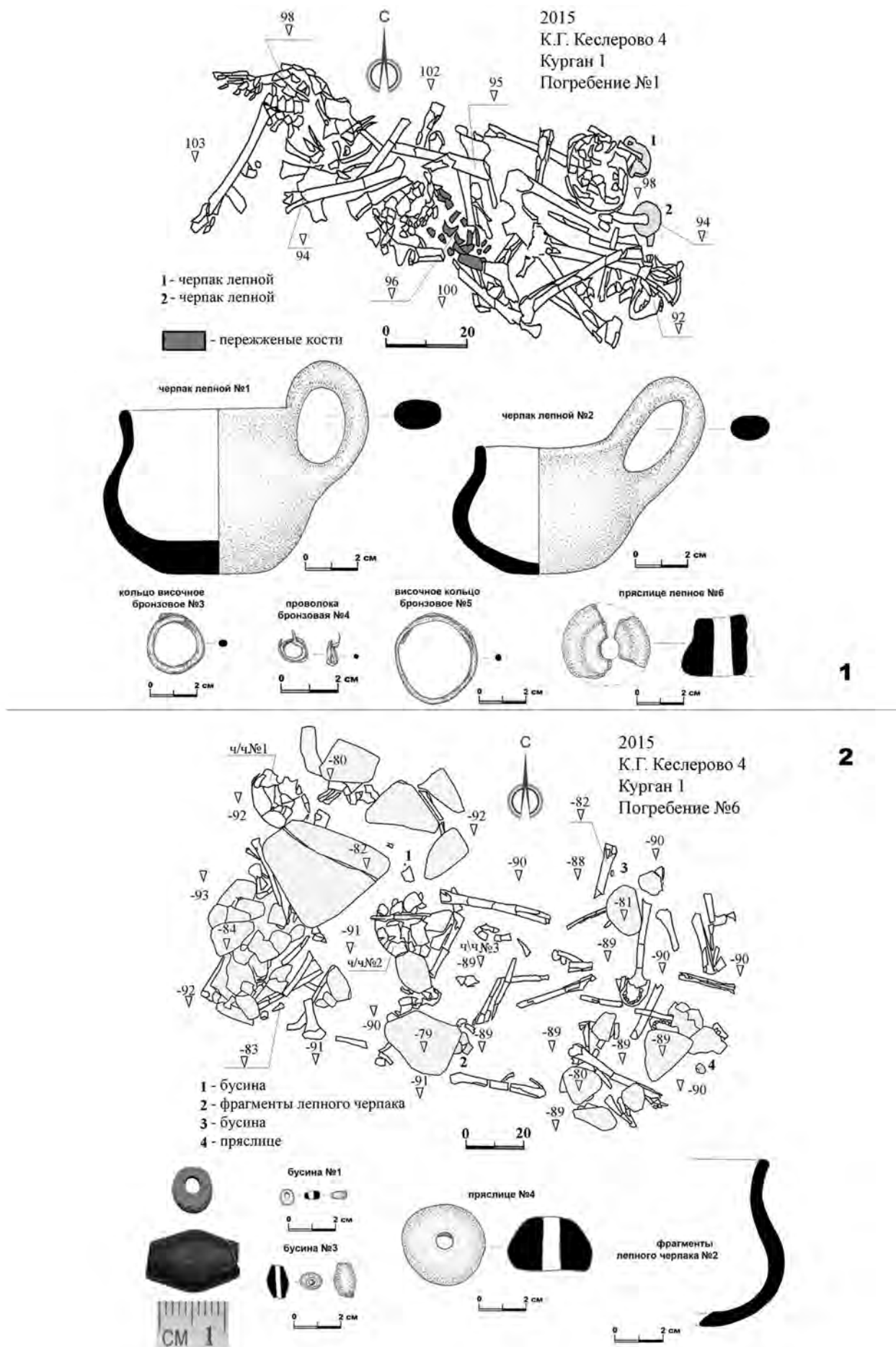

Рис. 1. Погребения из кургана 1 курганной группы Кеслерово-4.
1 – погребение №1 и его инвентарь; 2 – материалы погребения №6.

По признакам обряда погребения в кургане у с. Кеслерово соотносятся с приморско-абинским вариантом протомеотской группы памятников, а наиболее близки они захоронениям кургана Фурожан-3. Расположенные рядом памятники, видимо, демонстрируют общность обитавшего здесь населения. Наиболее ранним является центральное погребение кургана Фурожан-3 (Иванов, 2013. Рис. 1, Л). Его кувшины однотипны сосудам из Николаевского, Псекупского, Пшиш-І, Кубанского (Ловпаче, 1981. С. 99. Табл. 1,5; Эрлих, 2007. С. 263. Рис. 142, 2,4). Прототипы этих сосудов связываются с эпохой поздней бронзы, а в некоторые из них составляют единый типологический ряд с белозерской керамикой (Черных, 2014. С. 292). С белозерской традиции вероятно связан и биметаллический наконечник копья, и двуручные черпаки (Эрлих, 2007. С. 99; Иванов, 2013. Рис. 2, IV, 1, V, 1).

Так, двуручные сосуды поселения Чишхо являются прямыми белозерскими импортами X в. до н.э. (Черных, 2014. С. 301). Двуручный черпак найден на Тамани в белозерском могильнике, исследованном в 2015 г. Ш.О. Давудовым. И это не все параллели керамических форм. Например, прототипы протомеотским кружкам с петлевидными ручками происходят с поселения поздней бронзы в Крыму (Михайлов и др., 2018. Рис. 6,2). Это согласуется с выводами о влиянии белозерской и кизил-кобинской культуры на формирование протомеотского керамического комплекса от Тамани до устья Лабы (Черных, 2014. С. 313). Тезис подкреплен раскопками на Тамани, где выявился мощный пласт памятников белозерской культуры (Кияшко, Сударев, 2018. С. 215; Кияшко, 2020. С. 219, 220), погребения и поселения которой в последнее время фиксируются так же и в Западном Закубанье.

Сводь радиоуглеродных дат белозерских поселений Украины и Крыма дают интервалы, верхняя граница которых приходится на середину – конец X в. до н.э. (Куштан, 2013. С. 84; Смекалова, Кулькова, Кашуба, 2020. С. 92). О том, что некоторые протомеотские древности на основании узды черногооровского круга заходят в IX в. до н.э., писали А.А. Сазонов и С.Л. Дударев, IX в. как дату для предновочеркасско-раннечерногооровского комплекса не исключает и В.Р. Эрлих (Эрлих, 2007. С. 187). Удревнение раннего горизонта поселения Жаботин до начала VIII в. до н.э. позволило относить появление воинских погребений черногооровской культуры ранее времени становления жаботинского комплекса (Дараган, Кашуба, 2008. С. 46; Дараган, Подобед, 2013. С. 44). Фиксация на Тамани и в Западном Закубанье памятников белозерского круга и прямые параллели протомеотских вещей с белозерскими прототипами с одной стороны, и удревнение хронологии памятников начала железа с другой, практически смыкают финал бронзы и начала железа во времени и пространстве. На этом фоне осторожное предположение о том, что комплексы Фурожан-3 с вещами, связанными с белозерской традицией, относятся к IX в. до н.э. не лишено оснований. Возможно, погребения в кургане у с. Кеслерово так же относятся к этому времени.

Интересными кажутся так же выводы, сделанные А.В. Кияшко, В.А. Трифоновым и другими исследователями. Они считают, что на данном этапе исследований нет оснований связывать материалы позднего бронзового века Тамани с гипотетическими «культурами кобяковского круга» Северо-Западного Кавказа (Трифонов и др., 2019. С. 185; Кияшко, 2020. С. 220). Если принять тезис, согласно которому в качестве субстрата протомеотским памятникам центрального варианта можно видеть кобяковские поселения (Эрлих, 2007. С. 33), то, видимо, в основе памятников начала раннего железа Западного Закубанья лежит белозерский субстрат, что, возможно, и является главной особенностью, на основе которой выделяется приморско-абинский вариант.

Литература

- Анфимов Н. В., Пьянков А. В. 1989. Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты – предки адыгов. Майкоп.
- Беглова Е.А., Орловская Л.Б., Сорокина И.А. 1997. Протомеотские древности в Закубанье // МИАР. № 1. М.
- Дараган М., Кашуба М. Т. 2008. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // Revista arheologica. Chişinău. Vol. IV. №2.
- Дараган М.Н., Подобед В.А. 2013. Жаботинский горизонт и черноморовская культура: хронологические соотношения // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону.
- Иванов А.В. 2013. О погребениях предскифского времени из раскопок курганной группы «Фуружан-3» // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Иванов А.В. 2019. Элитный комплекс начала IV в. до н.э. на западных границах меотской культуры // SCYTHIA et SARMATIA. М.
- Кияшко А.В. 2020. Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого-IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // Археологические вести. Вып. 30. СПб.
- Кияшко А.В., Сударев Н.И., 2018. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // XIX Боспорские чтения. Керчь.
- Куштан Д.П. 2013. Периодизация и хронология памятников эпохи поздней бронзы Центральной Украины // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб.
- Ловпаче Н. Г. 1981. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Лукияшко С.И. 1999. Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. 7. Азов.
- Михайлов А.М., Кислый А.Е., Кононов В.Ю., Шарапа А. В. 2018. Раскопки поселения эпохи поздней бронзы Луговое-Северо-Западное-2 в Ленинском районе (предварительные результаты) // Древности Боспора. Т.23. М.
- Смекалова Т.Н., Кулькова М.А., Кашуба М.Т. 2020. Новые радиоуглеродные даты материалов бронзового века полуострова Тарханкут (Крым) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб., Самара.
- Трифонов В.А., Хоммель П., Брай П., Шишлина Н.И., Ретивов В.М. 2019. Новые результаты археологического и естественнонаучного исследования клада эпохи поздней бронзы «Батарейка» (Тамань, Северо-Западный Кавказ) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве. Т. II. СПб.
- Черных Ел. Н. 2014. К постановке вопроса о керамике раннего протомеотского комплекса финала эпохи бронзы – начала раннего железного века в Закубанье // Археологические вести. Вып. 20. СПб.
- Черных Л.А., Дараган М.Н. 2014. Курганы эпохи энеолита-бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка // Курганы Украины. Т.4. Киев, Берлин.
- Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.

Канторович¹ А. Р., Маслов² В. Е.

¹МГУ им. М. В. Ломоносова

²Институт археологии РАН

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКОВ НОВОЗАВЕДЕННОЕ-III И НОВОЗАВЕДЕННОЕ-V В 2020-2021 ГГ.

В конце августа – начале октября 2020 г. Ставропольская экспедиция кафедры археологии исторического факультета МГУ (руководитель экспедиции – зав. кафедрой археологии А.Р. Канторович, соавтор раскопок – н.с. ИА РАН В.Е. Маслов) вела работы на средства гранта РФФИ 18-09-00725 в условиях пандемии и моратория на проведение студенческой практики. Были продолжены исследования скифского элитного курганного могильника Новозаведенное-III, раскопки которого ведутся Ставропольской экспедицией кафедры археологии с 2015 года.

Перед началом раскопок был составлен новый, более точный и подробный топографический план могильника Новозаведенное-III, а затем были раскопаны два кургана – №№ 10 и 12. Нераспаханный курган № 10, располагавшийся на краю высокой надпойменной террасы р. Кумы, был частично разрушен осыпями склона. Данный курган был возведен в эпоху бронзы и содержал пять погребений. Два из них – впускные, находились в восточной поле насыпи и относились к восточноманычской катакомбной культуре, третье (возможно, основное) было почти полностью уничтожено осыпью. Западная поля насыпи кургана № 10 была прорезана конструктивно-ритуальным рвом соседнего кургана № 9, раскопанного Ставропольской экспедицией в 2019 г. Исследовать ров до конца в 2019 г. не удалось из-за необходимости сохранить насыпь кургана № 10. В ходе исследований в 2020 г. близ его наружного края данного рва были обнаружены два скорченных захоронения подростков или молодых индивидов, помещенных в тесные ямы, немного заглубленные в материк. Погребённые лежали на правом боку, головой на ЮВ. По погребальному обряду и инвентарю эти погребения можно отнести к кобанской археологической культуре. Данные комплексы, вероятно, синхронны погребениям №№ 1 и 2 кургана № 9, очевидно, относящимся к первой половине – середине IV в. до н.э. Это подтверждает находка в погребении № 4 под черепом скелета редкой разновидности бронзовой серьги. Аналогии ей происходят из разрушенных захоронений Минераловодского могильника, из погребения 1 могильника Кирпичный-1 на окраине Ессентуков и из погребения 1 горного могильника Уллу, – т.е. из комплексов V – IV вв. до н.э. (Афанасьев, Рунич, 1975. Рис. IV, 22; Березин, 2011. С. 42, 43, рис. 5, 12). Рядом с погребением № 5 в насыпи были найдены две массивные гранитные (?) зернотерки.

Наличие кобанских погребений в площади рва наряду с сопровождающим кобанским погребением в соседнем кургане № 9 позволяет предполагать существование социально зависимых групп местного населения, вынужденных совершать посвященные (жертвенные?) захоронения близ погребений скифской дружинной элиты.

Открытый в напольной части могильника курган № 12 был полностью уничтожен распашкой и совершенно не выделялся рельефно. В центральной могильной яме прямоугольной формы со скругленными углами размерами 2,2x1,7 м, ориентированной по оси север – юг, находилось захоронение скифского воина-дружинника, ограбленное в древности. На вершине кургана была, очевидно, установлена стела из песчаника, впоследствии разбитая и просевшая в заполнение могильной камеры после её разграбления. Глубина ямы от современной дневной поверхности – 2,6 м. От перекрытия могилы уцелели небольшие фрагменты дерева и камыша, встреченные на разных уровнях.

Сохранился заглубленный в материковый суглинок конструктивно-ритуальный ров, окружавший подкурганную площадку с могильной камерой в центре. Этот ров был полностью исследован, он имел глубину 0,9–1,3 м, внутренний диаметр 13–14,5 м. Его

максимальный наружный диаметр – 24 м. С восточной стороны ров заметно расширялся до 6 м по верху и имел глубину до 1,7 м. Здесь, в придонном заполнении рва, под его внутренним краем были найдены разрозненные кости человека – не менее трех черепов взрослых и детей и фрагменты длинных костей вместе с обожженными фрагментами крупного керамического сосуда. Здесь же были обнаружены череп (без нижней челюсти) и пяточная кость лошади 4,5–5 лет, а также зубы второй лошади 6–7 лет (определения к.б.н. Н.Н. Спасской). Отдельные фрагменты человеческих костей и кости животных были встречены и в северо-восточном секторе рва.

Эти и другие находки в заполнении рва позволяют частично реконструировать поминальные действия. При этом неясно, проводились ли жертвоприношения именно у стены или же на склонах насыпи. Целые или расчленённые тела людей и животных, разбитая и целая керамическая посуда, использовавшаяся в ходе тризны, были, вероятнее всего, изначально разбросаны на поверхности насыпи. Останки людей и животных сползли в заполнение рва, очевидно, уже в скелетированном виде. Таким образом, воину-дружиннику не самого высокого ранга (судя по размерам кургана и уцелевшим остаткам погребального инвентаря) принесли в жертву как минимум двух лошадей и несколько человек, что свидетельствует о значительных социальных контрастах в скифском обществе или же о подчиненном положении контролируемого скифами автохтонного кобанского населения.

Очень важен для хронологии кургана комплекс керамики из заполнения рва, включавший крупный горшок с профилированным венчиком, декорированный пальцевыми оттисками, и корчагообразный сосуд с воронкообразным горлом. Аналогии первому легко найти в материалах конца IV в. до н.э., происходящих с Татарского городища в окрестностях Ставрополя, связанных с керамическим комплексом, плавно эволюционировавшим в керамику «сарматского» этапа (Березин и др., 2012. С. 49. Рис. 45; 53, 2; 61, 1, 2). Аналогии второму сосуду также встречаются в древностях последних веков до н. э. (Березин, 2019. Рис. 6).

В 2021 г. Ставропольской экспедицией кафедры археологии исторического факультета МГУ на средства открытой в этом сезоне студенческой практики МГУ (при отсутствии иных источников финансирования) было начато исследование нового памятника, расположенного на северо-восточной окраине с. Новозаведенное – курганного могильника Новозаведенное-V. Вокруг подножия крупнейшей пятиметровой насыпи данного могильника – кургана № 1 – были вскрыты большие участки заполнения околочурганного кольцевидного рва. Его глубина не превышала 0,6–0,8 м от современной дневной поверхности при большой ширине – до 18–20 м. В заполнении рва были найдены отдельные предметы, относящиеся к IV в. до н.э. – двудырчатый Г-образный псалий со стилизованным изображением конечности копытного на конце (атавизм зооморфного мотива), фрагменты ручки амфоры и керамических сосудов местного производства (эпоха раннего железа), бронзовый пулевидный наконечник стрелы южноприуральского типа, каменные орудия труда, а также редкие разрозненные кости животных и зубы лошадей. В будущем планируется продолжить исследование кургана 1 курганной группы Новозаведенное-V и данного могильника в целом.

Литература

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 1976. Минераловодский могильник VI-IV вв. до н. э. // ИЮОНИИ АН Гр.ССР. Вып. XX.

Березин Я.Б. 2011. Могильник эпохи раннего железа у пос. Кирпичный (г. Ессентуки) // МИАСК. Вып.12.

Березин Я.Б., 2019. Кабан – горский археологический комплекс // МИАСК. Вып. 17.

Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. 2012. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

КОНСКАЯ УЗДА V–IV ВВ. ДО Н. Э. ИЗ МЕОТСКИХ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ КУБАНИ

Меотские всадники использовали железные двусоставные кольчатые удила обычной конструкции. Одним из важных элементов удил были строгие насадки, которые представлены тремя вариантами: *A* – короткие крестовидные с загнутыми заостренными концами (размеры крестовин – от 4 до 6,5 см); *B* – короткие крестовидные, концы раскованы в лопасти с зубцами (размеры крестовин – от 4 до 6,5 см); *C* – квадратные пластины с загнутыми в виде острых шипов углами (размеры пластин – 4,5х4,5 см). Хронология вариантов основана на хорошо датированных комплексах. Появление строгих насадок зафиксировано с первой половины V в до н.э., для IV в. до н.э. – по амфорной таре (Лимберис, Марченко, 2019).

В раннемеотских погребениях правобережья Кубани, в отличие от синхронных памятников Закубанья, наборы конской упряжи встречаются редко. Нам сейчас известно 5 комплексов из могильников Старокорсунских городищ № 2, № 3 и хут. Ленина № 3.

В погребениях первой половины – третьей четверти V в. до н.э. присутствует несколько типов двудырчатых псалиев с 8-образным расширением в средней части: бронзовые и железные с *секировидными* концами, железные *G-образные* и *S-видные*. Железные крестовидные насадки, зафиксированные в двух наборах, относятся к варианту *A*. Другие детали узды представлены бронзовыми бляхами квадратной, ромбовидной и полусферической формы, а также бронзовыми и железными усеченно-коническими и округлыми ворорками (Лимберис, Марченко, 2012. С. 62–84. Рис. 32).

Особый интерес представляет погребение № 326 могильника Старокорсунского городища № 3, в котором на черепе лошади был обнаружен набор бронзовой упряжи, состоящий из литых налобника/наносника с крючком, одной зооморфной и пяти умбоновидных блях с массивными петлями для крепления. Петля и крючок налобника/наносника расположены в разных плоскостях, что является его особенностью. Крючок выполнен в виде головы хищной птицы, а щиток имитирует её тулово с длинным перистым хвостом. В качестве примерного хронологического репера можно привести налобник из Хашеутово, хотя он и не является прямой аналогией старокорсунскому экземпляру. Комплекс был датирован первой половиной V в. до н.э. или уже – в пределах второй четверти этого столетия (Očir-Gorjaeva, 2005. S. 125, 130, 160, Nr. 33). У других известных нам экземпляров крючок загнут в сторону петли. Бляха в виде головы верблюда относится к рубежу VI–V – середине V в. до н.э. (Канторович, 2014. С. 110). Наличие сероглиняной керамики, которая появляется у меотов в середине V в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 45–46), позволяет ограничить этим временем и наиболее вероятную дату погребения.

Наибольшее количество меотских всаднических погребений с разнообразной уздой приходится на IV в. до н.э. Многие удила были снабжены строгими насадкам. Все псалии – двудырчатые, с 8-образным расширением в средней части.

К распространенному типу относятся *стержневидные* псалии (железные, кроме одного экземпляра) с различным образом оформленными окончаниями, встреченные в 9 погребениях могильников Старокорсунского городища № 2 и Прикубанского. Погребения с железными псалиями из Прикубанского могильника сопровождалась амфорами второй четверти IV в. до н.э. У единственного бронзового экземпляра из погребения № 88 этого же могильника концы украшены плоскими шляпками. По амфорам погребение датируется в пределах первой трети IV в. до н.э. В состав уздечных наборов входили бронзовые и

костяные ворворки, бронзовые зооморфные наносники и нащечник S-видной формы, вырезанный из прокованной пластины.

Популярным типом были *Г-образные* псалии. Железные экземпляры встречены в 5 комплексах Прикубанского могильника с амфорной тарой как первой, так и третьей четвертей IV в. до н.э. Бронзовый псалий из ограбленного в древности погребения № 202, загнутый конец которого оформлен в виде ноги копытного животного, датируется серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2018. С. 101. Рис. 4). В такой же схеме выполнен бронзовый псалий из Елизаветинского кургана № 4/1913 г. (Галанина, 2005. Табл. 2, 7) и один из двух Г-образных железных псалиев из погребения № 14/1948 г. Пашковского могильника № 3 (Смирнов 1958. С. 307-308. Рис. 8, 19).

Особенно показательны для меотской культуры IV в. до н.э. бронзовые *Г-образные псалии с ажурными пластинами*, найденные в 8 комплексах Прикубанского могильника, датировка которых ограничивается, главным образом, второй-третьей четвертями IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2018). Все зооморфные изображения на псалиях выполнены в прикубанском «елизаветинском» стиле, как и литые налобники, входящие почти в каждый комплект. Основными изображениями на псалиях являются стилизованные головы оленя с ветвистыми рогами, заканчивающимися головами животных или птиц, волка или собаки, грифона; плоские налобники – в виде прорезных пластин со сложным зооморфным орнаментом, фигуры лежащего волка, стилизованной головы лося. Удила, как правило, сопровождалась строгими насадками варианта *А*.

S-видные псалии (как железные, так и бронзовые) встречены в 7 погребениях. Комплексы с железными псалиями (5 экз.) датируются в пределах IV в. до н.э. и, возможно, началом следующего столетия, причем, две пары удил были снабжены насадками варианта *А*, одна – варианта *С*. Бронзовые псалии (2 экз. из Прикубанского могильника) имеют разное оформление: один из них – гладкий, второй – с плоскими шляпками на концах и горизонтальными валиками на стержне. Гладкий псалий из погребения № 171 по амфоре датируется последней третью IV в. до н.э. Рельефному экземпляру из погребения № 224 середины IV в. до н.э. пару составлял Г-образный с ажурной пластиной (Лимберис, Марченко, 2018. С. 101. Рис. 5).

С-видные псалии не получили распространения у меотов ни в ранний, ни в поздний периоды. Железные псалии были найдены в 3 погребениях, которые по амфорной таре датируются от второй четверти до конца IV в. до н.э. Удила в одном наборе имели строгие насадки варианта *А*. Из других деталей узды отмечены бронзовые ворворки. В Елизаветинском кургане № 4/1913 г. известны бронзовые псалии этого типа (Галанина, 2005. Табл. 2, 2, 3). Непопулярность таких псалиев (в отличие от скифских памятников) отмечается и в Закубанье, где известны лишь три находки (Эрлих, 2011. С. 55. Рис. 100, 5).

Особо выделим биметаллические псалии. В двух погребениях могильников Старокорсунского городища № 2 (№ 118з) и Прикубанского (№ 172) были встречены *стержневидные* псалии с округлыми бронзовыми «шишечками» на концах. Хронология по амфорам, соответственно, определяется в пределах середины IV – середины III в. до н.э. и второй-третьей четвертей IV в. до н.э. Удила с *S-видными* псалиями с бронзовыми коническими «шишечками» и строгими насадками варианта *В* происходят из погребения № 14 могильника Почтовый с амфорой Икоса второй четверти – середины четвертого столетия (Лунев, 2010. Рис. 10. С. 369; Монахов, Федосеев, 2013. С. 260). У псалия из погребения № 167 Прикубанского могильника начала IV в. до н.э. плоская 8-образная центральная часть изготовлена из железа, а бронзовые изогнутые концы заканчиваются коническими «шишечками».

Уникальный комплект из 6 пар железных одногрызловых удил с железными псалиями двух типов происходит из погребения № 223в могильника Старокорсунского городища № 2. В отличие от ранних бронзовых одногрызловых удил, на одном конце желез-

ных удил находится псалий, а на другом – дополнительное подвижное кольцо. *Стержневидные* псалии длиной 22,5 см (3 экз.) имеют перекрученные (ложновитые) концы с округлыми «шишечками». *Лопастные* длиной 25,7 см (3 экз.) – с широкими листовидными лопастями, развернутыми перпендикулярно центральной части псалия, с вырезами по одному краю и железными подвесками в виде конусов и лунниц. Также в комплект входили обычные двусоставные удила без псалиев, со строгими насадками варианта *В*, которые позволяют датировать комплекс в пределах второй четверти IV – первой четверти III в. до н.э. Встает вопрос – для какой цели предназначалась такая узда? Из возможных вариантов её использования наиболее приемлемой представляется версия, что одногрывловые удила применялись для обучения молодых лошадей: с внешним кольцом удобнее гонять лошадь по кругу (лонжирование)¹. Если это предположение верно, то мы имеем первый случай, свидетельствующий о конкретном тренинге лошадей у меотов. Наличие в погребении шести комплектов таких удил, возможно, говорит о том, что здесь был похоронен объездчик лошадей.

Литература

- Галанина Л.К. 2005. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. Вып. 37.
- Канторович А.Р. 2014. Вариации на тему верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле // Археологические вести. Вып. 20. СПб.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2018. Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник Волгоградского государственного университета. Т. 3. № 4.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2019. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь.
- Лунёв М.Ю. 2010. Новые погребения IV в. до н.э. из могильника на ул. Постовой (Почтовой) // Древности Боспора. Т. 14. М.
- Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. 2013. Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса // Античный мир и археология. Вып. 16. Саратов.
- Смирнов К.Ф. 1958. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. № 64. М.; Л.
- Эрлих В.Р. 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища-II IV в. до н.э. М.
- Očir-Gorjaeva M.A. 2005. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. // Archäologie in Eurasien. Bd. 19. Mainz.

¹ Мы благодарим наших коллег Е.Ф. Королькову и А.Ю. Алексеева за обстоятельную консультацию и предложенную ими версию использования таких удил.

Мадуров Д. Ф.

Центр стратегических исследований Ульяновской области, г. Ульяновск

АТРИБУЦИЯ БРОНЗОВЫХ СТАТУЭТОК, САРЫКАМЫШСКИХ И «SMITING GODS»

В 1917 году в крепости, основанной Аргишти I в Сарыкамыше, российские солдаты в поисках клада нашли и поделили между собой 15 бронзовых статуэток. Через некоторое время статуэтки из клада всплыли в различных местах Кавказа. Так, например, четыре статуэтки переданы И.И. Пантюхову доктором Е.С. Вашакидзе (Пантюхов, 1896. С. 58; Безсонов, 1930. С. 5). Остальные статуэтки разошлись по музеям (Брилева, 2012. С. 64; Zakharov, 1932/33. Р. 66-72. Рис. 1-14; Есаян, 1980. С. 58. Табл. 57, 1-7; Марковин, 1986. С. 84-86. Рис. 9,1-14; Безсонов, 1930. С. 57-74. Рис. 1-4).

По воспоминаниям С.В. Безсонова: «Они начали копать землю в разных местах на территории крепости, рассчитывая найти что-нибудь ценное, но везде наталкивались на твердый грунт, который не брали ни кирка, ни лопата. Наконец, в одном углу у стены они смогли вырыть яму глубиной 2 м...» (Безсонов, 1930. С. 69). Логика подсказывает нам, что солдаты наткнулись на позднюю яму с рыхлой землей.

Еще в XIX в. было высказано предположение, что эти фигурки – подделки (Varst, 1885. Р. 15; Круглов, 1946. С. 31). Того же мнения был В.И. Марковин (Давудов, 2012. С. 109. Рис. 16). Действительно, створки литейных форм для статуэток делались из формочной земли. При том, что статуэтки претендуют на рубеж I-II тыс., на одной из статуэток отпечатана личина античной геммы (Брилева, 2012. Кат. 39).

О.А. Брилева полагала, что пластика сарыкамышских статуэток подобна ареалу статуэток святилища Астхи-Блур (Брилева, 2012. С. 64). В Астхи-Блуре найдены фрагментарно сохранившаяся статуэтка «из листовой меди» в виде шагающего громовержца и стоящая фигура с широко расставленными ногами и вытянутыми вперед руками (Есаян, 1968. С. 94. Табл. VIII. Рис. 15-16). Однако, на наш взгляд, схожесть пластики определена только лишь низким уровнем подачи материала в статье.

Позы сарыкамышских фигурок не содержат сакральный смысл, присущий древней пластике. На изделиях либо отсутствует естественная патина, либо в двух случаях (кат. 587/632) эффект патины достигнут мочевиной и, видимо, второпях (Брилева, 2012. Ил. 11-12). На шлеме вместо гребня – рогообразный выступ либо плоский налп.

Детали выполнены будто бы глядя на профильное графическое изображение низкого качества; так, вместо встречающегося на статуэтках кинжала на боку, присутствует фаллос, а сзади торчит кол, который С.В. Безсонов гипотетически посчитал шпеньком для крепления к стене.

Несмотря на визуальное знакомство умельцев с кавказскими, в т.ч. фертообразными статуэтками, образы сарыкамышских статуэток – вымышленные. Наиболее близким аналогом части сарыкамышских статуэток является «Smiting Gods» («Бог в слитке») из Энгоми на Кипре (h 35 см) (рис. 1, 3) (Кириаку, 1996. С. 47). Творчески домысленная реплика оригинала выставлена в витрине ГМИИ им. А.С. Пушкина с легендой «VI-V в.» (рис.1, 1), а в запасниках ГИМ хранятся еще три ухудшенные копии из светло-желтой бронзы (h 10 см) (рис. 1, 2). Они отлиты по двустворчатым формам с плохой газопроницаемостью: грубые боковые облои последних грубо обработаны напильником, что является признаком фальсификата древних изделий.

Рис. 1. Сарыкамьшская статуэтка в витрине ГМИИ им. А.С. Пушкина с VI-V в.
 2. Копия с Сарыкамьшской статуэтки из запасников ГИМ.
 3. «Smiling Gods» из Энгоми. Кипрский Археологический музей, Никосия.

«Smiling Gods» найден в 1963 г. французской археологической миссией Франции в Энкоми-Аласии, недалеко от Фамагусты (Schaeffer 1965. P. 56; 1971. P. 506–510). При этом ритуальный контекст статуи аналогичен найденной в 75 метрах от этого места другой статуэтки, «Horned God» (Dikaios, 1949. P. 316-317). Но мы не согласны с заключением ряда специалистов (Webb, Seeden), что «Smiling Gods» это не божество, а воин со щитом в руке (Papavasvas, 2011. P. 59-66).

Литейщик доформовал ей недостающие голени и руку, высушил формовочную землю и залил бронзу, повернув статуэтку на бок, отрезал литники без видимой обработки напильником. При нагреве статуэтка приобрела ровный темно-малиновый оттенок, на который наложилась качественная зеленая патина.

Ремесленники, инспирировавшие сарыкамьшские статуэтки, могли познакомиться со статуэткой типа «Smiling Gods» из публикации, так как «во второй половине 1913 года Комитет Кипрского музея получил правительственный грант на исследовательские работы в местах, выбранных для иллюстрации основных периодов и аспектов античности...» (Merrillees, 2005. P. 210). Но не все материалы здесь с Кипра, так коллекционер Евстафий Константииниди выкупил в свое время у армянского купца «аккадскую цилиндрическую печать с клинописью» из Багдада. А в 1913 г его коллекция была передана в Кипрский музей (Merrillees, 2005. P. 205).

Исследователи упоминают большие проблемы с порядком и учетом в Кипрском музее того времени (Merrillees, 2005. P. 205). Мы не хотим предполагать, что с 1913 по 1963 г. «Smiling Gods» хранился в музее. Иконография божества-правителя с булавокопьем-жезлом-молнией в руке и рогатой тиаре довольно распространена на Ближнем

Востоке и для моделирования Сарыкамьшских подделок их было бы достаточно, тем более, что в этих случаях щит в руке статуэтки нигде не встречается.

«Smiting Gods» близка микенской иконографии 1230-1050 гг. до н.э., на это указывает конический шлем с рогами и козырьком. А вот круглый щит и вырез на ворота рубачи характерен именно для Кипра. Мы не исключаем возможности существования кипрского керамического прототипа сарыкамьшским статуэткам, по подобию которых умельцы и отлили 15 «творческих» вариаций.

В 1914 г. власть на Кипре перешла от осман к британскому губернатору, что вызвало исход с острова части турецкого населения, с которым статуэтки, видимо, попали в Анатолию. Так отлитые на Кипре статуэтки оказались в «инсценированном» кладе на сарыкамьшской крепости с целью дальнейшей его продажи (подобная практика широко распространена и в настоящее время на Ближнем Востоке). Однако планы нарушили военные действия. В декабре 1914 года г. Сарыкамьш, принадлежавший Российской империи с 1877 г., на некоторое время почти полностью попал в руки турок, а затем вновь отбит российскими войсками... В 1917 году солдаты российской армии обнаружили «клад».

Литература

Безсонов С.В. 1930. Бронзовые статуэтки из Сарыкамьша // Известия Института наук и искусств ССР Армении. № 4. 1930.

Брилева О.А. 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV-до н.э. – X в. н.э.). М.

Давудов О.М. 2012. Хронология антропоморфных статуэток Северо-Восточного Кавказа // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. № 1.

Есян С.А. 1968. Астхилурский могильник. ВАН Арм. ССР, № 6. 1968.

Кириаку Г.П. 1996. Кипрское наследие. Древнее искусства Кипра. Экспозиция Кипрского музея. Лимассол.

Круглов А.П. 1946. Культовые места горного Дагестана // КСИИМК. XII.

Марковин В.К. 1986. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Пантюхов И.И. 1896. О пещерных и подземных жилищах на Кавказе. Тифлис.

Barst G. 1885. Souvenirs de deux mission au Caucase: Fouilles sur la grande chaine // Revue Archeologique. III serie, Vol. V. Paris.

Claude F.A. 1952. Dussaud's prefatory note in Enkomi-Alasia: Nouvelles missions en Chypre. Paris.

Dikaios F.S.A. 1949. The oldest know representation of Apollo: a unique second millennium bronze statue of a horned god newly discovered in Cyprus // The Illustrated London News. № 20. 27.08.1949.

Papasavvas G. 2011. From Smiting to Smithing: the Transformation of a Cypriot God // P. Betancourt and S. Ferrence (eds), Metallurgy: Understanding How, Learning Why. Studies in Honor of James D. Muhly. Prehistory Monographs 29. Philadelphia.

Schaeffer, C.F.-A. 1965. An Ingot God from Cyprus», *Antiquity*, XXXIX. Cambridge.

Schaeffer, C.F.-A. 1971. Alasia, Première Série. Mission Archéologique d'Alasia IV, Paris.

Merrillees R.S. 2005. Towards a fuller history of the Cyprus Museum // Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes. Vol.35. Cambridge.

Малышев¹ А. А., Горланов¹ С. С., Дрыга² Д. О., Мочалов² А. В.

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²Московский государственный университет геодезии и картографии, г. Москва

МОГИЛЬНИК АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ РОДНИКИ: ТОПОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект 22-28-01998 «Население предгорий Северо-Западного Кавказа в период Великой греческой колонизации»

В 1987 г. в 2 км к северо-западу от ст. Натухаевской А.В. Дмитриевым были обнаружены расположенные на небольших возвышенностях разрушенные плитовые погребальные конструкции и собран многочисленный подъемный материал античной эпохи (IV-III вв. до н.э.) и развитого средневековья. Могильник был поставлен на учет как «Курганная группа 43 насыпи».

Рельеф памятника, расположенного на широтно ориентированном отроге и получившего название Родники-1, довольно резко понижается в восточном направлении (диапазон высот – 196-200 м). Систематические исследования, начатые почти 10 лет тому назад, выявили на территории памятника три возвышенности-насыпи. Самая значительная (диам. – ок. 50 м, выс. – 1 м) расположена в западной части. В ее южном поле, где были доследованы остатки двух гробниц, обычная для курганной насыпи стратиграфия не прослежена. Стены погребальных камер образуют вертикально установленные плиты серого песчаника (толщ. – ок. 0,2 м).

Массивность сооружений и наличие дворигов из длинных продольных плит напоминают известные в этом регионе в эпоху бронзы мегалитические сооружения. Однако вместо обычной для дольменных сооружений торцевой плиты портала с отверстием, вход в погребальную камеру обозначен массивным блоком порогового камня. У трех однотипных гробниц, которые были доследованы в центральной части памятника, насыпи не обнаружены.

О высоком статусе погребенных и углубившейся социальной дифференциации обитателей юго-восточной окраины Синдики в IV-II вв. до н.э. свидетельствуют обнаруженные здесь, наверное, самые ранние украшения из золота на полуострове Абрау. Ящики с боковым входом наиболее многочисленны в могильниках Анапско-Натухаевской долины (у хут. Рассвет, Барашник, урочище Самойленко, Верхняя Котлама), зафиксированы также в устье Лобановой щели и в окрестностях Цемесской бухты.

В 200 м ниже по склону, в юго-восточной части памятника зафиксировано две небольшие насыпи (диам. – 23 м, выс. – 1 м и диам. – 14 м, выс. – 0,5 м). Они имеют следы разрушения и не доследованы.

В северо-восточной части (уровень – 197 м) могильника в последнее время открыт участок традиционных для аборигенного населения гробниц в виде каменных ящиков (исследовано 72 м²). Как правило, они меньших габаритов, чем описанные выше, и обложены по периметру крупными камнями. Захоронения расположены ориентированными меридионально рядами, что, в целом, типично для могильников эпохи раннего железного века полуострова Абрау (рис.1).

Рис. 1. Могильник Родники-1. Участок раскопа с каменными ящиками.

Расположенные в древности на дневной поверхности все гробницы почти полностью ограблены. Тем не менее, фрагменты амфорных сосудов позволяют датировать этот участок V-IV вв. до н.э.

В целом представляется возможным интерпретировать данный памятник как грунтовый могильник эпохи раннего железа (V-II вв. до н.э.). Гробницы были сооружены, по всей видимости, на дневной поверхности мысообразных выступов. Не исключено, что земляными насыпями были отмечены самые статусные гробницы (ср.: могильники Барашник, Сукко-1, Верхняя Котлама). Судя по находкам заполненного кремацией донца черносмоленного кувшина и фрагментам железной кольчуги, могильник использовался для захоронений и в эпоху средневековья.

В окрестностях могильника также обнаружены следы разрушений грабительскими раскопками древних захоронений. В частности, на том же отроге, в 200 м ниже по склону (уровень – 192 м), на краю мысообразного выступа расположен могильник Родники-2 эпохи раннего железа, который, судя по полученным материалам (вскрыта площадь 110 м²), бытовал в V в. до н.э. На параллельном отроге, в 350 м к северу обнаружены остатки еще одного могильника эпохи РЖВ (Родники-3).

Малышев¹ А. А., Новичихин² А. М.

¹Институт Археологии РАН, г. Москва

²Анапский археологический музей – филиал Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына, г. Анапа

МОГИЛЬНИК ОПХ «АНАПА» – НЕКРОПОЛЬ НАСЕЛЕНИЯ АРХАИЧЕСКОЙ СИНДИКИ

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект 22-28-01998 «Население предгорий Северо-Западного Кавказа в период Великой греческой колонизации»

Могильник на территории опытно-производственного хозяйства (ОПХ) «Анапа» был открыт сотрудниками Анапской археологической экспедиции в 1981 г. Памятник расположен на правом берегу р. Анапки в 0,5 км к северу от п. Усатова Балка. В 0,6 км к юго-западу от некрополя, на высоком левом берегу р. Анапка находится Анапская Батарейка – остатки укрепления I в. до н.э. – I в. н.э. и периода русско-турецких войн. В 2 км к югу и юго-востоку – комплекс античных усадеб Усатова Балка III и IV. Могильник ОПХ «Анапа» расположен в 3 км к западу от известного синдского могильника VI-V вв. до н.э. у хутора Рассвет.

Могильник не имел внешних признаков, погребальные сооружения были обнаружены при осмотре траншеи, проложенной по вспаханному полю вдоль дороги, соединявшей п. Усатова Балка с шоссе Анапа-Новороссийск. В 1981 г. сотрудниками Анапской археологической экспедиции Ю.В. Зуйковым, Н.А. Фроловой и М.В. Калашниковым на некрополе было исследовано девять погребальных каменных конструкций.

Раскопки могильника ОПХ «Анапа» были продолжены в 1992-1993 гг. экспедицией под руководством Ю.В. Зуйкова. За два полевых сезона было исследовано 22 погребения с каменными конструкциями.

К настоящему времени опубликованы материалы раскопок могильника ОПХ «Анапа» 1981 г. (Алексеева, 1991. С. 62-65, табл. 45-48) и суммарно – 1992 г. (Зуйков, 1994. С. 164-168).

В общей сложности на некрополе исследовано 31 погребение. Остатки погребальных сооружений различной степени сохранности удалось зафиксировать в 28 случаях. 23 захоронения совершены на уровне древней дневной поверхности под каменными закладами овальной или округлой формы, окруженными по периметру обкладкой из двойного или одинарного ряда крупных камней. Пять захоронений совершено в каменных ящиках с перекрытием из плоских плит и округлой обкладкой из плоских камней на уровне перекрытия. Останки погребенных удовлетворительно сохранились в 26 захоронениях. Погребенные были уложены вытянуто, на спине, и ориентированы головой в восточный сектор с небольшими (сезонными?) отклонениями. 24 погребения были одиночными, шесть – парными. В двух случаях одиночные погребения, судя по размерам костяков, представляли собой захоронения детей. Два погребения сопровождалась костями животных: лошади и, предположительно, барана.

Рис.1. Керамические материалы из могильника ОПХ «Анапа».

Погребальный инвентарь представлен лепной и (редко) кружальной керамикой, оружием (кинжал, топоры, наконечники копий и стрел, детали колчанов), орудиями труда (ножи пряслица, игла), украшениями (браслеты, булавка, перстень, бусы).

В лепной керамике из погребений под каменными закладами имеются формы (корчаги, ковши), отсутствующие в захоронениях в каменных ящиках. В инвентаре этой группы погребений могильника ОПХ «Анапа» присутствуют также хронологически выразительные предметы, дающие основание относить погребения под каменными закладами к концу VII – первой половине VI в. до н.э.: амфора круга Клазомен (Монахов, 2003. С. 55. Табл. 33, б), фрагмент ионийского килика, ковши с рогатыми ручками, фаянсовые пронизи-скарабеи, костяные застёжки-столбики, бронзовая булавка «типа Сукко». По обряду и инвентарю погребения под каменными закладами близки наиболее ранним захоронениям могильников у хут. Рассвет (Население, 2010. С. 192) и у с. Владимировка близ Новороссийска (Шишлов, Федоренко, 2006. С. 89, 70).

Инвентарь погребений в каменных ящиках хронологически не столь выразителен. По аналогии с материалами некрополя у хут. Рассвет эту группу погребений следует относить ко второй половине VI – V вв. до н.э.

Могильник ОПХ «Анапа» входит в группу некрополей раннего железного века с каменными конструкциями района Анапы, такими как могильники у хут. Рассвет, Красный Курган, Красная Скала, Воскресенский, Вестник. Полученные при его раскопках материалы являются ценным источником для изучения погребальной обрядности и материальной культуры населения архаической Синдики.

Литература

Алексеева Е.М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.

Зуйков Ю.В. 1994. Раскопки некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа» // Боспорский сборник. Вып. 4.

Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М. Саратов.

Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хут. Рассвет. 2010 // Некрополи Черноморья. Т. III. М.

Шишлов А.В., Федоренко Н.В. 2006. Погребальный обряд племен Северо-Западного Кавказа в конце VII – V вв. до н.э. (по материалам Владимирского могильника) // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. № 2.

Марченко Ю. В., Котин М. А.
Государственный Эрмитаж

ПОГРЕБЕНИЯ С КАУРИ В МОГИЛЬНИКЕ ВЕРХНИЙ КУРКУЖИН (КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

В течение 2016–2021 гг. в ходе работ на могильнике Верхний Куркужин Северо-Кавказской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа было исследовано 90 погребений. Раковины каури как часть погребального инвентаря присутствовали в двух захоронениях, причем эти погребения (п. 64 и п. 65) располагались рядом.

Погребение 64 представляло собой грунтовую яму. С востока и запада к погребению примыкали две обработанные плиты длиной 0,95 и 0,8 м соответственно, с заостренным краем, обращенным на юго-запад. По всей видимости, данные камни служили оградкой. Перекрытие погребения не было нарушено грабителями и имело несколько уровней. В качестве перекрытия были использованы различные по форме, размерам и качеству камни. В частности, можно выделить крупные твердые скальные породы, небольшие плиты из меловой породы, а также крупная окатанная речная галька. Также при фиксации перекрытия были выявлены две обработанные известняковые стелы конусовидной формы с круглым сечением (рис. 1, 6, 7) и одна фрагментированная (рис. 1, 8). Располагались данные стелы в системе перекрытия вершинами вверх. Вероятно, данные стелы были обожжены, об этом свидетельствует их красноватый оттенок и рыхлая структура. Под плитами перекрытия была зафиксирована яма 1,2x1,0 м с закругленными углами (рис. 1, 9). В центральной части ямы располагалась вертикально установленная ритуальная плита, её размеры – 0,3x0,25,5. Подобные плиты уже встречались в других погребениях могильника. Также они известны по раскопкам могильника Нартан (Батчаев и др., 1985). В южном углу погребения находилась лепная миска (рис. 1, 4). Рядом с миской располагались 42 раковины каури (рис. 1, 5), они лежали плотно друг к другу и, судя по особенностям расположения, были нанизаны вместе. В центральной части погребения находились бронзовая цепочка и две железные стержневидные булавки с биконической головкой со значительным расширением в районе отверстия (рис. 1, 1, 2), а также мелкий фрагмент железной пластины с четырьмя отверстиями (рис. 1, 3). Антропологический материал в погребении отсутствовал. Но, небольшие размеры погребальной ямы и наличие плит меловой породы, встречающихся в данном могильнике только в детских погребениях, косвенно указывают на то, что перед нами захоронение ребенка.

Погребение 65 находилось в непосредственной близости от погребения 64 и примыкало к нему с юго-востока. Плиты перекрытия не были нарушены грабителями. Захоронение (рис. 2, б) совершено в каменном ящике, имевшем небольшие размеры – 0,8x0,7 м. Он был сложен из четырех обработанных плит. На дне погребения располагались кости ребенка 8 лет (± 2 года): фрагменты костей рук и череп. Лицевая часть черепа была разрушена, сам череп располагался на правой височной кости. Предположительно, ребенок был положен скорченно на правом боку. На черепе в ряд располагались раковины каури (8 штук) (рис. 2, 5). По всей видимости, каури были нашиты спереди на головной убор, который не сохранился. Украшения головного убора в детских погребениях, относящихся к кобанской культуре, уже встречались. Так, например, в погребении 21 могильника Гастон Уота к головному убору крепились 12 бронзовых подвесок в виде колокольчиков (Мошинский, 2006. С. 46). На костях черепа ребенка в п. 65 были найдены бронзовые серьги в виде миниатюрных колечек с несомкнутыми концами (рис. 2, 3, 4). Под черепом лежала железная стержневидная булавка (рис. 2, 1). Рядом находился небольшой браслет с заходящими утончающимися концами, изготовленный из тонкого бронзового стержня (рис. 2, 2).

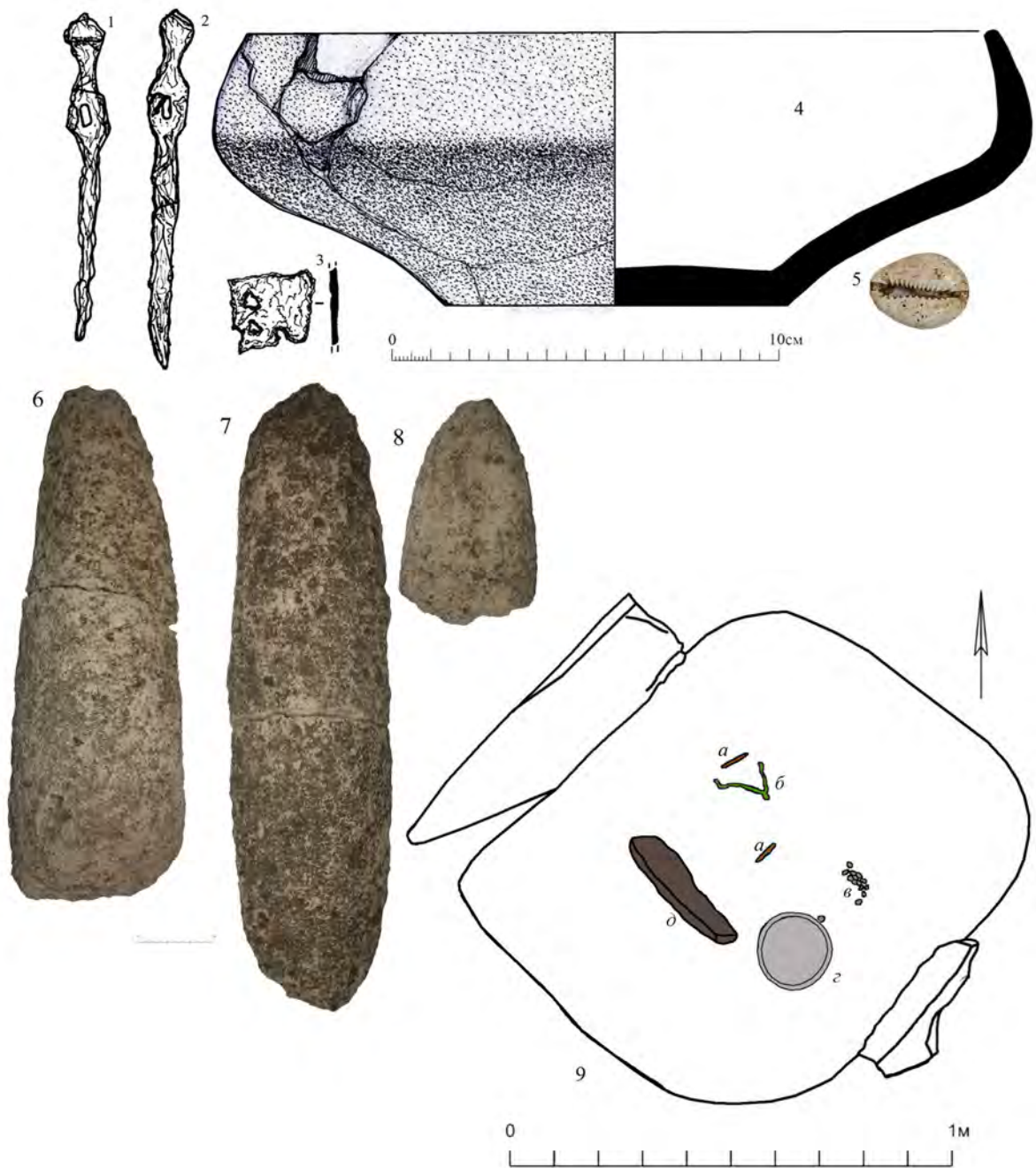

Рис. 1. Могильник Верхний Куркужин. Погребение № 64. Погребальный инвентарь:
 1,2 – булавки железные; 3 – фрагмент железной пластины; 4 – миска; 5 – каури;
 6-8 – обожженные стелы; 9 – план погребения (а – булавки; б – цепочка; в – каури;
 з – миска; д – плита).

В описанных выше захоронениях отсутствует датирующий материал, но окружающие их богатые мужские погребения надежно датируются концом VII века до н.э. А редкость нахождения каури свидетельствует об особенном статусе захороненных детей.

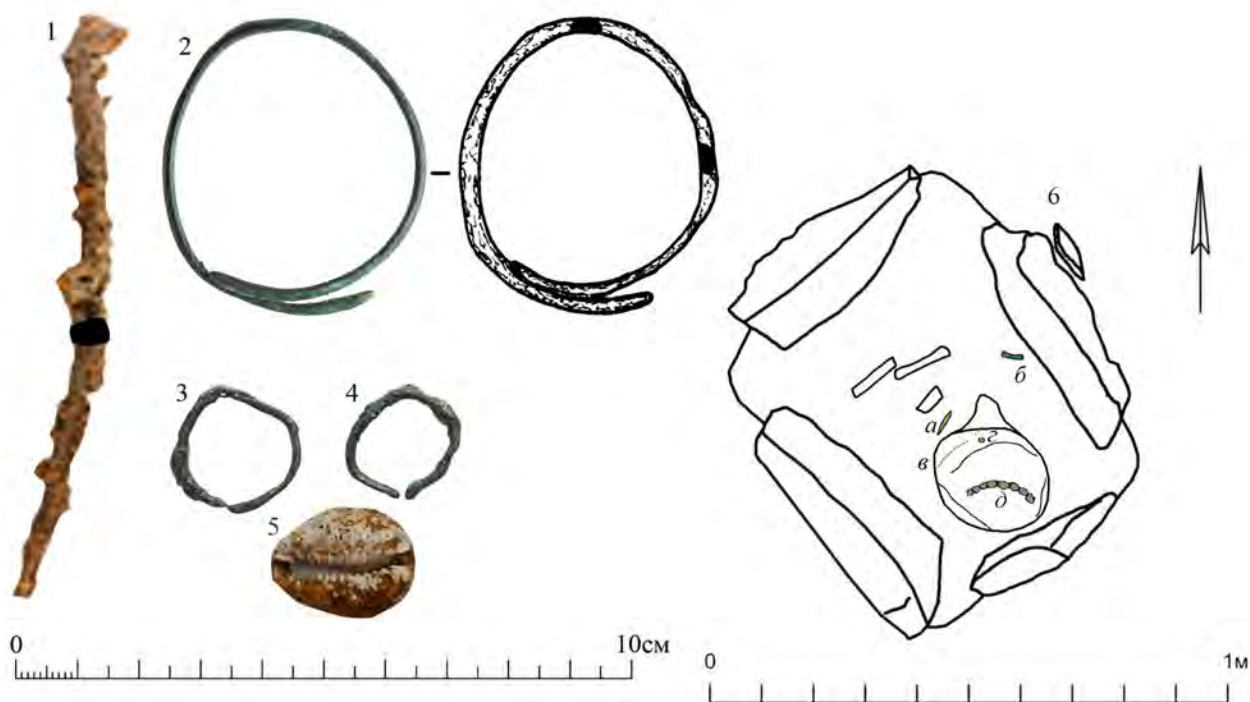

Рис. 2. Могильник Верхний Куркужин. Погребение № 65. Погребальный инвентарь:
 1 – булавка железная; 2 – браслет бронзовый; 3,4 – серьги бронзовые; 5 – каури.
 6 – план погребения (а – булавка; б – браслет; в – бисер; г – серьга; д – каури)

Литература

Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Керфов Б. М. 1985. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик.

Мошинский А.П. 2006. Древности Горной Дигории. VII – IV вв. до н.э. // Труды ГИМ. Вып. 154. М.

Мокрушин В. П., Соков П. В.
«Наследие Кубани», г. Краснодар

ПРОТОМЕОТСКАЯ БУЛАВКА С ТЕРРИТОРИИ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ИЗ С. ЮЖНАЯ ОЗЕРЕЕВКА

В 2020 г. в ходе археологических раскопок в городской черте Новороссийска (северная часть с. Южная Озереевка), на площадке грунтового могильника (гос. № 9211) обнаружена лопастная бронзовая булавка типа «Сукко» длиной 20,5 см (рис.1). Вместе с двумя фрагментами бронзового браслета булавка находилась у юго-восточного края яйцевидной в плане ямы (1,57×1,31 м), ориентированной приострѐнной частью к югу. В её заполнении, без видимого порядка, залегало не менее пяти массивных блоков плитняка размерами от 20 до 50 см, а чашевидное в сечении дно плавно переходило в стенки.

Подобные булавки неоднократно отмечены в относительно небольшой полосе черноморского побережья между Анапой и Геленджиком. Размещавшиеся здесь, в горных ущельях и балках, памятники протомеотского времени (VIII – 1-ая пол. VII в. до н.э.) отличаются большим своеобразием. Использование для захоронений дольменов (скорее всего, вторичное), а также каменных ящиков указывает на наличие тут «местного архаического субстрата». Имеющиеся данные свидетельствуют о связях с Бзыбской Абхазией. В керамике обнаруживаются черты сходства с кобьяковской, срубной и кизил-кобинской посудой. Черпаки с гвоздевидными выступами находят параллели в материалах периода поздней бронзы горного Крыма, сабашиновских древностях и культуре Ноа (Эрлих В.Р., 2007. С. 36-37, 192, 200).

Наиболее близкие аналогии нашему предмету представлены среди сборов из ст. Гостагаевской и Натухаевской, а также в составе коллекции вещей, полученных от одного из местных жителей и происходящих из распаханного могильника в 1,5 км к востоку от с. Сукко, на левом берегу горной речки с тем же названием, справа от входа в так называемую Атмачеву Щель (Новичихин, 1995. С. 63, 66-67. Рис. 3, 1, 3, 4. Новичихин, 2006. С. 63, 64. Рис. 92, 1, 3, 4; 94, 6, 8). Высказано мнение, что эти изделия – «редуцированная форма» булавок с навершием в виде двух крупных шишечек, соединенных перемычкой, под которой, в свою очередь, располагалось округлое или треугольное отверстие. Ближайшие находки такого рода предметов (2 экз.) выявлены у пос. Большие Хутора, в верховьях р. Дюрсо, где в 11 каменных ящиках (два выделены предположительно) обнаружены разновременные захоронения – от 2 до 4 человек в каждом. Наиболее поздний костяк укладывали в центре каменного ящика, к стенкам которого сдвигались остатки предыдущих покойников. Конских скелетов не выявлено, хотя в плантажном слое присутствовали литые бронзовые детали лошадиной сбруи – 4 набора трех разных типов, в том числе – пара трехпестельчатых лопастных псалиев и новочеркасские удила.

Представительна выборка железных изделий; среди них многочисленны ножи, а также листовидные наконечники копий – одно из них (погр. 7) лежало вместе с лопастной булавкой.

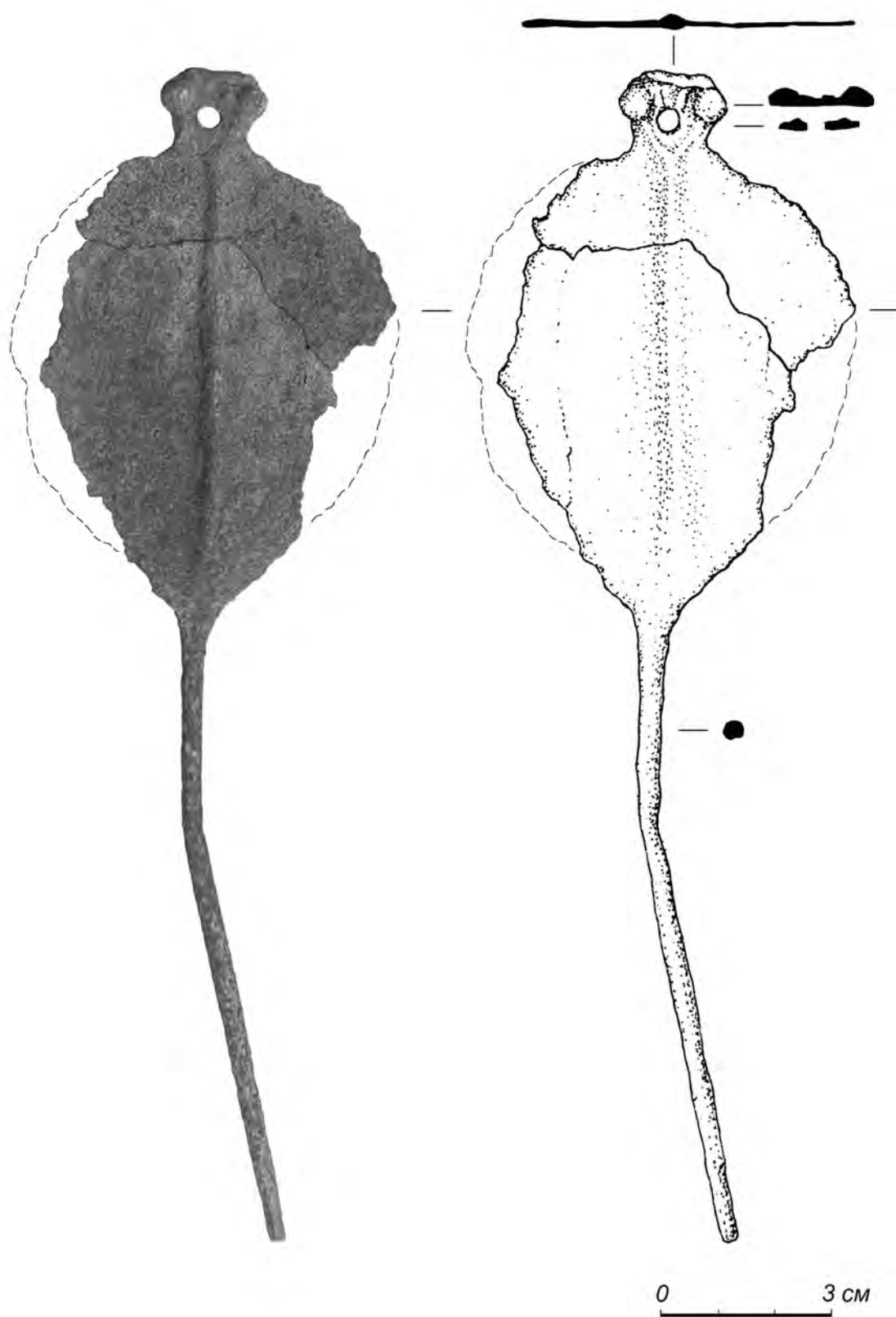

Рис. 1. Бронзовая булавка с территории грунтового могильника из с. Южная Озереевка.

Сходные материалы засвидетельствованы неподалеку, в Широкой Балке, где в каменном ящике из плит (могила 3) расчищены 4 костяка (Эрлих, 2007. С. 38, 39, 160, 161. Рис. 220, 4, 5).

Еще две лопастные булавки происходят из Геленджика. Тут, на возвышенности в районе Толстого мыса, изучены 28 почти полностью разграбленных каменных гробниц, размещавшихся под земляными курганами. Последние тянулись вдоль моря, в полукилометре от берега, составляя 6 отдельных групп, от 2 до 4-х всхолмлений в каждой. Только вторая группа насчитывала 11 насыпей.

В четырех случаях одна из стен дольмена, завалившись, прикрыла собой часть инвентаря – преимущественно изделия из бронзы. В их числе – наконечники стрел с выступающими втулками, не составляющие единого комплекса, так как происходят из разных насыпей. К сожалению, они отрисованы схематично, без должной детализации, что вызывает споры по поводу их типологической принадлежности. В целом, по нашему мнению, весь этот небольшой набор предметов метательного вооружения можно сопоставить с колчанами периода скифской архаики, например, с материалами из Гумарово и Келермесского кургана № 24 (Галанина, 1997. С. 104, 106. Рис. 27, 1-20, 66-83). Один наконечник – трехлопастной, лопасти срезаны прямо. Три другие – двулопастные, в том числе – очень крупный экземпляр (более 51 мм) с обломленным жалом. Их, по заключению В.Р. Эрлиха, нельзя «безусловно» относить к предскифскому этапу. Памятники, содержавшие подобный инвентарь, возможно, «доживают до жаботинского переходного периода» и могут вмещать вещи келермесского времени.

Обращают на себя внимание три иглы длиной 63-76 мм. Их нерабочий конец, судя по одному изображению, раскован и в нем проделано отверстие (Аханов, 1961. С. 139-140. Рис. 4, 8-10; 6, 4, 5). Подобные вещи весьма характерны для западного варианта кобанской культуры. Массивные несомкнутые браслеты частенько встречаются как в мужских «воинских», так и женских протомеотских захоронениях. Они литые, с последующей проковкой, полукруглые или треугольные в сечении, имеют ребро на внешней поверхности.

На Северо-Западном Кавказе, а также у кобанцев большой популярностью пользовались отлитые в двустворчатых формах наконечники «малых копий» с глухой сомкнутой конической втулкой, переходящей в центральное ребро жесткости. Предметы имеют остролистное перо с наибольшим расширением в нижней части. Как полагают, они бытовали в конце IX-VIII в. до н. э. и позднее уже не применялись. Из Геленджикских дольменов происходят два изделия, величиной 131 и 179 мм; судя по тексту публикации, – все из гробницы № 2 третьей группы. Однако в подрисуночных подписях указано, что самый крупный предмет обнаружен в гробнице №8 второй группы.

На рассматриваемой территории к отмеченным выше памятникам протомеотского периода можно добавить могильник Шесхарис. В ряде захоронений, а также вне комплексов здесь засвидетельствованы бронзовые вещи предскифского времени. Особенно интересно уникальное для этих мест парное погребение №4 с черепом и конечностями лошади; среди его инвентаря – железные удила, соединенные с бронзовыми псалями типа Уашхиту-Жаботин.

Булавки типа «Сукко» называют маркером причерноморского и абинского вариантов протомеотских памятников. Предположительно отсюда предметы попадали в другие районы Закубанья (Пшиш – случайная находка; Холмский; Начерзий). Обнаруженные в Абхазии (Гагрский могильник) сходные детали одежды с почти круглыми лопастями считаются прикубанским импортом и характеризуются как «классические». Наиболее вероятным, видимо, был «морской путь распространения» рассматриваемых изделий, при участии прибрежных племен – гениохи Страбона (?). Формирование древностей протомеотского круга связывают с миграцией в эпоху поздней бронзы земледельческо-скотоводческого населения из степей вследствие общей аридизации климата. В результате на Северо-Западном Кавказе, вместо единой «сложившейся культуры», мы наблюдаем несколько постепенно сближавшихся «культурных групп», различия между которыми со временем нивелировались (Эрлих В.Р., 2007. С. 38, 95, 102, 155, 157, 158, 200. Рис. 158, 32-35).

Литература

Аханов А.А. 1961. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. №1.

Галанина Л.К. 1997. Келермесские курганы. М.

Новичихин А.М. 1995. Материалы первой половины I тыс. до н.э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах №1. Армавир-М.

Новичихин А.М. 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа.

Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.

Мошинский А. П.

Государственный исторический музей, г. Москва

САУАР – ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР ГОРНОЙ ДИГОРИИ V-IV ВВ. ДО Н. Э. ИТОГИ ТРИДЦАТИЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Поселение Сауар было обнаружено в 1987 году в Дигорском ущелье Северной Осетии на 200 м ниже села Лезгор и на 100 м выше реки Урух на высоте 1200 м над уровнем моря в срезе дороги, проложенной на буровую, под которой в 300 метрах от поселения за речкой Каридон был тогда же найден могильник Гастон Уота.

Раскопки были начаты в 1988 году и регулярно проводятся до настоящего времени (за исключением четырех полевых сезонов, пропущенных по разным причинам). Поселение занимает два склона мыса, обращенного к реке Урух. Размеры его достигают 2 гектаров. За все это время было раскопано чуть больше 900 кв.м. Открыто 9 гончарных и 9 металлургических мастерских, мастерская углежога, 2 косторезных мастерских и 6 культовых центров (Мошинский, 2007; 2014; 2016; 2019; Мошинский, Скаков, 2001; 2008).

На сегодняшний день раскопки производились только на производственном участке, границы которого пока не выяснены. Весьма вероятно, что он занимает весь южный склон или большую его часть. Все культурные слои, выявленные на раскопанном участке, датируются V-IV вв. до н.э. Слоев VII-VI вв. до н.э. пока не обнаружено (комплексы этого времени есть на могильнике Гастон Уота). Весьма вероятно, что в эту эпоху здесь располагался небольшой поселок, сооружения которого находятся за пределами нашего раскопа. Весь раскопанный участок состоит из подрезанных террас и подсыпанных платформ, ограниченных снизу подпорными стенами различной высоты.

Характер металлургических мастерских будет рассмотрен на примере двух – лучше сохранившихся.

Железоделательная мастерская включает в себя плавильный и кузнечный горны. Горны представляют собой ямки диаметром до 0,4 м, отрытые на такую же глубину. Плавильный горн имеет длинную вытяжку-канавку, проходящую коленобразно вверх по слегка наклонному скальному полу. Канавка была перекрыта сланцевыми плитками, замаскированными сверху глиной. В кузнечном горне залегал большой прокаленный камень – наковальня. Рядом с горном располагались лунки от колышков для крепления мехов для поддува. Древесный уголь для топки хранился в специальных ямках или в небольших каменных «ящиках». Руда разбивалась и растиралась на диоритовых «зернотерках» специальными молотами и терочниками – речными камнями. Металлические орудия не сохранились.

В бронзолитейной мастерской в горн ведет продух для поддува от расположенных рядом мехов. Из горна отходит продух в горизонтальную канавку-вытяжку, ведущую к скальному выходу. От конца этой канавки по подрезанному скальному выходу идет вертикальный желоб-вытяжка. В помещении мастерской располагается каменная прямоугольная конструкция, служившая для дробления руды и растирания лигатур. Здесь же расположена широкая и длинная (более 4 м) канавка для промывки руды. Присутствует

круглая ямка для запасов древесного угля. Рядом с горном расположен каменный столик. Здесь же расположен и глинобитный квадратный необожженный жертвенник с небольшой круглой ямкой с углями в ней. У края мастерской – яма, обмазанная глиной, для запасов воды. Были найдены фрагменты глиняной литейной формы для отливки прямоугольного стержня – заготовки. Форма – не прокаленная, что свидетельствует о том, что в ней отливалось не бронзовое изделие, а восковая модель.

У других мастерских поселения были найдены два фрагмента каменных форм для отливки восковых моделей культовых печатей – пинтадеров в виде свастики, крестов, комбинаций чашечных углублений.

Исследовано 9 гончарных мастерских, в каждой присутствовало по одному гончарному горну. Главная особенность всех обнаруженных здесь горнов – горизонтальный принцип прохождения тяги горячих масс. Каждый гончарный горн состоит из двух камер: топочной и обжигательной. Горны представлены двумя основными типами: с большой или маленькой обжигательной камерой. Под обжигательной камеры имеет прямоугольную в плане форму, каменную основу и был обмазан глиной. Он может иметь невысокие каменные стены, также обмазанные глиной. Свод и над топочной, и над обжигательными камерами был временным. В топочных камерах прослежены слои золы.

Найдены заготовки уже замешанной глины (с добавлением дресвы). Заготовки для лепной керамики имели пирамидальную форму, для гончарной – форму круглых «лепешек». 11 таких заготовок были найдены у места, где крепился гончарный круг – ямка, обложенная сланцевыми плитками (для закрепления деревянной оси, на которой крепился круг). Сам гончарный круг изготавливался из камня и тщательно шлифовался.

Две косторезные мастерские, выявленные на поселении, содержат площадки, на которых резалась кость, и кострища, на которых она вываривалась, большое количество обрезков и бракованных изделий.

Для подготовки запасов древесного угля была сооружена специальная мастерская, в ней из камня был сооружен желоб для поддува. Желоб был перекрыт неплотно уложенными сланцевыми плитами, через щели в которых поступал воздух к лежащим на них стволам деревьев (с ветками). Деревья обгорали до стадии угля и потом забрасывались землей. Готовые угли разносились по мастерским.

На поселении обнаружена масса культовых объектов, некоторые из которых были объединены в культовые центры. Так, в двух гончарных мастерских были выявлены стоящие *in situ* каменные идолы. Идолы после использования тщательно скрывались. Первый из идолов был перекрыт каменным завалом, второй – встроен в стену, после разборки которой и был обнаружен.

В двух культовых комплексах стояли чашечные камни, с чашевидными углублениями на вертикальной стороне. Плитка с чашечными углублениями была вмазана в стенку топочной камеры одного из гончарных горнов.

В пяти случаях было выявлено размещение культовых черных и белых камней таким образом, что со стороны наблюдателя белый камень был слева, а черный – справа. В одном случае под белым камнем была обнаружена железная мужская булава.

Один из культовых центров включал в себя имитацию гончарного горна. Имитация топочной камеры включала в себя чашечный камень с большим и глубоким чашечным углублением. Аналогичные чашечные камни укладывались на дно культовых ям. На глиняной обмазке стены над чашечным углублением был вылеплен классический меандр. В специальном углублении были выложены курильница, идолоподобный камень и «зерно-терка».

Литература

Мошинский А.П. 2007. Гончарное производство в Горной Дигории в V – начале IV в. до н.э. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. МИАР № 8. М.

Мошинский А.П. 2014. Новые производственные комплексы поселения Сауар // Е.И.Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. М.

Мошинский А.П. 2016. Культы поселения Сауар в свете новых открытий // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. 18–21 апреля 2016 г. Грозный.

Мошинский А.П. 2019. Керамический комплекс кобанского поселения Сауар в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности // КСИА. Вып. 255.

Мошинский А.П., Скаков А.Ю. 2001. Культы кобанского поселения Сауар (Северная Осетия) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР 3. М.

Мошинский А.П., Скаков А.Ю. 2008. Древние металлурги Горной Осетии // Издательский дом «Руда и металлы». Специальный выпуск. Посвящен Государственному историческому музею. М.

Мустафаев Л. Х.

Национальный музей истории Азербайджана НАНА, г. Баку

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ,
НАЙДЕННОЙ В ПАМЯТНИКАХ АЗЕРБАЙДЖАНА
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА, С ЕВРОПЕЙСКИМИ НАХОДКАМИ**

Образцы штрихованной керамики, обнаруженной в археологических памятниках Азербайджана железного века, имеют специфику нанесенных начертаний. Подобные находки обнаруживаются в археологических памятниках середины I тыс. до н.э. Многие образцы аналогичных находок хранятся в фонде археологии Национального музея истории Азербайджана. Фрагменты штрихованной керамики можно встретить в жилищах и могильниках Мингечаура железного века, селения Караджамирли Шамкирского района ахеменидского периода (VI-V вв. до н.э.), даже в захоронениях эпохи поздней бронзы – раннего железного века, либо среди случайных находок. Аналогичные образцы встречаются и в античном городище селения Чухур Габала Габалинского района. Данные находки обнаружены в нижнем пласте и характерны для VI-V вв. до н.э. (Babayev и др., 2015. С. 411; 2016. С. 27, 39-40. Рис. 4а, б, 5а). Глиняные фрагменты, найденные в нижнем слое, имеют в основном темно-красный, серый, черный с серым оттенком и глянцево черный и сероватый цвет. Узоры в виде насечек на ряде образцов керамики этого периода полностью охватывают внешнюю поверхность корпуса глиняных сосудов. Орнамент подобного типа в основном наличествует на крупных хозяйственных кувшинах с толстыми стенками (Babayev, Mustafayev, 2017. С. 9).

В эпоху поздней бронзы и раннего железа наблюдается вертикальное упорядоченное нанесение орнамента на глиняную посуду методом царапания. Хотя узоры на глиняных сосудах середины I тыс. до н.э. и вызывают впечатление хаотичности, на самом деле, это та же технология орнаментации. На корпус сосуда наносятся разнонаправленные штрихи посредством куска дерева, одна сторона которого имеет форму гребня. На многих глиняных образцах можно встретить как вертикальные, так и горизонтальные, и наклонные штрихованные узоры. В отличие от сосудов эпохи раннего железа данный тип орнаментации, наблюдаемый в VI-V вв. до н.э., получил широкое распространение в ряде регионов. В эпоху поздней бронзы и раннего железа узоры на сосудах в виде вертикали и полосы стали использоваться более широко. Среди штрихованных сосудов можно видеть предметы как со смешанным (хаотичным), т.е. разнонаправленно нацарапанным, узором, так и образцы с отдельными вертикальными или наклонными штрихами. Корпусные и плечевые части некоторых кувшинов опоясывает широкая выпуклая полоса, которую украшают глубокие резные ромбовидные изображения, рисунки ножа, а также параллельные линии. На венце кувшинов с широким горлом также имеются глубокие резные узоры в виде ножа (Babayev, Mustafayev, 2017. С. 9-10). На сосудах периода поздней бронзы и раннего железа, переданных НМИА международной Шамкир-Караджамирлинской археологической экспедицией в 2016 году, также есть штрихованные узоры (АФ 28126, АФ 28129) (Babayev и др., 2017. С. 81-90). Штрихованные сосуды эпохи поздней бронзы и

раннего железа имеют разную форму и размеры. К штрихованным сосудам середины I тыс. до н.э. относятся в основном хозяйственные кувшины среднего и крупного размера. Но некоторые артефакты требуют анализа более сложных нюансов. Метод нанесения изображений на глиняные сосуды по этой технологии наблюдается даже на керамических предметах древнейших времен. На протокура-аракской керамике из памятников Овчулар тепеси, Махта Кюль тепеси, Шор-тепе на территории Нахичеванской автономной Республики, относящихся к периоду энеолита, имеются узоры, нанесенные гребневидным инструментом. Подобный орнамент встречается и на керамике из северо-запада Ирана (Бахшалиев, 2013; Вахсәлиев, 2019. С. 75. Рис. 45). Но керамика, представленная узорами подобного типа, имеет отличительные признаки технологии обработки и изготовления. После нанесения орнамента на внешнюю поверхность данных сосудов способом расчесывания они порой покрывались толстым слоем глиняного ангоба (Вахсәлиев, 2019. С. 72).

В то же время, если метод расчесывания оставляет весьма глубокие следы, то штрихование способом царапания создает орнамент более тонкими и изящными линиями. Но в технологии изготовления подобных штрихованных сосудов, характерных для Азербайджана середины I тыс. до н.э., такие случаи могут быть редки. Учитывая значительный временной разрыв между археологическими памятниками Нахичевани периода энеолита и находками середины I тыс. до н.э., сохранение на протяжении нескольких тысячелетий единой традиции в производстве керамики выглядит несколько спорным. Это была, несомненно, технология, воплощающая иные этнокультурные особенности.

Несмотря на то что сосуды эпохи поздней бронзы и раннего железа, украшенные вертикальными полосами и линиями, с точки зрения производства, обжига и внешнего вида напоминают штрихованные сосуды, они имеют как временное несоответствие, так и различия в технологии обработки со штрихованными сосудами, характерными для VI-V вв. до н.э. Штрихованные сосуды украшались иным способом и по другой технологии. Главная особенность данных сосудов заключается в технологии нанесения узора. В археологических памятниках ахеменидского периода (VI-V вв. до н.э.), обнаруженных на территории селения Караджамирли близ города Шамкир, часто встречаются штрихованные сосуды, изготовленные именно по технологии, указанной нами (Mustafayev, 2015. С.289-295). Сосуды подобного типа очень редко обнаруживаются в памятниках античного периода и раннего средневековья. Штрихованные сосуды массово производились в определенный период. По данной технологии в основном изготавливались хозяйственные кувшины среднего и крупного размера с широким горлом и толстыми стенками. В обнаруженных памятниках северо-востока Азербайджана позднего скифского, среднего и позднего сарматского периодов найдены сосуды по некоторым особенностям схожие со штрихованными сосудами. Но, судя по описанию, полученные в этом регионе фрагменты с орнаментом в виде царапин и хаотичных разнонаправленных линий по всему корпусу указывают на более глубокую и грубую обработку (Mustafayev, 2015. С. 204-213).

Образцы штрихованной керамики нашли широкое распространение в Восточной Европе. Технология штрихования, метод изготовления и период производства этих сосудов совпадает со временем штрихованных глиняных изделий Азербайджана. Сосуды, изготовлявшиеся по технологии штрихования, наряду с дьяковской культурой, охватывают

большие территории Восточной Европы, бассейн рек Волги и Оки, а культура штрихованной керамики отмечается в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., включая Верхнее Приднепровье, Прибалтику и др. территории (Векслер, Гусаков, 2017. С. 260; Розенфельдт, 1974. С. 90-216; Кренке, 2011. С. 16-17). По поводу происхождения, общей хронологии, назначения и типологии памятников и находок дьяковской культуры проводились широкие исследования. На Щербинском городище было обнаружено и классифицировано большое количество разнородных штрихованных изделий (Лопатина, 2019. С. 125-139, 186-203; Кренке, 2011. С. 109-130). По технологии обработки, близости нацарапанных узоров они схожи с орнаментированной керамикой из Азербайджана. Отличие заключается лишь в том, что если тисненные, насеченные и мелко нацарапанные узоры характерны в Азербайджане для керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа, то разнонаправленные штрихи присущи концу VII в. до н.э. – VI-V вв. до н.э. (Розенфельдт, 1974. С. 163-171. Рис. 38, 39, 40; Vabayev и др., 2016. С. 27, 40. Рис. 5a). Глиняное тесто штрихованных сосудов, характерных для дьяковской культуры, слабое, качество обжига низкое. Это особенно присуще керамике, обнаруженной на Щербинском городище (Розенфельдт, 1974. С. 163). По сравнению с дьяковскими находками азербайджанские штрихованные хозяйственные кувшины из серой глины более крепкие и обладают высоким качеством обжига. Исследователи связывают ареал распространения и факторы возникновения дьяковской культуры с различными этнокультурными причинами. Это относится не только к штрихованной керамике, а охватывает всю совокупность дьяковских памятников и образцов материальной культуры (Розенфельдт, 1974. С. 90-95).

Хронологические рамки возникновения, развития и ареала распространения характерной для значительной территории Восточной Европы культуры штрихованной керамики разделяются на два этапа: ранняя культура штрихованной керамики, относящаяся к II-I вв. до н.э., и поздняя культура штрихованной керамики, охватывающая I-V вв. н.э. Важные особенности и подробная классификация специфических признаков и черт образцов культуры штрихованной керамики Восточной Европы нашли отражение в различных исследованиях (Егорейченко, 2001. С. 37-39; 2006). Глиняные сосуды как дьяковской культуры, так и культуры штрихованной керамики Восточной Европы имеют общие параллели и особенности.

Взаимосвязи Азербайджана с рядом народов и культур мира, возникшие в I тыс. до н.э., еще больше расширились во времена Мидии и ахеменидов. Вместе с тем в период поздней бронзы и раннего железа было возможно и влияние племен, мигрировавших из северо-восточной Европы на юг и восток, на материальную культуру других регионов, в том числе и на производство керамики. Так, штрихованная керамика Восточной Европы, особенно штрихованные сосуды дьяковской культуры, на раннем этапе своего возникновения и развития (VIII-VII вв. до н.э.), по имеющимся изображениям, обладает общими чертами с образцами азербайджанских штрихованных глиняных предметов VI-V вв. до н.э. Можно предположить, что существовавшие в тот период связи между двумя регионами обусловили взаимовлияние различных культур. Аналогичные факты регулярно наблюдаются в материальной культуре Азербайджана. Наличие в более раннее время образцов керамики с насеченным гребнем орнаментом, обладающих родственными со штрихован-

ной керамикой особенностями, может обусловить распространение подобных признаков с Востока на Запад.

Литература

- Бахшалиев В.Б. 2013. Протокуро-аракская керамика Нахчывана // РА, №3.
- Векслер А. Г., Гусаков М.Г. 2017. К вопросу о поздней стадии дьяковской культуры // Ананьинский мир и памятники с текстильной керамикой. Археология Евразийских степей. М.
- Егорейченко А.А. 2001. Культура ранней штрихованной керамики: характеристика и ареал. // Выбранные научные работы. Минск.
- Егорейченко А.А. 2006. Культура штрихованной керамики. Минск.
- Кренке Н.А. 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э.-I тыс. н.э. М.
- Лопатина О. А. 2019. Керамика Москворецких и Окских памятников дьяковской культуры как исторический источник. // Дисс. канд. ист. наук. М.
- Розенфельдт И.Г. 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.
- Babayev İ., Nəcəfova İ., Məmmədova B., Mustafayev L., Hüseynov S., Alışov N. 2016. 2014-cü ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların qısa hesabatı // Qəbələ Arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, tapıntılar 2014, Bakı.
- Babayev İ.A., Nəcəfova İ.M., Mustafayev L.X., Məmmədova B., Hüseynov S.Ə., Alışov N.Ə. 2015. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası Antik Qəbələ dəstəsinin tədqiqat işləri haqqında (Qəbələrayonu 2014-cü il) // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar – 2013-2014, Bakı.
- Babayev İ., Kaniyut K., Mustafayev L., Qruber M. 2017. 2016-ci ildə Şəmkir-Qaracəmirli Beynəlxalq arxeoloji ekspedisiyası tərəfindən MATM-ın Arxeologiya fonduna təhvil verilən arxeoloji tapıntılar // Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi, Bakı.
- Babayev İ.A., Mustafayev L.X. 2017. Antik şəhərin IV qazıntı sahəsindən əldə edilən Son Tunc-Erkən Dəmir dövrünə aid maddi mədəniyyət nümunələri / “Muzey, arxiv və kitabxanalarda qorunan milli dəyərlərin tədqiqi, təbliği, mühafizəsi və bərpası”, I Respublika elmi konfransının materialları, Bakı.
- Baxşəliyev V. 2019. Sirabçay və Qahabçay vadisinin son eneolit abidələri. Naxçıvanda 2018-ci ilin arxeoloji tədqiqatları. Naxçıvan.
- Mustafayev L. 2015. Qaracəmirli-İlyastəpə abidəsində arxeoloji qazıntılar / Azərbaycanın ilk peşəkar arxeoloq və muzeyşünası Davud bəy Şərifovun anadan olmasının 130 illiyinə həsr olunmuş “Azərbaycan tarixinin öyrənilməsində muzeylərin rolu” V Respublika elmi konfransının materialları, Bakı.
- Mustafayev L. 2018. Keramika istehsalında varislik (Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi və Quba Tarix Diyarşünaslıq Muzeyinin materialları əsasında) / “Muzey, arxiv və kitabxanalarda qorunan milli dəyərlərin tədqiqi, təbliği, qorunması və bərpası” adlı II Respublika elmi konfransının materialları, Bakı.

Рябкова Т. В.

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

**ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
И ПОКУПКИ В МАЙКОПЕ: К ВОПРОСУ О РАННЕСКИФСКИХ
ПАМЯТНИКАХ ЗАКУБАНЬЯ**

Свыше 20 коллекций из фондовой коллекции Эрмитажа «Памятники Прикубанья» скифского времени относятся к числу покупок или случайных находок. В инвентаре с шифром «Ку» (Кубань) у таких коллекций есть указания на место покупки, от кого поступили или у кого были куплены вещи, при каких условиях это происходило. Наиболее часто фигурирует имя Н. И. Веселовского, что и не удивительно, поскольку с 1894 г. его профессиональная деятельность была связана с Кубанью (Тихонов, 2009. С. 362). Большая часть таких коллекций происходит из Закубанья: в основном вещи покупались в Майкопе, хотя упоминаются и станицы: Махошевская, Крымская, Лабинская, Петропавловская, Ярославская. Почти всегда присутствуют указания на обстоятельства и время поступления¹, а также фамилия продавца. Например: «случайная находка, прислана Козловым из Майкопа в 1904 г.», или «из расхищенных Майкопских курганов, приобретено АК от Козлова в 1905 г.», или «присланы начальником Кубанской области», «покупка у Аджигитова», «Майкоп, 1914 г., покупка у Карапетова» и т. д.

Трудности работы с этими коллекциями очевидны: как правило, это случайный набор вещей, лишенный археологического контекста. Среди таких наборов часто встречаются вещи настолько неординарные, что остается лишь сожалеть об отсутствии контекста находок и в то же время радоваться, что эти чудеса не исчезли бесследно в круговороте времен и событий. Работа с вещами из «покупных» коллекций часто приводит к совершенно неожиданным результатам (Рябкова, 2019; 2020), позволяющим получить дополнительные возможности для реконструкции историко-культурной ситуации в Закубанье в начале железного века.

Вряд ли можно считать случайным то, что перемещение профессиональной деятельности Н. И. Веселовского на Кубань пришлось на 1894 г. и совпало с заселением земель черкесских аулов. Семейства отставных солдат Кавказской армии, участники обороны Севастополя, иногородние крестьяне получили разрешение селиться на землях бывших горских аулов, население которых ушло в Турцию в 1890-1894 г. Большинство этих семейств уже давно жили в кубанских станицах, арендуя наделы у казаков (Азаренкова, Бондарь, Вертышева, 1986. С. 43). Совершенно очевидно, что переселенцы были хорошо осведомлены о возможностях поправки своего материального положения, таящихся в многочисленных курганных насыпях Закубанья. Во всяком случае, уже в 1895 г. Н. И. Веселовский купил в Ярославской бронзовые колокольчики и удила (рис. 1, 1-3), «добытые из кургана Костромской станицы» (ОАК за 1895 г. С. 65), и бронзовые навершия из «случайной находки в кургане у станицы Царской» (рис. 1, 7, 8). В дальнейшем размах хищнических раскопок и деятельность связанных с ними рынков по сбыту древностей нарастали.

¹ Все покупки датированы временем после 1894 г.

Противодействуя вывозу древностей за границу, Императорская археологическая комиссия занималась покупкой особо ценных предметов у торговцев, сведения о таких покупках регулярно публиковались в Отчетах ИАК. Средства для этого иногда «назначались как особая сумма Государем Императором» (ОАК за 1895 г. С.52) но, вероятно, специально закладывались в бюджете ИАК.

Можно ли однозначно связывать предметы, купленные в Майкопе и близлежащих станицах, с территорией Закубанья? Ведь, судя по примеру коллекции де Массоно, скупавшего древности Боспора и памятников Приднепровья в Керчи с 1886 г. (Leskov, 2008), рынки по продаже антиквариата функционировали на Тамани и в Керчи давно и вещи могли перемещаться на значительные расстояния². Но, вероятно, в начале XX века рынок по продаже вещей, «добытых» именно в близлежащих памятниках, сформировался и в Майкопе: в соответствии с данными инвентаря КУ, с 1900 года большая часть покупок Веселовского совершалась именно там. Важно отметить, что среди этих покупок много вещей, относящихся к разным этапам периода скифской архаики.

Наиболее ранним, вероятно, является навершие в виде головы мула³ (рис. 1, 5), парное к которому находится в коллекции Блисс (США)⁴. Петля в основании шеи животного выполняла ту же функцию, что и кольцо у на втулке у наверший из Корсуковского клада, кургана Аржан, Штабки, Ордоса (сводку см. Тишкин, Кушакова, 2008). Этот признак, утраченный у стилистически близких наверший из кургана 1В Келермесского могильника, позволяет сопоставить майкопские экземпляры с кругом древнейших евразийских наверший и датировать соответственно не позднее рубежа VIII-VII вв. до н. э. Навершие из Махосhevской (рис.1,7-8) тоже относится к начальному этапу развития скифского звериного стиля. Скульптурные изображения оленей восходят к карасукской и ордосской художественным традициям и демонстрируют тесную связь с восточно-евразийским ареалом звериного стиля и ранним этапом этого искусства (Рябкова, 2016. С. 220). К этому же времени относится и костяной фрагментированный трехмуфтовый псалий, декорированный изображениями хищных птиц (рис. 1, 6)⁵.

Часть вещей из купленных коллекций принадлежат кругу памятников времени возвращения из переднеазиатских походов. Наиболее показателен комплекс одного из Семиколенных курганов на плато Шахан близ Майкопа (Рябкова 2020. С. 276). Ряд предметов предположительно этого периода еще требуют специального анализа (рис. 1, 4, 9, 10).

² В коллекции де Массоно, известной как «Maikop Treasure», есть вещи, связанные своим происхождением с Закубаньем, Крымом, Таманским полуостровом и Приднепровьем.

³ По А.Р. Канторовичу, животное, изображенное на навершии, может быть определено как лошадь (Канторович, 2015. С. 503).

⁴ Экземпляр из коллекции Блисс (Salmony, 1933. Pl. V,1) был вывезен из России вместе с коллекцией де Массоно (Salmony, 1933, P.31). О закубанском происхождении его писала Л. К. Галанина (Галанина, 1997. С. 156).

⁵ Подробный анализ предмета и его декора см.: Рябкова, 2014.

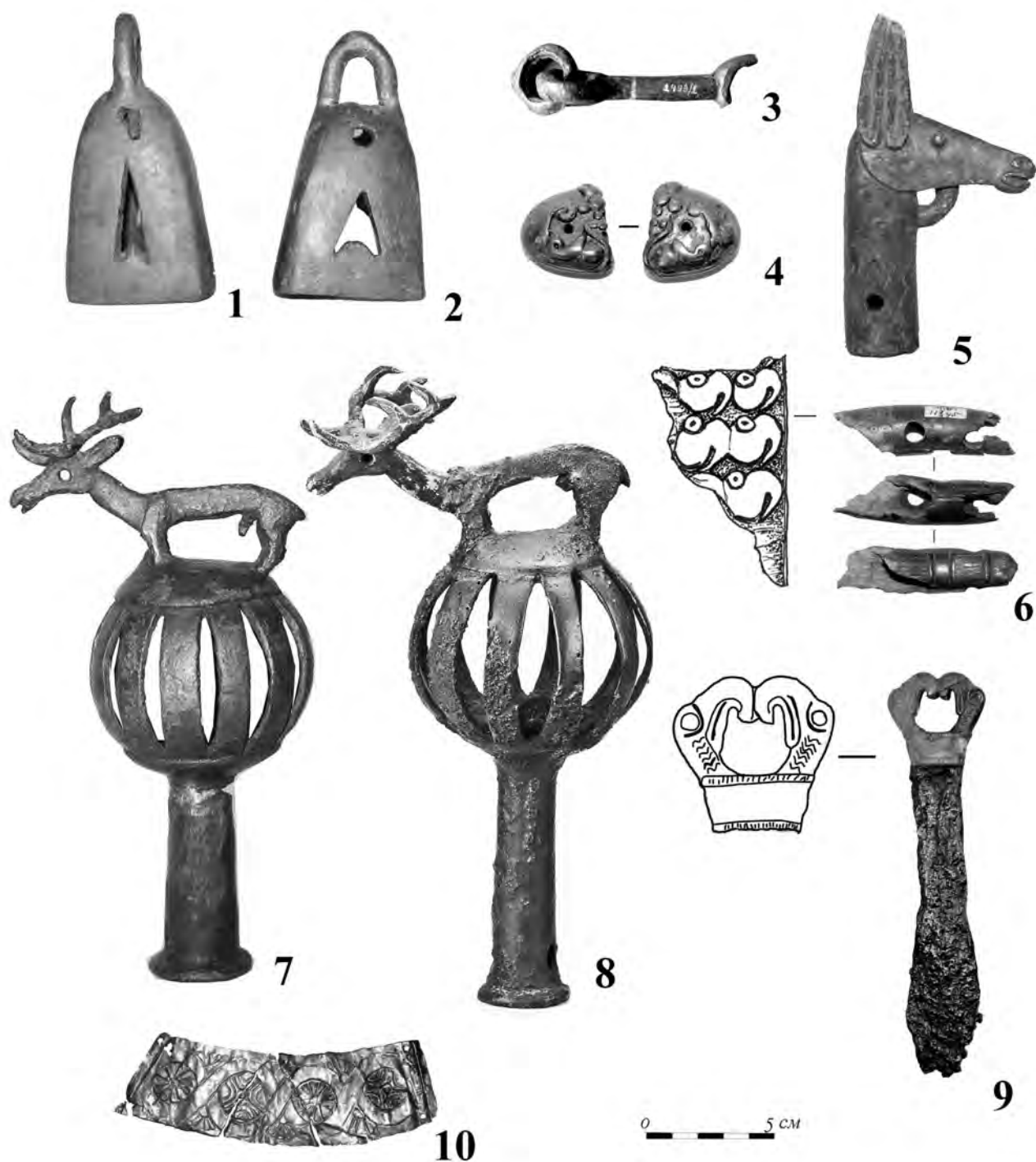

Рис. 1. Покупки ИАК в Майкопе и близлежащих станицах.

3 – ГЭ, инв. №№ 2499; 1,2; 4 – ГЭ, инв. № 2514/53; 5 – ГЭ, инв. № 2514/5; 6 – ГЭ, инв. № 2534/42; 7,8 – ГЭ, инв. №№ 2696/1,2; 9 – ГЭ, инв. № 2514/51; 10 – ГЭ, инв. № 2511/10.

Концентрация предметов скифской архаики в регионе предгорий, протянувшемся от Майкопа, Тульской и Келермесской через Ярославскую, Махошевскую, Лабинск до Армавира, может быть объяснена тем, что именно тут находился конечный пункт миграции кочевников из Центрально-Азиатского региона. Вероятно, территория Закубанья с ее специфическим ландшафтом и была тем местом, где впервые появились и оставили свои памятники кочевые племена с востока.

Литература

Азаренкова А. С., Бондарь И. Ю., Вертышева Н. С. 1986. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) Краснодар.

Галанина Л. К. 1997. Келермесские курганы. Царские погребения раннескифской эпохи. М.

ОАК за 1895 г. СПб. 1897.

Рябкова Т.В. 2014. Три костяных псаля из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // Археологические вести. Вып. 20.

Рябкова Т. В. 2016. Навершия с шаровидными прорезными бубенцами из раннескифских памятников Закубанья // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. М.

Рябкова Т.В. 2019. Раннескифская золотая накладка на сосуд из Эрмитажа // ВДИ. № 4.

Рябкова Т.В. 2020. О комплексе одного из Семиколенных курганов в собрании Эрмитажа // Археологические вести. Вып. 26.

Тихонов И. Л. 2009. Археологические исследования Н. И. Веселовского на Кубани // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.

Тишкин А. А., Кушакова Н. А. 2008. Бронзовые навершия из Штабки: технология изготовления, аналогии и датировка // Вопросы археологии и истории Сибири. Барнаул.

Leskov A.M. 2008. The Maikop Treasure. Philadelphia.

Salmony A. 1933. Sino-Siberian Art in the Collection of C.T. Loo. Paris.

Скаков¹ А. Ю., Джопуа² А. И., Скакова³ И. В.

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²Абхазский государственный музей, г. Сухум

³Институт востоковедения РАН, г. Москва

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО ГИЕНОСА (АБХАЗИЯ)

Как известно, на территории современной Республики Абхазия находилось как минимум три античных города (полиса) – Диоскурия (Диоскуриада), Питиунт, Гиенос (Гиенос). Из них фактически точно локализован только один – Гиенос (впервые упоминается Псевдо-Скилаком: 330-е гг. до н.э. сведения, как предполагается, восходят ко втор. пол. V – перв. пол. IV вв. до н.э.). Дело в том, что на территории Пицундского городища не обнаружено слоев ранее II в. н.э., а в современном Сухуме полноценные слои доримского времени также отсутствуют (попытки увязать с древней Диоскурией какие-либо памятники за пределами столицы Абхазии пока не представляются достаточно обоснованными).

Остатки Гиеноса были обнаружены в 1935 г. при строительстве Очамчирского порта (в 5 км от центра совр. Очамкры), хотя местоположение древнего города не вызывало сомнений у авторов XIX – начала XX в. (Дюбуа де Монпере, П.К. Услар, Д.И. Гулиа). В 1935-1936 гг. исследование городища носило, скорее, характер надзора за строительными работами, причем два холма, на которых располагался древний город, были фактически уничтожены, как и значительная часть окружающих их территорий. До нашего времени уцелел только восточный холм, работы на котором были возобновлены в 1977 (М.В. Барамидзе) и в 1981-1986 гг. (С.М. Шамба).

Первоначально, по итогам работ 1935-1936 гг., основание античного Гиеноса датировали «не ранее сер. V в. до н.э.», хотя М.П. Инадзе допускала существование более раннего греческого поселения сер. VI в. до н.э., заброшенного и вновь основанного афинянами. Большинство авторов подчеркивало «местный характер поселения», при котором или на котором поселились греки.

Мощность слоя (от 3,3 до 5 м) и быстрое поступление грунтовых вод препятствуют широкомасштабному исследованию памятника большими площадями. Отметим и то, что какой-либо план восточного холма с указанием раскопов, а также полноценные стратиграфические разрезы и в публикациях, и в отчетах отсутствовали. В этой ситуации, при возобновлении нами работ на городище в 2019 г., продолженных в 2020-2021 гг. (рис.1), в качестве основного ориентира использовались фундаменты ранневизантийского храма (втор. пол. V – нач. VI вв.), исследованного экспедицией под руководством С.М. Шамба в 1981-1985 гг. (Скаков и др., 2020а; Скаков и др., 2020б).

Первый раскоп (восточный), состоящий из двух смежных шурфов 4 x 4 м, был заложен к востоку – юго-востоку от апсиды храма. В настоящее время раскоп доведен до глубины 4,1-4,2 м. Верхние слои мощностью до 1,7 м представляли собой перекоп, в котором наряду с золотой колхидской подвеской с солярной орнаментацией V-IV вв. до н.э. встречены фрагменты колючей проволоки, значок члена ВЛКСМ довоенного образца и печная заслонка – наследие середины 1930-х гг. Далее прослежены слои разрушения хра-

ма, незначительные по мощности слои, связанные с его бытованием, слой, относящийся к периоду возведения храма. Ниже, под невыразительными по материалу и незначительными по мощности прослойками, прослежены два слоя – темно-коричневая глина мощностью до 0,5-0,6 м и голубоватая (синяя) глина мощностью около 1 м. Верхний из этих слоев «влажный», здесь отмечена очень хорошая сохранность дерева. Обнаружена ограда – деревянные брусья и плетень, а на углу её небольшого разворота *in situ* находилась деревянная основа седла, единственный аналог которой известен в кургане из окрестностей Пантикапея втор. пол. IV в. до н.э. (Виноградов, Никоноров, 2009). Непосредственно под седлом в ямке диаметром 0,25 и глубиной 0,25 м находилось скопление костей животных. В этом слое в достаточно большом количестве встречен античный керамический импорт VI-IV вв. до н.э., при этом доминирует аттическая посуда, но заметное место занимает ионийская (т.н. родосско-ионийская) керамика. В нижнем слое, напротив, античный керамический импорт полностью отсутствует, хотя по формам и декору местной керамики оба слоя практически идентичны. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что античные колонисты прибыли на обжитое место и вступили в партнерские отношения с местным населением, о чем свидетельствует хотя бы отсутствие следов пожара или хиатуса.

Во время работ на восточном раскопе в слое перекопа имел место целый ряд неординарных находок. Практически на уровне дерна был обнаружен фрагмент плинфы, относящейся к храму, с надписью из семи знаков на верхней постели, исполненной своеобразным вариантом восточноарамейского письма, другие примеры которого нам неизвестны. Надпись, по определению А.В. Акопяна, представляет собой абецедарий, выполненный в процессе обучения алфавиту (Акопян и др., 2020). Кроме того, был обнаружен фрагмент плинфы с греческой двустрочной надписью также на верхней панели. В обоих случаях надписи процарапаны по свежей глине. Надпись гласит «Афра Банфы». Афра – латинское по происхождению имя, присутствующее и в греческой среде. Имя Банфа известно по керченскому христианскому надгробию IV в. и имеет готское происхождение (определение А.Ю. Виноградова). Вероятно, надпись сообщает имя одного или двух человек в родительном падеже, указывая тем самым на владельца или производителя предмета (партии плинфы?).

Еще одной яркой находкой стал фрагмент капители из высококачественного проконесского мрамора, относящийся к алтарной преграде. Во время работ 1980-х гг. было обнаружено не более двух-трех фрагментов мраморной декорации, что побудило исследователей предполагать оформление алтарной преграды из местного песчаника с включением лишь некоторых мраморных деталей. В переотложенном слое восточного раскопа («отвал») количество фрагментов мраморной декорации (при этом не только из проконесского, но и из менее качественного мрамора) исчисляется десятками. Фрагмент капители украшен детально проработанным орнаментом типа «косички» из двух рядов плетения, а имеющиеся аналогии указывают, преимущественно, на VI в. Отметим также неоднократные находки фрагментов росписи храма, в том числе, что весьма необычно, орнаментальной росписи непосредственно по плинфе.

Впервые (не только на этом объекте, но и в данном регионе) было проведено метрическое изучение всех фрагментов плинфы, что позволило предполагать, учитывая ее

различную толщину, разное время возведения самого храма и нартекса. В ходе работ установлено также, что ранневизантийский храм был построен на платформе из перемещенного культурного слоя, мощность которой значительно увеличивается к западу.

Западный раскоп, в настоящее время значительно расширенный за счет изучения (повторного) нартекса храма, позволил выявить стену, ограждающую храм, проход в ней, каменную вымостку во дворе храма. Как установлено, во время работ 1980-х гг. храм не был полностью изучен. У южного входа в нартекс обнаружено безынвентарное погребение, при этом голова костяка была заложена двумя плинфами. В южной части нартекса в слое платформы обнаружен свинцовый саркофаг с погребением – уникальная находка для всей территории бывшего СССР. Напомним, что ранее на территории Абхазии был найден «медный саркофаг», в 1911 г. в имении Краевичей (Цебельда), датируемый VI-VII вв. (Дружинина, 2014. С. 270). До уровня античного слоя работы на западном раскопе пока не доведены.

Как показали работы 2019-2021 гг., древний Гиенос изучен крайне недостаточно. Очевидно, что продолжение работ на этом памятнике принесет новые открытия как в античной, так и в раннесредневековой археологии.

Литература

Акопян А.В., Скаков А.Ю., Джоуа А.И. 2020. Новая находка арамейской надписи на территории Абхазии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала.

Виноградов Ю.А., Никоноров В.П. 2009. Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н.э. // Боспорские исследования. Вып. XXII. Симферополь-Керчь.

Дружинина И.А. 2014. О группе погребений в «медных гробах» с территории Северо-Западного Кавказа // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. (ММХIV) I. Зимовниковский краеведческий музей. Зимовники.

Скаков А.Ю., Джоуа А.И., Ендольцева Е.Ю. 2020а. Новые исследования на городище древнего Гиеноса (Абхазия) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала.

Скаков А.Ю., Джоуа А.И., Акопян А.В., Ендольцева Е.Ю. 2020б. Ранневизантийский храм на городище древнего Гиеноса (Абхазия): новые находки // Архитектурная археология. № 2.

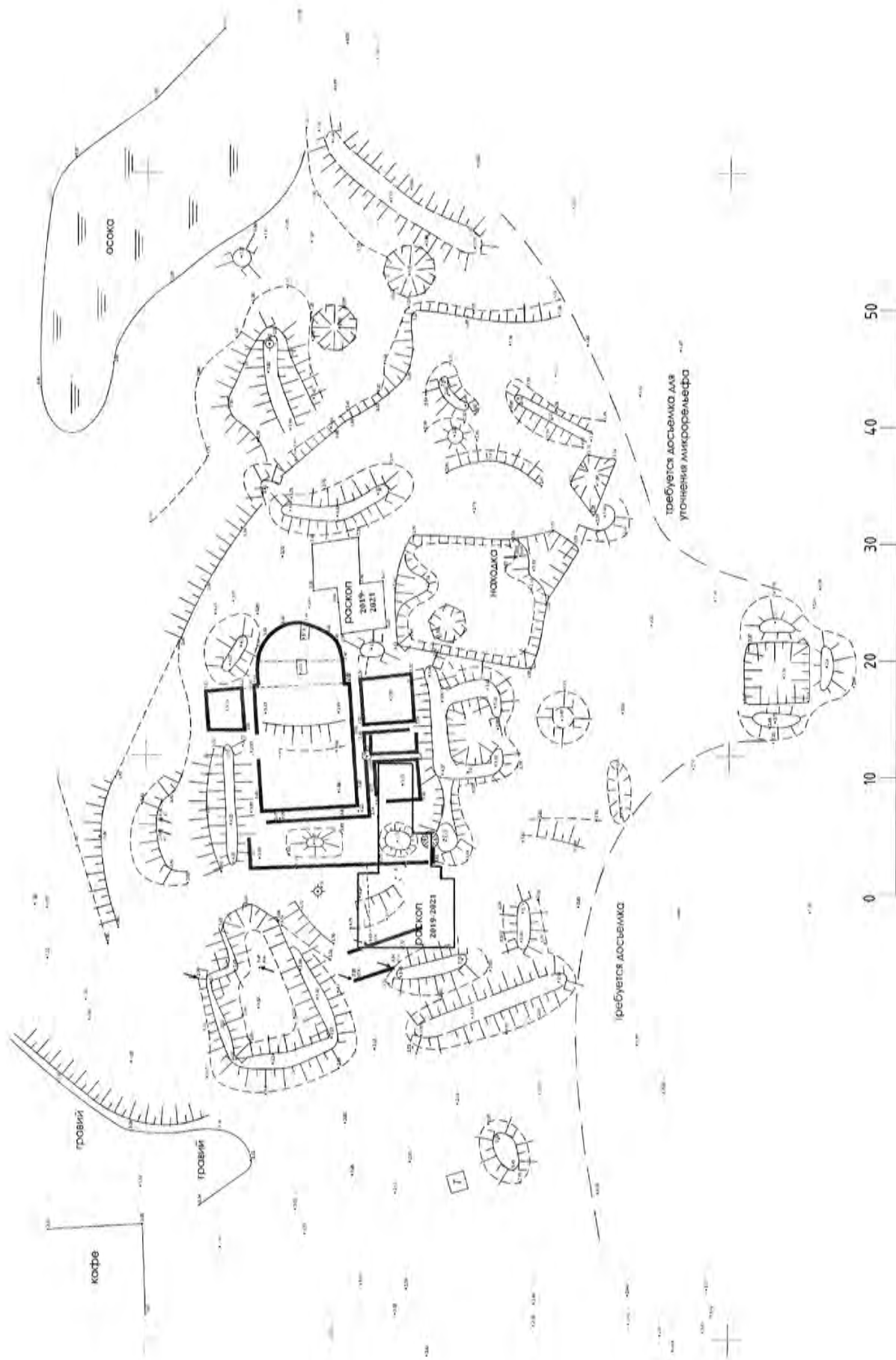

Рис. 1. План центральной части восточного холма городища Гиенос.

Субботин А. В.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ДРЕВНИЕ «СВЯТИЛИЩА» В УРОЧИЩЕ ЛУННАЯ ПОЛЯНА КЧР

Среди раскопанных Северокавказской экспедицией ИИМК РАН курганов в урочище Лунная Поляна на площадках строительства горнолыжного курорта Архыз были 2 насыпи, результаты исследования которых представляют особый интерес. Они являлись самыми крупными из всех 38 исследованных каменных объектов и представляли собой слегка задернованные, в большинстве своём вытянутые в направлении С-Ю насыпи, сложенные из рваного камня.

Высота одного из них превышала 2 м, второй был выше полутора метров. Эти курганы стояли в нижней, донной части так называемой «троговой» долины с корытообразным поперечным профилем, каковой реально и является котловина «Лунная поляна» (Шальнев, Юрин, 2014. С. 131-135).

В этих 2 курганах, в теле насыпи, на глубине не более 0,5 м от дёрна (но не ниже) обнаружены яркие и значимые индивидуальные находки.

Среди них в первом кургане (курган № 3 могильника «Лунная Поляна» III) были найдены:

1 – железные предметы: а) 4 крупных синдо-меотских меча (три целых и один во фрагментах) с «брусковым» навершием; б) 2 небольших наконечника копий и четырехгранный в сечении дротик; в) топор-секира; г) трехпёрые черешковые наконечники стрел; д) конские удила и псалии.

2 – бронзовые предметы: а) 3 пары симметрично застёгивающихся бронзовых фибул (2 пары с утолщенной спинкой и дисковидными выпуклостями на дуге и одна пара тонкая с просечным орнаментом на дуге; б) предметы конской упряжи (толстые полусферические бляшки); в) серия колокольчиков «казбекского типа».

3 – ритуальные предметы и украшения: а) 2 бронзовых четырехвитковых браслета; б) серебряное кольцо в 5 оборотов и височные подвески в полтора оборота – круглые, с утолщенными концами и «грушевидные», тонкие в сечении; в) 3 керамических горгонеяона; г) стеклянные бусы как однотонные, так и «глазчатые».

4 – керамические сосуды в развалах, из которых в камеральных условиях собрано 5 археологически целых форм.

Никаких костей в кургане не обнаружено. Преобладающее количество находок выявлено на небольшом участке в самой центральной части северной половины насыпи.

В центральной части другого кургана (курган № 4 могильника «Лунная Поляна» III), в двух плохо сохранившихся погребениях и возле них (на расстоянии до 2 метров в разные стороны) были найдены:

1 – бронзовые предметы: а) 4 наконечника копий с открытой втулкой и наконечник дротика; б) 3 кинжальных клинка с одним отверстием на черенке; в) 2 черешковых ножа с листовидным лезвием; г) несколько булавок с волутообразным навершием.

2 – украшения и ритуальные предметы: а) янтарные, сердоликовые, а также глиняные с позолотой или со стеклянной инкрустацией бусы; б) серия бронзовых и позолоченных височных подвесок в полтора оборота с утолщенными концами; в) бронзовые привески в виде птички и миниатюрной модели кобанского топора; г) две первых фаланги коровы, орнаментированных со сточенными и выровненными проксимальными концами. Имеются основания полагать, что эти находки являются фишками игры «сенет», широко известной в древности и нередко признаваемой имеющей связь с погребальными культурами (Ходжаш, 2003. С. 85-90).

3 – керамические сосуды в развалах, из которых в камеральных условиях собрано 6 археологически целых форм.

Часть находок, находящихся возле фрагментов скелетов двух погребений, безусловно, является сопроводительным инвентарём, тогда как другая, большая часть, обнаруженная на удалении от краёв могил, может быть расценена как культовое, но не связанное непосредственно с данным погребальным обрядом их размещение.

Металлографический анализ бронзовых предметов, обнаруженных в этих 2 курганах, констатирует, что в кургане № 4 большинство артефактов представлены мышьяковистыми сплавами с долей мышьяка от 5-6% до 14-18%. В кургане №3 бронзы – как оловянистые, так и мышьяково-оловянистые.

Концентрация всех находок на очень небольших площадях в верхних частях этих двух насыпей выше древней поверхности, а также отсутствие погребенных (курган № 3) и слабо читаемые границы могильных ям с фрагментами человеческих скелетов (курган № 4) позволяет предполагать, что в данных ситуациях мы имеем явные параллели с так называемыми меотскими «святилищами», первым, самым простым их типом Уляпских курганов (Эрлих, 2013. С. 72). Состав находок как в том, так и в другом случае (4 меча, 3 пары фибул фракийского генезиса, 3 горгонейона в кургане № 3, 5 копий и 3 кинжальных клинка в кургане № 4) свидетельствует скорее о ритуальных жертвенных целях помещения этих предметов, как правило индивидуального использования, в одном месте – «святилище» (или «алтаре», «жертвеннике», «наосе»), нежели размещении их в таком количестве (4 меча или 6 фибул) в могиле.

В целом находки позволяют датировать 2 кургана из могильника «Лунная Поляна III» в широких временных границах – концом первой половины II тысячелетия до н. э. (курган № 4) и второй половиной I тыс. до н. э. (курган № 3). Дата кургана № 4 опирается на морфологические детали бронзовых втульчатых наконечников копий с открытой кованой втулкой и на длинные кинжальные клинки с ребром жесткости и с одним отверстием на черенке (Бочкарев, 1993. С. 42-43; 2013. С. 59-77; 2017. С. 159). Дата кургана №3 маркируется амулетами-горгонейонами из необожженной глины – нередкими находками в комплексах меотского времени (Erlikh, 2011), а также датой топора-секиры, имеющего аналогию из раскопок поселения Джантух в Абхазии (Скаков, Джопа, 2020. С. 84).

Имеются результаты радиоуглеродного датирования образцов, проведенного в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США). В соответствии с этими результатами дата кургана № 3 на пике гисто-

граммы имеет медианную вероятность 291 г. до н.э., а дата кургана № 4 имеет медианную вероятность 1645 г. до н.э. Данные показатели в полной мере соответствуют археологическим фактам и выводам.

Литература

Бочкарев В. С. 1993. Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб.

Бочкарев В. С. 2013. «Радиоуглеродная революция» и проблема периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья. Материалы российско-германского коллоквиума. СПб.

Бочкарев В. С. 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге восточной Европы // *Stratum plus*. № 2.

Эрлих В.Р. 2013. Святилища в меотской культуре // Лесков А. М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV-III вв. до н.э. Святилища и ритуальные комплексы. Некрополи у аула Уляп. М.

Скаков, А. Ю., Джопуа А. И. 2020. Железные топоры раннего железного века из могильника и поселения Джантух (Абхазия) // *Археологические вести*. № 27. СПб.

Ходжаш С.И. 2003. Фишки и игральные кости для игры в сенет из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. // *ВДИ*. № 1.

Шальнев В. А., Юрин Д. В. 2014. Древние оледенения и палеогляциальный рельеф Архыза // «Наука. Инновации. Технологии», №3. Ставрополь.

Erlikh V. 2011. Gilded Terracotta Jewelry from Meotian Sites of the Kuban Region: the Problem of Intercultural Contact in the Early Hellenistic Period // *PONTIKA 2008: Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times*. BAR, International Series 2240. Oxford.

Ткачев А. Н.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

**У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТИНСКОГО ГОРОДИЩА
(1920-1930-е гг.)**

История изучения Елизаветинского городища насчитывает уже более ста лет. До революции внимание ученых привлек расположенный восточнее городища курганный могильник, где Н.И. Веселовским в 1912–1917 гг. были раскопаны ставшие знаменитыми Елизаветинские курганы. После Октябрьской революции первые исследования в ст. Елизаветинской провели местные ученые – члены созданного в 1924 г. при Кубанском педагогическом институте Литературно–исторического и этнологического общества (ЛИЭТО). Секция местной археологии и этнологии ЛИЭТО, куда входили А.Ф. Лещенко, Н.А. Захаров, М.В. Покровский, основное внимание уделяла обследованию городищ по р. Кубани. Из членов общества на 1926 г. только Н.А. Захаров имел открытый лист на производство обследований (Захаров, 1927. С. 114). В 1926 г. было проведено обследование ряда кубанских городищ, в том числе городища и могильника ст. Елизаветинской, где были собраны амфоры и другие находки (Лещенко, 1927. С. 106).

Первые раскопки на городище были проведены в октябре 1928 г. и июне 1929 г. профессором Кубанского педагогического института Н.А. Захаровым. Им были предприняты работы по топографической съемке городища и заложены пробные шурфы. Среди наиболее ценных находок – терракотовая статуэтка в виде женской фигуры в длинном хитоне и фрагмент мегарской чаши с изображением бегущего Эроса (Захаров, 1930. Л. 8; Крушкол, 1930. С. 20). На глубине 1,5 м был обнаружен цементированный пол, сделанный из осколков античной керамики, в котором находилась печь. На городище были обнаружены остатки жилищ. Сбор подъемного материала на городище дал большое количество фрагментов керамики, в том числе чернолаковой и местной сероглиняной, амфорных ручек с клеймами, монет, фрагментов стеклянных сосудов. В 1929 г. было заложено две траншеи на юго–восточном склоне городища. На глубине 90 см обнаружена цементированная площадка размерами 1,46 x 0,40 м и толщиной 4 см (Захаров, 1930. Л. 9). В экспедициях активное участие принимала студентка Кубанского педагогического института Ю.С. Крушкол. Она руководила шурфовками городища, а также вскоре опубликовала первое сообщение, в котором дается предварительная характеристика этого памятника и датировка по находкам пантикапейских монет и фрагменту мегарской чаши III в. до н.э. (Крушкол, 1930. С. 20).

С 1928 г. над городищем и могильником ст. Елизаветинской было установлено постоянное наблюдение силами студентов кружка материальной культуры пединститута, а также школьников краснодарской школы № 8, объединенных в историко-археологический кружок учителем истории М.В. Покровским. В 1928 г. М.В. Покровским на западной окраине городища была обнаружена гончарная печь, по своей конструкции аналогичная открытым В.Ф. Гайдукевичем на Таманском полуострове. В течение нескольких лет, с 1928 по 1934 гг., М.В. Покровским и членами школьного кружка на Елизаветинском городище

был собран богатейший материал (монеты, амфорные ручки с клеймами, статуэтки и пр.), позволивший сделать выводы о тесных торговых связях городища с греческими колониями Черноморского побережья в период с IV вв. до н.э. по I–II вв. н.э. На грунтовом могильнике к западу от городища за период с 1928 по 1934 гг. М.В. Покровским было исследовано 15 погребений.

М.В. Покровский отмечал «необычайную насыщенность культурного слоя предметами импортного происхождения». В собранной с городища коллекции имелось 143 клейменных ручки амфор III–II вв. до н.э. с клеймами Родоса, Синопы, Фасоса, шесть терракотовых статуэток, из которых одна статуэтка Кибелы на троне, а другая Прозерпины с пучком колосьев в руках, фрагменты чернолаковой посуды, свыше 40 медных пантикапейских монет IV–II вв. до н.э., стеклянные привески с различными изображениями (голова медузы и др.), бусы (Покровский, 1931). М.В. Покровский указывает, что среди местной керамики встречены серые лощеные сосуды, являющиеся по своей форме и технике изготовления подражанием греческим сосудам (канфары, патеры и др.) (Покровский, 1937. С. 18). М.В. Покровский приходит к выводу, что Елизаветинское городище являлось в древности крупным городским центром, первоначально отдаленной колонией Фанагории или Пантикапея и выдвигает гипотезу о локализации древней Гаргазы Диодора Сицилийского на месте Елизаветинского городища (Покровский, 1937. С. 20–22).

В школе № 8 г. Краснодара был организован музей, отдельный стенд в котором был посвящен Елизаветинскому городищу. В состав школьного кружка входили учащиеся старших классов. Именно здесь, в школе № 8, под влиянием учителя истории увлекся археологией Н.В. Анфимов. С восьмого класса он стал председателем кружка и оставался им также и после окончания школы, будучи уже студентом Краснодарского мединститута. В 1928 г. М.В. Покровский вместе с Н.В. Анфимовым раскапывали обнажившиеся в обрыве погребения на Елизаветинском могильнике (Анфимов, 2010, С. 49).

Успехи исследовательской работы М.В. Покровского в определенной мере повлияли на организацию Московским отделением ГАИМК совместно с Институтом антропологии, этнографии и археологии АН СССР нескольких научных экспедиций под руководством профессора В.А. Городцова по раскопкам городища и могильника ст. Елизаветинской. Кубанская археологическая экспедиция МОГАИМК и ИАЭ АН СССР под руководством В.А. Городцова в течение трех полевых сезонов 1934–1936 гг. проводила в ст. Елизаветинской раскопки городища и могильника (Городцов, 1935. С. 71; Городцов, 1936. С. 171; Городцов, 1941. С. 208).

Оценивая степень изученности Елизаветинского городища, следует отметить, что послереволюционные исследования, проведенные местными археологами до раскопок В.А. Городцова, имеют большое значение для историографии этого известного памятника, в которой остается еще много белых пятен. Работы 1920-х – начала 1930-х гг., не нашедшие пока должного освещения и оценки в настоящее время, открыли начальную страницу изучения городища. Они были значительны по объему и уже тогда получили культурно-хронологическую интерпретацию.

Рис. 1. Музей школы № 8 г. Краснодара. Экспозиция, посвященная Елизаветинскому городищу (ГАКК. Р-1548. Оп. 1. Д. 8. Фото 34).

Литература

- Анфимов Н.В. 2010. Автобиографические записки // Прошлое Кубани. Из наследия Н.В. Анфимова. Краснодар.
- Городцов В.А. 1935. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. // СЭ. Вып. 3.
- Городцов В.А. 1936. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года // СА. Вып. I.
- Городцов В.А. 1941. Станица Елизаветинская // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М., Л.
- Захаров Н.А. 1927. Первые шаги изучения Кубанских городищ // Сборник статей по экономике и культуре. Труды СКАНИИ. № 26. Краснодар.
- Захаров Н.А. 1930. Отчет об археологических работах на Северо-Западном Кавказе // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 169.
- Крушкол Ю.С. 1930. Археологические работы на Кубани и в Черноморье // Наука и техника. № 38. 1930.
- Лещенко А.Ф. 1927. Два года работы этнологической секции ЛИЭТО // Сборник статей по экономике и культуре. Труды СКАНИИ. № 26. Краснодар.
- Покровский М.В. 1931. Городище и могильник станицы Елизаветинской // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 794.
- Покровский М.В. 1937. Городища и могильники Среднего Прикубанья // Труды Краснодарского государственного пединститута. Т. 4. Вып.1. Краснодар.

Чандрасекаран С.
Государственные музеи Берлина, г. Берлин, Германия

КОЛЛЕКЦИЯ МЕРЛЯ ДЕ МАССОНО – ДРЕВНОСТИ ЮГА РОССИИ В ЗАПАДНЫХ МУЗЕЯХ

Введение. Начиная с XIX в. юг России привлекал внимание западных ученых и музейщиков, а также знатоков и коллекционеров древнего искусства. Одним из значительных коллекционеров был француз Мерль де Массоно, который в течение почти 20 лет во время своего пребывания в Крыму собрал, вывез и продал крупную коллекцию археологических артефактов из разных точек Крыма и Кавказа.

О деятельности коллекционера упоминается в ряде публикаций, из которых следует отметить книгу 2008 г. А.М. Лескова (Leskov, 2008), посвященную части коллекции, известной под названием «Майкопский клад», хранящейся сегодня в трех музеях мира. Книга Лескова является важным исследованием древностей бронзового и железного веков юга России.

Но де Массоно уделял свое внимание и средства не только этим периодам, а также периоду греческой и римской античности, периоду переселения народов и средневековью (Kästner, 2007. P. 61).

Кем же был де Массоно? О Мерле де Массоно известно не очень много. Он был родом из Эгюйона (Aiguillon) близ Бордо, из известной семьи (Platz-Horster, Nagler, 2007. P. 222), из которой происходили несколько мэров города. С 1884 г. де Массоно проживал в Крыму. Он был приглашен князем Львом Голицыным в Массандру на пост управляющего царских виноделен в Крыму и на Кавказе. Когда 1898 г. Голицын ушел с поста главного винодела, де Массоно был приглашен императорским двором на этот пост. Как минимум с этого времени он жил в царском дворце в Массандре, близ Ялты. Из Массандры де Массоно посещал и другие царские винодельни на Кавказе. После своего возвращения из Крыма он стал основателем Orient Bank в Париже (См. Nawroth, 2017. P. 57). В 1913 г. он уже содержал собственную галерею в Париже, где выставлял вещи, собранные во время его деятельности на юге России.

В период своей службы в качестве смотрителя царских виноделен де Массоно, не владевшего русским, составлял свои отчеты для царского двора в Петербург на французском языке. О его деятельности в Крыму как винодела известно мало, но народная молва представляла его как недостойного преемника Голицына, который свое внимание уделял не основной работе, а коллекционированию предметов древности (см. <http://krimea.info/vinodelie/golicyn-l-s-glavnyj-vinodel-vsex-imenij-gosudarya-v-krymu-i-na-kavkaze.html>).

Приобретение коллекции. Мнения о том, когда была приобретена коллекция Массоно, расходятся. Это объясняется тем, что предметы из коллекции продавались в разные времена и разным покупателям, которые иногда не знали о существовании других частей коллекции и, соответственно, об их первоначальном приобретении де Массоно. По всем сведениям, он начал собирать древности по юге России в 1890 г. и продолжал эту деятельность вплоть до 1904 г. (Damm, 1988. P. 65, 72). Коллекция привлекала немало внимания ученых из разных стран. Уже в 1903 он общался с немецким археологом и сотрудником берлинских музеев Карлом Вацингером (Kästner, 2007. P. 61). Ряд предметов из

его коллекции подробно упоминается в публикации 1905 французского археолога – барона Жозефа де Байе (Baue, 1905. P. 217-223).

Продажа коллекции. Уже в 1903 де Массоно продал первый крупный предмет за рубеж. Это – деревянный саркофаг, который он непосредственно продавал Карлу Вацингеру для берлинского Антиквариума (Kästner, 2007. P. 61). Позже, видимо, пугаясь событий Первой русской революции, де Массоно начал вывозить свою коллекцию из России на Запад и готовить её к более крупной продаже (Nawroth, 2017. P. 57).

В 1907 г. де Массоно удачно совершил крупную продажу берлинским музеям: 956 объектов Музею первобытной истории¹, 1027 объектов Античному собранию и 112 предметов Исламскому музею (Platz-Horster, Nagler, 2007. P. 223; Zahn, Götze, Sarre, 1907. P. 60).

Следующую крупную продажу своей коллекции де Массоно совершил в 1913 г., на этот раз через посредника – армянина по имени Карапет (Карапетов?). Покупателем снова оказалось Античное собрание Берлина, которое не знало, что предметы происходили из той же коллекции де Массоно (Leskov, 2008. P. 3, 236; Platz-Horste, Nagler, 2007. P. 220). После этой покупки, коллекция античных украшений с территории юга России берлинского музея стала второй по своему богатству после коллекции Эрмитажа (Leskov, 2008. P. 3). В 1912-1913 гг. Карапет продал еще одну часть коллекции де Массоно известному западному коллекционеру Эрколю Канессе (Leskov, 2008. P. 3).

В 1924 г. археолог и куратор Нью-Йоркского музея Метрополитен Джон Маршалл купил в Париже 32 предмета прямо у де Массоно (Piotrovsky, 1974. P. 160; Leskov, 2008. P. 4, 226).

В 1914 г. из-за начавшейся войны Канесса перевез свою коллекцию в Италию, и в 1915 г. частично в США. Перевезены были и предметы, приобретенные у Карапета. В США Канесса выставил свою коллекцию сначала на всемирной выставке 1915 г. в Сан-Франциско (Leskov 2008, P. 3), а затем в своей собственной галерее в Нью-Йорке (Leskov, 2008. P. 4; Canessa, Canessa, 1917). В 1930 г., после смерти Канессы его коллекция была выставлена на продажу через Андерсен-галерею в Нью-Йорке (Platz-Horster, Nagler, 2007, P. 220; Leskov, 2008. P. 4). При этом вещи, приобретенные у де Массоно, впервые были представлены под названием «Майкопский клад». Музей Пенсильванского университета, заинтересовавшись покупкой «Майкопского клада», консультировался с известным специалистом по археологии юга России М. И. Ростовцевым, который подтвердил подлинность вещей и рекомендовал их покупку (Rostowzew, 1931. P.368; Piotrovsky, 1974. P. 158; Leskov, 2008. P. 236). Известен ещё один случай перепродажи вещей из коллекции де Массоно. Из вещей, приобретенных в 1907 г. берлинским Музеем первобытной истории, 956 предметов являлись собственностью Йоханнеса фон Диргардта. После смерти Диргардта вещи были выставлены на продажу, и в 1935-36 гг. большинство их перешло в собственность Римско-Германского музея в Кёльне (Damm, 1988).

Первые публикации. Первая музейная публикация древностей из коллекции де Массоно была подготовлена в 1907 г. директорами берлинских музеев, только что совершившими крупную покупку у самого коллекционера (Zahn, Götze, Sarre, 1907). Авторы представляли эти предметы как произведения «полуварварской культуры», подчёркивая ценность металлических украшений. По их мнению, по своему объёму новоприобретен-

¹ Эта часть коллекции была приобретена меценатом Йоханнесом фон Диргартом и предоставлена во временное пользование музею.

ная коллекция «восточной готики», уступала лишь собранию Петербургского Эрмитажа. Другие предметы из коллекции де Массоно публикуются впервые в 1915 г. в каталоге коллекции Канессы, изготовленном для Панамо-Тихоокеанской международной выставки в Сан Франциско (Colasanti, 1915. №2, 27-29) Вещи бывшей коллекции де Массоно были представлены в ещё двух каталогах Канессы, изданных для его галереи в Нью-Йорке в 1917 и 1919 гг. (Canessa, 1917, №1; Govett, 1919, P.104-105, № 78).

Именно в каталогах Канессы мы впервые встречаем выражение «сокровище» по отношению к вещам коллекции де Массоно. Но настоящей информации о вещах из погребений «Скифии», «Кубани на Кавказе» в каталогах мало, а также почти нет указаний на научную литературу. Во всех трёх каталогах информационная часть сопровождается фотографиями.

Сам де Массоно в 1922 г. опубликует каталог 117 предметов из собственной коллекции. Формат каталога – список вещей без информативного введения и без фотографий (Leskov 2008, P.3).

В 1925 г. вышла краткая научная статья, представляя новые приобретения Нью-Йоркского Метрополитена, включая предметы коллекции де Массоно, которые были приобретены у него годом раньше (Alexander, 1925). Изучив эту публикацию, берлинский учёный Роберт Зан уловил сходство между предметами в каталоге и приобретенными более 10 лет назад Берлинским Античным собранием и сообщил своим Нью-Йоркским коллегам об этом (Leskov, 2008. P. 7).

В 1930 г., год после смерти Эркола Канессы, вышел последний каталог, представляющий предметы из коллекции де Массоно в стадии покупки-продажи (American Art Association-Anderson Galleries 1930, № 120. Rostowzew 1931. P. 368; Greifenhagen, 1970. P. 55; Leskov, 2008. P. 236). Здесь мы впервые встречаем известное сегодня выражение «Майкопский клад» при описании вещей.

Заключение. Как коллекционер де Массоно собирал разные предметы древнего искусства, не специализируясь на определенной эпохе либо определенном регионе юга России или Кавказа. По его переписке можно отметить, что вещи поступали из разных памятников Крыма, Таманского полуострова и Кубани (Kästner, 2007. P. 61), копавшихся нелегально в то время. Де Массоно также общался с разными антикварами и торговцами древнего искусства на Северном Кавказе. На международном рынке он имел репутацию знатока, который мог распознать подделки (Kästner, 2007. P. 61). За время своего пребывания на юге России он собрал изящные и выразительные предметы от эпохи бронзы до позднего средневековья. Как удачный бизнесмен с солидной репутацией де Массоно умело подбирал своих клиентов и тщательно строил отношения с ними, иногда через многолетнее общение. По всей видимости, он не имел никакой надобности ссылаться на археологическую литературу, чтобы представить свою коллекцию, полагая, что клиенты хорошо знали о его возможностях и доступе к памятникам. Он не стремился продать всю свою коллекцию целиком, продавал частями, часто разделяя комплексы.

Как личность де Массоно был подобен другим удачным коллекционерам своего времени. Он происходил из богатой и известной семьи, занимал важные должности. Его склонность к международному образу жизни давала возможность создавать широкую сеть контактов и продвигать свою богатую коллекцию древностей юга России на мировом рынке.

Литература

- Alexander C. 1925. Jewelry and Miscellaneous Small Antiquities. Recent Accessions // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 20, 7. New-York.
- Baye de J. 1905. Communicationsur les Antiquités trouvées en Crimée par M. de Massonneau // Bulletin de la Société nationale des antiquaires de France. Paris.
- Canessa C, Canessa E. 1917. A Catalogue of Minor Art. New York.
- Colasanti A. 1915. Catalogue of Canessa's Collection: Panama-Pacific International Exposition. San Fransisco.
- Damm, I. G. 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Band 21.
- Govett E. 1919. Greek and Roman Object // Illustrated Catalogue of the Canessa Collection of Rare and Valuable Objects of Art of the Egyptian, Greek, Roman, Gothic and Renaissance Periods. New York.
- Greifenhagen A. 1970. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Berlin
- Kästner U. 2007. Griechen, Skythen, Amazonen. Ausstellungskatalog. Pergamonmuseum. Berlin.
- Leskov A. 2008. The Maikop Treasure. Philadelphia.
- Nawroth M. 2017. Pontus Euxinos. Die archäologischen Funde vom Schwarzen Meer // Schätze aus Europas Frühzeit. Der Sammler und Mäzen Johannes Freiherr von Diergardt. Die Sammlungen des Museums für Vor- und Frühgeschichte Band IV. Berlin – Regensburg.
- Piotrovsky B. 1974. From the Lands of Scythians: Ancient Treasures from the Museums of the U.S.S.R., 3000 B.C.–100 B.C. // The Metropolitan Museum of Art Bulletin, v. 32, no. 5. New York.
- Platz-Horster G., Nagler A. 2007. Die Goldfunde von Majkop // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Berlin.
- Rostowzew, M. I. 1931. Skythien und der Bosphorus. Berlin.
- American Art Association-Anderson Galleries. 1930. The Ercole Canessa Collection. New York.
- Zahn R., Götze A., Sarre F. 1907. Die Erwerbung einer in Südrußland gebildeten Sammlung von Werken der Kleinkunst aus antiker, Völkerwanderungs- und islamischer Zeit // Amtliche Berichte aus den Königlichen Kunstsammlungen. B.29. Berlin.

Шевченко Н. Ф.

Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия», г. Саратов

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРУПП САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ В НИЖНЕМ ПРИКУБАНЬЕ

Погребения раннесарматского времени, исследованные на территории Восточного Приазовья, представляют собой обширную группу памятников, большинство из которых датируется II–I вв. до н.э. Появление их связывается с расселением в Прикубанье племен, сопоставляемых с сираками античных источников. Благодаря многочисленным публикациям, общий облик материальной культуры этих племен хорошо известен, выделены яркие и надежно датированные маркерные комплексы, и почти вся территория Приазовской низменности в последние два столетия до нашей эры рассматривается как зона обитания единого племенного массива.

Степи правобережья Кубани разделены маловодными реками, текущими с востока на запад и впадающими в Азовское море (Челбас, Бейсуг, Кирпили и др). Вдоль этих водных артерий с эпохи бронзы до средневековья проходили основные пути перемещения кочевников, что подтверждается многочисленностью курганных насыпей на водоразделах. Распространение памятников указывает на то, что сарматы тоже использовали систему широтных перекочевок с возвратом на зимники в болота Меотиды. Можно полагать, что главный вектор кочевания сформировался после освоения областей Восточного Приазовья, которое произошло с территории Центрального Предкавказья в первой половине II в. до н.э. (Шевченко, 2020. С. 288). Топография могильников показывает наибольшую концентрацию ярких сарматских погребений с обилием импорта между реками Бейсуг и Кочеты, что позволяет определять данную территорию, как некий западный центр «страбоновской Сиракены». По мере удаления от условного центра к северу или югу в погребениях должен наблюдаться набор изменений, определенных близостью чужеродной среды. Степень фиксируемых трансформаций может быть важным характеризующим признаком.

В статье к предыдущей конференции автор сформулировал несколько тезисов о сравнительно низком уровне контактов пришлых кочевников с населением меотских городищ по сравнению с ситуацией на территории Центрального Предкавказья (Шевченко, 2020. С. 288). Вывод представляется важным, так как многочисленные «сиракские» погребения Приазовской низменности послужили основой для теории о широкой межплеменной миксации и формировании сирако-меотского союза в Прикубанье (Ждановский, Марченко, 1988. С. 48; Марченко, 1996. С. 119). В продолжение высказанных положений была сделана попытка сравнить материалы погребений из четырех крупных курганных могильников, вытянутых в меридианальном направлении через территорию Восточного Приазовья. Один из могильников расположен в условном центре «сиракских» кочевий, другой приближен к северной границе, два последних находятся у южной окраины данной области (рис. 1). Каждый из могильников включает материалы нескольких соседних групп курганов, которые условно объединены с обозначением: Батурицкий, Пролетарский, Динской, Новотитаровский. Я нарочито подчеркиваю определение принятых в работу комплексов как «сиракских», чтобы отметить их не столько племенную, сколько хронологическую привязку, так как с сираками в Прикубанье в первую очередь связываются комплексы II–I вв. до н.э. (Шевченко, 2011. С. 55). Публикация и анализ материалов из этих могильников проводились неоднократно, в том числе – с широким спектром исторических обобщений.

В данном случае акцент будет сделан только на двух составляющих погребального обряда – конструкцию могилы и керамический набор. Выводы по обеим позициям могут послужить существенным уточнением некоторых характеристик, применяемых к кубанским сарматам последних веков до нашей эры.

В приведенных ниже таблицах указано число т.н. «сиракских» погребений в каждом могильнике, информация о конструкции погребения и данные о керамическом наборе. Характеристику керамики облегчает стандартность типов посуды в могилах этого времени, включающих четыре основные категории. 1 – античная керамика (в основном боспорского производства); 2 – кружальная керамика, сопоставляемая с ремесленным производством на меотских городищах Прикубанья; 3 – кавказская керамика¹; 4 – лепная керамика².

Пролетарский могильник

количество		конструкции				керамика			
курган	погребение	яма	ката-комба	подбой	не прослежено	боспор.	меотская	кавказская	лепная
16	34	4	14	10	6	24	9	22	8

Динской могильник

количество		конструкции				керамика			
курган	сармат. погребение	яма	ката-комба	подбой	не прослежено	боспор.	меотская	кавказская	лепная
11	24	1	3	2	18	29	14	6	3

Батуринский могильник

количество		конструкции				керамика			
курган	сармат. погребение	яма	ката-комба	подбой	не прослежено	боспор.	меотская	кавказская	лепная
15	18	—	3	4	11	3	3	8	7

Новотитаровский могильник

количество		конструкции				керамика			
курган	погребение	яма	ката-комба	подбой	не прослежено	боспор.	меотская	кавказская	лепная
8	4	2	1	—	1	3	—	3	—

¹ Иногда определяется как «сарматская» (Марченко, 1988).

² В состав этой категории не включены лепные курильницы, которые относятся не к посуде, а к предметам культового обихода.

Сопоставление материалов показывает, что количество сарматских погребений (с учетом поправки на численность исследованных курганов) сравнимо в Пролетарском и Динском могильниках. В Батурином число сарматских погребений сокращается. В могильнике Новотитаровский, который максимально приближен к территории расселения меотов (рис. 1), сокращение критическое и составляет 4 погребения на 8 исследованных курганов.

Выделенные группы керамики присутствуют почти во всех могильниках, но наиболее репрезентативной выглядит ситуация в могильнике Пролетарский, по сравнению с которым можно проследить изменения в составе наборов на соседних территориях.

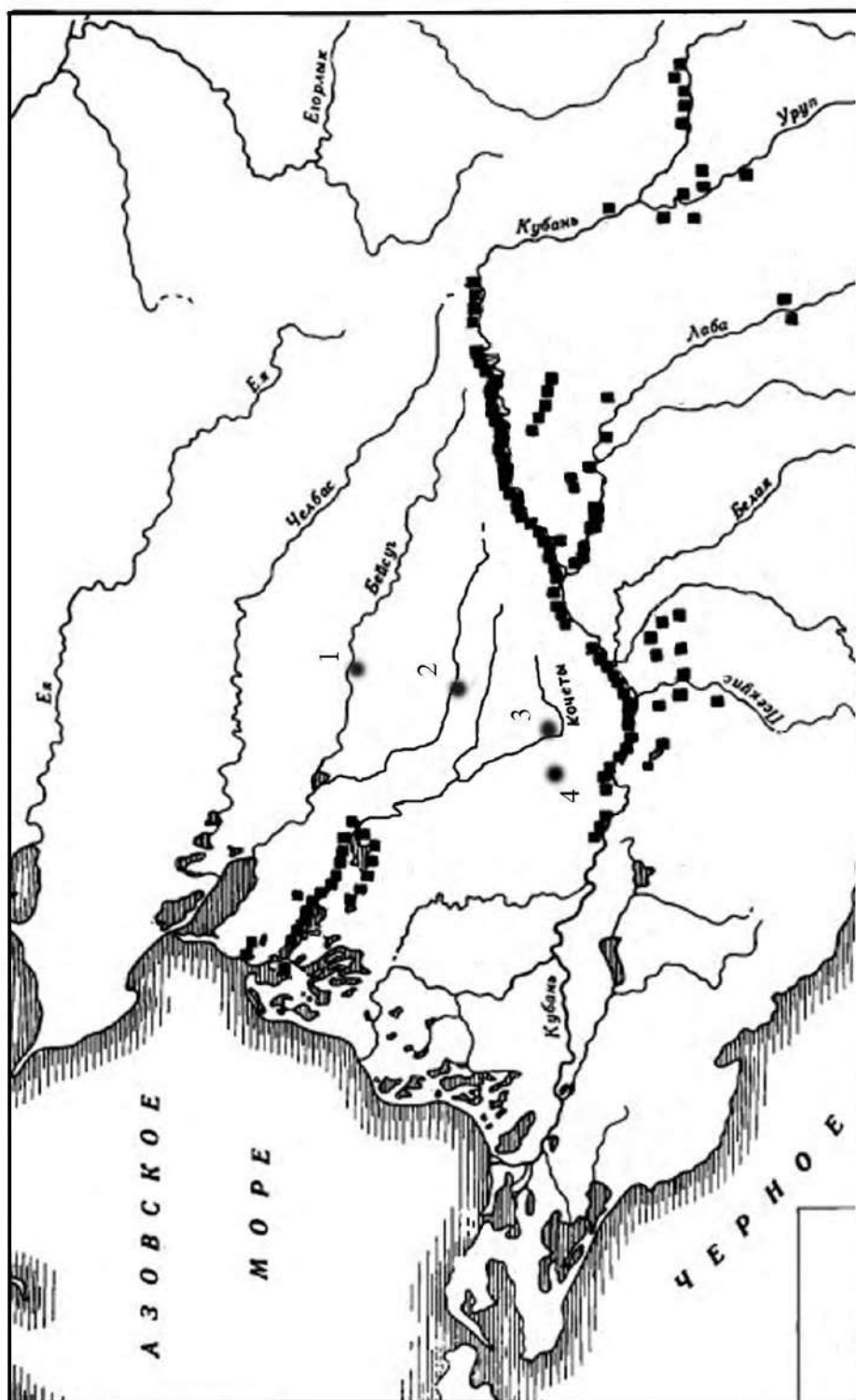
В Пролетарском преобладает боспорский импорт, с которым можно сопоставить численность кавказской керамики, а количество образцов посуды меотского производства сравнимо с количеством лепной. В могильнике Динской явно увеличивается численность меотской посуды, однако с двухкратным преимуществом доминирует боспорский импорт, при этом сохраняется сравнительно много кавказских сосудов. Батурином могильник показывает преобладание кавказской и лепной керамики, и равно малое число как боспорского, так и меотского импорта.

Зафиксированные данные позволяют сделать несколько выводов:

– С высокой степенью вероятности можно говорить о том, что наибольшая концентрация сарматских погребений приходится на условно выделенный центр сиракских земель в Приазовье. По мере удаления от него как к северу, так и к югу наблюдается сокращение числа сарматских захоронений в курганах. Резкое уменьшение погребений РЖВ в полосе контактов с меотскими городищами Среднего Прикубанья может объясняться наличием «буферной зоны»³.

– Одним из основных маркирующих признаков для сиракских погребений Приазовья служит кавказская керамика, которая продолжает использоваться в течение II–I вв. до н.э., составляя в могильнике Пролетарский 35%, а в могильнике Батурином – 38%. В могильнике Динской, который максимально приближен к городищенским ремесленным центрам, кавказская керамика составляет 11%, хотя увеличение численности меотской посуды не столь существенно и явно доминирует античный импорт.

³ Данный вывод представляется предварительным и требует подтверждения в дальнейших работах.

1 - Батуринский 2 - Пролетарский 3 - Динской
4 - Новотитаровский

Рис. 1. Карта территории Прикубанья.

– Исследование позволило пересмотреть тезис о том, что прямоугольная яма является основным типом погребального сооружения у прикубанских сарматов (Марченко, 1996). Могильник Пролетарский включает 34 погребения эпохи позднего эллинизма, среди которых 41% составляют катакомбы, 29% подбои и всего 12% можно сопоставить с ямами. Исследованные комплексы типичны для этого времени, поэтому их обрядовые характеристики можно экстраполировать на синхронные захоронения с непрослеженными конструкциями, по крайней мере для территории Восточного Приазовья.

Таким образом, для II–I вв. до н.э. на правобережье Кубани территориально выделяется группа памятников с набором устойчивых признаков. Они явно близки с синхронными подкурганскими погребениями Центрального Предкавказья и могут рассматриваться как составляющие т.н. «страбоновской Сиракены». Кубанская группа этих памятников свидетельствует о тесных контактах их носителей с Боспорским царством и, несмотря на территориальную близость, – отсутствие широких связей с меотским миром. Последние неизбежны в условиях предполагаемой миксации и сервильной зависимости земледельцев. Следовательно, говорить о сарматской доминанте в отношениях с насельниками многочисленных городищ на рассматриваемой территории и в оговоренных хронологических границах по меньшей мере преждевременно. Процессы активной интеграции кочевников в местную среду начались около рубежа эры и вряд ли были следствием экспансии. Они имели выраженные территориальные особенности и в первую очередь коснулись территории Восточного Закубанья, где сформировался феномен Зубовско-Воздвиженской группы.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Албегова (Царикаева) З. Х.
Институт археологии РАН, г. Москва

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПЕРСТНИ СО ВСТАВКАМИ ИЗ КАТАКОМБ ДАРГАВСКОГО МОГИЛЬНИКА

*Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания
№ АААА-А18-118021690056-7 ИА РАН*

Перстни являются частой находкой в погребениях Даргавского могильника VII-XII вв. Они обнаружены в 34 из 78 катакомб и разделяются на две большие группы: стеклянные (44 экз.) и металлические (88 экз.). Металлические перстни выявлены в 28 катакомбах Даргавса и в свою очередь распадаются на два отдела: перстни щитковые без вставок; перстни щитковые со стеклянными или каменными вставками.

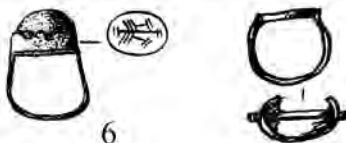
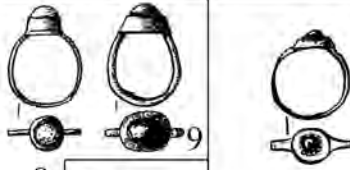

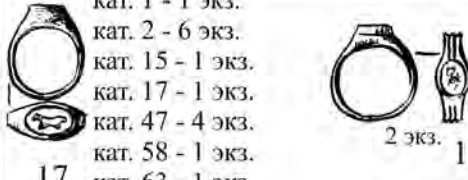

Так как щитковые перстни без вставок (9 экз.) не дают представительной выборки, объектом данного исследования стали наиболее многочисленные перстни – со вставками. Выборка перстней, за исключением сильно поврежденных, составила 69 экз.

Работ, затрагивающих вопросы типологии металлических перстней Северного Кавказа и Среднего Дона, т.е. регионов, в которых известны памятники аланской культуры, не много. Типология перстней узкого хронологического периода, ограничивающегося VIII в. с возможным заходом в VII и IX вв., была разработана для могильника Мамисондон Алагирского района РСО-Алания. Могильник не относится к кругу памятников аланской культуры, но расположен в одном географическом ареале с Даргавским могильником, на путях, соединявших Южный и Северный Кавказ (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 89-91). Классификация перстней Дмитриевского катакомбного могильника приведена С.А. Плетневой (Плетнева, 1989. С. 115, 116. Рис. 61).

Многие типы перстней Мамисондонского и Дмитриевского могильников были зафиксированы в материалах Даргавса. Вместе с тем наборы перстней из каждого могильника несколько отличаются друг от друга. Поэтому для четкой характеристики выборки из Даргавса необходима самостоятельная классификация.

По форме каста, способу крепления шинки к касту и форме вставок выделяется 4 типа перстней.

Тип 1 (1 экз. из кат. № 27) – перстень с овальным цилиндрическим кастом, вставленным между концами шинки. В касте даргавского перстня – стеклянная плоская вставка с изображением козла (?) (Рис. 1, 1). Аналогии перстню были распространены на Южном Кавказе (Стырфаз, Квемо Алеви и др.) в конце VI-VII вв. (Апхазова, 1981. С. 19. Табл. III, 48, 49; Техов, 2006. Рис. 16, 25-27).

 <p>1</p>		Тип 1
 <p>2 3 4</p> <p>Вариант 1</p>		 <p>5</p> <p>Вариант 2</p>
 <p>6 7</p> <p>Вариант 3</p>		 <p>8 9 10</p> <p>Вариант 4</p> <p>Вариант 5</p>
 <p>11 12</p> <p>Вариант 6</p> <p>Вариант 7</p>		 <p>13</p> <p>кат. 1 - 1 экз. кат. 5-усл. - 1 экз. кат. 45 - 3 экз. кат. 48 - 2 экз. кат. 55 - 1 экз.</p> <p>Вариант 8</p>
 <p>14 15 16</p> <p>Вариант 1</p>		 <p>17 18</p> <p>кат. 1 - 1 экз. кат. 2 - 6 экз. кат. 15 - 1 экз. кат. 17 - 1 экз. кат. 47 - 4 экз. кат. 58 - 1 экз. кат. 63 - 1 экз. кат. 71 - 1 экз. кат. 76 - 8 экз.</p> <p>2 экз.</p> <p>Вариант 2</p>
 <p>19</p> <p>кат. 2 - 3 экз. кат. 6 - 4 экз. кат. 16 - 3 экз. кат. 28 - 3 экз. кат. 32 - 1 экз. кат. 35 - 2 экз. кат. 46 - 1 экз. кат. 55 - 1 экз. кат. 63 - 1 экз.</p>		Тип 4

0 5 см

Рис. 1. Даргавский могильник. Типология металлических щитковых перстней со вставками. 1, 2 – катакомба № 27; 3, 15 – катакомба № 71; 4, 16 – катакомба № 75; 5 – катакомба № 24; 6 – катакомба № 2; 7 – катакомба № 37; 8, 9 – катакомба № 19; 10, 18 – катакомба № 72; 11 – катакомба № 53; 12 – катакомба № 17; 14 – катакомба № 12; 13, 17, 19 – массовые варианты перстней, номера катакомб и количество находок указаны в таблице.

Тип 2 (20 экз.). В данный тип сгруппированы перстни с цилиндрическим кастом или кастом в виде усеченного конуса, пирамидки или параллелограмма. В отличие от предыдущего типа, шинки в этих перстнях крепились снизу к подкладному щитку каста. Тип распадается на 8 вариантов по форме каста и вставки.

Вариант 1 (4 экз. из кат. №№ 27, 71, 75) – перстни с невысокими и цилиндрическими, круглыми или овальными, кастами и вставками в виде кабошонов. И касты, и кабошоны в них относительно небольшого диаметра по сравнению с другими вариантами (Рис. 1, 2-4).

Вариант 2 (1 экз. из кат. № 24) – перстень с низким цилиндрическим кастом и с плоской стеклянной вставкой (Рис. 1, 5).

Вариант 3 (2 экз. из кат. №№ 2 и 37) – перстни с кастом в виде усеченного конуса или цилиндра удлиненной овальной формы с крупной вставкой. Эти перстни объединены условно. Перстень из катакомбы № 2 отличается высоким кастом в виде усеченного конуса и вставкой в виде кабошона (Рис. 1, 6), из катакомбы № 37 – низким цилиндрическим кастом (Рис. 1, 7). В экземпляре из катакомбы № 37 вставка утрачена. Вместе с тем оба варианта объединяют увеличенные размеры каста и вставки, что представляется хронологическим признаком. Подобные варианты полностью отсутствуют в материалах Мамисондона.

Вариант 4 (2 экз. из кат. №№ 2 и 19) – перстни с усеченно-коническим кастом круглой или умеренно овальной формы со вставкой в виде кабошона (Рис. 1, 8-9). Данный тип соответствует типу 6, варианту 4 Мамисондона.

Вариант 5 (1 экз. из кат. № 72) – перстень с кастом в виде усеченной пирамидки, каст декорирован зернью (?) по верхней кромке. Вставка в виде небольшого кабошона (Рис. 1, 10).

Вариант 6 (1 экз. из кат. № 53) – перстень с усечено-коническим кастом круглой или умеренно овальной формы с плоской стеклянной вставкой-литиком (Рис. 1, 11).

Вариант 7 (1 экз. из кат. № 17) – перстень с кастом в виде усеченной пирамидки. Вставка не сохранилась (Рис. 1, 12). Данный тип соответствует типу 6, варианту 5 Мамисондона.

Вариант 8 (8 экз. из кат. №№ 1, 5-усл. 45, 48, 55) – перстни с низкими вытянутыми прямоугольными кастами (Рис. 1, 13). Этот вариант полностью отсутствует в материалах Мамисондона, что свидетельствует о более позднем его распространении.

Тип 3 (29 экз.) – односоставные штампованные перстни с выступающим кастом, изготовленным методом тиснения, и подкладным щитком под ним. В глазок вправлялась стеклянная вставка. Данный тип соответствует типу 8 Мамисондона. Выделяется два варианта.

Вариант 1 (3 экз. из кат. №№ 12, 71, 75) – перстни гладкие с небольшими круглыми стеклянными вставками, уплощенными или в виде кабошона (Рис. 1, 14-16).

Вариант 2 (26 экз. из кат. №№ 1, 2, 15, 17, 47, 58, 63, 71, 72, 76) – перстни гладкие (Рис. 1, 17) и орнаментированные (Рис. 1, 18) с плоскими овальными вставками-литиками.

Тип 4 (19 экз. из кат. №№ 2, 6, 16, 28, 32, 35, 46, 55, 63). В этот тип объединены литые перстни со вставкой, закрепленной четырьмя крестообразно расположенными «лап-

ками»-крапанами (Рис. 1, 19). Данный тип соответствует типу 1 Дмитриевского могильника. В материалах Могильника Мамисондон тип 4 полностью отсутствует, что свидетельствует о более поздней дате бытования этих перстней. Представляется, что пик распространения перстней типа 4 на широкой территории приходится на IX – сер. X в.

По времени распространения к этим перстням тяготеют и перстни типа 2, варианта 3 и 8 (с кастами вытянутых форм и крупными вставками) и варианта 5.

Представляется, что типы 2 (варианты 4-7) и 3 даргавских перстней выходят из употребления ко второй трети IX в., не считая отдельных экземпляров, попавших в погребения с запозданием. Тип 1, а также вариант 1 двух типов: 2 и 3 – найдены в погребениях конца VII – сер. VIII в.

Анализ металлических щитковых перстней со вставками показывает влияние Южного Кавказа на распространение моды на данные предметы в горной зоне Центрального Кавказа в VII-X вв. Учитывая, что на Мокрой Балке-1, опорном памятнике V – первой пол. VIII в., расположенном у подножья хребта, перстней почти нет, редки они и в целом для памятников аланской культуры этого периода данного локального региона, можно различить особенности в деталях материальной культуры населения горных зон, расположенных у важных перевальных путей Центрального Кавказа, типа Мамисондона и Даргавса, а также проследить проникновение «горной» традиции ношения перстней на Средний Дон (вторая пол. VIII – первая пол. X в.).

С момента резкого ослабления Хазарского каганата в сер. X в. и начала усиления Алании, мода на перстни в Даргавсе спадает. Непопулярность этих украшений в эталонном памятнике позднего периода аланской культуры предгорной зоны Центрального Кавказа – Змейском могильнике (в погребениях конца X – нач. XIII в.) – может свидетельствовать об усилении влияния равнинных алан и их модных предпочтений на горную зону в данном регионе.

Литература

Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. 2010. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС // Материалы охранных археологических исследований. Т. 11. М.

Апхазава Н.И. 1981. Материальная культура раннесредневековой Восточной Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси.

Дзатиаты Р.Г. 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ. Ир.

Плетнева С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. (Дмитриевский археологический комплекс). М. : Наука.

Техов Б.В. 2006. Археология южной части Осетии. Владикавказ. Ир.

Атаев Г. Д., Магомедов Р. Г., Сайпудинов М. Ш.,
Сагитова М. Дж., Хазамов Д.-А. А.
ООО «ДАРС»,

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

О РАСКОПКАХ ДАГНИНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 2020 г.

В ходе разведочного обследования зоны реконструкции автодороги к с. Гасик Табасаранского р-на РД в 2019 г. были открыты два средневековых поселения – Дагнинское и Кувагское. Доклад посвящен результатам охранно-спасательных раскопок новострочной экспедиции ООО НПЦ «ДАРС» (совместно с ИИАЭ ДФИЦ РАН) в 2020 г. на первом из них. Дагнинское поселение расположено в 0,3 км к югу от с. Дагни Табасаранского р-на, на склоне небольшого холма, к ЮВ от автодороги в с. Гасик. Общая площадь памятника – ок. 0,12 га. Поверхность поселения сильно наклонена с СВ на ЮЗ. Если на верхней площадке и СВ склоне холма, примыкающем к повороту автодороги к с. Гасик, культурный слой практически отсутствовал, то в южной и западной частях поселения были вскрыты мощные напластования, основным содержанием которых явились многочисленные каменные стены прямоугольных помещений, а также переслаивающиеся каменные вымостки между ними. Для строительства каменных жилых и хозяйственных построек на скалистом (сланец) склоне были предварительно вырублены горизонтальные площадки.

Раскоп 1 (Р-1) был разбит на участке поселения, где на ровных площадках и в вырубленных котлованах относительно хорошо сохранились строительные остатки. Наиболее сохранившиеся участки каменных стен имели высоту до 1,6-1,75 м, но большей частью стены были невысокие (до 0,5-0,9 м). Каменные стены, как правило, сложены грубовато, в некоторых местах они «поползли» и не сохранили первоначальную ровную линию. Застройка поселения была очень плотной. В нескольких случаях прослежены узкие коридоры-проходы. При кладке стен использовался глиняный раствор; иногда кладку делали насухо. Замечены стены как однорядные, так и двухрядные. Перевязка швов наблюдалась нерегулярно. Углы стен в основном приставные, без конструктивной перевязи. Ярусность нерегулярная. Судя по расчищенным участкам, постройки были прямоугольные. В отдельных случаях устанавливается факт прослаивания каменных настилов поверх полов помещений. Это говорит о вероятном существовании 2-этажных построек, где нижний этаж использовался как хлев. Для кладки стен наряду с ровными плитками использовался и рваный камень (песчаник, сланец, реже известняк).

В ходе расчистки каменных скоплений и остатков помещений были обнаружены каменные конструкции небольших размеров подпрямоугольной формы, напоминающие погребальные сооружения типа гробниц или склепов, но в них погребенные и инвентарь отсутствовали, за исключением случайных фрагментов керамики в заполнении. Всего таких конструкций раскопано 4: два из них (№№ 1-2) расположены поблизости друг от друга в СЗ части раскопа; конструкция № 3 была выявлена впритык круглому очагу-тендиру в северной части раскопа и, наконец, конструкция № 4 – в СВ части. Во всех этих своеобразных сооружениях в нижней части заполнения зафиксированы зольные и пепельные отложения, насыщенные угольками, а в некоторых – обугленные фрукты (груши). В настоящее время аналогии данным сооружениям нам неизвестны. Ясно, что они были по-

строены после того, как эта часть поселения была заброшена. Об этом говорят факты стратиграфического перекрытия этими конструкциями стен и полов нижележащих каменных построек. По-видимому, эти конструкции связаны с какими-то неясными культовыми традициями. Возможно также, что они представляли собою печи для сушки и поджаривания фруктов.

Вне помещений прослежены зольные пятна, в нескольких случаях – довольно мощные пласты зольных отложений. Найдены очаги. В одном случае расчищен хорошо сохранившийся круглоплановый очаг-тендир с вертикальным глиняным бортом, украшенным изнутри лентовидным врезным узором. Очаг был заполнен слежавшимся плотным слоем золы и пепла. На дне тендира имеется маленькая круглая ямка. На каком-то этапе функционирования поселения тендир был заброшен, поверх него легла поздняя каменная стенка вышележащей постройки.

При раскопках неоднократно находили куски шлака и криц. В этом плане интересно, что в СВ части раскопа под завалами поздних каменных стен и скоплений были зафиксированы остатки довольно сложной производственной конструкции, которая, на наш взгляд, первоначально представляла собой железоплавильную печь. Возможно, для выплавки железа использовалась руда в виде сланцевого плитняка и охристо-красных желваков, добывавшихся недалеко от поселения, на скальных выходах.

В ходе раскопок на поселении обнаружена довольно многочисленная коллекция находок. Среди каменных изделий отмечены: часть ($\frac{1}{2}$) катка для утрамбовки плоских крыш; поделка из речного граненого голыша с двумя противоположными парными ямками на торцах; пест-курант; обломки зернотерок; обломок жернова (нижний камень); плитки с врезным сетчатым узором; целое пряслице дисковидной формы с круглым отверстием. Найдены две уникальные каменные плиты – детские надгробные стелы. Одна из них (песчаник) имеет прямоугольную форму, и на лицевой части имеется прямоугольное поле для текста, вокруг которого размещен оригинальный узор из спиралей и концентрических кругов (рис. 1). Эпитафия сохранилась частично, она не была завершена, т.к., видимо, плита обломалась и была потом подсунута под плитчатый пол. Вторая стела в целом похожа на предыдущую, но отличается узором по краю, наличием тонкой прочерченной косякой сетки внутри поля для эпитафии. Находки из железа (подковы, гвозди и ножи) единичны.

Наиболее многочисленная и разнообразная категория находок – керамика. В нескольких случаях наблюдались сплошные завалы битой посуды. Внутри помещений, иногда у стен, в нишах обнаружены и целые сосуды. По технологии производства, особенностям теста, морфологии и декора всю керамику можно разделить в основном на четыре группы: 1) лепная, грубая кухонная посуда (котлы, банки) с бедным узором; 2) красноглиняная неполивная столовая посуда (миски, плошки, горшки, чаши, кувшины), сделанная, как правило, на круге (узор разнообразный и богатый); 3) глазурованная посуда (миски, вазы, кувшины; полива встречается как внутри сосуда, так и с внешней стороны; есть экземпляры и с поливой на всех поверхностях); 4) редкая специализированная посуда (сковороды с вертикальным бортиком). По особенностям глазурованной посуды, наиболее предпочтительной для датировки, керамика представляет две хронологические группы: а) ранняя – XII-XIII вв., и б) поздняя – XIV-XVI вв.

Рис. 1. Дагнинское поселение. Надмогильная стела.
Пом. 5, кв. г-7, гл. -1Ю85-1,91 м, инв. № 834.

Опираясь на анализ керамики, Дагнинское поселение можно считать поздне-средневековым памятником. Этой датировке не противоречит и остальной инвентарь. Многочисленные случаи прямой стратиграфии чередующихся полов, высланных каменными плитами, многократные перестройки каменных стен помещений, а также перекрывание каменными гробницепоподобными конструкциями нижележащих каменных построек однозначно говорят о длительном функционировании данного поселения, о нескольких периодах его бытования. В будущем будет возможно расчленить инвентарь на хронологические группы и прояснить особенности развития местной материальной культуры.

По характеру культуры и его датировке памятник, наряду с Кувагским поселением, можно уверенно связать с местным табасаранским населением. Интересно, что у местных жителей сохранились отголоски легенд, согласно которым, нынешние близлежащие селения: Гасик, Куваг и Дагни – раньше, в «дедовские времена», были расположены в других местах. Например, жители с. Дагни указывают даже на местоположение данного памятника, как на локализацию их первоначального села.

Бабенко В. А.

ООО «Наследие», г. Ставрополь

СВЕДЕНИЯ Н. П. ИВЛЕВА О ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИКУМЬЯ

Ставрополье в жизни Н.П. Ивлева. В изучение золотоордынских памятников Прикумья огромный вклад внес Николай Петрович Ивлев (1928-1998), известный инженер-дорожник, профессор Казахского автодорожного института, краевед и писатель, автор нескольких книг и свыше 300 статей. Долгое время краеведческая деятельность Н.П. Ивлева на Ставрополье рассматривалась вне связи с его обширными научными интересами.

В 1959-1960 гг. он работал на сооружении автомобильных дорог в восточных и северных районах Ставропольского края и в Калмыцкой автономной области. Наблюдая несогласованное строительство автомобильных дорог, он оставил ценные свидетельства о разрушении курганов в Георгиевском и Левокумском районах Ставропольского края и в Приютненском районе Калмыкии. В ведомственной многотиражке была опубликована его статья «Берегите памятники прошлого», адресованная дорожникам (Кравцова, Обухов, 2016. С. 242).

Особое внимание он уделил городищу Маджары и золотоордынскому бытовому памятнику на западной окраине с. Бургун-Маджары Левокумского района. Эти памятники привлекали внимание участников академических экспедиций XVIII в., В.А. Городцова, Г.Н. Прозрителева и Т.М. Минаевой.

Обследование Н.П. Ивлевым городища Маджары. К концу 1950-х гг. на городище Маджары в основном сохранялась ситуация, зафиксированная В.А. Городцовым в 1907 г. и Т.М. Минаевой в 1940 г. На плане городища, составленном В.А. Городцовым в 1907 г., старое русло Кумы было обозначено как Ерик (Городцов, 1911. С. 162. Рис. 113). Но в 1940-х гг. были разрушены плотины на Куме и река вновь потекла по прежнему руслу (Кравцова, Обухов, 2016. С. 234). Изменения ее русла отражены на плане городища, составленном Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1972. С. 153. Рис. 2).

Длительное время участок торгово-ремесленного квартала городища на нижней террасе левого берега долины Кумы между ее старым и новым руслами (т.н. «Кирки») был заболочен и занят непроходимыми зарослями кустарника и тростника. В микрорельефе местности сохранялись следы древней планировки. В 1907 г. В.А. Городцов производил в этой части памятника раскопки. Добыча местными жителями кирпича и камня на этом участке продолжалась вплоть до сер. XX в. Несмотря на сильные разрушения, здесь еще сохранялись «курганы» – холмы высотой до 1,5 м и диаметром до 10-15 м. На многих холмах проступали контуры сооружений. На возвышенной части памятника в этот период также сохранялись следы древней планировки (Кравцова, Обухов, 2016. С. 234).

В 1959 г., по данным Н.П. Ивлева, на территории «Кирок» начались планировочные работы. Строительная техника сносила «курганы», рабочие отбирали

целые кирпичи и их части, каменные блоки и складировали для дальнейшего использования. В 1960 г. на этих участках началась прокладка оросительных и дренажных каналов. Вероятно, в это время по старому кумскому руслу был проложен Магистральный канал, а река Кума потекла по левому берегу своей долины.

Для удобства наблюдений и фиксации находок Н.П. Ивлев разделил территорию городища на 7 участков. Результаты его наблюдений были нанесены на выкопировку из карты сельхозугодий. Н.П. Ивлев максимально достоверно по сравнению с планом Маджара, составленным В.А. Городцовым, определил границы памятника, расширив их в восточном направлении. Он выделил «богатую» и «бедную» части города, примерно определил место расположения городского кладбища в районе бывших монастырских владений и оставил ценные наблюдения о топографии торгово-ремесленного квартала. Также вызывают интерес сведения о местах расположения участков разрушения культурного слоя на городище. Сведения, обобщенные Н.П. Ивлевым, имеют привязку к современной ландшафтной ситуации на городище (Кравцова, Обухов. 2016. С. 243. Рис. 1).

Вызывают интерес и инженерные наблюдения Н.П. Ивлева: о тождественности ракушечника, найденного на городище, камню из карьера у с. Бурлацкое соседнего Благодарненского района, о свойствах местной супеси, использовавшейся жителями Маджара для изготовления связующего раствора в кирпичной кладке, и т.д.

В 2020 г. ООО «Наследие» провело работу по установлению границ территории памятника археологии федерального значения «Городище Маджары». Сведения Н.П. Ивлева были использованы при составлении научной документации.

Обследование Н.П. Ивлевым золотоордынского памятника на западной окраине с. Бургун-Маджары. Участок дорожных работ проходил и в окрестностях с. Бургун-Маджары. Начиная с конца XVIII в. данная местность называлась Малыми Маджарами, что отразилось и на первых картах Прикумья (Волков, 2001. С. 200-201, 204. Рис. 1, 4).

На западной окраине с. Бургун-Маджары он обнаружил на пашне следы золотоордынского поселения размерами ок.1000х200 м с возвышениями от построек и составил его схему с привязкой к двум курганам «высотой не менее 5 метров» (Кравцова, Обухов, 2016. С. 238. Рис. 4). В настоящее время эти курганы сохранились, но территория поселения почти полностью застроена.

Местные жители сообщили ему о добыче в 1930-х гг. на этом месте обожженного кирпича и обнаруженном при рытье ямы в одном из дворов села подземном сооружении из обожженного кирпича (Кравцова, Обухов, 2016. С. 236-237). Поселение, также, как и застройка с. Бургун-Маджары, занимает склон террасы балки Сухая Буйвола.

После завершения своих работ на Ставрополье Н.П. Ивлев сдал материалы обследований памятников Прикумья в Ставропольский краеведческий музей. Сейчас в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе хранятся подъемный материал, собранный им на городище Маджары, и архивные материалы. Архив Н.П. Ивлева образуют записи в блокнотах, краткий отчет и подробный отчет, написанный, вероятно, в сотрудничестве с археологом Ставропольского краеведческого музея А.Л. Нечитайло

(Кравцова, Обухов, 2016. С. 251). В своих отчетах автор опирался на материалы исследований А.П. Архипова, В.А. Городцова и Т.М. Минаевой и критически воспринял некоторые моменты из их работ. Его материалы написаны живым, но одновременно лаконичным языком.

Работы Н.П. Ивлева в Прикумье были впервые упомянуты Н.Г. Волковой (Волкова, 1972. С. 47) и З.В. Доде (Доде, 2008. С. 457). Впервые его материалы были использованы И.В. Волковым (Волков, 2001. С. 206). В 2016 г. С.Л. Кравцова и Ю.Д. Обухов опубликовали материалы Н.П. Ивлева.

Материалы обследования Н.П. Ивлевым золотоордынских памятников Прикумья имеют большое значение для уточнения границ городища Маджары и поселения Малые Маджары, до сих пор недостаточно обследованных.

Литература

Волков И.В. 2001. Два городища Маджары на старых картах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. М.

Волкова Н.Г. 1972. Маджары (из истории городов северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Вып. V. М.

Городцов В.А. 1911. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. // Труды Четырнадцатого Археологического съезда в Чернигове в 1909 г. Т. III.

Доде З.В. 2008. К истории изучения города Маджара // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М.

Кравцова С.Л., Обухов Ю.Д. 2016. Архив Ивлева Н.П. из фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе / Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 23. Казань.

Ртвеладзе Э.В. 1972. К истории города Маджар // СА. № 3.

Болдырева Е. М.

Государственный исторический музей, г. Москва

ЮРТООБРАЗНЫЕ ЖИЛИЩА И ПОСТРОЙКИ НА ГОРОДИЩЕ САМОСДЕЛКА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Городище Самосделка – известный многослойный памятник археологии дельты Нижнего Поволжья. За время исследований здесь было вскрыто более 1000 кв. м площади и зафиксированы хронологические горизонты с X в. до первой пол. XIV в. Были выявлены и исследованы различные типы объектов: жилые и нежилые хозяйственные сооружения, ямы, уличные и внутридомовые тандыры, очаги, колодцы, городские площади и улицы и др.

Интерес для данного исследования представляют сооружения, которые в историографии получили наименование юртообразные жилища. В данной работе в термин «юртообразное жилище» будут включены все объекты округлой или овальной формы, заглубленные в землю, в которых были выявлены следы конструкций от стоявших стен и яма входа, а также очаг или же какая-то часть из этих трех составляющих.

Непрерывное исследование городища было начато в 2000 г. и продолжается по настоящее время. Первые три юртообразные сооружения, обнаруженные в 2004-2005 гг., были опубликованы в 2011 г. (Зиливинская, 2011. С. 23-25; Васильев, Ермилов, 2011. С. 48-59). В опубликованных материалах были введены в научный оборот постройки из нижних строительных горизонтов. Они датируются авторами статьи хазарским временем (Васильев, Ермилов, 2011. С. 53). В результате более поздних раскопок, в т.ч. и в других частях памятника, такие сооружения были зафиксированы в слоях XI-XII вв. (Болдырева, Васильев, Зиливинская, 2020. С. 211-229). В статье 2020 г. дополнительно были проанализированы еще два подобных сооружения: одно – на раскопе № 2, а второе – на левом берегу р. Старая Волга. Однако сооружений, которые по вышеописанным признакам можно отнести к юртообразным жилищам, на городище зафиксировано еще не менее одиннадцати. Они выявлены на разных стратиграфических горизонтах и имеют свои конструктивные особенности. О них и пойдет речь в данной статье.

В 2013-2020 гг. на раскопе № 2 с уровня пласта VIII по пласт XIV было зафиксировано 11 построек, которые по трем группам вышеописанных признаков можно отнести к юртообразным сооружениям. Котлованы исследованных объектов были как округлой, так и овальной формы. В одном случае был зафиксирован фрагмент объекта с прямоугольно-скругленными внешними стенами и округлыми границами внутри помещения. Глубина котлованов объектов также была различной – от 20 см и до 87-90 см. Дно котлованов жилищ почти всегда плоское с небольшим уклоном в сторону увеличения в центре помещения.

Остатки столбовых и жердевых конструкций стен были выявлены на каждом исследованном сооружении. Максимальное количество столбовых и жердевых ям, зафиксированных при исследовании объекта, составляет 31 шт. Однако их количество безусловно было большим. Часть конструктивных элементов не была прослежена в силу особенностей почв городища, где чередуются слои песка и глины. Если сооружение попадало в глинистый слой, то ямки от столбов и жердей удавалось зафиксировать, а если в песчаный, то их следы терялись. Чаще всего столбы и жерди обмазывались специально приготовленной пахсовой глинистой массой, и тогда следы обмазки легко фиксировались археологически, но иногда они обмазывались культурным слоем (т.е. той же грязью, которая была выбрана при строительстве ямы котлована), и такие следы не всегда удавалось зафиксировать. Столбовые конструкции могли быть как наполовину вмонтированы в стенку ямы, так и располагаться снаружи котлована или же формировали стены объекта изнутри. В одном из исследованных сооружений цоколь внутренних стен был дополнительно укреплен обожженными кирпичами, уложенными в один слой на торец.

Вход в постройки не всегда был ориентирован в южном направлении. Встречаются объекты, ориентированные входом в западном направлении, юго-западном, восточном, юго-восточном и северо-восточном. Во многом это следует связывать с вписыванием объектов в городскую планировку, которая была ограничена ввиду расположения памятника на острове и небольшого количества свободной площади. Не на всех объектах удалось зафиксировать входную яму, что следует связывать как с переотложенностью культурных напластований на городище, так и с тем, что не все объекты попали в раскоп полностью, и вход мог располагаться за его границами.

Основу крыши составляли камышовые настилы на жестком каркасе, на двух исследованных объектах были зафиксированы прослойки из камышового тлена, которые, вероятно, являлись следами рухнувшей крыши.

Из внутренних конструкций в трех сооружениях была зафиксирована суфа и в них же были зафиксированы следы очага. Следует отметить, что суфы во всех трех жилищах были возведены на более позднем этапе существования. В культурном слое, накопившемся внутри сооружения, был выкопан квадратный пол, а сегмент пространства, находящийся на возвышении, между круглыми стенами и квадратным полом и являлся суфой сооружения. Только в одном случае была зафиксирована изначальная, сооруженная при строительстве суфа. Она делила помещение на две равные части и возвышалась над полом на 10-15 см. Все эти суфы были неотопливаемыми.

Остатки очагов были зафиксированы на трех объектах. В двух из них также присутствовали суфы. Из этого следует вывод, что только четыре из одиннадцати исследованных построек следует считать жилыми объектами. Остальные семь либо являлись объектами хозяйственного назначения, либо были сезонными конструкциями, однако, возможно, что очаг в них был переносным. Также из внутренних конструкций следует отметить ниши-полочки, проложенные в стенке ямы для хозяйственных нужд. Такая ниша была выявлена в одном сооружении.

Все исследованные объекты расположены в разных хронологических горизонтах памятника, были зафиксированы, как отмечалось, с уровня пласт VIII по пласт XIV. Наиболее ранние выявлены на раскопе № 1 и опубликованы в вышеупомянутых статьях (Зиливинская, 2011. С. 23-25; Васильев, Ермилов, 2011. С. 48-59). На раскопе № 2 встречаются как ранние постройки, так и сооружения конца XII в. К поздней датировке склоняет обнаружение кашинной керамики в придонной части этих объектов. Более ранние сооружения меньше размером, конструкции стен сложены преимущественно из жердей и небольших столбов, а постройки из верхних слоев памятника более массивны, большего диаметра, в конструкциях стен присутствуют массивные столбы, используется обожженный кирпич, построены суфы. Также следует отметить, что все объекты вписаны в планировочную структуру исследованных жилых кварталов, они соседствуют с прямоугольными наземными жилищами, построенными из кирпича или наземными турлучными сооружениями. Во многом этим можно объяснить некоторые отклонения от классических признаков юртообразных жилищ: круглая форма и вход, ориентированный на юг. Смешанный характер единовременно существовавших разнотипных построек отражает разный по этническому признаку состав населения городища, что подтверждается и керамическим комплексом в том числе.

Литература

Болдырева Е.М., Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д. 2020. Юртообразные жилища и постройки X-XII вв. на Самосдельском городище // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19. № 1.

Васильев Д.В., Ермилов С.В. 2011. Юртообразные жилища Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань.

Зиливинская Э.Д. 2011. Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань.

Гаджиев М. С., Будаичиев А. Л., Абдулаев А. М.

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала

НОВОВЫЯВЛЕННЫЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ МОГИЛЬНИК XI–XII вв. В ДЕРБЕНТЕ

При проведении в 2020 г. археологических наблюдений в Дербенте, на территории парка им. Низами Гянджеви, был выявлен мусульманский могильник, представляющий участок средневекового северного городского некрополя, располагавшегося за северной оборонительной стеной, за пределами шахристана (Гаджиев, Будаичиев, Абдулаев, Шаушев, 2021). Было обнаружено 85 саркофагообразных надмогильных памятников, из которых 81 располагались *in situ* и были ориентированы длинной осью в западный сектор (рис. 1, а). Нахождение массивных саркофагов *in situ* указывает на расположение под ними погребений, имеющих такую же ориентацию и представляющих, очевидно, удлинённые прямоугольные каменные ящики-цисты, сложенные из нескольких хорошо отесанных плит.

Все саркофаги изготовлены из каменного монолита и состоят из верхней части (корпуса) и выступающего прямоугольного плинта. Они представляют три типа: 1 – с полукруглым сечением корпуса (41 экз.), 2 – со стрельчатым сечением (32 экз.), 3 – с прямоугольным сечением (5 экз.).

Среди саркофагов типа 2 выделяются саркофаги с массивным корпусом и с узким цоколем, без плинта как такового. Это близ расположенные саркофаги №№ 14-16 и отдельно лежащий саркофаг № 40. У трех саркофагов (№№ 3, 55, 79) на западном торце имеются врезные рамки. У саркофага № 79 – это прямоугольная рамка с трапециевидным выступом сверху, представляющая усечённую вариацию *tabula ansata* – саркофаги и надписи с подобными рамками зафиксированы нами в Дербенте, Джалгане, Гимейди (Дербентский район).

Длина корпуса саркофагов колеблется в пределах 52-266 см при ширине 19-68 см и высоте 13-56 см; длина плинта – 68-288 см при ширине 40-95 см и толщине 5-10 см. Очевидно, размеры саркофагов отражают три возрастных категории погребённых: детские (25%), подростковые (6%), взрослые (69%).

Выделяются несколько обособленных групп саркофагов, видимо, фиксирующих фамильные участки: группы саркофагов №№ 1-4, 8-10, 11-13, 17-19, 25-39, 45-55, 74-79 и др. Некоторые из них имели ограды из каменных плит и столбиков с пазами для установки деревянных ограждающих балок. Такие столбики с пазами, огораживавшие сакральную территорию, были найдены в Дербенте при раскопках мусульманского культового места «Ворота Судного дня» (араб. Баб ал-Кийама, тюрк. Кийамат-капы, перс. Дар-е Кийамат) XI – нач. XIII в. (Найев, 2009. Р. 29-39, 174-182; Гаджиев, 2010. С.20-37). Аналогичные столбики были выявлены и во время обследования Горной стены (Даг-бары) в сел. Митаги (Дербентский район), где они ограждали группу погребений с саркофагами последней трети XI-XII вв.

Особый интерес представляет обособленная группа саркофагов №№ 1-4 и возвышенный постамент, на котором некогда был установлен еще один саркофаг – эти погребения были окружены прямоугольной, ориентированной длинной осью по линии СВВ-ЮЗЗ, оградой (внутренние размеры 4,7х8,3 м), сложенной из хорошо отесанных, поставленных на ребро крупных плит, в т.ч. двух плит с пазами для балок, оформляющих вход (рис. 1, б).

Расположенные здесь саркофаги №№ 1-3 (рис. 1, в) с прямоугольным сечением, выделяются оформлением корпуса. Саркофаг № 3 имеет у обоих концов вырезанные на квадратных площадках небольшие парные двухрамочные прямоугольные углубления, а на восточной торцевой грани – врезное геометрическое изображение (мечеть?). Саркофаги №№ 1 и 2 имеют фигурные изображения на верху корпуса – это восьмиконечная звезда – известный исламский символ *rub' al-Hizb* («Четверть Хизба (1/60 часть Корана)») или *najmat al-Quds* («Звезда Иерусалима»), ассоциируемый с одной из главных мусульманских святынь – мечетью Купол Скалы (*Masjid Qubbat as-Sahra*) в Иерусалиме (Mukherjee, 2018), но известный в литературе также под названием «сельджукская звезда» (тур. *Selçuklu Yıldızı*), который получил распространение в Сельджукской империи в архитектурном декоре и декоративно-прикладном искусстве в различных вариациях.

При зачистке восточной стенки ограды непосредственно под угловой плитой на уровне, близком к подошве близ расположенных саркофагов №№ 1, 2 и древней дневной поверхности, было найдено лежавшее *in situ* железное навершие шестопера. Обстоятельства нахождения, местоположение и положение находки свидетельствуют, что шестопер специально был подложен под плиту. Подобные шестоперы-*шешперы* датируют в диапазоне XIII-XV вв., уже – XIV-XV вв., и связывают их появление на Балканах, Кавказе, в Западной и Восточной Европе с византийским, золотоордынским, хулагуидским, иранским влиянием (см., напр.: Nicolle, 1988. P. 222; D'Amato, 2011. P. 29). Дербентский экземпляр предстает наиболее ранним, датируемым последней третью XI-XII вв. и связывается с пребыванием сельджукских военных контингентов на Восточном Кавказе (Гаджиев, Будайчиев, Абдулаев, Мамаев, 2021). Наличие специфически оформленных, декорированных саркофагов, каменного постамента, расположенных внутри огороженного участка, позволяют полагать, что это специально выделенное мемориальное место, где были захоронены представители одной социальной группы (члены одной фамилии, представители религиозно-воинского сословия), занимавшей неординарное положение в социальной иерархии средневекового города. На это может указывать и находка здесь престижного оружия – булавы.

Особый интерес представляет обособленный саркофаг № 40, который имеет арабскую кувфическую эпитафию XI-XII вв. – «Это могила Мухаммада Лудильщика (*ляхим*). Да будет над ним милость Аллаха», в которой обозначена не только ремесленная профессия погребенного, но и его *лакаб*-прозвище (Гаджиев, Гасанов, 2021).

Выявленные саркофаги датируются последней третью XI-XII вв. и их появление в Дербенте и Дагестане связывается с сельджукской военно-политической и этнокультурной экспансией на Восточном Кавказе (Шихсаидов, 1984. С. 126-127, 387-388; Аликберов, 2014. С. 383-386; Гаджиев, 2018. С. 10-22).

a

б

в

Рис. 1. Дербент. Мусульманский некрополь последней трети XI-XII вв.:
 а – общий вид с севера; б – группа саркофагов №№ 1-13; в – саркофаги №№ 1-3.

Литература

- Аликберов А.К. 2014. Средневековый культовый комплекс Кырхляр в Дербенте: устные предания и письменные источники о сорока «мучениках за веру» // Исследования по Аравии и исламу: Сборник статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского. Сост. и отв. ред. А.В. Седов. М.
- Гаджиев М.С. 2010. Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.
- Гаджиев М.С. 2018. Поселение Пирмешки и его некрополь // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 2.
- Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Мамаев Р.Х. 2021. Навершие булавы-шестопера из Дербента // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13.
- Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б. 2021. Новооткрытый участок мусульманского некрополя Дербента XI-XII вв. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 4.
- Гаджиев М.С., Гасанов М.А. 2021. Саркофагообразный надмогильный памятник с куфической надписью мусульманского некрополя Дербента XI-XII вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13.
- Шихсаидов А.Р. 1984. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М.
- D'Amato R. 2011. Σιδηροράβδιον, βαρδούκιον, ματζούκιον, κορύνη: The war-mace of Byzantium, the 9-15 c. AD. New evidences from the Balkans in the collection of the World Museum of Man, Florida // Acta Militaria Mediaevalia. VII.
- Hajiev M.S. 2009. Bab al-Qiyama: a Medieval Cultic Site in Derbend // Islam and Sufism in Daghestan. Ed. by Moshe Gammer. Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ. Humaniora. Vol. 352.
- Mukherjee S.* The Star that commemorates a landmark in Islamic architecture. Najmat-al-Quds. 2018. <https://farbound.net/najmat-al-quds-star-of-jerusalem-humayuns-mausoleum-nizzamuddin-east/> – дата обращения: 09.07.2021.
- Nicolle D. Hungary and the fall of Eastern Europe, 1000-1568. London: Osprey Publishing, 1988.

Гаджиев М. С., Будаичиев А. Л., Абдулаев А. М.
*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала*

КИРПИЧНОЕ ЗДАНИЕ XI – НАЧАЛА XII вв. В ШАХРИСТАНЕ ДЕРБЕНТА

В 2020 г. Дербентская археологическая экспедиция провела охранно-спасательные исследования в старой части Дербента, в магале 1, где при земляных работах было обнаружено подземное помещение (рис. 1, а). В результате расчистки и раскопок выявленного помещения были выяснены его основные параметры и конструктивные особенности, определена датировка.

Сооружение представляет собой замкнутое небольшое кирпичное помещение на каменном основании, почти прямоугольное в плане, перекрытое кирпичным полуциркульным сводом, ориентированное длинной осью по направлению СВ-ЮЗ. Внутренние размеры сооружения: 256-258x180-194 см, высота 210-215 см. В центре поперечной юго-западной стены расположен входной проем, в центре остальных трех стен – арочные ниши. Сооружение возведено из стандартных кирпичей формата 20-23x20x23x4 см (чаще – 20x20x4 см, реже – 25x25x4 см) послойной цепной кладкой на известковом растворе; толщина швов 1,5-2 см. Стены и арки входного проема и стрельчатой арки северо-восточной поперечной стены сложены из квадратных кирпичей (20-22x20-22x4 см) и частично использованы полуформатные кирпичи (20-22x10-12x4 см). В кладках свода и арок ниш продольных стен использованы исключительно полуформатные кирпичи. На стенах в отдельных местах фиксируются небольшие участки со следами известковой штукатурки. Кирпичные стены возведены на основании, сложенном из двух-трех рядов грубо подработанных рваных камней размером 26-30x28-32x15-16 см на известковом растворе. Уровень подошвы каменного основания соответствует в целом уровню пола помещения (-4,85-5,00 м), частично выложенному из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе.

Поперечная юго-западная стена (рис. 1, б) имеет высоту 215 см (от уровня пола до центра свода), длину 180 см. Каменное основание стены высотой 30 см состоит из двух рядов камней. Выше стена имеет кладку из 30 рядов кирпичей высотой 185 см. В центре поперечной юго-западной стены устроен входной проем шириной 57-59 см, высотой 160-162 см. Проем перекрыт полуциркульной аркой из квадратных кирпичей, поставленных на ребро. Порог отсутствует, лестничный марш ведет наверх с уровня пола, т.е. он не имеет каменного цоколя. Ступени лестницы сложены из положенных плашмя двух квадратных кирпичей и одного полуформатного. Были зачищены шесть ступеней высотой 29-33 см (4-5 кирпичей) при ширине марша 20 см. Входной проем прослежен в длину на 120 см; далее лестничный марш не исследовался из-за наличия завала и опасности проводимых работ.

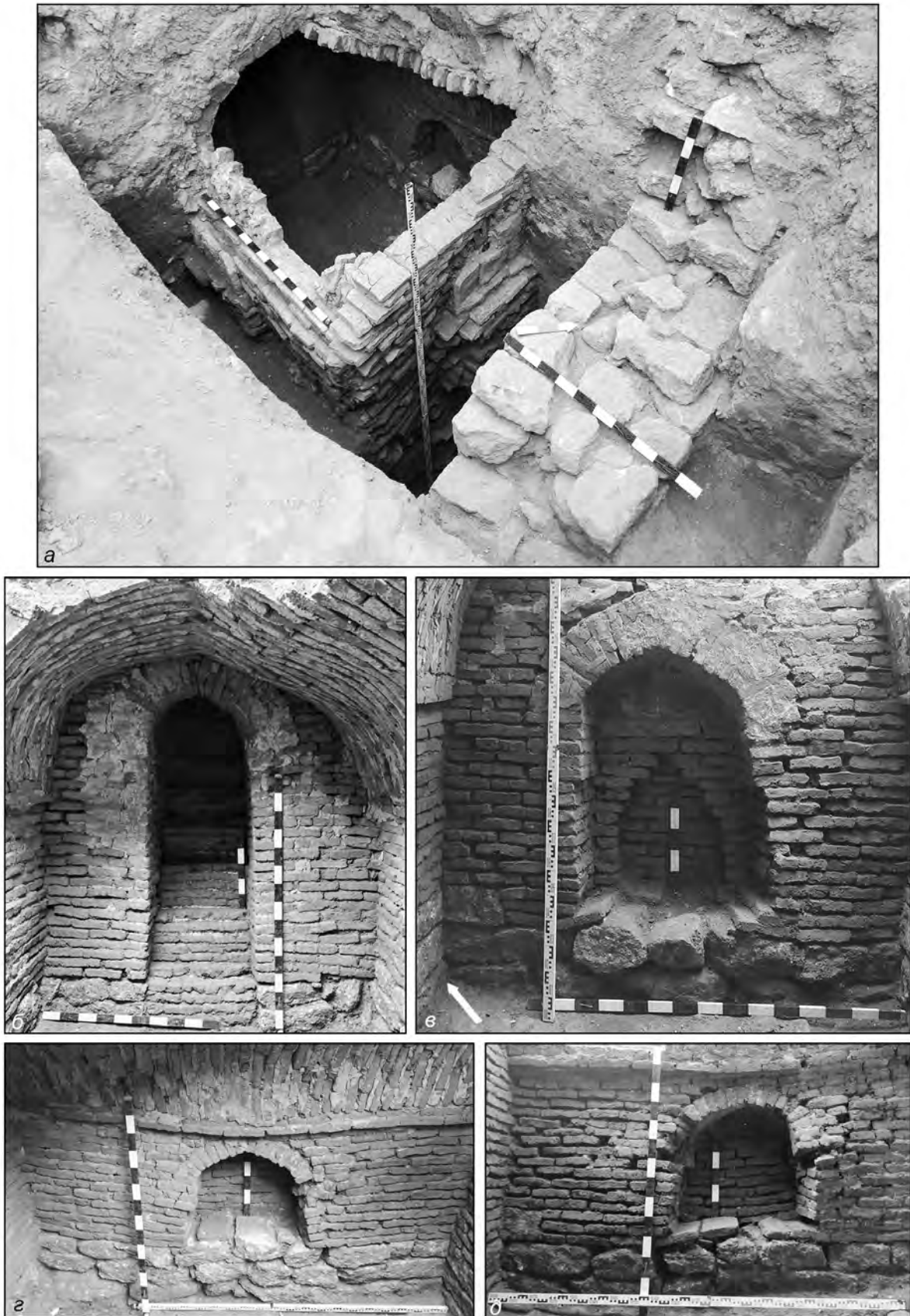

Рис. 1. Дербент. Подземное кирпичное здание XI – нач. XIII в. в старой части города:
a – общий вид с востока; *б* – юго-западная стена и вход; *в* – северо-восточная стена
 с двойной нишей; *г* – северо-западная стена; *д* – юго-восточная стена.

Продольная северо-западная стена (рис. 1, *з*) имеет высоту 132 см, далее следует карниз из двух рядов кирпичной кладки, выступающий на 4 см. Высота каменного основания стены составляет 52-53 см. Далее следует кладка из 14 рядов кирпичей на высоту 79-80 см. В центре стены устроена ниша, перекрытая полуциркульной аркой. Ниша расположена на высоте 57 см от уровня пола; ширина ее 74 см, высота 50-53 см, глубина 35 см. Основание ниши было выложено кирпичами. Боковые стенки ниши имеют пять рядов кладки на высоту 24 см. Ниша перекрыта полуциркульной аркой из поставленных на ребро полуформатных кирпичей в один ряд. Высота арки 35 см. Кирпичи основания арки выступают за грань кладки ниши на 3-4 см.

Поперечная северо-восточная стена (рис. 1, *в*) сохранилась на высоте *max.* 210 см, ее восточная половина разрушена. Каменное основание стены имеет высоту 35 см; выше следует 31 ряд кирпичей на высоту 175 см. В центре северо-восточной стены устроена двойная ниша. Наружная ниша имеет высоту 110 см, ширину 79 см, глубину 27 см. Основание ниши расположено на высоте 40-42 см от уровня пола. Она перекрыта стрельчатой аркой высотой 20 см из поставленных в один ряд на ребро квадратных кирпичей. Внутренняя ниша устроена в центре задней стенки наружной ниши, имеет высоту 64 см, ширину 49 см, глубину 10 см. Она перекрыта ложной ступенчатой аркой (высотой 27 см), образованной пятью рядами кирпичей, положенных плашмя с симметричным напуском на 3-8 см каждого следующего ряда кладки. Кирпичное основание ниш сохранилось частично.

Продольная юго-восточная стена (рис. 1, *д*) имеет высоту 121-126 см. Высота каменного цоколя составляет 30 см. Высота кирпичной кладки стены составляет 92 см (17 рядов кирпичей). Выше следует карниз из двух рядов кирпичей, выступающих за грань стены на 4 см. В центре юго-восточной стены сделана ниша, перекрытая полуциркульной аркой из поставленных на ребро полуформатных кирпичей в один ряд. Ниша расположена на высоте 45 см от уровня пола. Ширина ее – 73 см, высота – 69 см, глубина – 27-30 см. Основание ниши выложено кирпичами. Высота арки 38 см. Кирпичи основания арки выступают за грань кладки боковых стен ниши на 6-7 см.

Здание имело полуциркульный (коробовый) свод, опирающийся на карниз и несущие стены (рис. 1, *а, б*). Ширина свода – 180 см, высота – 65 см. Свод выложен из поставленных на ребро в один ряд кирпичей (20-22x10-12x4 см). В кладке свода использованы как полуформатные кирпичи, изготовленные в форме, так и квадратные кирпичи, специально обломанные посередине. В обломе свода наблюдается до трех слоев кирового покрытия (азерб. *qir*) толщиной до 5 см, предохранявшего сооружение от просачивания влаги.

Стены помещения сложены на ширину в один ряд кладки кирпича, т.е. их толщина составляет всего 22-24 см, с выпячиванием кладки в местах устройства ниш. При этом наружный фас кладок не отличается ровной поверхностью, тщательностью, не имеет штукатурной обмазки. Также зафиксировано, что верхние два ряда двойной ниши и верхний ряд задней стенки юго-восточной ниши устроены из кирпичей, поставленных на ребро широкой гранью в фас, а не плашмя. Такая конструкция несущих стен представляется весьма непрочной, слабой, особенно в условиях ее наземного функционирования. И эти факты, как и факт, указывающий на то, что это помещение, построенное из кирпичей, которые

появляются и распространяются с XI в., впущено в окружающие его культурные слои сасанидского и арабского времени (V-IX вв.), свидетельствует о том, что это было подземное помещение, сооруженное в вырытом для него котловане, и частью какого-то более крупного архитектурного комплекса.

В этой связи большой интерес представляет выявленная рядом с северо-восточной стенкой помещения, в 65 см от нее, параллельная ей монументальная стена (рис. 1, а), сложенная из крупного и среднего бута и подработанного камня регулярной панцирной кладкой, цепным способом, на глиняном растворе с забутовкой более мелким буттом. Прослеженная длина стены составляет 185 см, ее продолжения уходят соответственно в юго-восточный борт раскопа и северо-западный борт строительного котлована. Прослеженная высота стены достигает почти 3,3 м, толщина стены – 86-90 см.

Таким образом, стена представляет довольно массивную, хорошо сделанную стену какого-то крупного сооружения. По своим параметрам она существенно превосходит несущие стены обычных жилищно-хозяйственных построек и, вероятно, связана с каким-то крупным общественным (?) зданием. Эта стена также впущена в слои арабского и сасанидского времени, т.е. занимает ту же стратиграфическую позицию, что и подземное кирпичное помещение.

Археологический материал, связанный с функционированием кирпичного помещения и выявленной монументальной стены, представлен показательной поливной (фрагменты чаш с гравировкой по белому ангобу под прозрачной зеленой поливой, с полихромной росписью, совмещенной с гравированным рисунком, кашин, люстр) и неполивной керамикой и относится XI – нач. XIII в.

Таким образом, стратиграфическое положение, взаиморасположение и датировка этих двух архитектурных объектов дает возможность полагать их конструктивную взаимосвязь в рамках одного архитектурного комплекса. Сказанное ставит вопрос не о бытовом, а, возможно, культовом назначении данного комплекса. Вероятно, открытое подземное помещение представляет собой помещение для ритуального уединения типа *халват-хана* или *чилла-хана* при ханака, или мечети города.

Гадиев У. Б.

ГКУ «Археологический центр им. Е. И. Крупнова», г. Назрань

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Археологическое изучение раннесредневековых каменных ящиков горной Ингушетии началось в конце XIX в. благодаря активной деятельности археологов В.И. Долбежева и В.Ф. Миллера. В 1920-х – 1930-х гг. данные памятники исследовались Л.П. Семеновым, Е.И. Крупновым, а после долгого перерыва в 1970-е – 1980-е гг. М.Х. Багаевым, В.Б. Виноградовым, Р.А. Даутовой, Н.Н. Бараниченко, М.Б. Мужухоевым и другими специалистами. В XXI в. раннесредневековые каменные ящики Горной Ингушетии археологически изучались лишь автором данных строк (2002 г.).

К настоящему времени в науке сложились следующие представления по вопросу этнокультурной интерпретации данных объектов:

1) все известные исследователи истории и культуры Горной Ингушетии сходятся во мнении, что раннесредневековые каменные ящики в аспекте их этнокультурной принадлежности представляют погребальные памятники кавказских автохтонов или ингушей (Кузнецов, 1962. С. 14, 45, 20; Семенов, 1963. С. 147; Багаев, 1970. С. 11; 1975. С. 52-54; Виноградов, 1979. С. 32-37; Виноградов, Мамаев, 1979. С. 63, 73; Гадло, 1979. С. 48 и др.);

2) дискуссионным остается вопрос религиозной атрибуции памятников. Х.М. Мамаев, В.Б. Виноградов и Н.Н. Бараниченко пришли к выводу о христианской принадлежности захоронений в каменных ящиках X-XIII вв. Горной Ингушетии (Мамаев, 1976. С. 36-37; Виноградов, 1979. С. 33; Бараниченко, 1983. С. 17). Иной точки зрения придерживался М.Б. Мужухоев. Он считал, что данные памятники не отражают процесса христианизации (не получившей в очерченном ареале должного распространения и закрепления), а более связаны с языческими верованиями ингушей (Мужухоев, 1984. С. 79-80).

К вопросу религиозно-идеологической принадлежности погребений в каменных ящиках на территории горной Ингушетии необходимо подходить дифференцированно в каждом отдельном случае, принимая во внимание погребальную обрядность каждого конкретного могильника и погребального памятника, учитывая основные черты обряда – датировку памятника, ориентировку погребального сооружения и погребенного, трупоположение, количество и состав погребального инвентаря.

Литература

Багаев М.Х. 1970. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1970.

Багаев М.Х. 1975. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. III. Орджоникидзе.

Бараниченко Н.Н. 1983. Паметский могильник в горной Ингушетии // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный.

Виноградов В.Б. 1979. Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии // СЭ. № 2.

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. 1979. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.

Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.

Кузнецов В.А. 1962. Аланские племена Северного Кавказа. М.

Мамаев Х.М. 1976. Об интерпретации каменных ящиков Джераховского и Ассинского ущелий // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения (Тезисы докладов). М.

Мужухоев М.Б. 1984. Каменные ящики Ингушетии и христианизация горцев Центрального Кавказа // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп.

Семенов Л.П. 1963. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный.

Глазов К. А., Юрков В. Г.
Институт археологии РАН, г. Москва

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К МЕТОДИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ФОТОГРАММЕТРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ РАЗЛИЧНЫХ ОБЪЕКТОВ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ МАРКУЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Маркульская археологическая экспедиция работает на территории Абхазии с 2013 г. (Требелева, Сакания, Юрков, 2015. С. 292-301). Основным направлением ее работы является археологическое исследование Маркульского городища. Помимо этого, в задачи экспедиции входит большой комплекс разведочных работ на всей территории Абхазии, исследование храмов и крепостей.

Начиная с 2017 г. для обработки результатов исследований начала использоваться фотограмметрия (Требелева и др., 2021). При этом исследуемые объекты очень разноплановы, отличаются друг от друга как размерами, так и условиями съемки. Соответственно, каждая категория археологических объектов (от артефактов и храмовых архитектурных деталей до храмов, храмовых комплексов и крепостей) требует своего индивидуального подхода, методики и оборудования. Условно мы можем разделить их на три группы в зависимости от размера.

1. Фотограмметрия артефактов. Этот метод применим для объектов небольшого размера, которые можно переместить или создать вокруг них элементарную студию для предметной съемки в виде белой матовой драпировки, штатива, мягкой рассеянной подсветки и поворотного стола. Установив камеру статично и поворачивая поворотный столик с артефактом на определенный угол, делается круговая съемка из 16-24 кадров. Далее угол установки камеры меняется по высоте на 15-20° и процедура повторяется. Таким образом, получается несколько конусов съемки, что позволяет создать 3D-модель артефакта. В случае отсутствия возможности поворачивать объект, необходимо совершить круговой обход вокруг него со съемкой с разной высоты.

Эта методика первоначально была отработана при создании образцов для виртуальной экспозиции Музея истории города-курорта Сочи (Галищева, Глазов, 2019), а затем применена к артефактам, найденным при раскопках Маркульского городища.

2. Фотограмметрия стационарных объектов среднего размера. Сюда мы можем отнести архитектурные элементы памятников, границы раскопов и шурфов, а также храмы малого и среднего размера. Съемка подобных объектов проводилась зеркальным фотоаппаратом. Вокруг объекта совершалось несколько круговых обходов с последовательно изменяемой высотой съемки. Перекрытие кадров соблюдалось в 60-80%. Для небольших плоских объектов типа границ раскопов обычно хватает одного прохода на одинаковой высоте с углом съемки к поверхности, близким к нормали. Для храмов количество проходов обычно составляло 3-4 с последовательным изменением высоты съемки от уровня глаз (1,5 м) до 3,5 м (высота штатива, поднятого над головой). При условии соблюдения непрерывности съемки получение 3D модели объекта обычно не представляет больших трудностей. Важным моментом здесь является предварительная расчистка памятника от зарослей, а также тщательная съемка углов храмов для качественной сшивки поверхностей примыкающих стен. Недостатком этого метода является недоступность съемки верхней части храма, если он сохранился на большую высоту, но в рамках разведок храмов Абхазии, проводимых экспедицией, большинство памятников не имело хорошей сохранности и высотности, что позволило получить полные 3D-модели (Требелева и др., 2020).

За период с 2017 г. экспедицией была сделана фотограмметрия более 30 храмов на территории Абхазии и 7 храмов на территории Большого Сочи. Проекция и разрезы, снятые при помощи фотограмметрии, опубликованы в первой части монографии (Сакания, Требелева, 2019, С. 136. 172-173, 175. Р. 6, 78-80, 83).

3. *Фотограмметрия объектов большой площади.* Необходимость исследования конструкции крупных храмов, храмовых комплексов и крепостей определило применение БПЛА, что потребовало разработки методики фотограмметрии применительно к условиям гористой местности и густой растительности.

Касаемо крупных храмов, обследованных экспедицией, можно отметить, что в основном они либо действующие, либо находятся в хорошей сохранности на очищенной от растительности местности. Поэтому съемка с БПЛА повторяет методику, описанную выше, и представляет собой несколько конусов съемки с разных высот под разными углами. При этом БПЛА позволяет избавиться от недостатков съемки со штатива, так как появляется возможность отснять слепые верхние зоны стен и сводов. Небольшая растительность у подножья храма не мешает получить все интересующие параметры. Таким способом были сделаны модели храма Ахштырь, Бзыбского храма и предварительная модель Пичундского собора.

Вместе с тем съемка более протяженных объектов, таких как храмовые комплексы и крепости, требует другого подхода. Фотограмметрию подобных объектов необходимо разделить на две задачи: получение ортофотоплана объекта; получение детальной 3D-модели.

Методика получения ортофотоплана археологического объекта мало отличается от обычной геодезической съемки с помощью БПЛА, предполагающей съемку под углом установки камеры к горизонту в 90°. Плюсы этого метода – наименьшие искажения плана объекта, недостатки – плохая проработка вертикальных деталей и экранирование кронами деревьев значительной площади памятника. Поэтому для получения полноценной модели подобных объектов необходимо сочетать вертикальную съемку с наклонной перспективной съемкой под разными углами, чтобы отснять сбоку как вертикальные детали, так и пространство под кронами деревьев.

Подобная методика, тестово примененная в фотограмметрии крепостей Пичунт, Бзыбской и Годлик, дала удовлетворительные результаты и наметила направления улучшения итогового качества моделей, что даст в будущем возможность получить качественный результат на неопубликованных пока в научной литературе памятниках Абхазии.

Анализируя опыт применения фотограмметрии в Маркульской археологической экспедиции, следует отметить, что наработанные методики по описанным выше группам археологических объектов носят общий рекомендательный характер. К каждому памятнику необходим свой индивидуальный подход, определяемый его размером, геометрией, доступностью съемки и другими параметрами.

Литература

Галищева Е.В., Глазов К.А. 2019. Археологическое наследие в формате цифровых технологий экспозиционно-выставочного пространства Музея истории города-курорта Сочи // Музей: прошлое, настоящее и будущее : Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Фелицынские чтения – XXI). Краснодар.

Сакания С.М., Требелева Г.В. 2019. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Т.1. Западная Абхазия (Гагрский, Гудаутский, Сухумский районы) // Магнитогорск.

Требелева Г.В., Сакания С.М., Глазов К.А., Кизилев А.С., Юрков Г.Ю. 2021. Позднеантичные и средневековые храмы Абхазии: ГИС, исследование с помощью фотограмметрии и создание 3D-моделей // Археология и геоинформатика. Вып. 10.

Требелева Г.В., Сакания С.М., Юрков Г.Ю. 2015. Маркульский археологический комплекс // КСИА. Вып. 237.

Требелева Г.В., Глазов К.А., Кизилев А.С., Сакания С.М. 2020. Применение 3D-фотограмметрии археологических объектов в условиях горной и лесистой местности Западного Кавказа // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Т. III. Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара.

Григорьева О. В.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

**ОСЕТИНСКОЕ СВАТИЛИЩЕ РЕКОМ:
ИССЛЕДОВАНИЯ МИЛЛЕРА А. А. И БАКЛАНОВА Н. Б. В 1928 г.**

Работа проведена по программе ФНИ ГАН – гос. задание № FMZF-2022-0015

В 1928 г. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК под руководством А.А. Миллера продолжала систематические исследования. Ее полевая работа базировалась на принципах палеоэтнологической школы, комплексно сочетая археологические и этнографические исследования (Дмитриев, 2017. С. 43–48). В рамках этих работ изучено и знаменитое святилище Реком, расположенное в Цейском ущелье в Северной Осетии.

Результаты данного исследования не были опубликованы, но комплекс документации отложился в фондах Научного архива ИИМК РАН. Современному научному сообществу эти материалы известны весьма фрагментарно, до сих пор комплекс документов не введен полноценно в научный оборот. В первую очередь, это связано с исторически сложившейся разрозненностью документов в фондах архива, что требует тщательного выявления. Но уже предварительные результаты такого поиска открывают новые интересные факты об организации и ходе полевых работ в святилище Реком.

Интерес А.А. Миллера к материальной культуре населения Осетии не случаен. Этнологическая экспедиция в горные районы Северо-Осетинской автономной области, организованная еще в 1923 г., продолжала детальное изучение различных сторон народного быта в 1926–1927 гг. В плане на 1928 г. значилось «изучение в Осетии приемов и форм строительства как современного, так и древнего» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 95. Л. 12, 31). К тому же осенью 1927 г. Осетинский институт краеведения обратился одновременно в Главнауку и к А.А. Миллеру с указанием на плохое состояние святилища Реком. Учитывая возможность скорого и окончательного разрушения памятника, ученый составил план работ по его срочному изучению, разработке мер к реставрации или ремонту, а также начал переговоры с Музейным отделом Главнауки о финансировании исследований. По мнению А.А. Миллера, «Реком, привлекавший к себе путешественников уже со второй половины XIX века, все же не был изучен как образец горного деревянного зодчества, ни как языческий храм, ни, наконец, со стороны его богатого инвентаря разновременных жертвенных вкладов... древний храм... требует экстренных мер по его поддержанию, как единственный памятник в Осетии» (Там же. Л. 70).

По плану срочных спасательных работ летом 1928 г. следовало тщательно изучить состояние постройки, принять экстренные меры ремонтного характера и составить детальный проект реставрации, если таковая окажется возможной и целесообразной. Вопрос с реставрацией может быть решен только с неременным участием в этом опытного архитектора. Для выполнения таких работ А.А. Миллер пригласил члена ГАИМК, преподавателя Института живописи, скульптуры и архитектуры (Всероссийской академии художеств) Н.Б. Бакланова, чьи научные интересы тесно были связаны с изучением вопросов народного искусства и материальной культуры Северного Кавказа. Со стороны местных организаций Осетинский научно-исследовательский институт краеведения командировал

своего представителя С.Ц. Тхостова. Вместе с ним предполагалось выработать порядок музейного содержания дзуара и организовать музейный порядок хранения жертвенных вкладов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 95. Л. 16, 76).

Как только А. А. Миллер получил отдельное финансирование от Центральных государственных реставрационных мастерских, он сразу приступил к организации поездки в Цейское ущелье (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 95. Л. 41). Накануне отъезда в горы ему пришло письмо: «... от Главнауки последовало предписание – тратить деньги исключительно на ремонт при запрещении расхода на суточные и иные расходы (?). Я не исполнил этого предписания и работу производил так, как это оказалось, по моему мнению, целесообразным». Такие действия стали причиной серьезных разногласий между А.А. Миллером и руководством Главнауки, обвиняющим его в неправомерном расходовании денежных средств и требующим вернуть внушительную сумму из личных средств (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 95. Л. 16; 1929. Д. 108. Л. 68–69; 97). «Очень удручен историей, поднятой Реставрационными мастерскими чрезвычайно неосторожно. Нельзя так третировать редких научных работников, делающих то, что имеет плановость и общее строительство... как никак проработанность коллектива и одобрение Главнауки, и вдруг требование, ни на чем конкретном не обоснованное, но бумажно-формальное» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 108. Л. 96).

Рис. 1. Северо-Кавказская экспедиция. 1928 г.
Общий вид святилища Реком (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 20329).

Гораздо меньше информации в архивных документах найдено о процессе и результатах полевых работ. Специальный научный отчет о работах в святилище нам не известен, но судя по сведениям организационной документации таковой имелся. На данный момент по кратким отчетам и объяснительным запискам А.А. Миллера удалось собрать следующие данные.

Экспедиция длилась около двух недель, с 23 июня по 5 июля. «Работы по изучению и ремонту Рекома проведены были в общем при благоприятных условиях... со стороны партийных кругов высказывались сомнения в целесообразности... производить починку культового здания. В конце концов, препятствия с этой стороны были устранены. Приехав к месту работ,.. я созвал в селе Верхний Цей собрание, к участию в котором пригласил – представителей комсомола, местных коммунистов, жрецов дзуара Реком... и так называемых почетных стариков. Закончилось все благополучно, к общему удовольствию, с аракой и тостами... Во исполнение существующих обычаев я предложил с нашей стороны соблюдать все необходимое: не курить в ограде, работать без шляпы и без обуви. С согласия жрецов обязательство в отношении обуви было отменено вследствие холодов и дождей. Высокая трава вокруг здания мешала нам работать, косить ее оказалось невозможным по религиозным правилам. Мы вытоптали траву ногами с разрешения жрецов. Забивать железные гвозди в постройку – тоже нельзя. Дзуар Реком был нами тщательно изучен как со стороны состояния постройки и возможности ее реставрации, так и в отношении конструктивных особенностей. Я изучал специально дарственные вклады... Здание находится в таком состоянии, что мы считаем его реставрацию – делом невозможным. Срочные и необходимые ремонтные работы нами исполнены» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 95. Л. 62-63 об).

Исследователи сделали довольно подробную фотофиксацию памятника. А.А. Миллер зарисовал некоторые жертвенные предметы и конструктивные детали строения. Н.Б. Бакланов создал прекрасный масштабный рисунок – наружную дверь святилища. Все эти изображения сохранились в фондах Научного архива ИИМК РАН. По архивным документам также известно, что Н.Б. Бакланов подготовил архитектурные обмеры святилища, сделал описание здания и разработал проект реставрации Рекома. В своих докладах на заседаниях Секции общей архитектуры ГАИМК он пользовался всей этой графической документацией и представлял ее коллегам (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 39. Л. 1). К сожалению, в настоящее время эти документы не найдены и судьба их нам неизвестна.

Показывая предварительные результаты исследования выявленного комплекса документов, можно уже с уверенностью заявлять, что А.А. Миллер и Н.Б. Бакланов провели охранные спасательные работы святилища Реком на высоком научном уровне и подготовили добротную документацию. Нам же, современным исследователям, остается только сожалеть по поводу утраченных документов, в силу разных причин не переживших противоречивую и сложную эпоху довоенного времени.

Литература

Дмитриев В.А. 2017. Палеоэтнология и хранитель этнографического отдела русского музея А. А. Миллер // Гуманитарные и юридические исследования. № 1.

Дружинина И. А.
Институт археологии РАН, г. Москва

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Первое двадцатилетие XXI в. оказалось весьма плодотворным для изучения средневековой истории Северо-Западного Кавказа. На смену концепции Л.И. Лаврова (1909–1982) о безынвизивном развитии адыго-абазинских племен и концепции А.В. Гадло (1937–2002) о значительной роли тюрков в процессах этно- и политогенеза адыгского населения на этапе раннего средневековья, пришли новые гипотезы, в которых Северо-Восточное Причерноморье и Нижнее Закубанье предстают как активные контактные зоны средневековой ойкумены, где проживали различные народы, взаимодействовали и влияли друг на друга разные культуры, языки и верования.

Формированию нового подхода способствовало накопление археологических материалов, проведение междисциплинарных исследований, введение в научный оборот не востребованных ранее видов источников. Особую роль сыграло появление обобщающих исследований по истории соседних регионов. Так, представлена современная научная концепция средневековой истории Тамани, воссоздана объемная картина политического, культурного, экономического присутствия Византии в Северо-Восточном Причерноморье (Чхаидзе, 2012; 2013; 2015; 2018). Вышли в свет обобщающие работы по истории Абхазского царства и Западной Алании (Белецкий, Виноградов, 2021; Виноградов, 2013; Виноградов, Гугушвили, 2015; 2018 и др.). В сотнях работ раскрыты явления и процессы на северных границах Предкавказья – в Степи (Нарожный, 2005; Чхаидзе, 2008, 2018; Дружинина и др. 2011 и др.), показано особое значение Крыма в формировании политических институтов, экономических связей и этнокультурного состава населения Западного Кавказа.

В серии работ представлена нелинейная смена археологических культур Северо-Западного Кавказа, многовековое присутствие на территории края различных народов – зихов, касогов, папагов, алан, греков, полукочевых и кочевых обществ (угорских, тюркских, монголоидных), итальянцев, евреев, армян, русских и др. (Армарчук, 2003; Армарчук, Дмитриев, 2014; Носкова, 2002; Гавритухин, Пьянков, 2003; Нарожный, 2011; 2018; Чхаидзе, 2008; Голубев, 2017; Дружинина, 2019 и др.).

Этот подход поставил новые вопросы в изучении основных проблем истории Северо-Западного Кавказа. Остановимся на наиболее важных.

Одно из ключевых событий средневековой истории региона – появление в кон. VII в. носителей обряда грунтовых кремаций. Остается открытым вопрос об их этнокультурной атрибуции (Успенский, 2015). Часть исследователей полагают, что кремации Кубано-Черноморья VIII–X вв. оставлены касогами – пришлым тюркским или угорским населением (Пьянков, 2001; Армарчук, 2003). При всех плюсах эта гипотеза не лишена противоречий: социальный облик носителей обряда кремаций – организованного военизированного общества – не согласуется со сведениями письменных источников о касогах – данниках каганата и, скорее, соответствует роли сборщиков этой дани. Согласно новой гипотезе, касоги времени Хазарского каганата – это жители предгорий Западного Закубанья, носители обряда грунтовых ингумаций (Каминский, 1993), а племена обряда кремаций – папаги трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного (Дружинина, 2018).

В последние годы обострилась дискуссия об историческом этнониме *черкесы*. Основные источники по этому вопросу – археологические (материалы некрополей) – демонстрируют широкое разнообразие существовавших в регионе обрядов. Одни исследователи традиционно связывают это многообразие с адыгами, а особенности погребальных памят-

ников объясняют спецификой верований и материальной культуры отдельных «адыгских племен».

Согласно другой точке зрения, различные традиции и практики, в т.ч. выявленные на одних и тех же памятниках, свидетельствуют не только о сосуществовании на одной территории этнически разнородных обществ, но и о сложных процессах их интенсивного смешения в рамках формирующихся поликультурных общностей – зихов, касогов, а затем и черкесов.

В Северо-Восточном Причерноморье и Закубанье XII–XIV вв. выделяются четыре основные погребальные традиции, связанные с различными этническими группами: 1) плитовые ингумации р-на Новомихайловского и Геленджика, а с XIII в. – Анапы и Новороссийска, оставлены зихами; 2) следы огненного культа в памятниках региона связаны с потомками носителей обряда кремаций; 3) половцами и др. кочевниками оставлены подкурганые ингумации с восточной и западной ориентировкой, в деревянных гробах и колодах (в основном, р-н Новороссийска); с ними связано распространение в регионе курганного обряда, практики возведения вокруг насыпи обкладки из поставленных на ребро камней и подпрямоугольных оградок; 4) грунтовые ингумации с западной ориентировкой в устье р. Псекупс и в предгорьях Закубанья принадлежали предкам адыгов и абазин, предположительно, касогам.

Взаимопроникновение этих четырех традиций рассматривается как основная причина формирования локальных вариантов погребальных обрядов (Дружинина, 2019).

Активизировались попытки выделения на основе материалов могильников Восточного Закубанья «белореченской культуры», однако на современном этапе они не состоятельны (см.: Чхаидзе, Дружинина, 2018). Появление в Восточном Закубанье в XIV–XV вв. элитарных погребений, изобилующих роскошными привозными вещами, объясняется не только тем, что часть импортов поступала на Кавказ по торговым связям (Крамаровский, 2012), но и тем, что после Великой Замятни главным регионом, поставлявшим невольников в мамлюкский Египет, стал Кавказ, в т.ч. Закубанье. Закупка рабов Египетским султаном велась на официальном уровне, под патронатом государства, что требовало четкой организации, местного «штата», и приносила огромные прибыли поставщикам «живого товара».

Материалы бытовых памятников также указывают на неоднородный этнокультурный состав местных племен. Часть поселений п-ва Абрау (Глебовское, Борисовское) характеризуется наличием многочисленных ям и отсутствием капитальных построек, что сближает эти памятники с сезонными неукрепленными поселками Нижнего Подонья и Восточного Приазовья. Каменные кладки строений пос. Гостагаевское, строительная черепица из слоя пос. Жукова позволяют относить эти памятники к ближайшей периферии провинциально-византийской культуры городов Тамани и Крыма. Отсутствие выявленных фундаментальных построек в предгорьях Закубанья, письменные источники и этнография фиксируют традицию домостроения, характерную для адыгов и абазин (наземные турлучные дома). Поселения полиэтничного населения степного Закубанья, где выявлены заглубленные округлые основания юртообразных жилищ (Молдавановское 2, X–XIII вв.), остатки полужемлянок, обожженные глинобитные полы и стены, суфы, каны (Железнодорожное-1 и 2, XIV в.), находят аналогии в памятниках Поволжья и Средней Азии (Дружинина, 2021).

Результаты этих исследований свидетельствуют об открытости территории Северо-Западного Кавказа для проникновения различных народов, традиций, религий, товаров и технологий, о вовлечении региона в политические, культурные, демографические события и процессы общемировой истории на протяжении более чем тысячелетнего отрезка – с V по XVI в.

Литература

- Армарчук Е.А. 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. 2014. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.; СПб.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. 2019. История и искусство христианской Алании. М.
- Виноградов А.Ю. 2013. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // ДЗК. Вып. I. Краснодар.
- Виноградов А.Ю., Гугушвили Ш. 2015; 2018. Очерк истории Абхазского католико-сата. Ч.1. VIII–X вв. Ч. 2. XI–XV вв. // БТ. № 46.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.
- Голубев Л.Э. 2017. Адыги в XIII–XV веках. Краснодар.
- Дружинина И.А. 2018. Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // НАВ. Т. 17. № 1.
- Дружинин, И.А. 2019. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Автореф. дисс. к.и.н. М.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир – М.
- Каминский В.Н. 1993. Одно из сочинений Константина Багрянородного и этническая карта Северо-Западного Кавказа // МВ. Вып. 1. Краснодар.
- Крамаровский М.Г. 2012. Человек средневековой улицы: Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.
- Нарожный Е.И. 2005. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир.
- Нарожный Е.И. 2010. Северный Кавказ в XIII–XV вв.: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс. д.и.н. Владикавказ.
- Нарожный, Е.И. 2018. Об «этнокультурных», «этномиксационных» и «этноформирующих» процессах XIII–XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Грозный.
- Носкова Л.М. 2002. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // МКВ. Вып. 3. М.
- Пьянков А.В. 2001. Касоги–касахи–кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. Краснодар.
- Успенский П.С. 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Автореф. дисс. ... к.и.н. М.
- Чхаидзе В.Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.
- Чхаидзе В.Н. 2008. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из степного Прикубанья // МИАСК. Вып. 9. Армавир.
- Чхаидзе В.Н. 2012. Фанагория в VI–X веках. М.
- Чхаидзе В.Н. 2013. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь.
- Чхаидзе В.Н. 2015. Византийские печати из Тамани. М.
- Чхаидзе В.Н. 2018. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. № 23.
- Чхаидзе В.Н. 2018. Погребальный обряд кочевников Предкавказья XI–XIV вв. // XXX КЧ. Карачаевск.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2018. О так называемых касожской, белореченской и старокабардинской «археологических культурах» // XXX КЧ. Карачаевск.

Зеленский Ю. В.

*Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, г. Краснодар*

ПОЛОВЕЦКОЕ КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ СТАНИЦЫ ПАВЛОВСКОЙ

В Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына хранится коллекция половецких каменных изваяний. До революции их привозили из разных станиц Кубанской области, а с 1950-х гг. до настоящего времени из станиц Краснодарского края. К сожалению, до революции при доставлении статуй в музей не сообщали из какой именно станицы было доставлено то или иное изваяние. В каталоге Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея просто был приведён список станиц, из которых привозили каменные изваяния. В советское время ситуация стала меняться, но сообщения о находках содержат другую ошибку. Указывалось, что изваяние было найдено на землях того или иного колхоза или совхоза или на территории бригады. В настоящее время даже старожилы данного населённого пункта не всегда помнят границы этой территории.

В большинстве случаев изваяния были обнаружены при вспашке или уборке урожая. Видимо, в определённый период истории (монгольские походы на Северный Кавказ, введение ислама в Золотой Орде в начале XIV в.) половцы сооружали так называемые скрытые святилища.

В Краснодарском государственном историко-археологическом музее хранится несколько половецких изваяний с известным местом их находки. Среди них и изваяние, о котором пойдёт речь ниже.

Оно было найдено в 1959 г. в окрестностях станицы Павловской. Обнаружили его трактористы 5-ой бригады колхоза «За мир и труд» Николай Гузий и Николай Шастик во время вспашки. В ходе этих работ распахивались два кургана сначала по краям, а потом и по центру. Именно тогда и было найдено половецкое изваяние (Мироненко, 1959).

Статуя женская, стоящая (фото 1, 2). Голова монголоидного типа. В ушах серьги калачевидные с биконическими утолщениями. На голове шляпа с остроконечной тульей, с лопастью, опускающейся на спину, и налобной лентой. Брови прочерчены, глаза обведены двойными кругами, нос выпуклый, рот обведен тройным контуром. Из-под шляпы выходят «накосники». Ворот оторочен тройным шнурком. На шее ожерелье из прямоугольников и ромбов, ниже – две гладкие гривны. Грудь большая, с сосками. Вдоль груди опускается лента с поперечными делениями. Руки согнуты в локтях, держат сосуд с выделенным венчиком, покрытым насечками. На запястьях – витые браслеты. Подол одежды украшен резным арочным узором. Сзади на спине два ромба. Спина и пьедестал плоские. Датируется изваяние второй половиной XIII–XIV вв.

В настоящее время изваяние разбито на две части. Скорее всего, это произошло в 1960-х гг., когда Краснодарский краеведческий музей переехал с ул. Шаумяна (ныне – ул. Рашпилевская), д. 3 на ул. Ворошилова (ныне – ул. Гимназическая), д. 67. В ходе этого переезда были перевезены изваяния, которые были размещены во дворе музея.

Похожее, половецкое изваяние было найдено на землях колхоза «Красный Октябрь» Кореновского района в 1959 г. В настоящее время оно находится в Государственном Эрмитаже.

Фото 1. Верхняя часть половецкого каменного изваяния из станицы Павловской. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына.

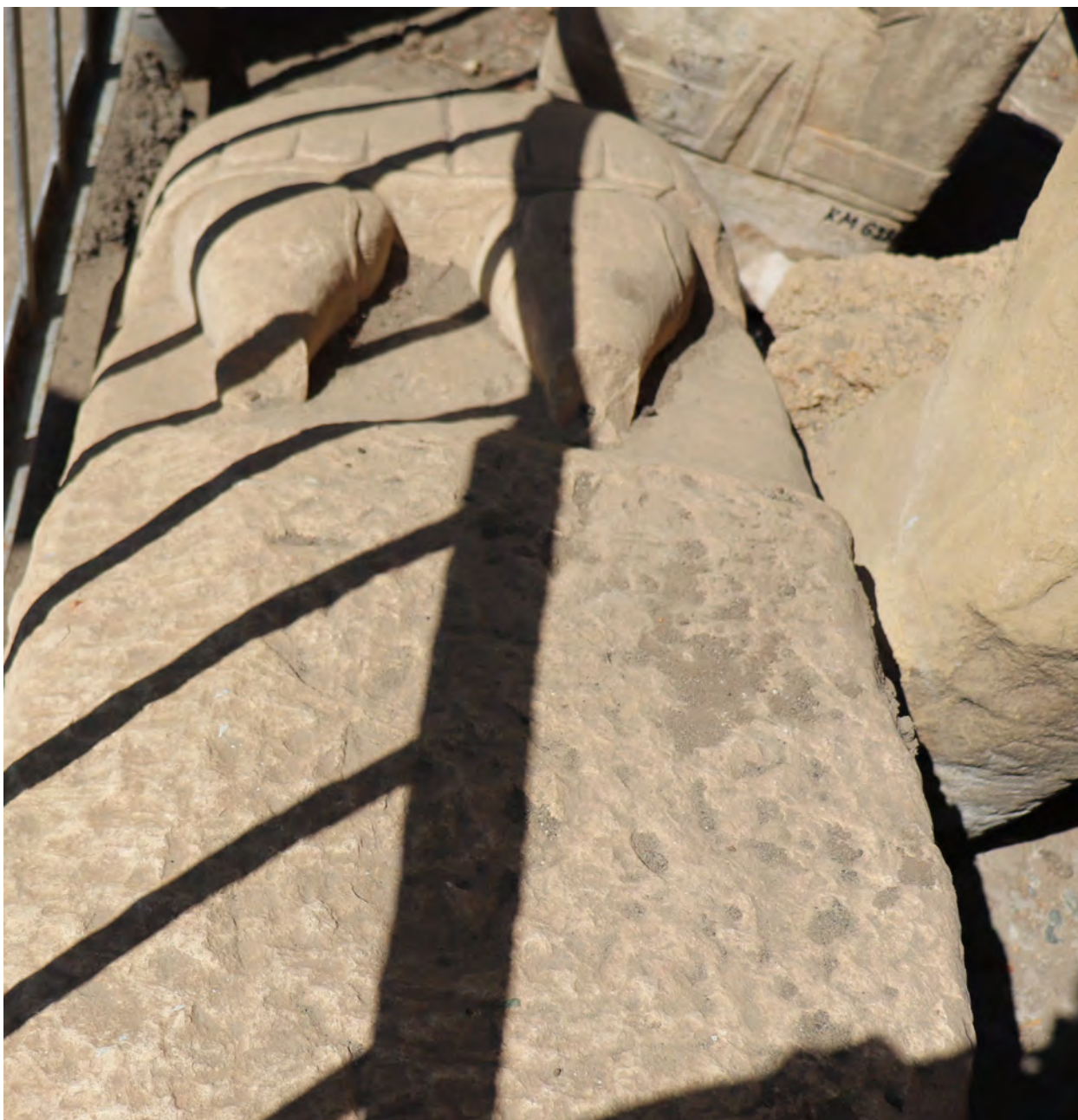

Фото 2. Нижняя часть половецкого каменного изваяния из станицы Павловской. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына.

Литература

Мироненко В. Найден древний памятник // Газета «Коммунист». Орган Павловского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся Краснодарского края № 134 (4438). 7 ноября 1959 г.

Зиливинская Э. Д.

Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ОБ ОДНОМ КАВКАЗСКОМ МАВЗОЛЕЕ

Среди иллюстраций к книге П.-С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793-1794 гг.» имеется искусно выполненный чертеж мавзолея с планами и разрезами наземной и подземной частей (рис. 1). Чертеж выполнен известным российским архитектором итальянского происхождения Александром Дигби, который в 1786-1803 гг. работал в Астрахани в качестве губернского архитектора. Подпись на листе гласит, что это погребальный памятник из кирпича, расположенный в селении Маслов Кут на р. Подкумок близ Маджара на Кавказе.

Здание представляет собой высокую восьмигранную призму, которая при помощи восьмигранного барабана чуть меньшего диаметра переходит к уплощенному полусферическому куполу. Нижний ярус от барабана отделен выступающим профилированным карнизом. Верх барабана также имеет карниз. В каждой грани нижнего яруса сделаны углубленные в толщу стены ниши с килевидным завершением. В верхней части ниш находятся небольшие прямоугольные окошки, в северной грани под окном – дверной проем. Такие же килевидные арки оформляют стены в интерьере здания. Во втором ярусе каждая грань декорирована глухими нишками также килевидного абриса. Мавзолей имел подземный склеп сложной конструкции. Под основным помещением находилась круглая в плане камера, которая имела четыре ответвления, в которых, вероятно, помещались захоронения. Два узких прохода в южной и западной стенках соединяли центральный склеп с двумя обширными подземными помещениями. Дополнительные усыпальницы были квадратными в плане и имели купольное перекрытие.

Так как мавзолей находился в селе Маслов Кут (совр. Стародубское) недалеко от Маджара, он невольно был причислен к золотоордынскому периоду, поскольку в Маджаре и его окрестностях известно множество золотоордынских погребальных памятников (Зиливинская, 2013. С. 314; 2014. С. 123).

На территории Золотой Орды известно некоторое количество многогранных в плане мавзолеев (Зиливинская, 2014. С. 150-152). На Северном Кавказе – это два мавзолея в Маджаре, известные по рисункам М. Некрасова и М.М. Иванова, а также мавзолей № 8 у Эссентуков. Еще один такой мавзолей изображен на карте подполковника Штедера конца XVIII в. (Зиливинская, 2016). Так как архитектура Золотой Орды находилась под сильным влиянием архитектурных традиций Закавказья и Малой Азии, аналогии многогранным (а также круглым в плане) золотоордынским мавзолеям следует искать среди так называемых башенных мавзолеев этих регионов. Это азербайджанские мавзолеи Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани (XII в.), Момине-хатун (XII в.), мавзолей в с. Ханега (XII-XIII в.), мавзолей в с. Дермичлер (XIV в.), Хачин-Дорбатлы (XIV в.), Мир Али (XIV в.), Йахьи ибн Мухаммада ал-Хаджа, 1305 г., Сейида Яхья Бакуви (XV в.), в Барде (XIV в.) (Бретаницкий, Уссейнов, Саламзаде, 1963. С. 80-104, 127-162; Бретаницкий, 1966. С. 96-199). В качестве примера малоазийских построек можно привести Денер Кюмбет в Кайзери (XIII в.), мавзолей Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Худавент Хатун тюрбе в Нигде (XIV в.) и др. (Stierlin, 1998. P. 50-53; Hillenbrand, 1994. P. 306-311, 540-542).

Однако башенные мавзолеи Азербайджана и сельджукской Малой Азии всегда односторонние, грани их не расчленены и чаще всего лишены окон. Внешний купол имеет коническую или пирамидальную форму. Некоторые исследователи называют их «каранда-

шиками» (Кононенко, 2017. С. 36). Именно такой «карандашик» изображен на карте Штедера.

На рисунках М. Некрасова и М.М. Иванова также видны слегка сужающиеся кверху башни с гладкими стенами. Подземные склепы в этих мавзолеях имеют более простую форму: это квадратные в плане купольные помещения, иногда с нишами в стенах.

Мавзолей в с. Маслов Кут имеет другую структуру, по архитектонике он близок османским мавзолеям (*дюрбе*). Восьмигранные в плане османские мавзолеи представляют собой достаточно высокие постройки, часто с окнами в два света. В ряде зданий на восьмигранную призму поставлен барабан, грани которого также могут быть декорированы настоящими или ложными окнами. Купола у таких мавзолеев всегда полусферические. Близкими по внешнему облику к рассматриваемому зданию являются мавзолеи Крыма периода Крымского ханства, такие как два восьмигранных дюрбе на территории ханского кладбища Бахчисарайского дворца, мавзолей Диляры Бикеч в Бахчисарае и «Большой восьмигранник» в Азизе.

По данным исторических исследований известно, что Крымское ханство в конце XV– первой пол. XVI вв. вело активную политику на Западном и Северном Кавказе и эти территории периодически находились в прямой зависимости от крымских ханов (Некрасов, 2015. С. 102, 122, 131-133, 136, 139). Известно также, что на Западном Кавказе строились османские крепости, что явилось следствием утверждения здесь крымского влияния (Некрасов, 2015. С. 116-117). О тесных связях Северного Кавказа с Крымом свидетельствует и тот факт, что Хан Мехмед IV Герай после смещения с трона в 1666 г. уехал в Дагестан, где прожил дервишем еще 8 лет до самой смерти. Вполне возможно, что восьмигранный мавзолей в Масловом Куте также является свидетельством пребывания на Северном Кавказе представителей крымско-татарской знати.

Литература

Бретаницкий Л.С. 1966. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.

Зиливинская Э.Д. 2013. Архитектурные памятники Маджара по рисункам и описаниям XVIII в века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. Вып. XI. М.

Зиливинская Э. 2014. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. М. – Казань: «Отечество».

Зиливинская Э.Д. 2016. Башенные мавзолеи Северного Кавказа. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18-21 апреля 2016 г. Грозный.

Кононенко Е.И. 2017. Анатолийская мечеть XI-XV вв. Очерки истории архитектуры. М.

Некрасов А.М. 2015. Избранные труды. Нальчик.

Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. 1963. История архитектуры Азербайджана. М.

Hillenbrand R. 1994. Islamic Architecture. N.Y.

Stierlin H. 1998. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln.

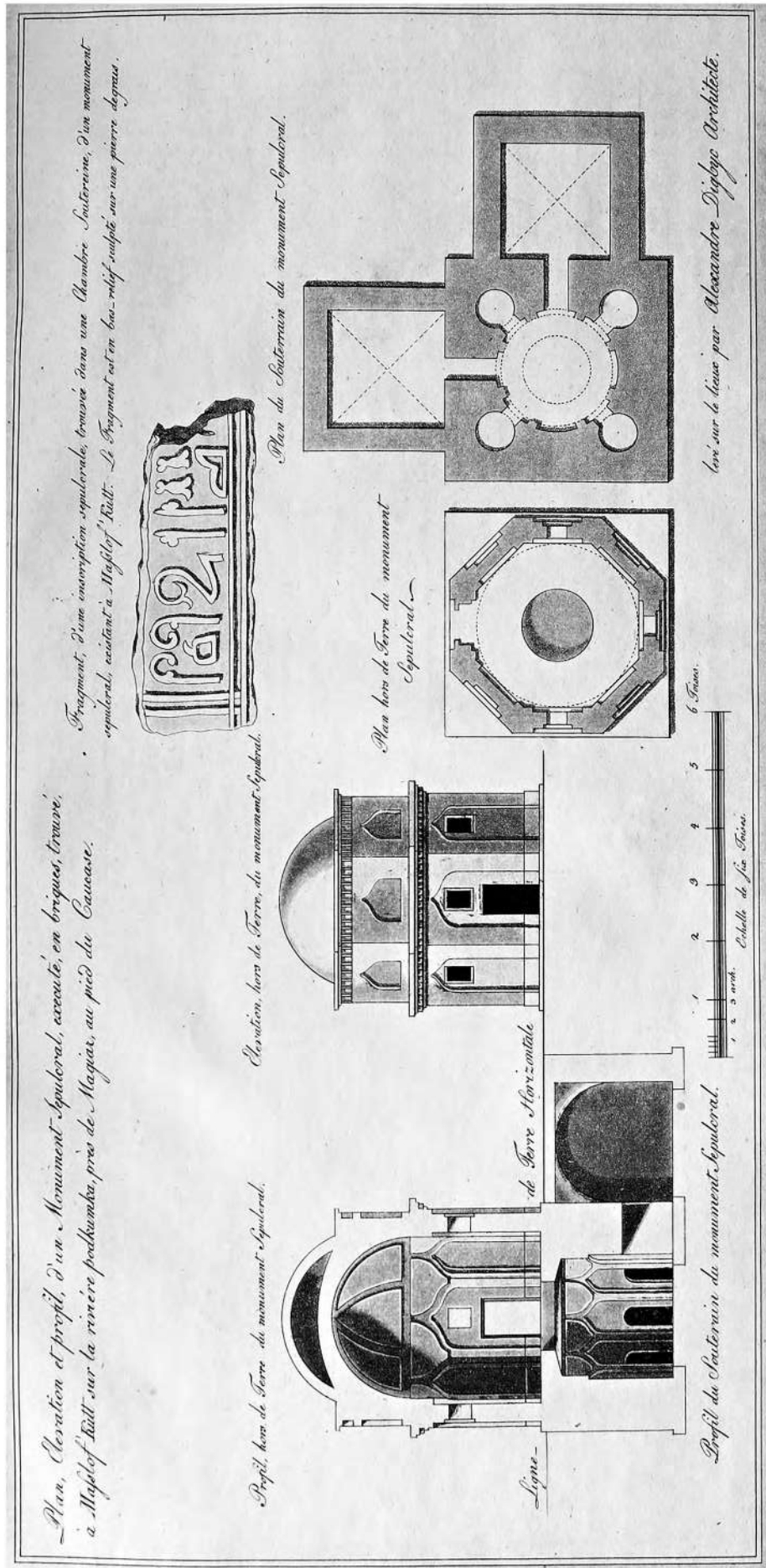

Рис. 1. Чертеж мавзолея с планами и разрезами из книги П.-С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793-1794 гг.»

КАЗАНСКИЙ М. М.

*Национальный центр научных исследований,
лаборатория UMR 8167 – «Orient et Méditerranée», г. Париж*

ИМПЕРИЯ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: О ФОРМИРОВАНИИ «ВОЖДЕСКОЙ» СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ

Ряд престижных элементов в материальной культуре населения Северного Кавказа III–IV вв. находит параллели в древностях на территории Империи и вероятнее всего имеет римское происхождение. Они лучше всего представлены в «княжеской» могиле (курган 13) у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии (Бетровов 1987). Это, среди прочего, декор из ячеек-выемок на кольцах удила (рис. 1,1), представленный также на конском снаряжении и из позднесарматского кургана Экажево в Ингушетии (Воронин, Малашев 2006, рис. 9, 1, 2) (рис. 1,2). Такой же орнамент засвидетельствован и на другом краю Барбарикума, на пояском уборе из «вождеской» могилы «А» в Варпелев, в Дании. Римская атрибуция пояса из Варпелев сейчас является общепринятой (Grane 2010). Хронологические рамки погребений в Кишпек и в Экажево в целом укладываются в последние десятилетия III – первые десятилетия IV вв., что соответствует финальной части периода C2 хронологии европейского Барбарикума (250/260 – 300/320 гг.). Для могилы Варпелев «А», в первую очередь на основании поясной гарнитуры, предлагается и более поздняя дата ~ C3/D1, т.е. 300/320 – 400/410 гг. (подробнее: Kazanski, 2011, там же библиография).

Двухчастные кольчатые удила с прямоугольно-вытянутыми держателями ремней из Кишпека (рис. 1,1,2) хорошо известны в позднесарматской культуре второй половины III в., а также в позднеримском контексте, в крепостях лимеса и на виллах (Kazanski, 2011. P. 91). Стоит вспомнить и керченские удила из аристократических могил позднего III – раннего IV вв., которые, как и кишпекские, имеют богатый полихромный декор (см. напр.: Scukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 93,1,2). Декор в виде сетки, ячеек или фасеток на вещах из Кишпека, Экажево и Варпелев является их объединяющим элементом. Такой декор не характерен для Барбарикума, в римское время его нет на вещах ни в Скандинавии, ни в понтийском регионе. Зато его истоки хорошо прослеживаются в позднеримской торевтике, например, на пряжках и на рукоятках ложек. Итак, судя по декору и морфологии, вещи с декором в виде ячеек в Варпелев, Экажево и Кишпек принадлежат той же римской традиции (подробнее: Kazanski, 2011). Скорее всего, они имитируют престижные римские образцы или же просто сделаны на заказ для варварских предводителей. Данные находки не могут привлекаться в качестве доказательств понто-скандинавских связей, они, скорее всего, свидетельствуют об общем для скандинавских и понто-кавказских варваров римском культурном воздействии. Это, разумеется, не опровергает реального существования скандинавско-понтийских контактов в позднеримское время, хорошо изученных на других категориях археологического материала (см. напр.: Scukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 17 – 19).

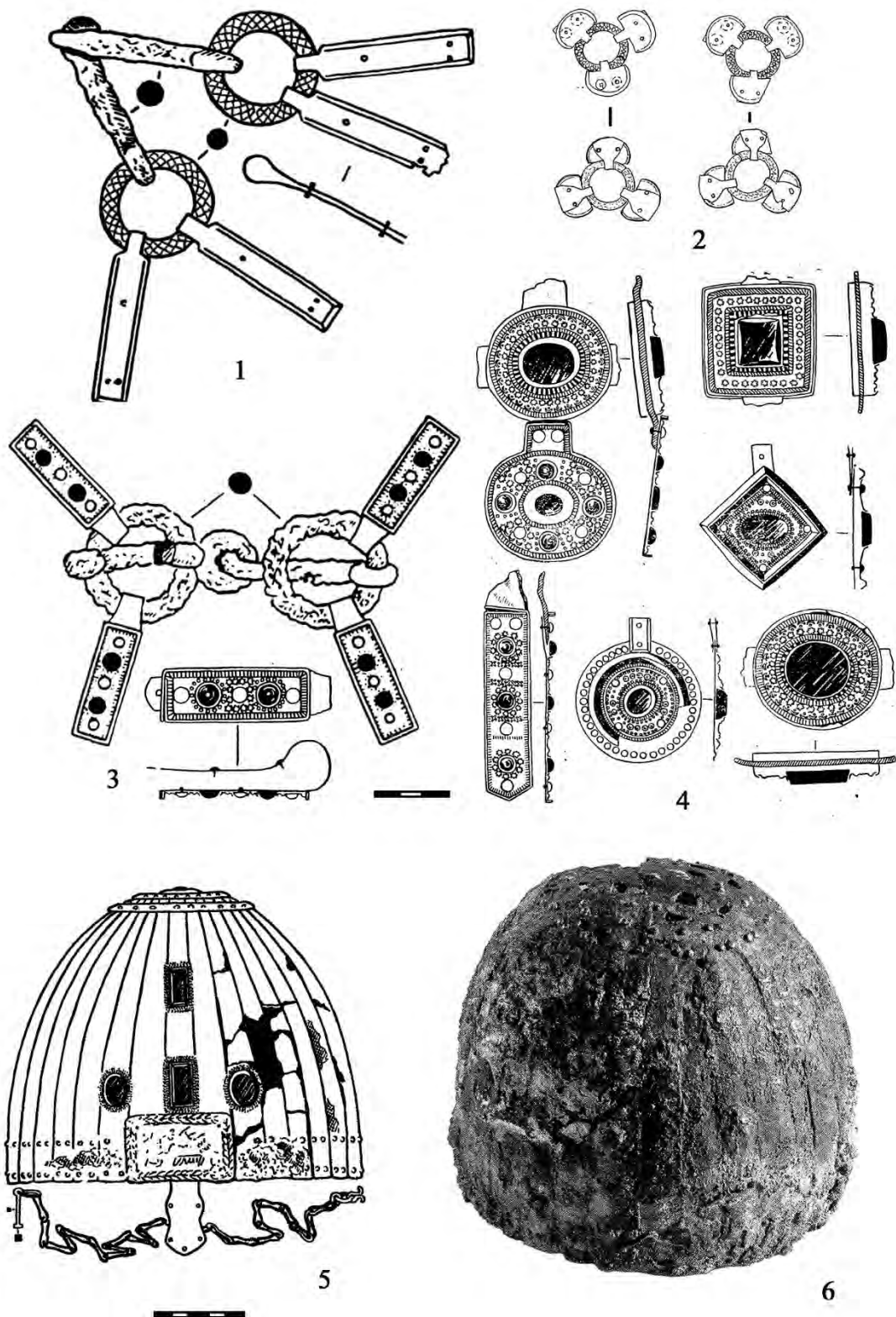

Рис. 1. «Воинские» и «княжеские» предметы римского происхождения в материальной культуре Северного Кавказа. 1,3-5 – Кишпек; 2 – Эжажево; 6 – Минеральные Воды. 1-3 – по Kazanski, 2011. Fig. 1,2,3,14,15; 4 – по Бетрозов 1987. Рис. VIII; 5,6 – по Казанский, 2019. Рис. 8,1,2.

Еще одним элементом позднеримского происхождения в материальной «княжеской» культуре Северного Кавказа могут быть ламеллярные шлемы, как в кургане 13 в Кишпеке (рис. 1,5). По конструктивным особенностям и по времени кишпекскому шлему близок ламеллярный шлем из грабительских находок в Минеральных Водах (рис. 1,6). По В.А. Кузнецову, шлем, найденный в Кишпеке, принадлежит позднеримской традиции, поскольку его тисненый и полихромный декор очень близок орнаменту позднеримских «офицерских» касок (Кузнецов, 1987. С. 4-6). Другие исследователи настаивают на азиатском или сарматском происхождении данного типа шлемов (подробнее Казанский, 2019. С. 209, там же библиография). Но ламеллярные шлемы известны и в римской армии, о чем свидетельствуют изображения солдат на колонне Траяна в Риме (113 г.) и на арке Галерия в Фессалониках (298-299 гг.), где представлены и изображения каркасно-ламеллярных касок (Казанский 2019. С. 210, Рис. 3, 1,2; 8, 3,4). Эти данные, на мой взгляд, подтверждают мнение В.А. Кузнецова о римском происхождении ламеллярного шлема из Кишпека.

Показательно, что шлем из Кишпека, как кстати и конский убор (рис. 1,3,4), декорированы в так называемом римском полихромном стиле, где сердоликовые или стеклянные вставки располагаются на золотом поле с тисненым декором. Украшения этого стиля хорошо известны как на территории Империи, так и в Барбарикуме. Кроме того, иконографические данные II-III вв., в частности погребальные портреты из Египта, статуи из Пальмиры, Венеции и Равенны, также косвенно свидетельствуют о распространении вещей полихромного стиля в Империи (Scukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 66, там же библиография). В «Истории августов», написанной в конце IV – начале V вв., утверждается, что моду на цветные камни в одежде завёл Элагобал (даты правления 218-222 гг.) (*Histoire auguste*, Antonin Elagobal, XXIII.3), однако исследователи склоняются к более поздней дате, ко времени Диоклетиана, по крайней мере для западной части Римской империи (*Histoire auguste*. P. 529, note 6).

Вещи из Кишпека могут быть причислены к стилистической группе «Будапешт-Кишпек», которая характеризуется присутствием в тисненном декоре крестиков, звездочек, концентрических кружков, арк, волют, псевдо-зерни, «веревочного» орнамента. На территории Империи этот тип декора представлен на некоторых поясных гарнитурах, а также на шлеме из Будапешта. В Северном Причерноморье, в Херсонесе найдена матрица для изготовления таких вещей. Полихромные изделия этой группы представлены на Боспоре Киммерийском, в могильниках Юго-Западного Крыма (Дружное, Черная Речка). В степном контексте они найдены в курганах от Днестра до Кубани (Чауш, Градешка, Аэродром, Комаров, Тимошевская). В германском Барбарикуме похожие вещи были найдены в Закшуве/Сакрау, в Силезии. Эти находки по элементам поясной гарнитуры датируются концом периода С2 и периодом С3, т.е. концом III – второй третью IV в. (Scukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 66, 67; там же библиография находок).

Скорее всего, присутствие римских элементов в военной и конской экипировке правящих северокавказских элит свидетельствует о значительном военно-политическом влиянии Империи на племена понто-кавказского Барбарикума (Казанский, 1995. С. 244).

Литература

- Бетров Р.Ж. 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Нальчик. С. 11-39.
- Воронин К.В., Малашев В.Ю. 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. Москва.
- Казанский М.М. 1995. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы об археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 4. Симферополь. С. 238-256.
- Казанский М.М. 2019. О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация? // Боспорские исследования. Вып. XXXVIII. Керчь – Симферополь. С. 205-224.
- Кузнецов В.А. 1987. Введение // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Том 3 / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик. С. 3-10.
- Grane T. 2010. Varpelev, Denmark – Evidence of Roman Diplomacy? // *Bolletino di Archeologia Online*. Volume spéciale 2010. URL: www.beniculturali.it/bao (дата обращения – 12.08.2021).
- Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles. 1994. Éd. A. Chastagnol. Paris.
- Kazanski M. 2011. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: for the Problem of Pontic – Scandinavian Relations in the Late Roman Period // Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds.). *Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and Crimea in the Roman Period*. Simferopol. P. 91-101.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. *Des Goths aux Huns : Le Nord de la mer Noire au Bas – Empire et a l'époque des Grandes Migrations*. Oxford (BAR – International Series 1535).

Керцева (Вольная) Г. Н.

Институт истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА МАЦУТА-I

В июле 2020 г. в с. Мацута Ирафского района РСО-А проводились охранно-спасательные раскопки выявленного ОКН «Грунтовый могильник Мацута-I, средневековье». Памятник находится в Махческ-Донифарсской котловине в бассейне р.Урух (Ираф) на поляне Мацута, которая являлась традиционным культовым и погребальным местом с эпохи средневековья до конца XX в. Захоронения здесь совершали жители с. Нар, а также других близлежащих селений. Рядом с могильником расположены три вертикально стоящих мегалита-*цырта*, в окрестностях – наземные склепы.

Раскоп был заложен внутри фундамента, разделённого на три части, условно названные «А», «Б» и «В». Размеры средневекового могильника – 225x120 м. Исследованная площадь – 280 кв. м.

Над раскопанными погребениями обнаружен культурный слой мощностью от 0,92 м до 1,3 м. Слой насыщен находками фрагментов керамики, а также древесными угольками, золой. На поверхности и в слое над погребениями в секторе «А» и «Б» (ЮВ часть могильника) обнаружена охристая керамика, предположительно XVIII-XIX вв. Толщина стенок фрагментов – 0,5-0,7 см. Орнамент – поперечные вдавленные полосы. Обжиг неравномерный.

В секторах «А» и «В» в слое над погребениями и непосредственно на каменных ящиках обнаружены фрагменты столовой сероглиняной керамики (толщина стенок – 0,9-1,8 см). В секторе «В», частично над сланцевыми плитами погребений №№ 58-60, 63, была обнаружена тризна со следами горения. Она находилась на глубине 67-69 см от R, её слой был толщиной до 35 см. Размеры тризны по линии СЮ – 155 см, ЗВ – 167 см.

Выявленные фрагменты керамики представляют в большинстве случаев кувшины с эллипсоидным туловом и носиками-сливами. Орнамент на сероглиняной керамике выполнен лощением: продольные, поперечные полосы и кольца; зигзаго- и волнообразный орнамент, а также ёлочный, выполненный вдавливанием по сырой глине; встречается врезанный циркульный орнамент; представлены также выпуклые рёбра поперёк тулова сосуда и в виде элемента орнамента. По аналогиям из Куртатинского и Алагирского ущелья сероглиняная керамика датируется XVI-XVII вв. (Тменов, 2007. С. 310. Рис. 19-21).

Было раскопано 75 грунтовых погребений в каменных ящиках, в т.ч. 44 погребения – детских, 13 – мужских, 15 – женских. Три погребения со взрослыми костяками разрушены, и пол погребённых не определяется. Пять погребений были разрушены при закладке фундамента фельдшерско-акушерского пункта. В погребениях №№ 46, 51, 68 и 73 строителями фельдшерско-акушерского пункта перезахоронены останки из других разрушенных погребений.

Погребения представляли собой грунтовые могилы, обложенные по периметру и перекрытые сверху сланцевыми плитами. Каменные ящики погр. №№ 5 и 6 сложены из базальта. Покровные плиты погр. 5 – базальтовые. Вертикальные каменные плиты ящиков

снаружи подпирали разноразмерные валуны и булыжники диаметром 10-40 см, а также плоские обкатанные камни.

Погребения ЮЗ окраины могильника более ранние, о чём свидетельствует отсутствие покровных плит на некоторых погребениях, которые использовали для устройства более поздних могил, а также тризна, состоящая из золы, углей и обломков керамики, устроенная сверху них в секторе «В».

В каменных ящиках совершены одиночные захоронения, ориентированные головой на З, ЮЗ и СЗ, по-видимому, в зависимости от сезонного положения солнца. Каменные ящики узкие, с шириной для взрослых – 35-40 см, для детей – 20-25 см. Все погребенные лежали на спине в вытянутом положении, в одних случаях руки слегка были согнуты в локтях и кисти их лежали на тазовых костях, в других погребениях одна рука погребенного вытянута, другая согнута в локте и кисть ее положена на таз. Погребальный обряд включал в себя трупоположение, в восьми погребениях сочетавшееся с частичной кремацией. В пятнадцати погребениях щели между камнями замазаны глиной серо-зелёного цвета. В погр. № 6 в области бедренных костей фиксировалась обмазка такой глиной dna погребения.

Аналогичные захоронения в каменных ящиках встречаются у сс. Какадур, Джимара, Дзивгис, Махческ, с. Мацута в Северной Осетии, у с. Карт-Джурт (раскопки 1970 г.), в Ташлы-Талинском мог., мог. Курнаят в Балкарии, в сс. Автуры, Асланбек-Шерипово в Чечне.

Погребальный инвентарь могильника Мацута-I разнообразен (рис. 1).

В погребальном инвентаре каменных ящиков могильника не встречена керамика. Более половины раскопанных погребений – могилы детей, что свидетельствует о высокой детской смертности. В 19 погребениях детей погребальный инвентарь отсутствовал. В 11 погребениях слева от головы ребёнка находилась скорлупа яйца. В 15 погребениях детей 7-8 летнего возраста и старше находились артефакты в различном сочетании: железный нож; серебряные подвески и кольца; бронзовые перстни, подвески, пуговицы-бубенчики, пряжки и накладки; изделия из кожи: сапоги и чуваки, пояса, головной убор; фрагмент текстиля; металлизированные украшения головного убора из шнура и тесьмы; каменные и стеклянные бусы; каменные подвески с бронзовыми обкладками; стеклянное зеркало в деревянном чехле; кремневый отщеп; раковины каури.

В мужских погребениях найдены предметы из железа: ножи, топоры-секиры, кресала, кинжал, черешковые наконечники стрел, кольцо. Встречены бронзовые предметы (орнаментированные пластинки-накладки на пояс, кольцо, перстни; серебряные накладки), каменные оселки, деревянный кубок, кожаные предметы (сапоги, ичиги кошелёк, головной убор), верхняя одежда из текстиля с пуговицами из металлизированных нитей, костяное пряслице, стеклянные бусины, раковина каури, костяные крючки.

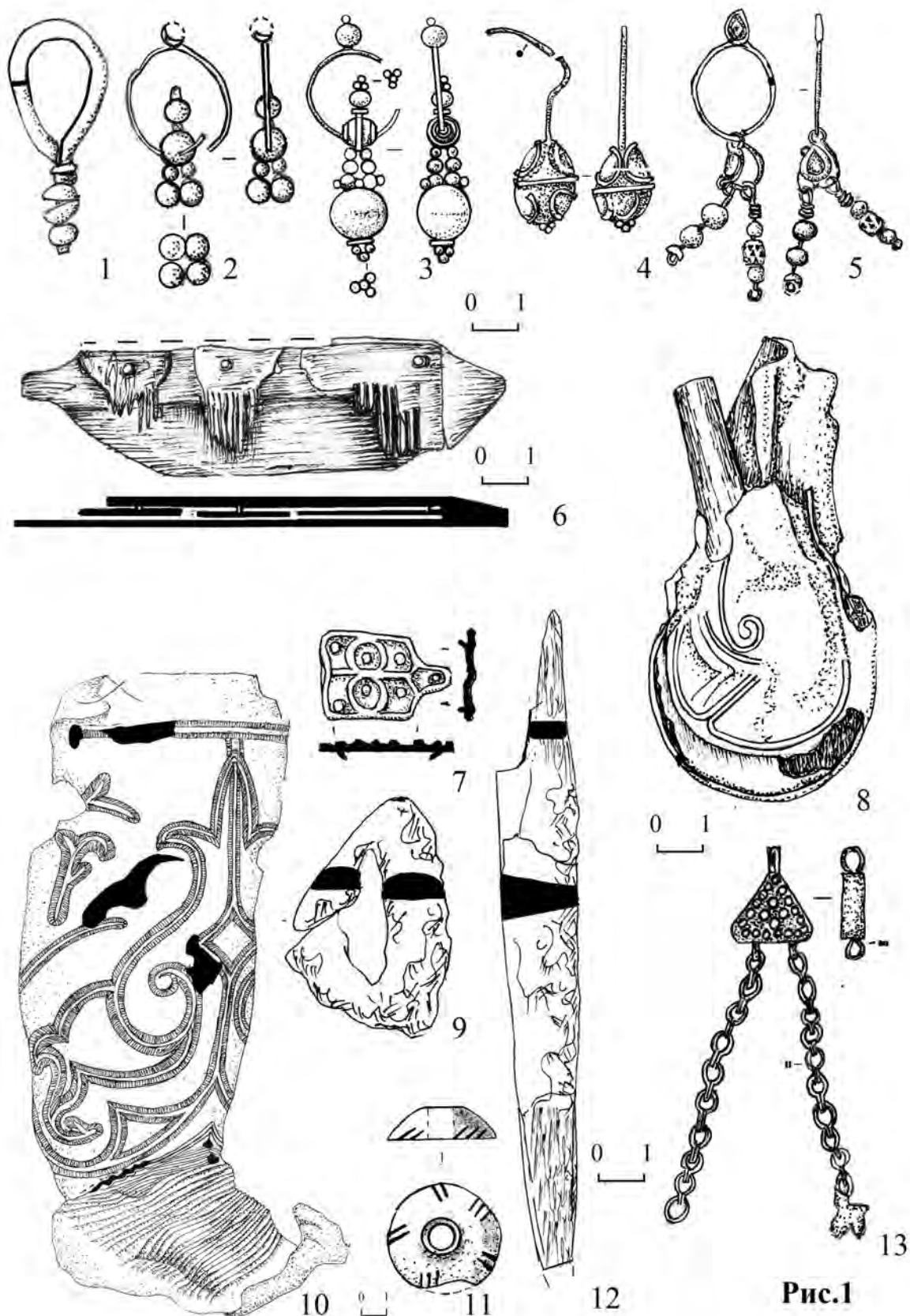

Рис.1

Рис. 1. Погребальный инвентарь средневекового грунтового могильника Маçута-I: 1-2 – погр. 9, 3 – погр. 14, 4 – погр. 35, 5 – погр. 43, 6 – погр. 5, 7 – погр. 4, 8 – погр. 27, 9 – погр. 50, 10 – погр. 28, 11 – погр. 39, 12 – погр. 46, 13 – погр. 11. 1,2,4 – серебро, 3,5,7,13 – бронза, 6 – дерево, 8 – кожа, кость, 9 – железо, 10 – кожа, 12 – железо, дерево.

В женских погребениях обнаружены железные предметы (ножи, колечко), бронзовые (серьги и перстни, накладка, пуговицы, колечко), серебряные и золотые серьги, пуговицы из металлизированных нитей, каменные и стеклянные бусы, деревянная расчёска в чехле, фрагменты текстиля, кожаные изделия (ноговицы, сапоги, ремни, накладка с вышивкой, кошелёк, игольница), костяные крючки, плод каштана; костяное и сурьмяное пряслица, подвески из текстильных нитей с бронзовыми бляшками-привесками, железный стержень с бронзовым диском.

Погребальный обряд и аналогии погребальному инвентарю (Кокиев, 1928. С. 7. Рис. 21, 42, 2; Багаев, 1984. Рис. 1, 4; Тменов, 2007. С. 31, 248-249. Рис. 18-21, 27-31; Мизиев, 2010. С. 65; Дружинина, 2020. С. 338. Рис. 1, 59 и др.) грунтового могильника Мацута-I позволяет датировать изученную часть могильника XVI-XVII вв.

Литература

Багаев М.Х. 1984. Раскопки позднесредневекового могильника у с. Автуры // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.

Дружинина И. А. 2020. К датировке погребальных памятников Адыгеи // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Махачкала.

Кокиев Г.А. 1928. Склеповые сооружения горной Осетии. Историко-этнологический очерк. Владикавказ.

Мизиев И.М. 2010. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории // История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева. В трех томах. Т. I. Нальчик.

Тменов В.Х. 2007. Тменов В.Х. Эпоха позднего средневековья. Формирование традиционной осетинской культуры (XIII-XVIII вв.) // Археология Северной Осетии. Вып. 2. Владикавказ.

Кизилов¹ А. С., Глазов² К. А.

¹ФИЦ «Субтропический научный центр Российской академии наук», г. Сочи

²Сочинское отделение Российского географического общества, г. Сочи

КРЕПОСТЬ МАМАЙ-КАЛЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЛАНИРОВКЕ И СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКЕ

Актуальным вопросом в археологическом изучении древних фортификационных сооружений и храмов является их фактическая локализация в ГИС. Предметом нашего исследования стали остатки крепости Мамай-Кале, расположенные в центральном районе города Сочи.

Имеющиеся в нашем распоряжении первичные источники о планировке крепости, к сожалению, не соответствуют фактам. В 1886 г. крепость была осмотрена археологом В.И. Сизовым, который впервые наиболее подробно описал её архитектуру. Результатом архитектурного обследования крепости стали план и зарисовки арок квадратической кладки (Сизов, 1889. Таб. II. Рис. 1).

В 1957 г. развалины крепости были осмотрены Н.В. Анфимовым, который констатировал практически полное её разрушение. В 1979 г. Ю.Н. Воронов констатировал: «В устье реки Мамайки до сих пор видны остатки угловой башни, которая принадлежала укреплению, хорошо сохранившемуся еще в конце XIX в.» (Воронов, 1979. С. 80).

В 2003 г. под руководством Д.Э. Василенко на крепости были проведены археологические раскопки ряда участков её сохранившейся части. «Все обнаруженные археологические материалы из культурного слоя могут быть датированы серединой XIII-XIV вв., возможно – началом XV в. Незавершенность археологических исследований остатков крепости Мамай-Кале позволяет сделать лишь ряд предварительных выводов об архитектуре сохранившихся частей фортификационных сооружений и строительных приемов, использовавшихся при ее возведении» (Василенко, 2010. С. 44).

При совместном осмотре крепости 16.11.2016 г. с Г.В. Требелевой (ИА РАН) был зафиксирован факт грабительского раскопа в основании сквозной арки. Грабительский раскоп обнажил уходящие в глубину своды арки, построенной из того же типа плинфы. При этом был выявлен факт того, что гумусовый слой напольного каменного перекрытия арки был прерван строительными работами средневековья – привнесёнными в основание арки материковыми породами фонового материка. Полученные выводы являлись финалом работ по исследованию почв комплексного исследования ФИЦ СНИЦ РАН. Результатом является одна из публикаций данной программы (Кизилов, Захарихина, 2019. С. 159).

Сопоставление информации о планировке крепости Мамай-Кале показало, что на данный момент наука располагает весьма не современными данными с позиций ГИС. В связи с этим была проведена аэрофотосъёмка крепости с квадрокоптера в комбинации с 3D-фотограмметрией. Полученные данные позволили сопоставить планировку сохранившейся части крепости с прилегающей территорией в системе точных GPS координат и определить на реальной местности направление существовавшей в древности стены с местами вероятно скрытых под землёй остатков каменной кладки (рис. 1).

Согласно описанию стены у В.И. Сизова, «попадают изредка в кладке куски кирпича квадратной формы» (Сизов, 1889. С. 5). Подтверждено не только наличие этих кусков в сохранившихся ныне стенах, но и наличие кирпичей на внутренней территории крепости.

На данный момент на крепости Мамай-Кале обнаружено четыре различных типа кирпича, различающихся между собой как по габаритам, так и по составу керамического

теста. Основным типом являются плинфы арки входной калитки возле западной башни. При этом «... после камеральной обработки подъемного материала и его сопоставления стало понятно, что кирпичи из башни Питуунта, согласно данным Пицундской (Бичвинтской) археологической экспедиции, датируемые рубежом III-IV вв., одинаковы с кирпичами из крепости Махадыр и Мамайки». «Данные сходства можно объяснить тем, что кирпичи для этих 3 объектов изготавливались одной артелью строителей – инженерными отрядами, состоявшими при римском легионе, размещенном в одном из укреплений Понтийского Лимеса» (Аргун, 2020. С. 221). Габариты этих плинф составляют 28x32x4 см.

Второй тип кирпичей имеет толщину около 7 см и по форматам сохранившейся четверти можно предположить исходный размер как 60x50 см.

Третий тип кирпичей имеет сохранившиеся размеры стороны 16,5 см при толщине 5 см.

Четвёртый тип совпадает с третьим по толщине, но отличен по внешней фактуре и составу керамического теста.

В своих описаниях В.И. Сизов сообщает, что даже частичная очистка стен крепости для зарисовки плана была крайне затруднена густыми зарослями сарсапарели – колючей древесной лианы. Соответственно, очистка внутренней территории требовала больших затрат средств и времени. Далее автор сообщал, что «существуют следы древнего поселения к востоку от развалин крепости, о чём я получил сведения от местного старожилы <...>, состоящие из стенок домов, хорошо сложенных из камня и занимавших большое пространство» (Сизов, 1889. С. 7). Однако по причине тех же густых зарослей развалины домов не были обнаружены.

Сопоставляя крепость Мамай-Кале с ближайшими хорошо сохранившимися фортификационными генуэзскими сооружениями в Новом Афоне возле поселка Ахали-Кындыг (крепость Сан Томасо) и крепость у р. Годлик в Лазаревском районе г. Сочи, логично будет отметить, что лишь на Мамай-Кале мы наблюдаем такое разнообразие строительной керамики, поскольку на других памятниках она по факту отсутствует даже во вторичном применении. Принимая во внимание, что основным строительным материалом, применяемым в храмовом строительстве средневековья являются кирпичи и известковые плиты облицовки, подобный факт можно с большой степенью вероятности интерпретировать предположением о существовании некогда на исследуемой крепости христианского храма. В самих описаниях В.И. Сизова имеются тому объективные подтверждения: «Между деревьями у крутого всхода с самого берега моря попадались большие отёсанные плиты известняка» (Сизов, 1889. С. 6). Очевидно, что развалины храма пострадали и от артподготовки во время проведения операции по высадке российского десанта в 1838 г. в устье р. Сочи, когда «... в течение первых двух часов артиллерия флота обрушила на Мамай и окрестные возвышенности столь интенсивный огонь, что черкесы, боясь, что их оборонительные сооружения будут в один миг сметены, сосредоточили все свои силы на их сохранении ...» (Белл, 2007. С. 12).

Геологическим фактом в данном случае является то, что в ущелье р. Псахе (Мамайка) отсутствует известняк, а основными породами на прилежащих склонах являются песчаник и мергель. Сохранившиеся на данный момент стены крепости нигде не содержат в кладке известняк, в то время как в находящемся неподалёку храме IX-X вв. в посёлке Лоо, где наблюдается та же геологическая ситуация, привозной известняк активно применялся для отделки и декора.

Дальнейшее изучение крепости Мамай-Кале крайне необходимо для получения полной исторической картины развития Кавказского Причерноморья России.

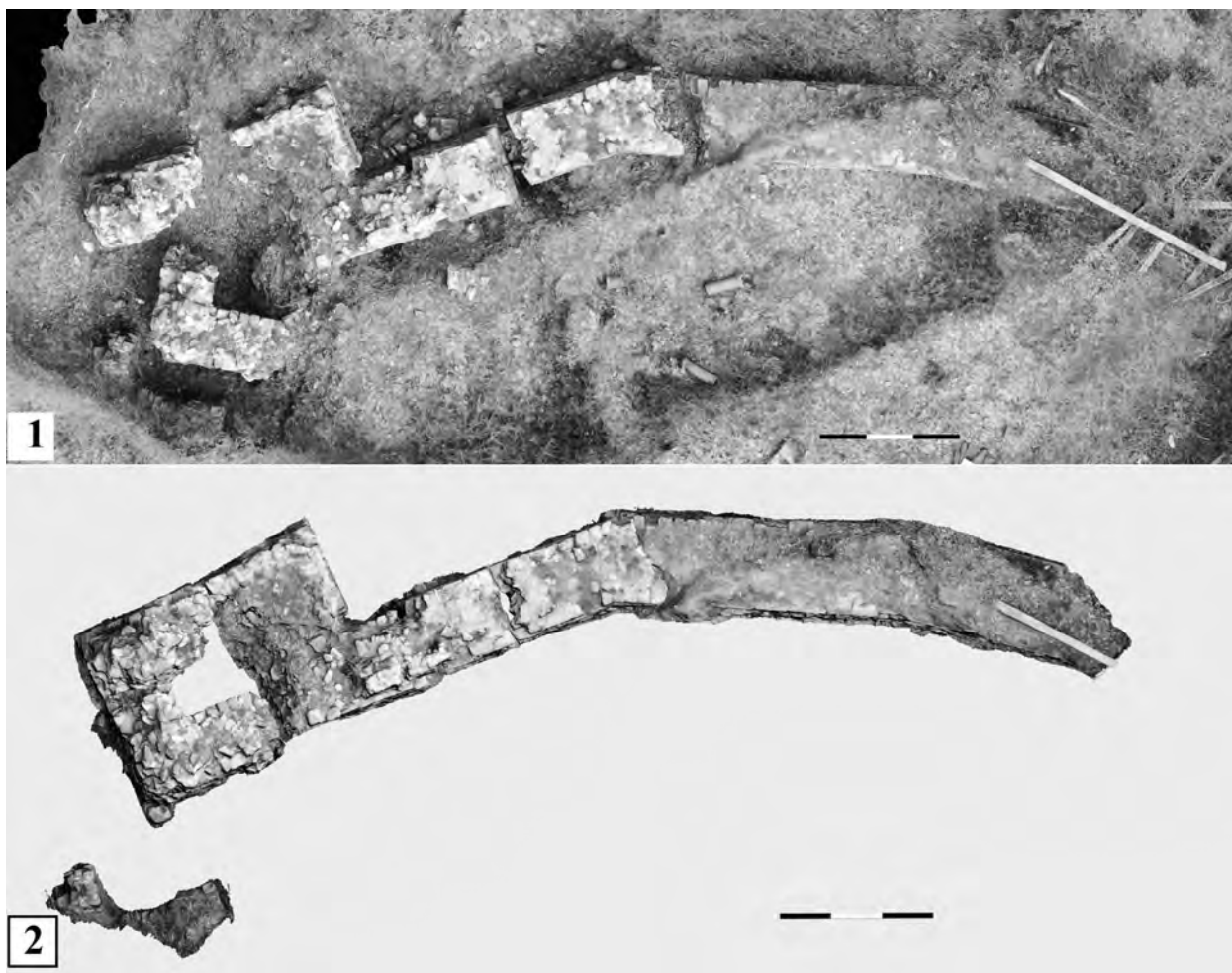

Рис. 1. Западная башня крепости Мамай-Кале.
1 – вид на башню с квадрокоптера; 2 – реконструкция планировки башни

Литература

Аргун А.В. 2020. Историческая география Северо-Восточного Причерноморья по данным античных периплов Флавия Арриана и Псевдо-Арриана // Международная научная конференция, посвященная 100-летию З.В. Анчабадзе. Сухум.

Аргун А.В. 2020. Проблемы локализации пунктов из античных «периплов» в Северо-Восточном Причерноморье // Материалы IV Международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (6-10 октября 2020 г., Севастополь). Т. I. С. 16-23.

Бэлл Дж. 2007. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. Т. 2. Нальчик.

Василиненко Д.Э. 2010. Археологические исследования остатков крепости Мамай-Кале (Центральный район г. Сочи) // Древности Кубани (Вып. 22). Н.В. Анфимов – жизнь в науке: (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского археолога): Материалы круглого стола (г. Краснодар, 29 мая 2009 г.). Краснодар.

Воронов Ю.Н. 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.

Кизилов А.С., Захарихина Л.В. 2019. Новые объекты эпохи средневековья на левобережье реки Сочапа как свидетельства особенностей жизнедеятельности средневекового человека и пространственно-временной изменчивости факторов почвообразования // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. К 110-летию со дня рождения Н.В. Анфимова: Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 29–31 мая 2019 г.). Краснодар.

Сизов В.И. 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. Вып. II. Под ред. граф. Уваровой. М.

Коробов Д. С.

Институт археологии РАН, г. Москва

ЗИЛЬГИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ И БЕСЛАНСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК – НОВЫЕ ДАННЫЕ ПОЛЕВЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ

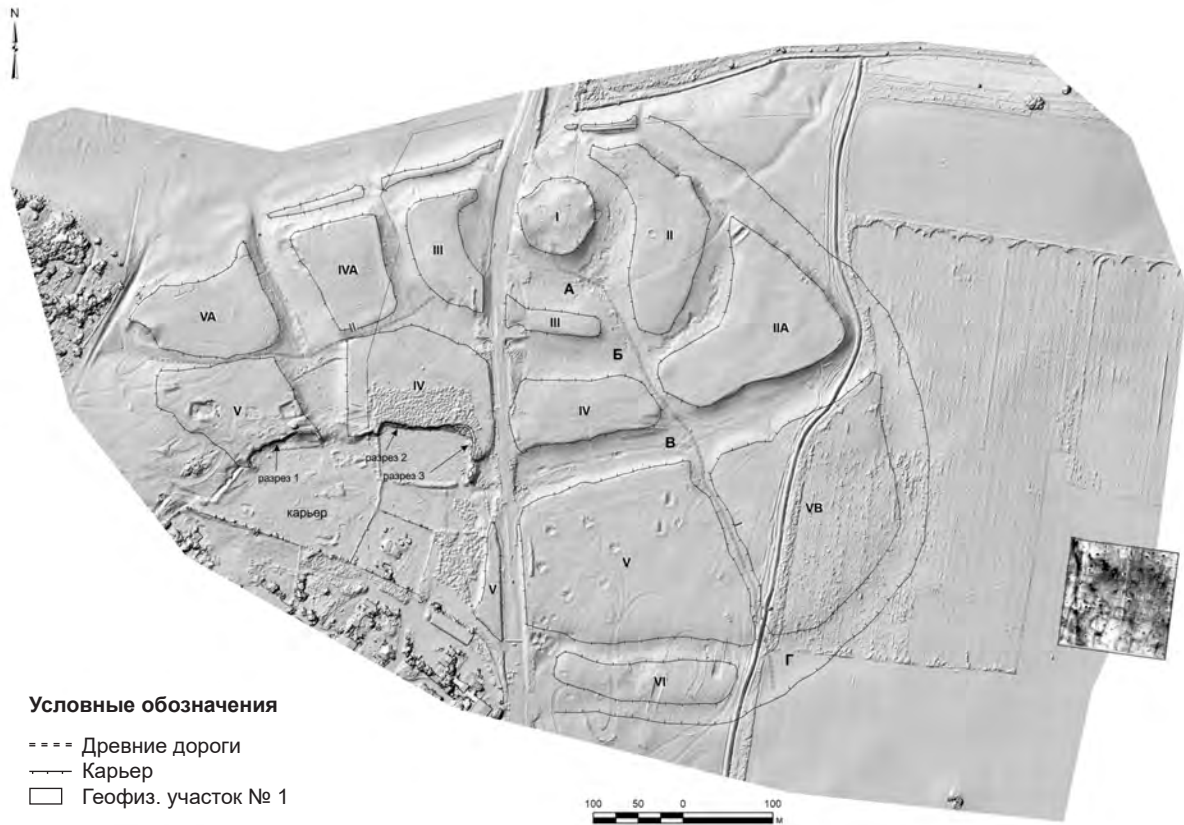
Работа подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9)

Осенью 2020 г. Институт археологии РАН проводил работы в Республике Северная Осетия – Алания в окрестностях г. Беслан на территории ключевых памятников раннего этапа аланской культуры II-IV вв. – Зильгинского городища и Бесланского курганного катакомбного могильника.

Основным направлением разведочных работ на Зильгинском городище стало составление его детального топографического плана с применением низковысотной аэрофотосъемки, которая осуществлялась под рук. Ю.М. Свойского (Центр античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ) (рис. 1, 1). Используя этот источник, удалось существенно скорректировать размеры городища – укрепленная его часть занимает около 0,5 кв. км вместо 1,0-1,5 кв. км, фигурируемых в литературе (Кузнецов, 1986. С. 74; Аржанцева, Деопик, 1989. С. 76).

Полевая деятельность в 2020 г. на городище, систематически раскапывавшемся в течение 1985-1991 гг. совместной экспедицией СОГУ и МГУ и изучавшемся в ходе охранных раскопок текущего сезона, ограничилась работами в юго-западной части, а также фиксацией его современного состояния. В обрывах карьера Зильгинского кирпичного завода на протяжении около 250 м была осуществлена зачистка культурного слоя городища, условно разделенная на три участка разрезов, в которых зафиксировано 50 хозяйственных ям. Ямы были описаны и сфотографированы, из них были отобраны многочисленные пробы на археоботанический и радиоуглеродный анализы, в слое городища устроены палинологические колонки. С помощью фотограмметрического метода зафиксировано современное состояние выходов культурного слоя и хозяйственных ям, разрушенных карьером в этой части памятника.

Работы на Бесланском курганном катакомбном могильнике носили комплексный характер и проводились по методике, отработанной научным коллективом на других памятниках раннего этапа аланской культуры Центрального Предкавказья (Коробов и др., 2014; 2015; 2020). Они предварялись анализом космического снимка сверхвысокого разрешения, сделанного со спутника WorldView-3 3 апреля 2017 г. По результатам дешифрирования было намечено два участка данного обширного некрополя – в непосредственной близости к городищу и на расстоянии 2,7 км к востоку – юго-востоку от него. Задачей полевых работ стала проверка высказанной ранее В.Ю. Малашевым гипотезы о расширении пространства курганных могильников раннего этапа аланской культуры от городищ с течением времени и последующим повторным использованием в раннее средневековье участков, примыкающих непосредственно к городищам (Габуев, Малашев, 2009. С. 143; Коробов и др., 2020. С. 456).

1

2

Рис. 1. Теневая трехмерная модель поверхности Зильгинского городища, построенная по результатам низковысотной аэрофотосъемки методом фотограмметрии (1); вид с воздуха с северной стороны на процесс раскопок курганов 876–878 Бесланского курганного катакомбного могильника (2).

Следующим этапом комплексных работ стало проведение геофизического обследования, осуществленного в мае 2019 г. проф. Мюнхенского университета Й. Фассбиндером на намеченных к раскопкам участках. На участке возле городища (рис. 1, 1) в ходе магнитной разведки было выявлено не менее двадцати курганных насыпей, окруженных квадратными и кольцевыми ровиками. Раскопкам подверглось две насыпи с квадратными ровиками (кур. 876 и 877), одна из которых перекрывает третью, более раннюю (кур. 878) с кольцевым ровиком. Помимо погребальных сооружений, в пространство кургана 876, расположенного в 400 м к юго-востоку от визуальной фиксируемой границы Зильгинского городища, попали три хозяйственные ямы, которые маркируют периферию посада с восточной стороны неукрепленной части памятника в момент его максимального расширения (рис. 1, 2). Раскопанные курганы содержали центральные захоронения в Т-образных катакомбах, а также одно периферийное погребение в подбое кургана 876 – единственное уцелевшее от ограбления в древности. Оно содержало детское захоронение, сопровождавшееся горшочком и массивной бронзовой цепью, надетой на шею ребенка 4-5 лет. Мультидисциплинарный анализ костных останков, проведенный М.Б. Медниковой и О.Ю. Четчиной, дает основание предположить, что этот индивид на момент похорон, на протяжении своей короткой жизни испытывал неоднократные физиологические стрессы и подвергался значительным физическим нагрузкам, причем отставал от современных стандартов по темпам роста почти в 2 раза. Но голова этого ребенка подверглась преднамеренной деформации, и на его лобной кости есть следы обширной трепанации без признаков заживления, что не исключает высокого прижизненного социального статуса этого погребенного и/или его родителей (Коробов и др., 2021).

По определению В.Ю. Малашева, погребения в курганах с квадратными ровиками были совершены около сер. VII в. н.э., что следует из остатков поясного набора с псевдопряжками и штампованными бляшками в геральдическом стиле, найденных в кур. 876, тогда как катакомба кур. 878 с кольцевым ровиком, судя по ее конструктивным особенностям, датируется не позднее начала III в. н.э. и относится к числу наиболее ранних катакомбных погребений Бесланского некрополя, известных на сегодняшний день.

Магнитометрическое обследование участка 2 на юго-западной окраине могильника выявило не менее 20 насыпей курганов, окруженных кольцевыми ровиками, две из которых (кур. 874 и 875) были раскопаны. Под насыпями находились захоронения в Т-образных катакомбах с глубокими (до 4 м) входными ямами, сильно разрушенными в результате ограблений в древности. Немногочисленный погребальный инвентарь, уцелевший после грабителей, включал в себя серебряные и бронзовые пряжки, характерные для третьей четверти IV в. н.э. (определения В.Ю. Малашева)

Таким образом, проведенные в 2020 г. полевые исследования на Бесланском курганном катакомбном могильнике позволили существенно расширить прежние (с первой пол. III по финал IV в. н.э.) представления о времени его использования, проследить тенденцию развития некрополя от городища в восточном и юго-восточном направлении, а также выявить свидетельства повторного использования его могильного пространства рядом с городищем в сер. VII в. н.э.

Литература

Аржанцева И. А., Деопик Д. В. 1989. Зилги – городище начала I-го тысячелетия н. э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

Коробов Д. С., Борисов А. В., Малашев В. Ю. 2015. Раскопки и разведки в окрестностях Кисловодска // АО-2010-2013. М.

Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й. 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский-1 близ Кисловодска // КСИА. Вып. 232.

Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й. 2020. Комплексное исследование раннеаланских захоронений IV вв. н.э. в Северной Осетии // КСИА. Вып. 260.

Коробов Д.С., Чечеткина О.Ю., Медникова М.Б. 2021. Детское погребение VII в. из раскопок Бесланского могильника в фокусе комплексного междисциплинарного исследования // РА. № 4.

Кузнецов В. А., 1986. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.

Мамаев¹ Р. Х., Нарожный² В. Е., Нарожный³ Е. И.

¹Независимый исследователь, г. Грозный

²Независимый исследователь, г. Армавир

³Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева,
г. Карачаевск

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА ИЗ КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА XIII–XIV ВВ. (ВЫСОКОГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)

Материалы из индивидуальных и коллективных захоронений (грунтовые ямы, каменные ящики и полуподземные склепы) Келийского могильника (высокогорная Ингушетия), полученные в ходе охранно-спасательных исследований 1987-1988 гг. (Нарожный, Мамаев, 2018. С. 270-283) были сопряжены с останками почти 1 тыс. чел. (Нарожный В. 2004, с.358-359). Датированные в т.ч. и по нумизматическим находкам XIII-XIV вв., полученные материалы представлены разными категориями вещевого материала, сопровождавшего погребения этого могильника. Прежде всего – это отдельные орудия труда и инструментарий разнопрофильных ремесленников (Нарожный В., Нарожный Е. 2013. С. 321-323), местная и частично импортная керамика, предметы вооружения и бытовой повседневности, языческого и христианского культов, в т.ч. древнерусского происхождения, и пр. Дав веские основания не только для разработки значительно более дробной внутренней хронологии, они позволяют провести и реконструкции системы взаимоотношений горских сообществ с Золотой Ордой и ее населением, особенно через округу городища Татартуп (Демяков), и с их кавказскими соседями, в т.ч. обитавшими в округе средневекового г. Жинвали, чему не мешала подконтрольность закавказских союзников системе политико-экономического диктата государства Хулагуидов. Не меньшие возможности открываются и в исследованиях по анализу системы организации военного дела горцев и его специфики, а также в возможностях характеристики основных хозяйственно-ремесленных занятий горцев и пр.

Среди погребального инвентаря не только Келийского могильника, но и других синхронных ему некрополей высокогорной Ингушетии, особый интерес представляют находки различных предметов, изготовленных из рога и кости. В литературе уже указывались их эпизодические находки, в основном связанные с системой вооружения – роговые концевые накладки на луки и их кибити, наконечники стрел из рога (Даутова, Мамаев, Чахкиев, 1983. С. 37-66), декорированные геометрическим орнаментом роговые накладки на колчан (Нарожный В., Нарожный Е., Чахкиев, 2005. С. 305-307), кольца из кости для стрельбы из лука и пр. Келийские материалы увеличивают, хотя и ненамного, статистику подобных находок, а также демонстрируют большое разнообразие предметов из кости и рога.

Доминирующими являются находки астрагалов (игральных альчиков) небольших размеров, преимущественно связанных с детскими захоронениями могильника. Есть и крупный астрагал с обеими сточенными поверхностями, скорее всего использовавшийся для шлифовки, полировки и заглаживания поверхностей каких-то предметов.

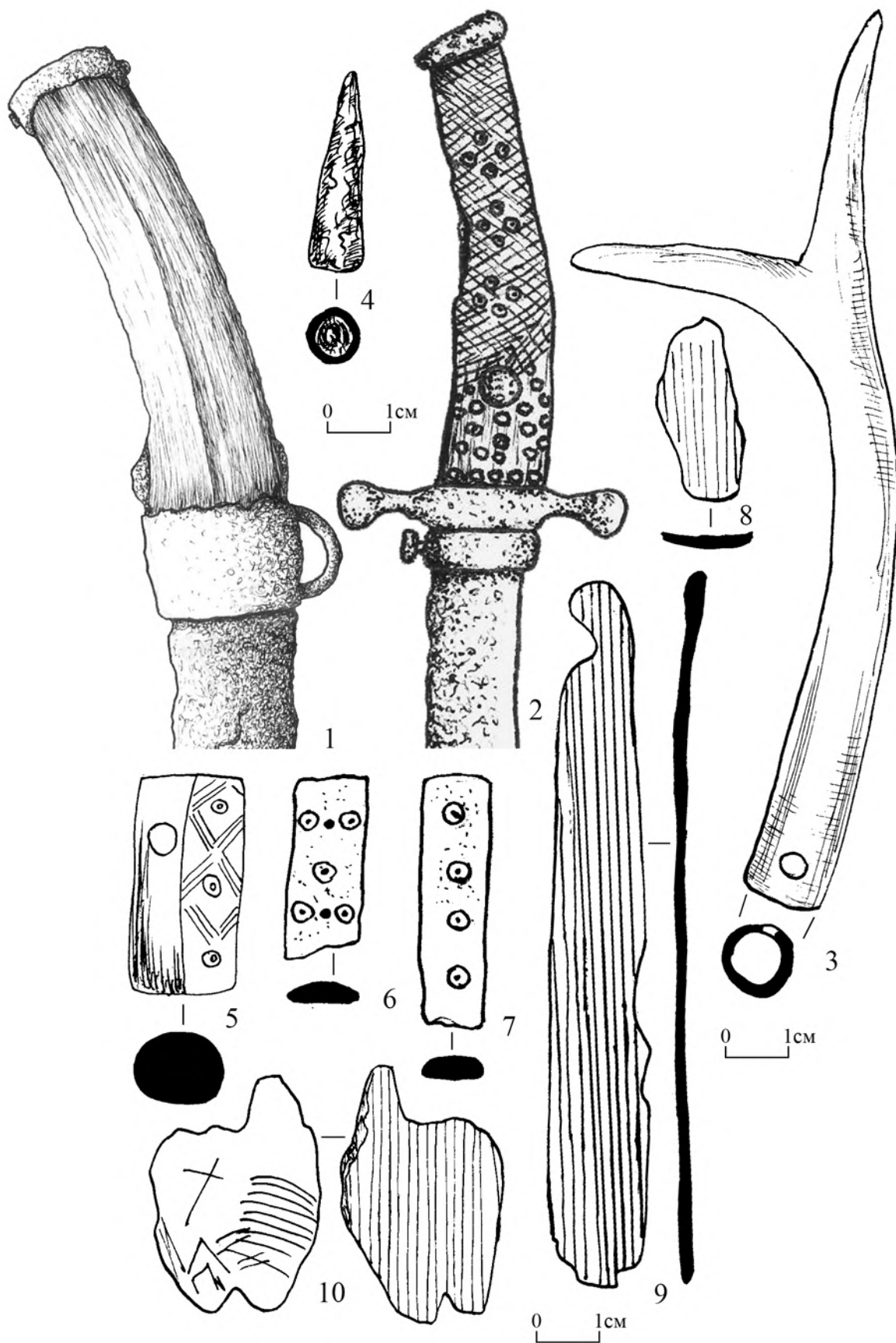

Рис. 1. Изделия из кости и рога из Келийского могильника XIII–XIV вв.

Более многочисленными являются находки округлых пуговиц из кости и рога со сквозным отверстием в их центральной части и с врезным декором их внешних поверхностей. Почти полностью коллекция таких пуговиц из Келийского могильника опубликована (Нарожный, 2005. С. 61). Такие пуговицы находят полные аналогии в инвентаре кочевнических захоронений Восточной Европы, обычно относимых специалистами к XII-XIV вв. Встречены такие же пуговицы с одним-двумя отверстиями, но в виде слабоизогнутых платин из кости квадратной и подпрямоугольной форм; найдено и несколько соединительных «муфточек» (склеп № 4) из фрагмента рога животного (спил подовальной формы с тремя поперечными сквозными отверстиями).

В нескольких склепах и в отдельных каменных ящиках были обнаружены костяные (целые и во фрагментах) костяные иглы разных размеров с мелким просверленным округлым отверстием в верхней части изделия. Вероятно, предметы использовались при занятиях портняжным (?) делом и домашними промыслами (шитье?). Из костей животных с хорошо заполированной внешней поверхностью был изготовлен и ряд проколов, скорее всего, использовавшихся при обработке кож и грубых тканей. Было обнаружено и несколько костяных полых футляров цилиндрической и подпрямоугольной в сечении форм (игольницы), вероятно, сверху и снизу дополнительно затыкавшихся специальными «заглушками». Крупный фрагмент орнаментированной рукояти ножа цилиндрической формы (рис. 1, 5) по внешней поверхности украшен врезанным орнаментом. Другие поделки из рога: наконечники стрел (основной их тип см.: рис. 1, 4), концевые накладки и фрагменты накладок на кибыть лука (рис. 1, 8-10); насаженная на черенок роговая рукоять сабли из погр. № 121 (рис. 1, 2). Последняя находка орнаментирована врезанными линиями, образующими сетку, и концентрическими кругами.

Судя по исследованиям А.А. Душенко, косторезного дела крымского Мангупа, заготовки под аналогичные поделки вырезались из спилов рогов оленя (Душенко, 2016. Рис. 14). Спилы из таких же веток рога оленя в некоторых случаях использовались и при изготовлении рукоятей ножей (рис. 1, 1, 7). Были встречены роговые пластинчатые накладки на ручки ножей (рис. 1, 6-7). Рукоять ножа из рога в погр. № 121 позволяет считать, что в подобных случаях такие поделки могли иметь и ярко выраженную социально-престижную подоплеку. Другая рукоять (рис. 1, 3), не совсем удобная в частом (сугубо бытовом) употреблении, вероятно, могла являться частью предмета культового (?) назначения.

Рассмотренные предметы не исчерпывают всего многообразия известных находок из кости и рога, наглядно демонстрирующих не только «импортный» характер части из них, но и местное изготовление. В комплексе они дают веские основания для дальнейшего и целеустремленного изучения этого специализированного ремесла, напрямую связанного и с такими занятиями, как охота на определенные виды животных с последующей обработкой их рогов, костей и кож, шедших затем и на производство кожаных обкладок ножен, колчанов и пр. А это, в свою очередь, определяло и иные специализации ремесленников внутри горского общества рассматриваемого времени.

Литература

Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. 1983. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный.

Душенко А.А. 2016. Косторезное дело Мангупа. Дисс. ... к.и.н. Симферополь.

Нарожный В.Е. 2004. Келийские склепы горной Ингушетии: некоторые аспекты изучения (по материалам раскопок 1987-1988 гг.) // МИА Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. 2013. Находки ремесленного инструментария в горной Ингушетии XIII-XIV вв. // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Третья Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Г.К. Шамба. Материалы конференции (28 ноября – 1 декабря 2011 г., г. Сухум). Сухум.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2005. Колчанные накладки XIV в. из горной Ингушетии (Полуподземный склеп № 12) // МИА Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир.

Нарожный Е.И. 2005. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир.

Нарожный Е.И., Мамаев Р.Х. 2018. Хоздоговорная археологическая лаборатория ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (1986-1992 гг.) // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и литературы. Материалы международной конференции, посвященная 80-летию ЧГУ (25-26 сентября 2018 г., г. Грозный). Грозный.

Марков Д. Н.

ФГБУ «Сочинский национальный парк», г. Сочи

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХРИСТИАНСКОМ ЗОДЧЕСТВЕ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Территория Абхазии, Крыма, Тамани и исторической Алании длительное время в конфессиональном отношении подчинялась Константинополю и была поделена на епархии и митрополии. Данный фактор способствовал формированию здесь целого ряда общих черт в христианском зодчестве, основанных на использовании при возведении храмов византийского архитектурно-строительного канона (рис. 1).

Сложившиеся типологии в своей основе опирались на определённые математические стандарты и выработанные параметры, исходной мерой в которых выступал модульный размер. В Византии такой величиной являлась либо глубина алтаря, либо сторона подкупольного квадрата. При этом мерили только внутреннее пространство церкви, являвшееся её базовой характеристикой.

Чаще всего, и это нашло воплощение в ряде крестово-купольных храмов X-XI вв. типа «вписанный крест» в селениях Алахадзы, Лоо, Новый Афон (церковь Симона Канонита), Нижний Архыз (Северный Зеленчукский храм), а также в Херсонесе (храмы № 2 и № 9), в постройках использовался модуль, равный 3,3-3,4 м (Пищулина, 2006. С. 268).

Разбивка пространства проводилась с индивидуальными особенностями, но с соблюдением принципа – ширина центрального нефа равна ширине двух боковых.

Такой тип церковных сооружений преобладал в X-XI вв. на Черноморском побережье и Северном Кавказе в процессе начавшегося интенсивного строительства новых, а также перестройки и реконструкции действующих храмов. Особенно заметно это проявилось в Сочинском регионе и Алании, где христианство делало свои первые шаги (Ванеев, 1959. С. 163-164).

В средневековой Алании христианство появилось во второй пол. VII в. (Виноградов, Белецкий, 2019. С. 11-14). С этого времени ведёт свой отсчёт Аланская епархия, центром которой был храмовый комплекс, включавший три Зеленчукских, а также Шоанинскую и Сентинскую церкви. Епархиальным собором являлся Северный Зеленчукский храм (пос. Нижний Архыз), стены которого были расписаны фресками греко-византийского происхождения.

На территории Кубани местами строительства крестово-купольных церквей и зальных базилик в X-XI вв. стали земли Таманского полуострова и приморская полоса Большого Сочи.

Сравнивая их со строившимися в тот же период или уже построенными храмами Абхазии нельзя не заметить не только типологическое сходство, но и совпадение модульного размера и других параметров храмовых зданий.

Крупный храм в Имеретинской низменности у с. Весёлое и византийский храм в пос. Лоо по своим характеристикам связаны с церквями в сс. Новый Афон и Лыхны, а также с Северным Зеленчукским храмом в Алании. Они имеют практически одинаковую ширину 18 – 19 м (за исключением Лооского – 12 м), а длина не превышает 23 м.

Особое место среди них занимают небольшие храмы с отсутствующими нартексами и притворами. Они не были многочисленными, но кое-где строились довольно активно. В Херсонесе функционировало четыре подобных церкви, на Северном Кавказе и в Юго-Восточном Причерноморье – три подобных храма: Южный Зеленчукский, в пос. Хоста и в долине р. Цкуара (Мсыгхуа). Сопоставление их пространственно-планировочных схем убеждает в наличии какого-то более раннего «образца» из другой местности. Храмы имели одинаковую ширину 7,6-7,7 м, но различались в длине самого церковного здания.

Другой тип купольных сооружений – крестовидная церковь – нашёл своё воплощение в виде построенной в Сочинском регионе во второй пол. X в. церкви у родника Крион Нерон. Это единственный известный на сегодняшний день храм типа *croix libre* – чистого или свободного креста в Северо-Восточном Причерноморье (Василиненко, 2010. С. 76-78). Анализ его плана показывает, что наиболее близкими аналогиями ему являются планы крестовидных церквей Алании и Крыма, прежде всего – Сентинского храма и храма в Мангупе, строительство которых отнесено к X в.

В то же время в Центральном Предкавказье, на территории Алании, возводятся пять храмов такого архитектурного решения – храм на «Церковной поляне» у с. Архыз, два храма в ущелье р. Большой Зеленчук, храм в ущелье р. Кяфар и Сентинский храм на р. Теберда (Кузнецов, 1977. С. 156).

В IX-XI вв., помимо возведения крупных крестово-купольных храмов и перестройки старых базилик, на территории Сочинского региона велось строительство одностолпных церквей, предназначенных для обслуживания местных общин. Церковные здания этого типа различались между собой размерами, наличием дополнительных пристроек, либо алтарной частью.

Апсиды делились на три категории: 1) выступающие полукруглые без заплечиков, где полукружие переходит в продольные стены; 2) выступающие полукруглые с заплечиками и 3) вписанные в прямоугольный абрис здания. Первый тип в постройках Абхазии встречается довольно редко. В районе Сочи к нему относятся только два храма на левом берегу р. Мзымта и на правом берегу р. Псоу. Зато их много на Северном Кавказе: к ним принадлежат храмы в с. Адиух, № 3 и № 5 в с. Нижний Архыз, правда, все они без притворов. Аналогичный план имеет и культовое здание на Малом Утрише, близ Анапы.

В отличие от первой группы, храмы с выступающими полукруглыми апсидами с заплечиками, располагались на морском побережье и являясь дополнением к крестово-купольным трёхнефным храмам. На Северном Кавказе и в Краснодарском крае они обычно строились как приходские центры в зависимости от численности населения. Например, в районе Урупского городища по единому плану было выстроено три храма с апсидными заплечиками: от относительно крупного до небольшого, наподобие часовни (Милованов, 1973. С. 130).

Появление базилик с вписанными апсидами свидетельствует о влиянии традиций грузинского зодчества опосредованно, через Абхазию. В Сочинском районе они присутствуют у двух небольших церквей в удалённых горных долинах в устье р. Агвы и на р. Восточный Дагомыс, а на Кубани – в храмах №№ 1, 5 на Ильичевском городище в Отраденском районе (Каминский, Каминская, 1996. С. 172-178) и на р. Белой у станицы Белореченской.

Христианские храмы на территории Большого Сочи возводились в период с VII в. по XI в. и отражают многообразие архитектурных планов, строительных и технологических приемов. Они демонстрируют творческие связи и взаимовлияние местных архитектурных школ и традиций провинциального византийского зодчества.

В условиях малой степени централизации важную роль сыграли наиболее крупные и богатые сообщества региона, выступавшие заказчиками и инициаторами вариантов размещения храмов. Литургические особенности возводимых сооружений соответствовали именно их потребностям.

Необходимо также выделить ряд архитектурных приемов, объединяющих средневековые церкви, построенные в бассейнах Мзымты и Псахо. Это, прежде всего, использование местного камня легкой, пористой карбонатной породы в качестве облицовочных плит и перекрытий.

Нельзя не отметить и своеобразный синтез, отраженный в планах сооружений и их конструктивных особенностях, которые учитывают базовые принципы провинциального византийского зодчества, традиции Абхазской и Аланской архитектурных школ, а также навыков местных мастеров, выразившихся в выборе места расположения памятников и использовании новых строительных материалов.

Литература

- Ванеев З.Н. 1959. Средневековая Алания. Сталинир.
- Василиненко Д.Э. 2010. О времени возведения церкви у родника Крион Нерон (с. Лесное, Адлерский район г. Сочи) (к вопросу о генезисе храмов плана «croix libre» на Северном Кавказе) // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докладов. Магас.
- Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. 2015. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII-X в. М.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. 2019. История и искусство христианской Алании. М.
- Каминский В.Н., Каминская И.В. 1996. Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир. М.
- Кузнецов В.А. 1977. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе.
- Милованов Е.А. 1973. Средневековое городище на реке Уруп // Археологические открытия 1972 года. М.
- Пищулина В.В. 2006. Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода средневековья. Ростов н/Дону.

Рис. 1. Схема расположения памятников христианского зодчества на рассматриваемых территориях.

Мастыкова А. В.

Институт археологии РАН, г. Москва

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПРЯЖКИ ИЗ КОСТИ И ХРУСТАЛЯ В ПОНТО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Настоящая работа посвящена относительно малоизвестным пряжкам с округлой, чаще всего овальной рамкой, сделанной из кости (рога) и хрусталя, датируемым V-VI вв. и обнаруженным на Северном Кавказе и в Крыму. В европейско-средиземноморской зоне они встречаются не часто, хотя и на довольно широкой территории (Quast, 1996; 2001). Эти находки рассматриваются в понто-кавказском контексте северного пограничья Восточной Римской империи.

Пряжки с рамкой из кости. Одна овальная костяная (роговая) пряжка была найдена в 1936 г. на территории Пашковского могильника № 1 на Нижней Кубани (совр. территория г. Краснодар; подробнее см.: Смирнов, 2016; Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016) (рис. 1, 3). Могильник принадлежит местному протоадыгскому населению позднего V-VII вв. (памятники типа Пашковский-Карповка: сагины Прокопия Кесарийского: см.: Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016. С. 99-107). Она явно происходит из разрушенного погребения, сохранилось костяное овальное кольцо. Оно равномерно утолщено в передней части и сужено в задней части, где это кольцо, скорее всего, прикреплялось непосредственно к ремню (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016. С. 15. Табл. 7, 25).

В Северном Причерноморье костяные пряжки найдены не только на Северном Кавказе, но и в Восточном Крыму, на территории Боспора Киммерийского. Два экземпляра недавно были опубликованы в составе погребального инвентаря кенотафа 16 второй пол. V – первой пол. VI в. могильника Джурга-Оба (один из некрополей античного Китея в «европейской» части Боспора). Они имеют бронзовый подтреугольный щиток, плоский язычок и костяную округлую рамку (рис. 1, 1, 2). Помимо кенотафа 16, костяные пряжки также были найдены в склепах 31 и 34, которые готовятся к публикации (Ермолин, Казанский, 2016. С. 237. Рис. 2, 5, 8).

Таким образом, в понто-кавказском регионе костяные пряжки известны как у эллинизированного населения Боспора, так и у варваров Нижней Кубани. Эти пряжки в Европе встречаются относительно редко, хотя и распространяются довольно широко, от британского архипелага до Дуная, при этом встречаются в разной культурной среде, как германской, так и позднеримской. В качестве примера находки из достоверно римского контекста можно привести овальную пряжку из Сирмия (*Sirmium*) в Северном Иллирикуме, на Среднем Дунае, обнаруженную в погр. 5 небольшого кладбища вокруг октогонального мавзолея, судя по обряду и инвентарю, типично романского (Kazanski, Mastykova, 2017. P. 185; Popović, 2017. P. 72. Pl. 10, 1). Возможно, римской является и пряжка из Сингидунума (*Singidunum*), также в Северном Иллирикуме – имеется в виду находка в Роспи Чуприя (*Rospi Ćuprija*) (Bielajac, Ivanišević, 1993. P. 136, 137. Fig. 11, 1). В то же время такие пряжки известны и в погребениях германского населения Среднего Подунавья в таких могильниках, как Сентеш Кёкензуг (*Szentes Kökényzug*), Апахида (*Apahida*). В Западной Европе такие костяные пряжки известны в Южной Германии, в Северной Италии в остроготское время и у англо-саксов в позднем V в. и раннем VI в. (Quast, 1993. P. 54, 133; Quast, 2001. P. 435. Abb. 3, Fundliste 1). Не исключено, что обнаруженные в Европе костяные пряжки могут имитировать дорогие изделия из слоновой кости, распространявшиеся из позднеримского Средиземноморья в аристократической культуре правящих элит. Однако такое предположение нуждается в развернутой аргументации.

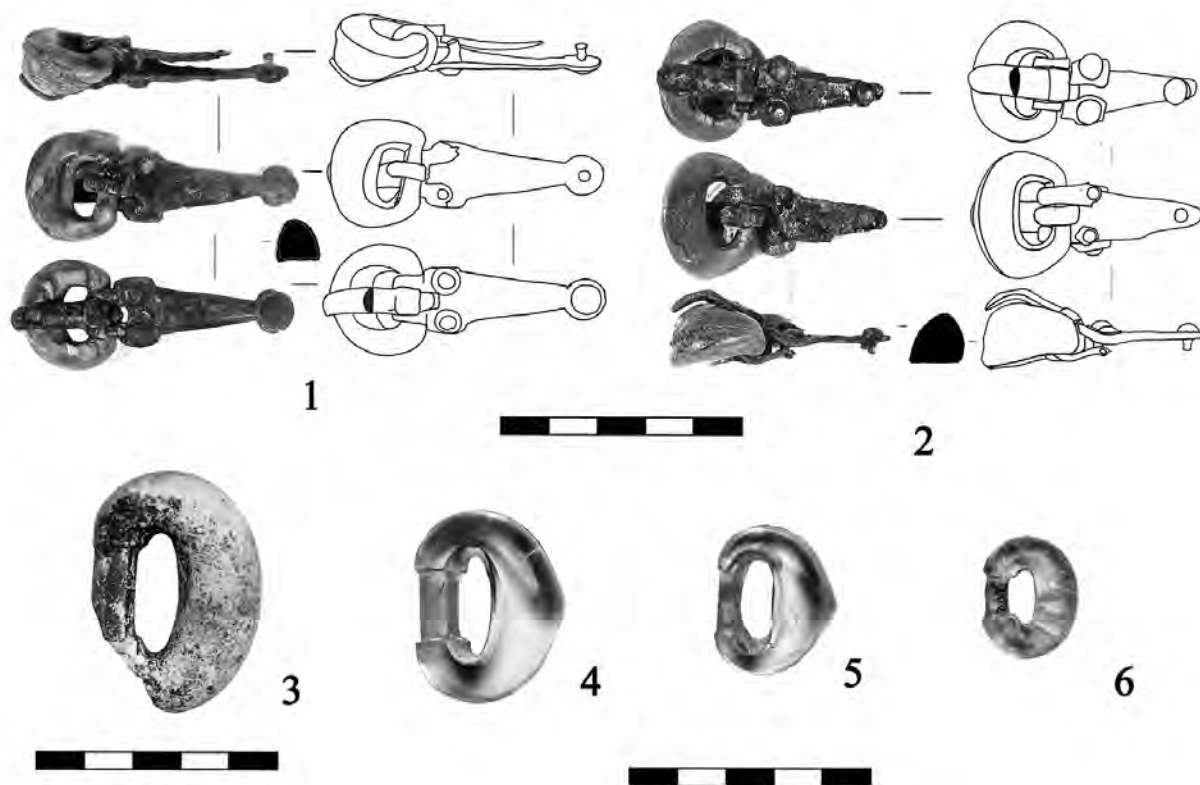

Рис. 1. Костяные и хрустальные пряжки в Северном Причерноморье:
 1, 2 – Джурга-Оба, кенотаф 16 (по: Ермолин, Казанский, 2021. Рис. 2, 5, 8);
 3 – Пашковский могильник № 1 (по: Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016.
 Табл. 7, 25); 4-6 – Керчь (по: Eger, 2017. № 87)

Пряжки с рамкой из горного хрусталя. Пряжки с рамкой из горного хрусталя являются еще более редкой находкой. По сути, в Северном Причерноморье они известны только на Боспоре Киммерийском по старым немецким коллекциям с указанием на Керчь, как место покупки (Quast, 1996. Abb. 2, 3, 4; Eger, 2017. N° 87) (рис. 1, 4-6). Такие пряжки известны на территории Восточной Римской империи, в Египте и Ливане, а также на среднем Дунае, у гепидов, и, более всего, на территории Меровингского королевства (Bush, Korteweg, 1988. Karte 1; Quast, 1996, Abb. 7; Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 11, 12). Их относительная многочисленность в меровингских могилах объясняется, прежде всего, особенностями погребального обряда, поскольку на меровингском Западе, в отличие от Восточного Средиземноморья, было принято хоронить покойных с сопровождающими вещами. Необходимо отметить и наличие пряжек с рамкой из полудрагоценных камней в сасанидском Иране, хотя последние известны только по частным коллекциям и их происхождение нуждается в проверке (Quast, 1996. Abb. 8, 1, 2). Дата этих пряжек устанавливается в первую очередь по меровингским находкам в пределах конца V – самого начала VI в. (Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 11, 12, Chronologietabelle, A4).

Разумеется, пряжками не ограничивался импорт изделий из хрусталя в Восточную Европу. Для интересующего нас времени (V-VI вв.) на Северном Кавказе и в Крыму известно большое количество хрустальных бус (подробнее см.: Мастыкова, 2020, там же библиография). Возникает вопрос, откуда изделия из горного хрусталя поступали в Восточную Европу и, в частности, в Крым. По мнению Д. Кваста, хрустальные бусы, а стало быть и пряжки их хрусталя, поступали в Северное Причерноморье, да и вообще в Европу, из Средиземноморья, хотя ряд исследователей не исключает их импорта с территории сасанидского Ирана (Quast, 1993. S. 94, 95). Последнее обстоятельство, видимо, может объяснить находки хрустальных изделий в Центральной Азии и Сибири (подробнее см.: Мас-

тыкова, 2020. С. 285, там же библиография). Однако для Крыма более логичным представляется импорт из Византии, поскольку в начале средневековья полуостров входил в сферу восточно-римской военно-политической и экономической активности.

В заключение можно отметить, что находки костяных (роговых) и хрустальных пряжек в понто-кавказском регионе дополняют картину распространения ранневизантийских импортов и демонстрируют распространение восточно-римского влияния на материальную культуру как эллинизированного Боспора Киммерийского, так и у протоадыгского населения Северного Кавказа.

Литература

Ермолин А.Л., Казанский М.М. 2021. О клинковом оружии из погребения 16 эпохи Великого переселения народов на могильнике Джурга-Оба в Восточном Крыму // КСИА. Вып. 263. С. 235–252.

Мастыкова А.В. 2020. Хрустальная многогранная бусина с поселения Картамышево-3 и контакты Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем в VI–VII вв. // Археологические вести. Вып. 28. С. 272–288.

Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А., 2016. Пашковский могильник № 1. Т. 2. Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М., СПб.: Нестор-История. 373 с.

Смирнов К.Ф. 2016. Пашковский могильник № 1. Т. 1. Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947–1949 гг. М., СПб.: Нестор-История. 280 с.

Busch U., Korteweg W.K. 1988. Ein merowingerzeitliches Kindergrab aus Aulnizeux. Überlegungen zu Bergkristallobjekten aus merowingerzeitlichen Gräbern // Bulletin de la Societe Archeologique Champenoise. T. 81. № 4. P. 9–22.

Bjelajac L., Ivanišević V. 1993. Les témoignages archéologiques des Grandes Invasions à Singidunum // Старица. Т. 42. P. 123–139.

Eger C. 2017. Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerker der Völkerwanderungszeit. München: Hirmer Verlag. 272 S.

Kazanski M., Mastykova A. 2017. La culture matérielle. VII. Objets en os // Sirmium à l'époque des Grandes Migrations / Dir. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević. Leuven–Paris–Bristol: Peeters. P. 157–214.

Popović I. 2017. Les nécropoles du Ve et VIe siècle // Sirmium à l'époque des Grandes Migrations / Dir. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević. Leuven–Paris–Bristol: Peeters. P. 39–92.

Quast D. 1993. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Konrad Theiss. 162 S., Taf.

Quast D. 1996. Schmusein – und Glasschnallen des 5. und frühen 6. Jahrhundert aus dem östlichen Mittelmeergebiet und dem „Sassanidenreich“ // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 26. S. 333–345.

Quast D. 2001. Byzantinisch-gepidische Kointakte nach 454 im Spiegel der Kleinfunde // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. / Ed. E. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszód-Nyíregyháza: Jósza András Museum; Osváth Gedeon Museum Foundation. S. 431–452.

Schulze-Dorrlamm M. 2002. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. I. Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit Festem Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums in Kommission bei Dr. Rudolf Habelt GMBH. 258 S. 4 Taf.

Нарожный¹ Е. И., Сазонов² А. А., Тищенко³ И. Б.

¹Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева,
г. Карачаевск,

²ООО «Кубань Археология», г. Краснодар;

³ООО «Археолог», г. Ставрополь

ОБ ОДНОМ ВАРИАНТЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА VIII–XIV ВВ. У КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Из исследованных в 2020 г. на периферии одного из мусульманских кладбищ XIV в. золотоордынского города Маджара представлены могилы с заплечиком, подбоем (*ляхд*) и с закладом из сырцового кирпича, вытянутого вдоль подбоя и, с разной степенью поворота скелетов по направлению *киблы*. С географической точки зрения, как известно, по отношению к Маджарам Мекка расположена далеко на юге (Нарожный, 1989. С. 159-172). Среди указанных маджарских погребений заметно выделяется погребение № 8 – захоронение «ребенка в возрасте до года» (здесь и далее определения А.Н. Абрамовой, н.с. Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына). Погребение в простой грунтовой яме без подбоя и заклада; лицевая часть черепа, грудная клетка и левая нижняя конечность скелета повернуты, но не на юг, а в противоположную от него сторону, т.е. на север (рис. 1, 1). Еще в двух погребениях – № 4 (♀ – 45-55 лет) и №5 (♂ – 25-35 лет) того же некрополя, совершенных, как и погр. № 8, в простых грунтовых ямах также без подбоев и закладов, скелеты уложены с менее выраженными признаками легкого их поворота на север (поворот лицевой части черепа и стоп, возвышение правого плеча над левым). Эти детали позволяют интерпретировать все три захоронения различно.

В первую очередь все три погребения наглядно демонстрируют сохранение своих исходных еще с «домонгольского» времени (?) этнокультурных истоков даже после принятия ислама, принадлежность к которому документирует их нахождение в границах периферийного участка мусульманского кладбища. Можно предположить, что все три захоронения, несмотря на наличие у них явно нехарактерных для известных канонов мусульманской обрядности черт, дают повод для восприятия их, как погребений мусульман, но из числа возможных мигрантов (?), переселившихся или перемещенных на р. Куму с каких-то территорий, по отношению к которым Мекка с киблой должна была находиться с северной стороны. Либо же это очередные примеры своеобразного симбиоза, в рамках которого представлены и погребения «новообращенных» в ислам кочевых обитателей Золотой Орды, еще длительное время сохранявших свои «старые» и традиционные (еще до появления Золотой Орды) погребальные обряды и ритуалы. Подобные явления, но на примере раннемусульманских могильников Волжской Булгарии, отмечала Е.А. Халикова (Халикова, 1986. С. 42-47). На территории Золотой Орды такие же ситуации отмечены В.А. Ивановым (2021). Предположение можно подкрепить, например, отсылкой и к кочевническим захоронениям с подобными чертами обрядности в захоронении кочевника-«язычника» (рис. 1, 2) могильника XIII-XV вв. поселения «Железнодорожное-2» (Нарожный, Тищенко, 2020. С. 682-713), фактически синхронного упомянутому мусульманскому кладбищу в Маджарах. Трудноопределимость конкретной этнокультурной принадлежно-

сти рассматриваемых захоронений позволяет утверждать лишь об их явно тюркском происхождении. Это подтверждает еще одно более раннее погребение (рис. 1, 3) грунтового могильника хазарского времени, захоронения которого впущены в культурный слой раннесредневекового поселения (VIII-X вв.) Ханьков-1 (раскопки А.А. Сазонова) Темрюкского района Краснодарского края.

Маджара; 2 – погр. № 1 (вид с восточной стороны) с территории «языческого» могильника (XIII-XIV вв.) поселения Железнодорожное-2 в Темрюкском районе Краснодарского края; 3 – погр. № 3 грунтового могильника позднехазарского времени (?), впущенного в культурный слой поселения VIII-X вв. Ханьков-1 в Темрюкском районе Краснодарского края (1-2 – раскопки И.Б. Тищенко в 2020 (1) и 2012 (2) гг.; 3 – раскопки А.А. Сазонова в 2005 г.).

Приведенные выше материалы в очередной раз иллюстрируют проблему достаточно сложного и «пестрого» с этнокультурной точки зрения состава кочевого населения равнинно-степной зоны Северного Кавказа в разные исторические периоды эпохи средневековья. И их состав не всегда был стабильно одинаков: наряду существовавшими здесь еще с «домонгольского» времени кочевыми обитателями в регионе, вероятно, формировались и новые их группы. В XIII-XIV вв. в их состав «вливались» и кочевые группы, перемещенные на Северный Кавказ в контексте политической истории Золотой Орды, затем активно участвовавшие в политической, этнокультурной и религиозной перипетиях этого государственного образования, способствуя образованию конфессионального симбиоза (Иванов, 2021), демонстрируемого и кочевниками Северного Кавказа золотоордынского периода.

Литература

Иванов В.А. 2021. Ислам и язычество у кочевников Золотой Орды: сосуществование или симбиоз? // МИА Северного Кавказа. Вып.19. Армавир-Карачаевск.

Нарожный Е.И. 1988. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Нарожный Е.И., Тищенко И.Б. 2020. Два захоронения могильника XIII-XV вв. поселения Железнодорожное-2 (Крымский район Краснодарского края) // История, археология и этнография Кавказа. Т.16. № 3.

Нарожный Е.И., Тищенко И.Б. 2021. Новые мусульманские захоронения золотоордынского города Маджара (Ставрополье) (в печати).

Халикова Е.А. 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань.

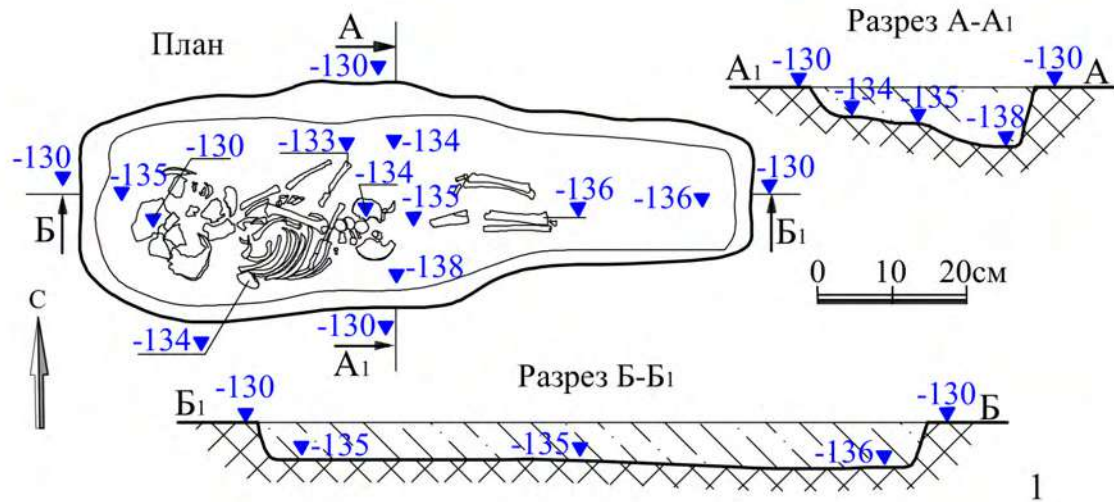

Рис. 1. Кочевнические погребения Северного Кавказа эпохи Средневековья:
1 – погр. № 8 (план и разрезы) XIV в. с периферии мусульманского кладбища
на территории золотоордынского города.

Нечипорук А. А.

ГАУК РО «Донское Наследие», г. Ростов-на-Дону

ПАМЯТНИКИ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА г. РОСТОВА-НА-ДОНУ

Исторический центр г. Ростова-на-Дону занимает участок высокой коренной террасы правого берега р. Дон, между р. Темерник и балкой Кизитериновской. С севера его ограничивает балка Безымянная (левый приток р. Темерник). В результате сплошной городской застройки естественный рельеф местности заметно спланирован. Правобережная терраса Дона с древности была сильно изрезана спускающимися к реке небольшими балками и оврагами, которые хорошо видны на старых планах города. Некоторые из них до сих пор, несмотря на засыпку, отчетливо видны в рельефе.

Основная масса памятников VIII-X вв. на территории г. Ростова-на-Дону была выявлена и описана сотрудниками Ростовской городской секции археологии ВООПИиК П.А. Ларенком и С.В. Мячиным в начале 1980-х гг. Наиболее выразительным памятником среди них считается Нижне-Гниловское поселение, расположенное на правом берегу устья балки Кульбаковой, на территории некрополя Нижне-Гниловского городища, датируемого I-III вв. н.э. Историческая же часть города долго была белым пятном на археологической карте ввиду более плотной застройки и меньших объемов хозяйственного освоения, дающих возможность проводить научно-исследовательские работы.

Поселенческие памятники (рис. 1). По сути, первыми археологическими работами, в ходе которых было выявлено одно из первых раннесредневековых местонахождений в центральной части города, стали раскопки 2005 г. археологической экспедиции РРО ВОО ВООПИиК под руководством П.А. Ларенка. Эти работы велись на территории проектируемого Международного конгресс-центра (пер. Крепостной, 71). В раскопе 2 были найдены фрагменты керамики, позволившие автору раскопок связать их с остатками стойбища VIII-X вв. (Ларенок, 2005. С. 6). Однако очертить его границы, ввиду плотной застройки, представляется весьма затруднительным. Ранее отдельные фрагменты раннесредневековой керамики (амфор и единичных обломков сероглиняных лощеных кувшинов и кухонных горшков) были найдены к западу от этого участка, в Кировском сквере (Ларенок, 2003. С. 31), а также к юго-западу, при раскопках валов Троицкого редута в пер. Крыловском (Ларенок, 2002. С. 240). С этим же местонахождением можно связать исследованный автором объект, располагавшийся западнее пересечения ул. Станиславского и пр. Богатыновский Спуск. Он представлял собой прямой ровик, находившийся на пологом склоне, небольшого оврага, спускающегося к Дону. Ровик имел плотное затекшее заполнение, в котором была выявлена различная керамика, среди которой преобладали фрагменты гончарных сероглиняных кувшинов. Можно предположить, что он служил для отвода воды из родника, выходами которых был некогда богат высокий коренной берег Дона (Ильин, 1909. С. 31).

Более выразительный материал был получен при раскопках поселения Ростов-Сиверса, расположенного на склоне левого берега р. Темерник, между впадающими в нее балками Безымянной и Генеральской. Поселение выявлено в 2006 г. А.Н. Масловским (Масловский, 2008. С. 183). В заложенных шурфах найдены материалы хазарского и золо-

тоордынского времени (Масловский, 2008. С. 183-187). В 2007 г. С.Е. Жеребиловым на поселении были проведены раскопки. На площади 248 кв. м было исследовано 15 хозяйственных ям (Жеребилов, 2010. С. 161).

Остатки еще одного поселения были выявлены в 2016 г. А.Н. Коваленко на территории некрополя Кизитериновского городища I-III вв. н.э. (Коваленко, Елкин, 2018. С. 193). Оно расположено на пологом склоне правого берега р. Дон, к западу от устьевой части балки Кизитериновской. Поселение, по наличию в непосредственной близости от него источника пресной воды, было названо Родник. В ходе работ был исследован весь сохранившийся участок памятника (126 кв. м), на котором выявлена 31 хозяйственная яма (Коваленко, Елкин, 2018. С. 194). В заполнении ям содержалось очень мало материала, преимущественно остеологического.

Топография описанных поселенческих памятников различна, что, очевидно, определяется их характером. Поселения Ростов-Сиверса и Родник расположены на пологих склонах реки, занимая удобное для стационарного проживания положение. Местонахождение в районе Кировского сквера расположено на открытом участке высокой коренной террасы р. Дон и не имеет четко выраженных топографических границ. Культурный слой, судя по всему, отсутствует. Его можно связать с остатками сезонного стойбища.

Погребальные комплексы (рис. 1). Данные о раннесредневековых погребальных комплексах в исторической части города еще более скудные. Среди насыпей обширного курганного могильника эпохи бронзы, некогда занимавшего водораздельную возвышенность между р. Дон и балкой Генеральской (практически полностью уничтожен городской застройкой), были и раннесредневековые. Один из таких курганов, располагавшийся в районе современного пересечения ул. Социалистической и пер. Крыловского, оказался перекрыт в XVIII в. земляными валами одного из редутов крепости Дмитрия Ростовского. В 2003 г. он был исследован П.А. Ларенком (Ларенок В.А., Ларенок П.А., 2004. С. 120). Это была небольшая земляная насыпь над погребением VIII-IX вв. Еще одно погребение этого времени доследовано в 1939 г. Б.В. Луниным в траншее по ул. Суворова, между переулками Ткачевским (ныне пер. Университетский) и Богатыновским (ныне пр. Кировский) (Ильюков, 2000. С. 42). Информация о наличии насыпи отсутствует. Инвентарь представлен лепным горшком и гончарным кувшином. В 2017 г. в ходе реконструкции ул. Станиславского одно раннесредневековое грунтовое погребение было исследовано автором. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Инвентарь представлен шарообразным предметом из рога с просверленным сквозным отверстием (кисть?). В 2021 г. грунтовое погребение было выявлено И.Н. Парусимовым на ул. Богданова в непосредственной близости от поселения Родник. В погребении, ориентированном на ЗСЗ, обнаружен бронзовый перстень со стеклянной вставкой, две пуговицы, два астрагала барана, два гончарных сосуда и часть туши барана.

Рис. 1. Поселения и отдельные комплексы хазарского времени в исторической части г. Ростова-на-Дону.

Литература

Жеребилов С.Е. 2010. Работы 2007 года на средневековом поселении Ростов-Сиверса // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Вып. 24. Азов.

Ильин А.М. 1909. История города Ростова-на-Дону. Ростов-на-Дону.

Ильюков Л.С. 2000. Долмановский могильник // Отражение прошлого. Ростов-на-Дону.

Коваленко А.Н., Елкин Р.П. 2018. Археологические исследования в Ростове-на-Дону // Археологические открытия. 2016 год. М.

Ларенок В.А., Ларенок П.А. 2004. Работы археологической экспедиции РРО ВООПИиК в 2003 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20. Азов.

Ларенок П.А. 2002. Археологическая экспедиция Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры на рубеже веков // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов.

Ларенок П.А. 2003. Отчет об охранных археологических раскопках в зонах новостроек в исторической части г. Ростова-на-Дону в 2003 г. Ростов-на-Дону.

Ларенок П.А. 2005. Отчет. Раскопки участка крепости св. Дм. Ростовского на территории строительства конгресс-центра в городе Ростове-на-Дону в 2005 году. Ростов-на-Дону.

Масловский А.Н. 2008. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23. Азов.

Новичихин¹ А. М., Смекалова² Т. Н.

¹ Анапский археологический музей, г. Анапа

² Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

**НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ
ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТАНИЦЫ ГОСТАГАЕВСКОЙ:
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

*Исследование выполнено по гранту Минобрнауки РФ,
проект № 15.СИН.21.0013 «Новые подходы к изучению, консервации и реставрации объ-
ектов культурного наследия, разработанные на основе результатов синхротронных и
нейтронных исследований»*

В Анапском археологическом музее хранится интересный образец средневекового ударного оружия – обломок отлитого из медного сплава навершия булавы (инв. № КМ 8411) с вертикальными выступающими лопастями.

Навершие найдено в 1987 г. на одном из дачных участков садово-огороднического кооператива «Здоровье». находка сделана на территории крупного средневекового поселения, существовавшего, судя по подъемному материалу, с IX в. по XV в. (Новичихин, 1993. С. 139-1420). В 100-150 м к северу от места находки расположено Гостагаевское городище античного времени (Кругликова, 1966. С. 97), менее чем в 0,5 км – Гостагаевский могильник с каменными погребальными конструкциями XIII-XV вв. (Алексеева, Шавырин, 1980. С. 92; Новичихин, 1993. С. 142).

Сохранилось около трети навершия с небольшим порожком и тремя сегментовидными лопастями, утолщенными и расширенными в средней, наиболее выступающей, части (рис. 1). Очевидно, булава имела восемь выступающих лопастей. Высота навершия – 6,2 см, диаметр составлял ок. 6 см. В силу сохранности и небольшой деформации диаметр втулки точно не определим, он составлял ок. 2,5 см. Вес фрагмента – 156,04 г, исходя из чего можно сделать вывод, что целое навершие весило ок. 470 г.

Наиболее близкой аналогией публикуемому является не полностью сохранившееся бронзовое навершие булавы-шестопера из музея Сванетии (Svaneti Museum, 2014. Fig. 38, a; Дружинина, Чахкиев, 2020. С. 219. Рис. 4, 3). Несколько обломков бронзовых булав с выступающими лопастями происходит с территории «золотоордынского Поволжья» (Нарожный, Чахкиев, 2002. С. 127. Рис. 1, 7). К поволжскому ареалу следует отнести близкий по форме (с более угловатыми лопастями и удлинённой книзу втулкой) «медный чекан» с восемью лопастями, найденный до 1898 г. в Ставропольском уезде Самарской губернии (район совр. г. Тольятти) (ОАК за 1898 г. С. 77. Рис. 132). В научной литературе упоминается также неопубликованная пока находка бронзового шестопера из городища Маджары (Нарожный, Чахкиев, 2002. С. 127).

К сожалению, все известные аналогии навершию из ст. Гостагаевской происходят либо из музейных собраний, либо из случайных находок. Данных для датировки бронзовых наверший с шестью или восемью выступами-лопастями нет. Составители каталога музея Сванетии отнесли бронзовый экземпляр из его собрания к эпохе средневековья (Svaneti Museum, 2014. P. 43). Исследователи средневекового кавказского вооружения на основании сходства бронзовых экземпляров с железными, некоторые из которых происходят из закрытых археологических комплексов или имеют хронологически выразительную орнаментацию, допускают возможным включать бронзовые булавы с лопастями в сводки оружия XIII-XV вв. (Нарожный, Чахкиев, 2002. С. 127; Дружинина, 2017. С. 99-

100; Дружинина, Чхаидзе, 2020. С. 219; Tsurtsunia, 2018. Р. 106, 107). Такая же дата может быть предложена и для фрагмента навершия из окрестностей ст. Гостагаевской.

Отметим, что в средние века и позднее булавы-перначи были не только оружием, но и статусным предметом, инсигнией, маркирующей ранг военачальника в иерархии милитаризированных сообществ.

Недавно представилась возможность исследовать состав сплава булавы с помощью рентгено-флуоресцентного спектрометра Мистраль М1 (Bruker) неразрушающим безэталонным методом. Элементный состав был измерен в двух точках на поверхности, значения затем были осреднены (см. Табл.). Стандартное время измерений составило 30 сек. (напряжение 50kV). Изучалось содержание 10 химических элементов: меди (Cu), свинца (Pb), олова (Sn), цинка (Zn), сурьмы (Sb), мышьяка (As), железа (Fe), серебра (Ag), золота (Au), никеля (Ni) и марганца (Mn). Три последних элемента не присутствуют в составе сплава в количествах, превышающих сотую долю процента, поэтому мы не приводим их в таблице 1.

Таблица 1. Состав сплава булавы из окрестностей станицы Гостагаевской

	Cu, %	Pb, %	Sn, %	Zn, %	Sb, %	As, %	Fe, %	Ag, %
	48,94	21,26	12,77	3,13	1,51	5,32	6,71	0,36
	52,10	21,22	10,19	2,79	1,26	4,50	7,62	0,32
Среднее	50,518	21,24	11,48	2,96	1,38	4,91	7,17	0,34

Булава сделана из мультикомпонентного сплава, в котором главными рецептурными добавками к меди являются свинец (21%), олово (11%), железо (7%), мышьяк (5%) и цинк (3%). Присутствуют также в небольших количествах сурьма (> 1%) и серебро (0,3%).

Необходимо отметить наличие в сплаве булав цинка. Латунь (сплав меди с цинком) впервые появляется в Северном Причерноморье в нач. I в. до н.э. в качестве монетного металла митридатской эпохи (Смекалова, Дюков, 2001. С. 78-90; Смекалова, 2019. С. 642, 643). Многокомпонентные сплавы с цинком достаточно широко распространяются в регионе в первые века н.э., проникая из Рима и провинций к местному населению в основном через Боспор и Херсонес (Антипенко, Смекалова, Новичихин, Мульд, 2021).

Происхождение, распространение и значение латуней в раннем Средневековье на торговых путях Кавказа рассматривалось А.А. Иерусалимской на примере химического анализа металлических предметов из могильника VIII-IX вв. Мощевая Балка. Свыше 70% этих предметов оказались изготовленными из латуни; из них более половины составляют многокомпонентные сплавы с низким содержанием цинка (от 1% до 7%). Автор отмечает значительное улучшение технологических качеств сплавов при добавлении к меди уже нескольких процентов цинка (Иерусалимская, 1986. С. 100, 101, 103). А.А. Иессен в работе, посвященной древней металлургии Кавказа, отмечал, что цинк мог добавляться как для облегчения процесса выплавки металла, так и для повышения качества самой отливки. Такие сплавы, полученные путем совместной плавки медных и цинковых руд, могли использоваться для изготовления литых предметов, в т.ч. оружия (Иессен, 1935. С. 178, 180). В качестве наиболее вероятного источника поступления латуней на Кавказ А.А. Иерусалимская называет юго-восточное Причерноморье, где древние авторы помещают область обитания моссиников – пионеров выплавки латуни (Иерусалимская, 1986. С. 107).

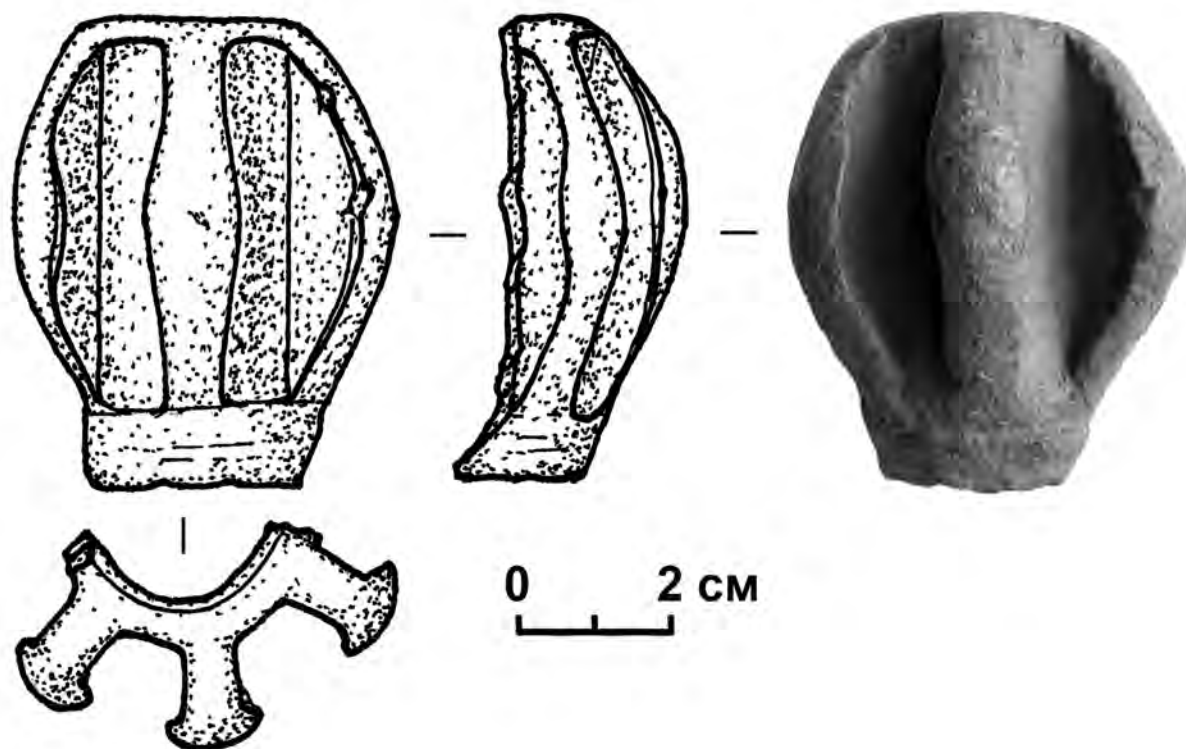

Рис. 1. Фрагмент навершия булавы из окрестностей ст. Гостагаевской. Медный сплав.

Вероятно, свинец в достаточно большом количестве ($> 20\%$) мог быть добавлен в сплав для утяжеления булавы. В остальном, многокомпонентный состав сплава весьма характерен для средневековых металлических предметов. Так, в сводке состава сплавов изделий из цветных металлов золотоордынских поселений Саратовской области пятую часть занимают многокомпонентные латуни (медь, олово, цинк и свинец) (Недашковский, 2002. С. 338). В связи с тем, что в материалах Пскова XIII-XIV вв. доля подобных многокомпонентных сплавов еще выше, автор предполагает возможность ввоза латуни на территорию Руси и Золотой Орды из Западной Европы через Прибалтику.

Некоторую «архаичность» и «экзотичность» сплаву булавы придают примеси сурьмы и мышьяка. Мышьяковистая бронза, как известно, использовалась для изготовления вещей бронзового века Кавказа, ее доля существенно падает на новочеркасском этапе раннего железного века (Барцева 1974; 1981. С. 9-11). Сурьма в Северном Причерноморье вообще довольно редко использовалась в сплавах, и нами она выявлена, в основном, в литых монетах античных государств Северо-Западного Понта и Керкинитиды, а также в скифских наконечниках стрел «базисного» типа (Кутайсов, Смекалова и др. 2020. С. 36-39). Весьма вероятно, что при получении металла, предназначенного для отливки булавы, в переплавку были пущены изделия или лом изделий, относящихся к эпохе бронзы – началу железного века. Нельзя исключать, что подобная операция могла быть вызвана не только технологическими соображениями, но и магическим ритуалом – передачей достоинств древнего оружия вновь создаваемому.

Исследование сплава фрагмента навершия булавы из окрестностей ст. Гостагаевской является первым опытом рентгено-флуоресцентного изучения редкого образца средневекового оружия. Его результаты наглядно иллюстрируют процесс получения сложных, мультикомпанентных сплавов на основе меди, применявшихся средневековыми мастерами Северного Кавказа для изготовления статусных предметов вооружения.

Литература

- Алексеева Е.М., Шавырин А.С. 1980. Исследования в Анапе и Анапском районе // АО за 1979 г. М.
- Антипенко А.В., Смекалова Т.Н., Новичихин А.М., Мульд С.А. 2021. Латунные уздечные наборы позднесарматского времени из Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 262.
- Барцева Т.Б. 1974. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // СА. № 1.
- Барцева Т.Б. 1981. Цветная металлообработка скифского времени: Лесостепное Днепроовское левобережье. М.
- Дружинина И.А. 2017. Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) // АЕС. № 5.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. 2020. Шестопер из аланского святилища Реком // Древние памятники, культуры и прогресс. Сборник, посвященный Д.В. Рукавишникову. М.
- Иерусалимская А.А. 1986. Древняя латунь на торговых путях Кавказа (по материалам Мошковой Балки) // СА. № 2.
- Иессен А.А., Деген-Ковалевский Б.Е. 1935. Из истории древней металлургии Кавказа. ИГАИМК. Вып. 120.
- Кругликова И.Т. 1966. Боспор в позднеантичное время. Очерки экономической истории. М.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н., Дубинина Л.И., Губанов Ю.Б., Куликов А.В., Фридрихсон С.К., Гаврилюк А.Н. 2020. Монетные сплавы Керкинитиды / Серия «Археометрия Причерноморья». Вып. 2. СПб.
- Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII-XV вв.) // МАИАСК. Вып. 2. Армавир.
- Недашковский Л.Ф. 2002. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5.
- Новичихин А.М. 1993. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // Древности Кубани и Черноморья. *Studia Pontocausasica*. I. Краснодар.
- Смекалова Т.Н. 2019. Новые данные о чеканке Боспора времени Митридата VI // ВДИ. № 3.
- Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. 2001. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб.
- Svaneti Museum. Catalogue. Tbilisi, 2014.
- Tsurtsunia M. 2018. The Mace in Medieval Georgia // *Acta Militaria Mediaevalia*. XIV.

Савенко С. Н.

ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск

О ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТАХ ИЗ КАТАКОМБ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ ПОЗДНЕАЛАНСКОГО ВРЕМЕНИ (XI–XII вв. н. э.)

Основа данного доклада была подготовлена более 30 лет назад, но собранный материал не потерял своей актуальности за это время. Определение пород древесины рассматриваемых изделий проводил тогда археолог-исследователь из Санкт-Петербурга Александр Ильич Семенов. Он изучал памятники хазарского времени Нижнего Дона, раритетные музейные комплексы типа Перещепинского клада и кудыргинских находок, выявлял ценные предметы в частных коллекциях и т.п. Особенно важными разработками ученого были исследования деревянных археологических предметов с привлечением лабораторных анализов пород древесины по микроскопическому строению древесины, рассмотренному на трех срезах (поперечном, тангентальном и радиальном) в проходящем свете. В этой области им была подготовлена серия статей, лишь частично изданная лично и в соавторстве (Семенов, 1985. С. 35-38; Пыжова, Семенов, 1986. С.65-67). Работы не были завершены и полностью обнародованы в связи с тем, что в 2000 г. А.И. Семенов пропал без вести при невыясненных обстоятельствах. Представляется, что развиваемое им направление остается перспективным потому, что к настоящему времени собраны коллекции деревянных изделий, в т.ч. из позднеаланских памятников центральных районов Северного Кавказа. Только часть из них опубликована и в основном без специальных определений.

В данной работе вводятся в научный оборот результаты ксилотомического анализа материалов могильников Кольцо-Гора № 1, Рим-Гора № 1 и Мебельная фабрика из раскопок А.П. Рунича, С.Н. Савенко и Я.Б. Березина, определенных в конце 1980-х гг. А.И. Семеновым.

Аналитический материал вполне представителен (Табл. I), хотя и фрагментарен. Всего было отобрано 59 образцов. Есть некоторые предметы неустановленного функционального назначения («бабочковидный предмет», прямоугольная дощечка, оструганные палочки). Древки стрел из погребений могильника Кольцо-Гора № 1 относились к данной категории в основном предположительно. Но большая часть деревянных изделий (напр., рукояти секир, деталь кибити лука и др.) сомнения в отнесении к определенным категориям предметов не вызывают. Поэтому материал является достаточно информативным.

По категориям предметов выборка распадается на следующие разновидности: орудия труда (рукоять мотыжки) – 1; предметы туалета (гребень) – 1; шкатулки – 7; посуда – 5; ложка – 1; столики – 3; оружие (рукояти секир, ножны сабли, кибить лука, реальные и вотивные (?) древки стрел) – 23; детали конского набора (ленчик и лука седла) – 3; детали погребальных конструкций (колода, гроб) – 6.

Анализируемые материалы из Пятигорья свидетельствуют о более популярных и, вероятно, более распространенных породах деревьев, используемых для производства различных изделий: дуб – 23, клен – 10, лещина – 7, бук – 4, ива – 4, розоцветные – 3 и ольха – 2. По одному экземпляру определились: ясень, береза, тополь, самшит, кизил и сосна.

Прослеживаются некоторые приоритеты в использовании пород дерева для отдельных видов изделий. Так, хотя в выборке только один образец кибити лука, он демонстрирует традицию изготовления средневековых луков из кизила. Такие луки диагностированы в сборах из Мощевой Балки – коллекция Эрмитажа (Иерусалимская, 1978. С. 151-162; Милованов, Иерусалимская, 1976. С. 40-44), Краснодарского музея из с. Курджиново (Каминский, 1982. С. 48-50). Кизил определен также в детали лука из раскопок Е.И. Крупнова в Галиате (Крупнов, 1938. С. 113-121; Пыжова, Семенов, 1986. С. 67).

В могильниках Рим-Гора № 1 и Кольцо-Гора № 1 были исключительно ясеневые древки стрел, в то время как в позднесредневековых памятниках региона встречались образцы преимущественно из клена (Пыжова, Семенов, 1986. С.68). В материалах Пятигорья X-XII вв. сохраняется раннесредневековая практика изготовления вотивных изделий, включая амулеты, из лещины (Иерусалимская, 1983. С.110; Ложкин, 1984. С.41. Рис.13, 5-7). В исследованных раннесредневековых памятниках (прежде всего Мощевая Балка) вотивные древки стрел, рукояти секир, детали луков отличались от «полноценных» образцов и тем, что для их изготовления использовалась не зрелая стволовая древесина, а прутики лещины. Отмечаются подобные факты и в представляемых материалах на древках стрел и рукоятях секир (7 образцов из лещины). Встречаются они и в позднесредневековых подборках (Даргавс, Дзивгис – раскопки В.Х. Тменова).

Кавказской традицией представляется изготовление деревянных столиков на высоких ножках из клена (в нашей выборке 3 образца). На Северном Кавказе они археологически известны в памятниках средневековья алан и осетин (Туаллагов, 2020. С. 29-46). Клен в подборке преобладал также среди материала для изготовления деталей седел, а также сосудов, ложек. Для посуды и шкатулок избиралась и редкая порода – бук и ива, которая также применялась для деталей ножен сабель.

Одним из важных аспектов темы является предположение о том, что по археологическим материалам можно судить о породном составе лесов исследуемых районов в рассматриваемую эпоху. Но данное направление является самостоятельной научной проблемой, которая только затрагивается в докладе в методическом плане, в связи с тем, что материалы, происходящие из погребений, не могут полностью адекватно отражать состав местных лесов. Для отдельных изделий типа гребня из самшита следует предполагать привозной характер. Более информативными для рассматриваемого аспекта могли являться детали погребальных конструкций, но и в этой области имели место исключения из правил.

№ п/п	Наименование предмета	Паспортные данные	Порода дерева											всего				
			дуб	бук	ясень	клен	береза	лещина	ольха	ива	тополь	сам-шит	кизил		розо-цветные	сосна		
24	Миска	РГ-66, кат.48		1														1
25	Миска	РГ-72, кат.60				1												1
26	Блюдо	РГ-66, кат.48				1												1
27	Чаша 2 шт.	РГ-66, кат.48				1	1											2
28	Ложка	РГ-66, кат.48				1												1
29	Шкатулки стенка	КГ-57, кат.4		1														1
30	Шкатулки крышка	КГ-81, кат.21, к.5							1									1
31	Шкатулки стенка	КГ-81, кат.21, к.5							1									1
32	Шкатулки дно	РГ-64, ?															1	1
33	Шкатулки крышка	РГ-66, кат.49, к.3									1							1
34	Шкатулки стенка	РГ-66, кат.49, к.3									1							1
35	Шкатулки крышка	МФ-58, кат.1		1														1
36	Гребень	КГ-81, кат.21, к.5														1		1
37	Оструганные палочки	КГ-81, кат.21, к.4								1								1
38	Оструганные палочки	КГ-84, кат.39								1								1
39	Прямоугольная дощечка	КГ-84, кат.41																1
40	«Бабочковидный» предмет	КГ-84, кат.39																1
	Итого:		23	4	1	10	1	1	7	2	4	1			1	3	1	59

В заключение следует подчеркнуть предварительный характер предлагаемых трактовок материалов и умозаключений на их основе, а также актуальность исследований в области определения видов древесины, использовавшихся мастерами в древности и средневековье для изготовления различных изделий.

Литература

Иерусалимская А.А. 1978. Аланский мир на «Шелковом пути» (Мощевая Балка – историко-культурный комплекс VIII-IX веков) // Культура Востока: древность и раннее средневековье. Ленинград.

Иерусалимская А.А. 1983. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа // СЭ. № 1.

Каминский В.Н. 1982. О конструкции луков и стрел северокавказских аланов // КСИА. Вып.170. М.: Наука,

Крупнов Е.И. 1938. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов // ВДИ. № 2 (3).

Ложкин М.Н. 1984. Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии: Сб. научных трудов. Орджоникидзе.

Милованов Е.А., Иерусалимская А.А. 1976. Лук из Мощевой Балки // СГЭ. Вып. 41. Ленинград.

Пыжова М.В., Семенов А.И. 1986. Палеоботанические работы на святилище Реком // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Орджоникидзе.

Семёнов А.И. 1985. Восстановление кудыргинских ножен древнетюркского времени // СГЭ. Вып. L. Ленинград.

Туаллагов А.А. 2020. Аланские и осетинские трехногие столики // Известия СОИГСИ. История и этнология. Вып. 36 (75). Владикавказ.

Сакания С. М.

*Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа,
Республика Абхазия, г. Сухум*

ХРАМЫ ОЧАМЧЫРСКОГО РАЙОНА АБХАЗИИ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В ходе изыскательских работ в Очамчырском районе Абхазии зафиксирован ряд средневековых памятников христианской архитектуры: храмовые комплексы в с. Кутол и с. Лабра, храмы в с. Джал и с. Джал-Акуаскиа. Названные четыре памятника являлись приходскими. На это указывает наличие в них, в алтарных полукругах, синтрона с выделенным горним местом.

Храмовый комплекс в с. Кутол Очамчырского района расположен к северу от центра села. Центром комплекса является зальное сооружение с вписанной апсидой. По сторонам алтаря сохранились полукруглые ритуальные ниши вертикальной формы одинакового размера. В алтарной части сохранился полуразрушенный престол. В строительстве этого храма использован камень осадочной породы – ноздреватый туф. На втором этапе строительства к храму были пристроены два сооружения. Первое возведено с северной стороны, оно по длине одинаковое с основным храмом, имеет вписанную полукруглую апсиду. С южной стороны к храму пристроено второе сооружение, прямоугольной формы, объединенное с храмом широкой продольной аркой. На наружной, юго-западной стене, сохранилась штукатурка со следами росписи красного цвета.

Интерес представляет круглой формы медальон из полированного сланца с плоским кантом, найденный в разрушенном проходе южной пристройки. На гладкой поверхности медальона имеется рельефное изображение крылатого в кольчужном одеянии архангела с нимбом, окружающим главу, и с лабарумом в правой руке. Различаются несколько греческих букв. По-видимому, на медальоне изображен архангел Михаил Архистратиг, «вождь святого воинства». В медальоне незначительная часть утрачена, но, сохранившаяся свидетельствует о мастерстве изготовителя этого, высокого художественного уровня исполнения, шедевра. Медальон представляет первую такого рода находку на территории Абхазии. Можно допустить, что изготовителем медальона мог быть известный мастер Бека из Опизы (кон. XII – нач. XIII в.).

Храм в с. Лабра – зального типа с полукруглой внутри и пятигранной снаружи апсидой и притвором на западе. Цемянковый пол алтаря поднят на две ступени. В полукруге апсиды имеется ступенчатый синтрон. В центре расположено горнее место для священника. В продольных стенах имеются простые пилястры. С западной стороны прослеживаются следы кладки стен притвора на всю ширину храма. С северной стороны храма пристроено помещение прямоугольной формы. В этом помещении на полу были обнаружены фрагменты сильно разломанных плит с рельефными изображениями крестов. На некоторых обломках прослеживаются следы красной краски, подчеркивающей значимость образа. Они уникальны для восточной части Абхазии.

Храм в с. Джал – зального типа с полукруглой апсидой, которая вписана в прямоугольник, с притвором на западной стороне. Притвор сильно разрушен. Алтарная часть возвышается над полом храма на две ступени. На продольных стенах сохранились следы пилястров, делящих внутреннее пространство здания на две части. Пол храма выложен

песчаниковыми плитами. В кладке части стены в алтаре использованы булыжниковая кладка из окатышей. В алтарной части, в конхе, сохранилась часть росписи с изображением лика Христа с нимбом. Также в алтаре обнаружена песчаниковая плита с рельефным изображением расцветшего креста.

Храм, расположенный на границе сел Джал и Акуаскиа, также является зальным, с полукруглой внутри и прямоугольной снаружи апсидой, с алтарным окном посередине. В западном дверном проеме обнаружен блок вторичного использования с процарапанным на нем изображением сильно стилизованного льва (?). Подобный рисунок можно увидеть на наружной южной стене апсиды Храма Симона Кананита в Псырцха. На восточной алтарной стене сохранились следы былой богатой росписи и надписи в несколько строк на грузинском языке. Там же имеются следы лика и окружающего нимба.

На полу храма была найдена серебряная двухсторонняя чеканная икона. Одна сторона ее была позолочена, на ней мастер изобразил трехфигурную композицию: восседающий на троне старец с нимбом и две коленопреклоненные фигуры – мужчина и женщина. По сторонам нимба святого имеется надпись на грузинском языке. Сидящий на троне старец представляет Св. Василия, коленопреклоненные – возможно, супружеская чета Дадиани. По иконографии икона может датироваться XVI-XVII вв.

На другой стороне иконы имеется самостоятельная композиция. В центре изображен патриарший крест на голгофе в центре, по левую сторону – копьё Лонгина, по правую – посох пастыря. По сторонам креста в верхнем и нижнем регистрах показаны четыре изображения Богородицы с младенцем. Несмотря на схожие черты изображений Богородицы, они не повторяют друг друга. Изображения на иконе сопровождаются различными геометрическими орнаментами. Датировать эту композицию иконы сложно, но, думается, что она старше композиции на позолоченной стороне. Подобная икона в Абхазии обнаружена впервые и, несомненно, представляет большой интерес для исследователей.

Сланов А. А.

Институт истории и археологии РСОА, г. Владикавказ

ЦХИНВАЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ

Древнейшим городом-крепостью на территории Осетии считается Цхинвал (или, как его называли в более ранние времена, *Кртцкхилван*), основание которого грузинские летописи приписывают царю Иберии Аспагуру (265-284) из династии Аршакидов, впоследствии скончавшемуся здесь от какой-то болезни (Иоселиани, 1850. С. 73; Клапрот, 1967, с. 151-152; Безсонов, 1933. С. 229). В подтверждение этих сведений М.Ш. Цотниашвили приводил информацию рукопись конца XVIII в., составителем которой предположительно являлся Давид Туманишвили (Коллекция..., 1949. С. 20). Эта рукопись также приписывает основание Цхинвала Аспагуру, отмечая при этом точную дату: «Его первоначально построил 22-й царь Асфатур в 251 году и был он городом большим и процветающим до разделения эпохи Багратидов, но вследствие нападения врагов сейчас это малый город» (цит. по: Цотниашвили, 1986). Ш.А. Месхиа называл Цхинвал «одним из самых древних населенных пунктов в Грузии», приводя в доказательство находку здесь серебряной селевкидской тетрадрахмы Антиоха Эвергета (138-129 гг. до н. э.) (Месхиа, 1959. С. 113).

Располагаясь в центре долины р. Большая Лиахва, Цхинвал имел важное стратегическое значение и, как отмечали исследователи, источники почти всегда именуют его крепостью (АКАК, 1869, с. 324, 575, 151 и др.), указывая, что разместиться здесь мог целый батальон (АКАК, 1869, т. I, с. 324; Безсонов, 1933. С. 229). В другом документе сообщается «Цхинвальские и Сурамские крепости настолько большие, что в каждой из них можно расположить по тысяче военных» (АКАК, 1869. С. 333). Ш.А. Месхиа отмечал, что Цхинвал относился к группе наиболее укрепленных городов (таких, как Тбилиси, Гори, Ахалцихе, Кутаиси), в оборонительную систему которых, кроме крепостей, входили стены, рвы и башни (Месхиа, 1959. С. 400).

Впервые Цхинвальская крепость упоминается в «Картли Цховреба» в описании событий первой пол. XVIII в.: в борьбе против иранцев в 1740-х гг. Гиви Амилахвари укрепил «крепость Схвило, два прибрежных леса, Сурами, Кехви, Крцхинвали и крепость Грузии» (Жизнь Картли, 1854. С. 364). Потерпев поражение в Ачабети, он укрылся в Цхинвале, но иранцы «опустошили крепость» (Жизнь Картли, 1854. С. 364).

В период вторжений на территорию Картли и Кахети турок, иранцев и дагестанцев во второй пол. XVIII в. в крепости укрывались цари Вахтанг VI, Теймураз II и Ираклий II (Сланов, 2017. С. 128).

В 1770 г. капитан Язоков сообщал, что Цхинвал представляет собой «огражденную крепость» (МИГК, 1937. С. 380). Как укрепленный пункт он упомянут в переписке Муравьева с Н.И. Паниным в 1770 г. (Цагарели, 1881. С. 217).

В 1772 г. крепость была сильно повреждена в результате набега лезгин (Батонишвили, 1905. С. 20). В 1801 г. она упоминается в донесении ген. Лазарева ген. Кноррингу (АКАК, 1866. С. 244, № 231. С. 332, № 425). В документах 1807 г. говорится, что в крепости стояло русское войско (АКАК, 1869, т. III. С. 214). В 1810 г. 2 тыс. осетин в течение четырех суток осаждали гарнизон Цхинвальской крепости (ОИЮОАО, 1985. С. 178). Она упоминается и в 1811 г. (Батонишвили, 1905. С. 37).

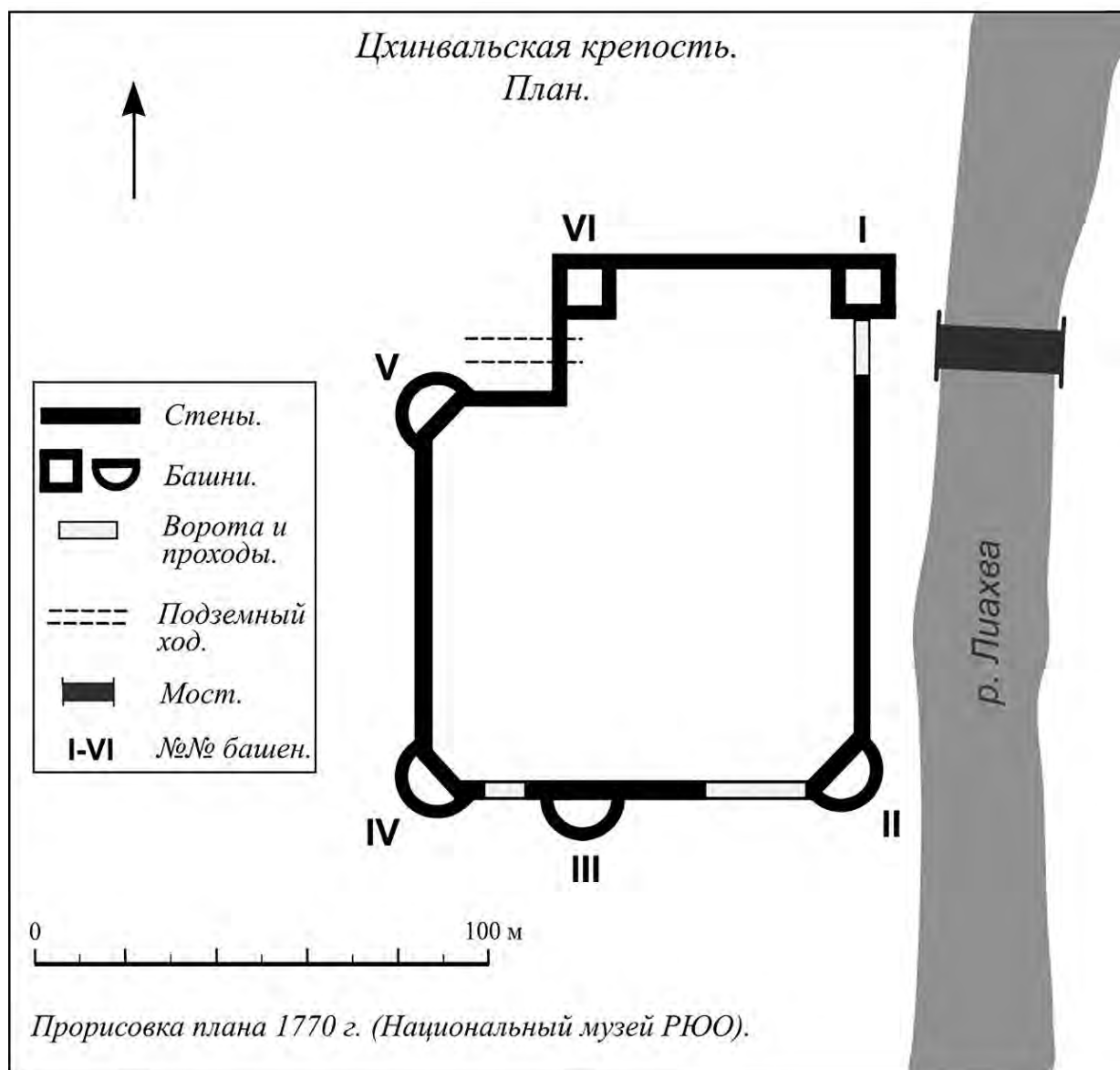

Рис. 1. Прорисовка плана Цхинвальской крепости по плану города 1770 г.:
 I – первая башня Шермазановых; II – башня Читаевых; III – башня Кокаевых / Бесаевых;
 IV – башня Шушанбазовых / Яраловых; V – башня Мурадовых;
 VI – вторая башня Шермазановых.

Согласно плану 1770 г., Цхинвал состоял из двух частей: центральной укрепленной части крепости-цитадели и основной городской территории. В углах крепости были возведены высокие башни. Восточная стена крепости возвышалась над р. Большая Лиахва, которая протекала у основания стены, поэтому в этом месте укрепление было наиболее неприступно. В источниках упоминаются «Цхинвальские крепостные ворота» (Месхиа, 1959. С. 402-403). Как видно из плана (рис. 1), крепость имела трое ворот (2 – с восточной стороны и 1 – с южной), двое из которых были запасными. Главные ворота были расположены на востоке. К ним вел мост через реку и одна из центральных дорог, идущая с юго-восточного направления. Как указывал И. Джавахишвили, «большие ворота предназначались для большого движения, когда должны были войти или выйти многочисленные путники или войска, когда входил караван или множество аробщиков; малые ворота предназначались для пеших путников, как только смеркалось, обои ворота закрывались, и их не следовало открывать до рассвета. Только один раз в году городские ворота оставались открытыми – в ночь на Пасху» (Сланов, 2007. С. 129).

План Цхинвальской крепости был составлен русскими картографами в августе 1770 г. (Национальный музей Южной Осетии, № 2946/1930) по указанию графа Тотлебена. Она имела подквадратную форму (100x120 м) и была ориентирована по сторонам света с вдающимся северо-западным углом (30x30 м). Общая протяженность стен (имевших высоту 3 м и толщину 1 м) составляла 440 м (в сер. XIX в. стены крепости были разобраны местными жителями на строительный материал), по периметру они были усилены шестью башнями, основными из которых были четыре угловые. В последней четв. XVIII в. к ним добавилось еще несколько (вероятно, 1-2). Все башни имели свои названия: *Шермазановых* (2 башни), *Мурадовых*, *Шушанбазовых* (иногда как *Яраловых*), *Хьохъановых* / *Хьохъаевых* (или *Бесаевых*), *Чытаевых* (Цотниашвили, 1986. С. 371-379). И.В. Мегрелидзе отмечал 7 башен с несколько другой фамильной принадлежностью: *Шермазановых*, *Грикьюловых* / *Грикьуровых*, *Мурадовых*, *Гудаевых*, *Читаевых*, *Хлджановых* / *Хлгатовых* и *Иараловых* / *Яраловых* (Мегрелидзе, 1984. С. 178). Ф.Ф. Парастаев отмечал 6 башен: *Шермазановых* в верховьях Салтвисского канала, *Кокиановых* (*Шушанбазовых*) – на углу ул. Связи и Торговой, *Беоановых* – на ул. Торговой возле «Союза охотников» и *Читаевых* (единственная сохранившаяся) – с северной стороны на берегу Лиахвы (Парастаев, 1961. С. 22, см. план). Наиболее ранним и точным свидетельством является статья сторожила Цхинвала В. Касрадзе, еще заставшим эти башни в детстве: «Башня, которая находилась у истоков Салтвисского канала, была известна под названием башни *Шермазановых*. Она была разрушена в связи со строительством канала в 1929 г. Башня, которая находилась к западу от нее, называлась также. Башня, стоявшая на пересечении улиц Связистов и Торгового переулка, именовалась башней *Мурадовых*. Башня, которая стояла на углу Торговой улицы и Торгового переулка, называлась башней *Шушанбазовых*. На Торговой улице, рядом с магазином «Союза охотников», стояла башня *Хьохъаевых* (иногда ее называли башней *Бесаевых*). На берегу Лиахвы на юго-востоке находилась башня *Читаевых*» (Касрадзе, 1959).

Возникновение этих названий связано с тем, что после присоединения к России крепость теряет свое значение и башни передаются в частное владение под жилье армянским торговцам (так, в купчей 1829 г. говорится о продаже «замка» Шермазанову Стуфану). Поэтому они начинают называться по фамилиям своих владельцев – армянских торговцев (Цотниашвили, 1986. С. 371-379). Все эти башни, как и сама крепость, были разрушены в годы Советской власти, и на сегодняшний день уцелела лишь одна башня – Читаевых (Шида Картли, 2002. С. 225) на высоту двух этажей и небольшие отрезки южной и восточной крепостных стен. Сохранившаяся башня цилиндрической формы, но, судя по плану крепости, имелось и несколько квадратных башен. Как видно из развалин южной стены и башни, они были построены из речного камня на извести. Местами (в бойницах и арках) в незначительном количестве был использован квадратный кирпич.

На территории крепости с северной стороны протекал ручей, который делил на две половины западную часть укрепления. В крепости также был водопровод, о чем свидетельствуют глиняные трубы, найденные в ее окрестностях. Предположительно, строители провели в свое время и особый тоннель – потайной ход, с помощью которого обитатели крепости могли безопасно спуститься к реке для пополнения запасов воды. Кроме того, по плану заметно, что у крепости были вспомогательные потайные ходы (тоннели), по которым осуществлялись неожиданные вылазки на врага, а также эвакуация мирного населения. Тоннели от окрестностей крепости вели в западном направлении. На сегодняшний день данная часть тоннелей скрыта под южной частью здания универсама. Тоннель был прорыт на глубине 4-4,5 м, в нем свободно могла проехать арба (Цотниашвили, 1986. С. 373-374; Сланов, 2017. С. 130).

План Цхинвальской крепости указывает на то, что она относилась к укреплениям правильной геометрической формы со строго симметричным (в данном случае прямоугольным) расположением стен и башен (по углам и по центру). Возникновение таких крепостей связано с началом распространения артиллерии (для Кавказа – это XVI в.). В таких укреплениях основная роль отводилась башням, равномерно распределенным по всему периметру. Стены между ними были строго прямыми, чтобы обеспечить фланкирующий обстрел подступов с прилегающих башен. Согласно рапорту ген. Лазарева ген. Кноррингу от 20 августа 1802 г., в Цхинвальской крепости имелись легкие орудия «кои быв ныне в весьма дурном положении, остаются бездейственны...» (АКАК, т. I, 1866. С. 763; Закарая, 1969. С. 126).

Исходя из данной планировки, мы согласны с другими исследователями в датировке Цхинвальской крепости второй пол. XVII в., хотя она могла быть сооружена на месте прежнего, возможно, деревянного укрепления.

Литература

- Акты Кавказской археографической комиссии / Под ред. Берже. Тифлис. Т. I – 1866; т. III – 1869.
- Батонишвили Д.Г. 1905. Материалы истории Грузии. Тбилиси.
- Безсонов С.В. 1933. Крепостные сооружения в бассейне Большой Лиахвы // Известия ЮО НИИ, Вып. I. Сталинград.
- Жизнь Картли. Тифлис, 1854.
- Закарая П. 1969. Древние крепости Грузии. Тбилиси.
- Иоселиани П.Л. 1850. Города, существовавшие и существующие в Грузии. Тифлис.
- Картлис Цховреба. История Грузии. 2013. Глав. ред. акад. Р. Метрвели. Тбилиси.
- Касрадзе В. 1959. Исторические памятники нашего города // Газ. Сапчота Осети (Советская Осетия), № 72, 10 апреля (на груз. яз.).
- Клапрот Ю. 1967. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе.
- Коллекция грузинских рукописей, управление архива МВД ГССР. 1949. Под общ. ред. М. Габричидзе, А. Иовидзе, Ш. Чхетия. Т. I. Тбилиси,
- Материалы для истории Грузии и Кавказа. 1937. Т. V. Тбилиси.
- Мегрелидзе И.В. 1984. Древности Лиахвского ущелья. Тбилиси (на груз. яз.).
- Месхиа Ш.А. 1959. Города и городской строй феодальной Грузии XVII-XVIII вв. Тбилиси.
- Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. 1985. Т. I. История южных осетин до образования ЮОАО. Тбилиси.
- Сланов А.А. 2017. Исторические области Южной Осетии. Владикавказ.
- Цагарели А. 1881. Грамоты. Т. I. СПб.
- Цотниашвили М.Ш. 1986. История Цхинвали. Кн. I. Цхинвали в эпоху феодализма. Цхинвали (на груз. яз.).
- Шида Картли. 2002. Т. I. Архитектурные памятники ущелья Малой и Большой Лиахвы. Материалы экспедиции 1981-1983 гг. Тбилиси (на груз. яз.).

Требелева¹ Г. В., Сакания² С. М.
¹Институт археологии РАН, г. Москва
²АБИГИ АНА, г. Сухум

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ХРАМЫ ТКВАРЧАЛЬСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

Одним из направлений работ совместной российско-абхазской Маркульской археологической экспедиции является каталогизация архитектурных памятников Абхазии периода поздней античности и средневековья. Первый том каталога, посвященный храмам западной части Абхазии, вышел в 2019 г. (Сакания, Требелева, 2019). В марте 2020 г. экспедицией проводились разведки в Ткварчальском районе республики и были выявлены четыре, ранее неизвестных науке храма (рис. 1).

Храм Ацхыд-1 расположен в поселке Ацхыд, г. Ткварчал. Это зальная (однефная) базилика с прямоугольной снаружи апсидой, внутри – с прямой восточной стеной и закругленными углами. Внутренний размер храма: длина – 5,21 м, ширина – 2,84 м. Построен храм из ноздреватого туфа. У храма хорошо сохранился юго-западный угол. Кладка твердая, качественная. Часть облицовочных блоков сохранилась *in situ* в основном с западной стороны и в западной части южной и северной сторон. Хорошо прослеживаются два дверных проема – с западной и северной сторон и фиксируется возможный проем с южной стороны. Но сохранность стены здесь значительно хуже и щеки проема точно не читаются. Толщина стен – 80 см. Учитывая легкость материала кладки, не исключено каменное перекрытие храма. Но точно сказать, каковым оно было, не представляется возможным. Вокруг храма сохранились следы былой ограды. С западной и северной сторон ограда отстоит от храма на 14 м. С южной и восточной сторон ограда теряется в заросшем поле и нами осмотрена не была. Примесь песка в растворе – 7%, что позволяет предварительно датировать памятник VII веком.

Храм Ацхыд-2 также расположен в поселке Ацхыд, г. Ткварчал, но по другую сторону от трассы, соединяющей Ткварчал с с. Бедия, и севернее храма Ацхыд-1. Памятник представляет собой также однефную базилику, но уже с выступающей полукруглой апсидой и, возможно, с небольшими заплечиками (сохранность кладки и сильная поросль растений, обвивающих остатки храма, к сожалению, не позволила точно определить их наличие). В северной стороне апсиды прослеживается большая трещина, которая ведет к развалу храма.

Храм построен на макушке скального выступа, который со всех четырех сторон обрывается крутыми склонами, т.е. храм был воздвигнут на очень знаковом, видимом со всех сторон месте. Не исключено, что в дохристианскую эпоху здесь находилось святилище. Внутренние размеры храма: длина – 3,60 м, ширина – 2,60 м. Вход в храм расположен с западной стороны. Храм сложен из необработанных известняковых блоков. Внутри, скорее всего, мог быть отштукатурен. Снаружи – обработанные известняковые облицовочные блоки. Сохранившаяся высота стен – 0,7 м, толщина стен – 0,9 м. Возможно, учитывая толщину стен, храм имел каменный свод. Примесь песка в растворе – 9%.

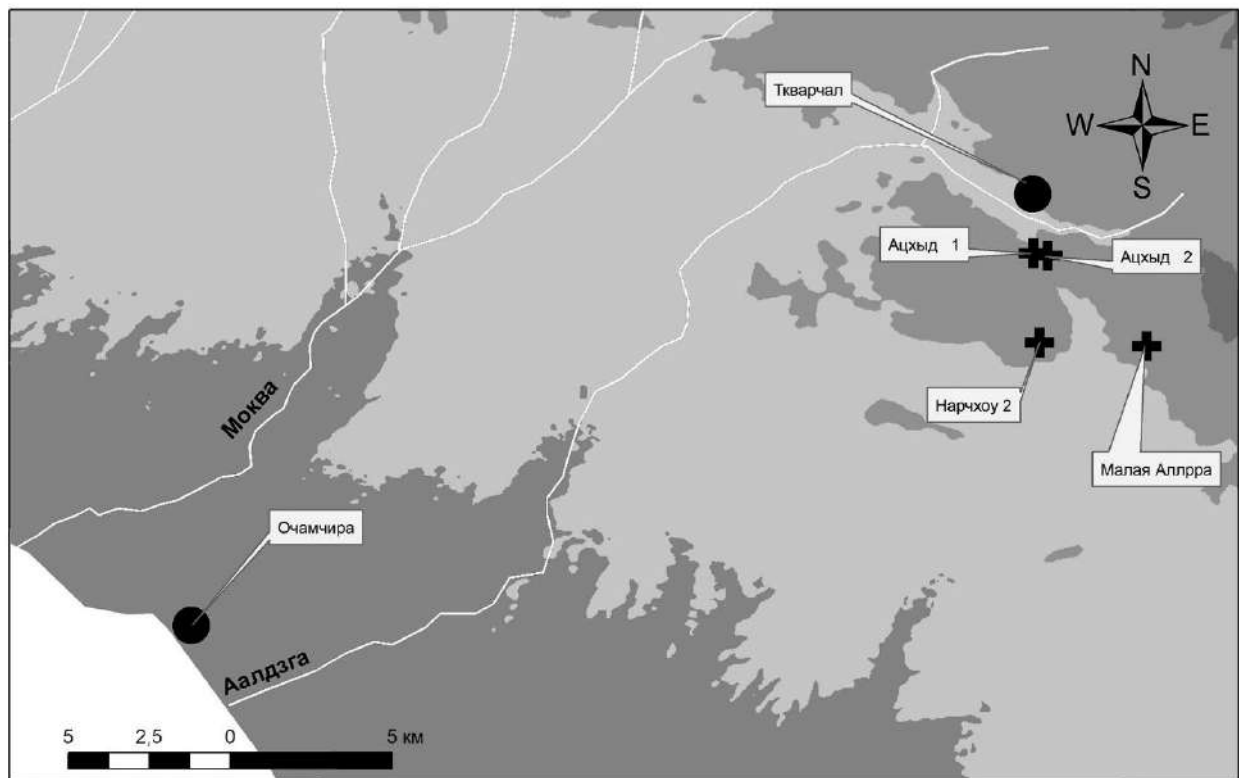

Рис. 1. Карта местоположения выявленных христианских храмов на территории Республики Абхазия.

Учитывая тип апсиды и низкую примесь песка в растворе, предварительно можно предположить датировку памятника VII веком.

Храмовый комплекс Малая Аллрра расположен в поселке Ацхыд, в местности Аллрра и представлен остатками храма, прямоугольного помещения и оградовой стеной. По-видимому, в данной местности ранее произрастало много ольхи – на русский язык ее название переводится как «ольховник». В советское время и ранее здесь проживал род Самсония, но на данный момент местность заброшена. Храм с полукруглой выступающей апсидой с заплечиками расположен на холме и сильно зарос, высота сохранившихся стен – 1,5 м. Внешний размер храма: длина – 9 м, ширина – 3,2 м. Длина притвора – 3,17 м внутри при ширине – 2 м. Толщина стен – 60 см. Общая ширина цоколя – 60 см, он разбит на 3 ступени по 20 см высотой и шириной. Сложен храм из сочетания блоков песчаника и туфа. Цоколь прослеживается и у храма, и у притвора, что может говорить об их одновременности. В храме сохранилась большая часть алтарной преграды, которая загораживала почти полностью вход в алтарную часть. В преграде имелся дверной проем шириной 70 см.

Храм уникален тем, что, будучи малым, имел декоративное оформление: ряд камней с плетеными витыми узорами был найден возле храма. Аналоги таких узоров мы встречаем в Анакопии, Бедийском храме и др. Также был обнаружен камень – фрагмент валиковидного оформления круглого окна. Подобное оформление окон встречается в Пичундском и Бедийском храмах. Но, если подобные орнаментированные оформления мы встречали раньше лишь в крупных храмах, то здесь детали архитектурного декора качест-

венного исполнения обнаружены в малом храме. И это очень интересный момент, требующий своего осмысления.

Еще одним уникальным элементом памятника является наличие на западной стороне в притворе храма крипты. Вход в крипту вскрыт черными копателями. Она представляет собой прямоугольное помещение с арочным перекрытием. Высота от пола до потолка – 120 см, длина с запада на восток – 220 см, ширина с юга на север – 138 см. В западной стене по центру имеется почти квадратная ниша размером 45x49x44 см.

На расстоянии 9-10 м от храма на юг и север прослеживается оградовая стена; на расстоянии ок. 5 м на восток расположен крутой обрыв. На запад на расстоянии ок. 10 м расположено прямоугольное помещение, шириной по линии юг-север 8 м и длиной по линии восток-запад 6 м. Данное сооружение пристроено впритык к южной и западной оградовой стене. Толщина стен – 60-70 см. Очевидно, что перекрытие у него не было каменным. Интерпретировать данное сооружение можно как «трапезная». В целом, эти памятники можно рассматривать как небольшой монастырский комплекс.

По форме храм достаточно ранний – V-VII вв., тогда как резные орнаментальные детали архитектурного декора появляются в Абхазии в VIII-X вв. Скорее всего, эти резные камни были привнесены при ремонте и оформлении храма в более поздний период. Точная датировка памятника возможна лишь после раскопок.

Храм Нарчхоу-2 расположен фактически у юго-восточного подножия горы Нарчхоу с известной крепостью и храмом (Трапш, 1975. С. 181-182; Воронов, 1978. С. 125-126), рядом с современной грунтовой дорогой. У храма хорошо сохранилась апсида до уровня конхи. Высота – 4,5 м. В центре апсиды фиксируется слегка разрушенное окно, по остаткам камней можно восстановить его размеры: высота оконного проема – 150 см, ширина – 60 см. По обе стороны от окна сохранились две полукруглые ниши; ширина ниш – 70 см, высота – ок. 120 см, глубина – 60 см. Также сохранилась часть южной стены у юго-западного угла, ее ширина 1,4 м, высота 3,7 м. Остальные стены прочитываются в ландшафте на уровне 0,1-0,4 м. Также на высоту 0,1-0,2 м сохранилась оградовая стена храма, которая перед западным входом в храм образует круглый двор. Размеры храма: длина – 7,6 м, ширина – 4,2 м. Толщина стен – 1,25 м. Храм сложен в технике забутовки: песчаниковые плиты, огромные (более 1 м по всем параметрам) по своим размерам в основании храма, забутовка из булыжников и известкового раствора. Примесь песка в растворе – 17%. На основании состава раствора и типа храма предварительно датировать сооружение можно VIII-X вв.

Литература

Воронов Ю.Н. 1978. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.

Саканиа С.М., Требелева Г.В. 2019. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Т. 1. Западная Абхазия (Гагрский, Гудаутский, Сухумский районы). Магнитогорск.

Трапш М.М. 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Труды. Т. 4. Сухум.

Требелева Г. В.

Институт археологии РАН, г. Москва

К ВОПРОСУ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АБХАЗИИ В V-XII ВВ. НА ОСНОВЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА РАСПОЛОЖЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВ

Проблема реконструкции поселенческой структуры – одна из наиболее острых в современной археологии. Обычно она решается на основе анализа данных дистанционного зондирования (аэро– и космоснимки), масштабных разведок и раскопок. Однако относительно территории Абхазии у нас нет возможности применить аэро- и космоснимки продуктивно: густая растительность скрывает внутренние структуры памятников археологии. Выявить памятники, скрытые под дневной поверхностью, крайне сложно. Но у нас есть такие маркеры древних систем расселения, как дольмены для эпохи бронзы, и храмы, и крепости, возвышающиеся над земной поверхностью, для эпохи поздней античности и средневековья. Конечно, не все памятники сохранились до нас с тех времен. И любые исторические реконструкции носят несколько условный и обобщенный характер. Но несмотря на эту условность и обобщенность, подобные модели все же позволяют представить некую картину и получить данные, от которых можно исходить для дальнейших исследований, которые подтвердят или опровергнут ранее полученную модель.

В основу предлагаемого исследования легла ГИС археологических памятников Абхазии, создание которой было начато еще в 2001 г. (Требелева, Горлов, 2004). Важными параметрами являются точная локализация храма на местности, его датировка и площадь. Локализация определялась в ходе разведок с помощью портативного приемника GPS, площадь, у большинства храмов также легко определяется. У храмов с плохой сохранностью – реконструируется по имеющимся остаткам. Сложнее стоит вопрос с датировками. Абсолютное большинство храмов не исследовалось и не может быть однозначно датировано тем или иным периодом. Но определенные предварительные гипотезы по датировке вполне можно выдвигать. Основами для предварительной датировки служат:

1) подробная фиксация архитектурных особенностей храмов: когда мы находим соответствия тем или иным архитектурным деталям и особенностям в ряде храмов, отмечаем частоту их встречаемости и особенности распространения на тех или иных территориях, мы получаем из анализа этих данных много дополнительной информации, которая позволяет выйти на датировки и характеристику тех или иных архитектурных «школ» (Требелева и др., 2020);

2) анализ связующего раствора в кладке памятников (Требелева и др., 2013);

3) анализ подъемного материала, в т.ч. характеристика плинф (Клемешова и др., 2021);

4) данные раскопок на тех памятниках, где таковые проводились.

Таким образом, исследование базируется на комплексном подходе: это и организация археологических разведок, и работа с архивными данными и литературой, и анализ архитектурных особенностей, и использование цифровых технологий и естественнонаучных методов. К цифровым методам относятся создание

геоинформационной системы (ГИС) и анализ в ней, а также фотограмметрия. К естественнонаучным методам относится элементный анализ связующего раствора из кладок изучаемых объектов, что позволяет провести анализ технологии строительства.

Для анализа поселенческой структуры храмы рассматриваются как «центральные места» по теории В. Кристаллера (Christaller, 1980). Они маркируют не только непосредственно распространение христианской религии, но и демографическую ситуацию в регионе, а также его административно-политическое деление – каждый храм являлся своеобразным политико-административным центром, а его размеры определялись количеством прихожан. Для определения количества прихожан и расчета демографической ситуации мы воспользовались расчетом количества прихожан в соответствии с площадью храма, предложенным И.П. Канаевым (Канаев, 2002): «дореволюционные нормы колеблются от 0,25 до 0,36 кв. м на человека». Конечно, дореволюционные нормы – это не нормы поздней античности и средневековья, но так как нормы того периода неизвестны, а нормы современные совпадают с дореволюционными, они и были взяты за основу, и расчет проводился исходя в среднем из 0,3 кв. м на человека.

В целом, в хронологическом плане храмы Абхазии укладываются в три основных хронологических периода: 1) самые ранние сооружения позднеантичного периода (IV-V вв.), сооруженные до официального принятия христианства, 2) церкви Юстиниановской эпохи и чуть более позднего времени (VI-VII вв.), т.е. периода после официального принятия христианства, и 3) храмы периода единого Абхазского царства (VIII-XII вв.).

При анализе системы расположения было отмечено, что основные цепочки храмов располагаются вдоль рек, выходя к определенному порту на побережье и веерообразно расходятся вглубь территории. Таким образом, выделяются некие кластеры – кусты, каждый из которых требует отдельного анализа, а в дальнейшем – синтез результатов анализа каждого кластера.

Пространственный анализ расположения памятников в соответствии с высотной характеристикой местности позволяет проследить динамику заселения территории, выделить наиболее благоприятную для заселения географическую зону.

Сравнение количества церквей и их площадей разных хронологических периодов позволяет проследить демографическую ситуацию. Сравнение типов храмов в сочетании с их площадями позволяет выявить административную структуру, определить местонахождение политического и культурного центра.

На данный момент подробный анализ у нас проведен для кластера памятников вдоль рек Тамыш и Дгамш:

1) в позднеантичный и средневековый период наиболее заселенной, а следовательно, наиболее благоприятной для проживания была зона от 50 м до 150 м над уровнем моря, т.е. равнинная, но не затопляемая и не заболоченная часть;

2) в период единого Абхазского царства мы наблюдаем возрастание количества населения;

3) административный и культурный центр располагался в нагорной части – в районе Кячского храма.

Литература

Канаев И.П. 2002. Архитектура современных православных малых храмов и часовен: на примере Москвы и Подмосковья. Диссертация на соискание степени кандидата архитектуры. М.

Клемешова М.Е., Требелева Г.В., Кизилев А.С., Глазов К.А., Соколов С.В. 2021. Опыт применения методики А. А. Бобринского для изучения керамических сосудов при исследовании состава формовочных масс плинфы средневековых храмов и крепостей Восточной Абхазии // Геоархеология и археологическая минералогия – 2021. Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Миасс-Челябинск.

Требелева Г.В., Горлов Ю.В. 2004. Применение ГИС-технологий в комплексных палеогеографических и археологических исследованиях на Тамани и Абхазском побережье) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск. Вып. XIV.

Требелева Г.В., Сакания С.М., Глазов К.А., Кизилев А.С., Хондзия З.Г., Юрков Г.Ю. 2020. Проект по каталогизации позднеантичных и средневековых храмов в Абхазии: полученные результаты и будущие перспективы // Архитектурная археология. № 2.

Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., Горлов Ю.В., Цвинария И.И., Агумаа А.С., Сангулия Г.А., Кайтан Ш.Г. 2013. Абхазские средневековые памятники: анализ технологии строительства и вопросы датировки // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2.

Christaller W. 1980. Die zentralen Orte in Süddeutschland eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Wissenschaftliche Buchgesellschaft Publ. Darmstadt.

Чхаидзе¹ В. Н., Виноградов² А. Ю., Белецкий³ Д. В.

¹Институт археологии РАН; Институт востоковедения РАН, г. Москва

²НИУ Высшая школа экономики; Институт востоковедения РАН, г. Москва

³Независимый исследователь, г. Москва

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕГО ЗЕЛЕНЧУКСКОГО ХРАМА НА ГОРОДИЩЕ НИЖНИЙ АРХЫЗ

Один из уникальных археологических памятников на территории РФ – Нижне-Архызское городище в среднем течении р. Большой Зеленчук, на ее правом берегу (Карачаево-Черкесская Республика). Это специально созданный митрополичий город с тремя древнейшими сохранными храмами России – Северным, Средним и Нижним Зеленчукскими. Древнее имя города неизвестно. Жизнь на городище продолжалась в X–XII вв. После монголо-татарского нашествия в первой трети XIII в. город пришел в упадок.

Средний Зеленчукский храм был построен в X в. Первоначально это купольный храм типа полусвободного латинского креста с восточными пастофориями и тремя апсидами; после перестройки в кон. XIX в. – купольный храм типа вписанного креста простого извода без свободно стоящих опор, с тремя апсидами. Длина храма без центральной апсиды и притвора – 14,86–14,9 м, с апсидой – ок. 17,55 м, ширина – ок. 15,55 м (Кузнецов, 1968. С. 137–147. Рис. 1–6; 2017. С. 115–119; Белецкий, Виноградов, 2021. С. 94–131. Рис. 55–91).

Вплоть до 2018 г. научные работы в Среднем Зеленчукском храме производились sporadически. В 1867 г. небольшие любительские раскопки в центральной апсиде предпринял член РАО Н.А. Нарышкин, обнаруживший престол (?) и пол храма, выложенный плитами и покрытый цемянкой (Нарышкины, 1877. С. 363–366; Кузнецов, 1968. С. 142–143). В 1896–1897 гг. храм был «реконструирован» и видоизменен монахами Зеленчукского Александро-Афонского монастыря, соорудившими боковые пристройки (Кузнецов, 2017. С. 115).

В 1965 г. экспедицией Северо-Осетинского НИИ был заложен шурф у основания северного предалтарного столба, в котором были выявлены куски цемянки. Расчистка стены центральной апсиды показала, что с ее внутренней стороны имеется трехступенчатый цоколь высотой 1 м. Один шурф был заложен с внешней стороны, у северной стены храма, где прослежен строительный шов между кладками, высотой 4,25 м (Кузнецов, 1968. С. 143–144).

В 1980 г. в северном и южном нефзах, по линии восток-запад были заложены разведочные траншеи с целью проверки гипотезы о существовании первоначального плана строительства храма в виде «чистого креста», а затем изменения плана, выразившегося в сооружении боковых апсид (Кузнецов, 2017. С. 117).

В 1980–1984 гг. в храме проводились архитектурно-обмерные работы Проектного института по реставрации памятников истории и культуры, в 1981 г. внутри и снаружи храма было заложено 27 шурфов (рис. 1) (Белецкий, Виноградов, 2021. С. 95).

В 2001 г. экспедицией Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (раскопы 1 и 2) были раскопаны семь погребений в каменных ящиках с южной стороны храма (Чхаидзе и др., 2019. С. 161).

В 2018–2019 и 2021 гг. совместной Нижне-Архызской археологической экспедицией Института археологии РАН, Института востоковедения РАН и НИУ Высшая школа экономики проводились исследования внутри интерьера храма и снаружи, у северной апсиды (рис. 1). Основной задачей работ являлось установление хронологии строительства храма, выявление его функциональной структуры, изучение погребений внутри храма и прихрамового некрополя (Чхаидзе и др., 2019. С. 161; 2020. С. 323–324; Чхаидзе, Виноградов, 2020. С. 165–166. Рис. 2–4; Белецкий, Виноградов, 2021. С. 115).

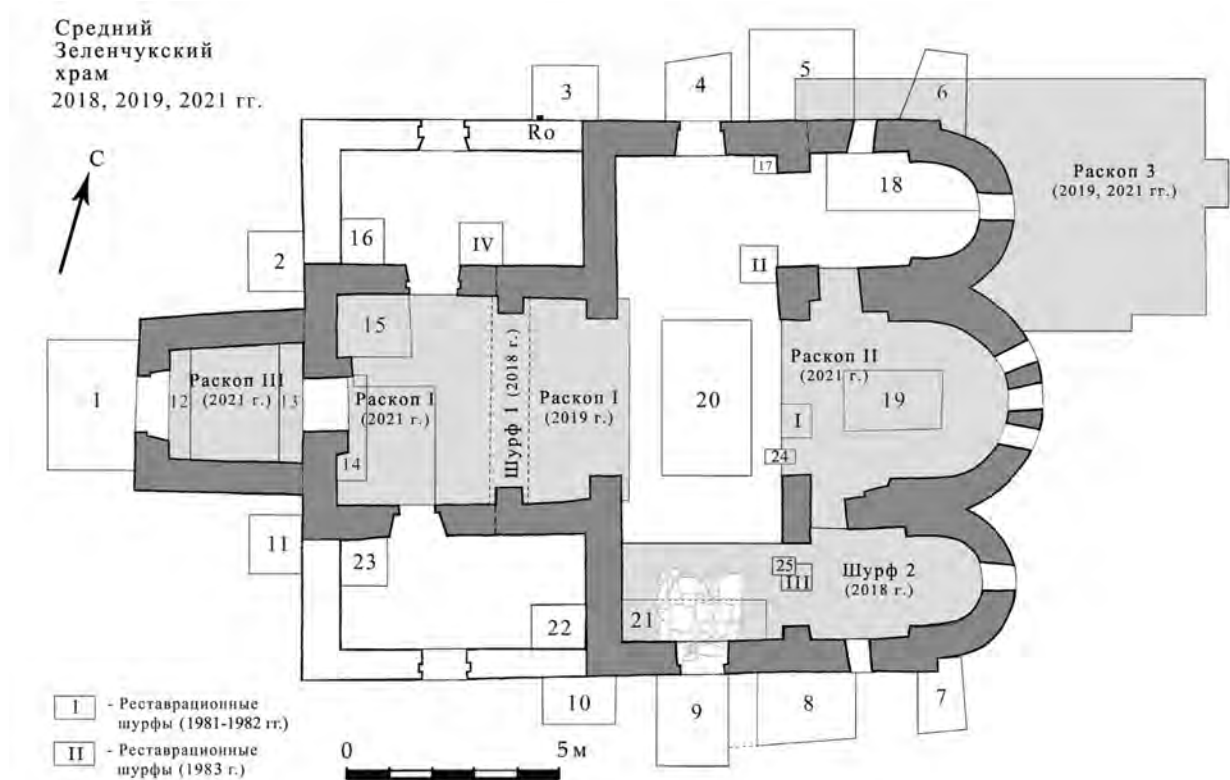

Рис. 1. Средний Зеленчукский храм.

План расположения шурфов и раскопов (2018, 2019, 2021 гг.).

В результате раскопок в юго-восточном приделе и южном рукаве (шурф 2) выяснено, что древний пол практически полностью разрушен в ходе монашеской реставрации XIX в., обнаружены фрагменты двух последовательных древних полов: известкового и цемянкового. Работы также дали возможность увидеть технику кладки и устройство неглубокого фундамента, более глубокого в западной части южного рукава. Аналогичная ситуация прослежена на остальных раскопах в интерьере храма.

В западном рукаве на уровне пилястров был открыт ленточный фундамент из камня (опора каменных хор) (шурф 1, раскоп I). Основание для предполагавшихся опор, которое не было использовано, в южной части было пробито для устройства трех грунтовых христианских погребений. Центральное, женское погребение – в плитовом ящике, инвентарь представлен серебряным витым браслетом, надетым на руку погребенной. Два женских грунтовых погребения к югу совершены в гробах, на что указывают находки гвоздей. Одно из погребений, безынвентарное, другое – детское, содержало ожерелье из 10 бусин (стекло, паста, кость) и бронзовое зеркало, находившееся в кожаном чехле. Помимо этого, в северо-западном углу западного рукава открыты еще два плитовых ящика, в которых были совершены два безынвентарных погребения. Погребения вторичны, так как кости первоначально захороненных в обоих ящиках двух человек были вынуты и сложены с внешней стороны северной гробницы. В юго-западном углу раскопа открыт хорошо сохранившийся фрагмент древнего цемянкового пола со следом ножки деревянной лавки, стоявшей у стены. Обнаружены фрагменты осыпавшихся оригинальных фресок и слой обрушения монашеской штукатурки.

Раскоп II занял всю центральную апсиду. Здесь исследован трехступенчатый цоколь, отмеченный в 1965 г., а также фрагменты двух последовательных полов – известкового и цемянкового.

Раскоп III заложен в западном притворе. Открыты шесть безынвентарных погребений в 4 каменных ящиках (в двух – по два погребения), расположенных по два вдоль се-

верной и южной стен, а также погребение в гробу, располагавшееся по центру притвора. Выявлены следы проведения обряда *кувда*.

С внешней стороны храма у северной апсиды заложен раскоп 3, а вдоль северной стены – траншея для доследования реставрационных шурфов 1981 г. В результате исследований вскрыты 16 плитовых ящиков (включая две костницы и кенотаф), частично разрушенных (в т.ч. реставрационными шурфами). Плитовые ящики расположены в два слоя. Выявлено 15 погребений, частью фрагментированных. Все они оказались безынвентарными, что объясняется христианской принадлежностью погребенных.

Немногочисленный керамический материал, обнаруженный в шурфах и раскопах, относится к X–XIII вв.

Литература

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. 2021. История и искусство христианской Алании. 2-е изд., исправл. М.

Кузнецов В.А. 1968. Средний Зеленчукский храм // СА. № 3.

Кузнецов В.А. 2017. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск.

Нарышкины. 1877. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году // Известия РАО. Т. VIII. Вып. 4. СПб.

Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю. 2020. Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг. // Христианство в археологических и письменных источниках. Материалы IX международной научной конференции по церковной археологии. Симферополь.

Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В., Дружинина И.А. 2019. Новые находки в Среднем Зеленчукском храме в 2018 году // Кавказоведение: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской. Карачаевск.

Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В., Дружинина И.А. 2020. Исследования Сентинского и Среднего Зеленчукского храмов в Карачаево-Черкесии // Археологические открытия.

Чхаидзе^{1,2} В. Н., Бабенко¹ А. Н., Гольева³ А. А., Дружинина^{1,2} И. А., Медникова¹ М. Б.

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²Институт востоковедения РАН, г. Москва

³Институт географии РАН, г. Москва

НЕКРОПОЛЬ СРЕДНЕГО ЗЕЛЕНЧУКСКОГО ХРАМА: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК 2019 г.

С 2018 г. совместной Нижне-Архызской археологической экспедицией ИА РАН, ИВ РАН и НИУ ВШЭ проводятся исследования Среднего Зеленчукского храма и его некрополя. Материалы раскопок изучаются по комплексной программе, включающей серию палеоантропологических исследований (многофакторная половозрастная диагностика погребенных, изучение палеопатологий и индикаторов физиологического стресса, в т.ч. с помощью микрофокусной цифровой рентгенографии, изотопный анализ мобильности, отбор образцов на палеодНК, реконструкция лица по черепу), микробиоморфный, геохимический и NPP анализ образцов грунта из различных частей погребений (Чхаидзе и др. 2021. С. 43-44).

В 2019 г. в западном рукаве храма (раскоп I) выявлены 6 погребений (5 – основных и индивидуальных, 1 – переотложенное, содержавшее кости двух скелетов). Все основные погребения – женские, что может быть связано с византийской традицией разделения храма на мужскую и женскую части. Три погребения принадлежат членам семей высшей аланской знати. Возраст погребенных, выявленные патологии и следы прижизненных стрессов свидетельствуют о невысоком качестве жизни этих людей.

Центральное погребение женщины 40-44 лет в плитовом ящике I. На руке погребенной находился серебряный витой браслет. Образец грунта из-под браслета выявил высокую концентрацию фосфора (2,32%), что указывает на наличие изделия из кожи или шерсти (войлока). На теменных костях погребенной симметричные следы искусственной деформации в виде локальных понижений костной поверхности подовальной формы размером не менее 5 см, возникшие из-за тугого пеленания головы или ношения в раннем детстве головного убора с твердыми вставками. Затылочная поверхность уплощена, возможно, вследствие пребывания в твердой колыбели (*бешик*). Зафиксирована сильная стертость зубов, зубной камень и одонтогенный остеомиелит. На внутренней поверхности свода черепа – лобный гиперостоз и глубокий арахноидальный лизис (последствия гормональных постдефинитивных изменений).

Два грунтовых погребения: погр. 1 – женское и погр. 2 – детское, к югу от плитового ящика I, совершены в деревянных конструкциях, на что указывают находки гвоздей, выявленных по периметру погребений. Полное отсутствие растительной массы в образцах из центра и изголовья погр. 1 и небольшие объемы растительной органики в образце, взятом непосредственно под гвоздем, возможно, указывают на использование вместо гроба деревянной рамы без дна. Судя по образцам древесного детрита из погр. 2, в качестве материала гроба использовалась кора, а не древесина.

В погр. 1 похоронена женщина 20-24 лет. На ее зубах выявлены специфические повреждения: обширный дефект корня на передней и боковой поверхности, дефект эмали в прикорневой области. Погребение безынвентарно. Погр. 2 – детское, inf 5 лет, у черепа

находилось ожерелье из 10 бусин (стекло, паста, кость) и бронзовое зеркало в остатках кожаного чехла. Содержание валового фосфора в образце грунта под ожерельем показало наличие животной органики – шапочки из кожи или войлока. Эмалевая гипоплазия на закладках постоянного резца девочки отражает негативные эпизоды в возрасте 3 и 4,5 лет, а в центре коронок молочных моляров указывает на неблагоприятное воздействие на организм матери во втором триместре беременности. В грунте у левой ключицы ребенка выявлены фитолиты культурных злаков, а в образце грунта из-под таза выявлены спиккулы губок и/или панцири диатомовых водорослей. Присутствие в погребении микроорганизмов, живущих в проточных и стоячих водоемах, можно объяснить употреблением ребенком речной воды.

Все три погребения могут быть датированы XI в.

В северо-западном углу западного рукава храма открыты два плитовых ящика. Погр. II: женщина 35-39 лет. Зубы стертые до половины коронки. Инвентарь не выявлен. Образец грунта из-под плит перекрытия позволяет предполагать наличие покрова из ткани растительного происхождения. В образце под правой голенью погребенной зафиксированы большие объемы растительной массы, возможно, вместе с речным или старичным илом – следы тростниковой или камышовой циновки (?). Здесь же выявлены фитолиты культурных злаков. Погр. III: женщина 40-49 лет. Фиксируется заражение аскаридами. Инвентарь не выявлен. В образце грунта в области подбородка погребенной обнаружена аномально высокая концентрация фосфора (5,42%), что однозначно свидетельствует о наличии больших объемов кожи или шерсти (войлока). В этом же образце выявлены фрагменты древесной коры. Под плитами перекрытия фиксируется покров из ткани растительного происхождения. Датировка погребений затруднительна, т.к. они вторичны: кости первоначально захороненных в обоих ящиках двух человек были извлечены и сложены с внешней северной стороны гробницы III.

Один из переотложенных скелетов (погр. IIIa-2) принадлежал мужчине 25-29 лет, пережившему множественные стрессы в подростковом возрасте (на рентгенограммах до 15 линий Гарриса). Зафиксированы генетически детерминированные признаки: аномальная деформация в верхней части 1-го шейного позвонка; не менее 9 остеоом на теменных костях и чешуе лобной кости. Левая локтевая кость в результате травмы в центральной части диафиза представлена двумя изолированными фрагментами, которые при жизни входили в образовавшийся ложный сустав, что свидетельствует о высококвалифицированной медицинской помощи, оказанной этому человеку и позволившей сохранить ему руку. Выявлены заживший перелом ребра, последствия зажившей травмы в области левого надбровья. Следы инфекции на нижней стенке глазницы (прободение). Рубленая предсмертная травма в центральной задней части левой теменной кости. Погребение датируется второй пол. X – нач. XIII в.

С внешней стороны храма у северной апсиды заложен раскоп 3, где вскрыты 12 плитовых ящиков, частично разрушенных и ограбленных. Сохранность костей крайне плохая. Инвентарь в захоронениях отсутствовал, что объясняется христианской принадлежностью погребенных. Гробницы расположены в два яруса. Судя по наличию в образцах из погр. 8 и погр. 9 частиц древесного детрита, захоронения производились в деревян-

ных конструкциях (гробах?), помещавшихся в каменные гробницы. Один из образцов позволяет диагностировать древесину хвойных пород деревьев.

Одним из наиболее интересных оказалось погр. 2, где была захоронена женщина 20-29 лет. Ее правая бедренная кость без патологических изменений. Высокое положение шейки бедра указывает на то, что его обладательница редко ходила пешком в раннем детстве. Диафиз левой бедренной кости представлен центральной частью. Его размеры редуцированы по сравнению с правой бедренной костью. Аналогичные изменения характерны для левой большеберцовой кости. Левая нога долгое время была неподвижной в результате врожденной аномалии или травмы и, возможно, парализована.

В погр. 9, где была погребена женщина 20-29 лет, найдены кости животного. Здесь же оказалось особенно много фитолитов культурных злаков. Особенно большие объемы растительной массы, а также животной органики оказались в образце грунта из-под черепа, что позволяет предполагать наличие «подушки» из кожи (шерсти, войлока) и трав, может быть, в смеси с илом. В образцах из погребения встречены спикулы губок и/или панцири диатомовых водорослей, которые могли быть привнесены на стеблях гидрофильной флоры (тростник/камыш) или же при создании данных образцов использовался речной/старичный ил.

Время функционирования некрополя определяется в рамках кон. X – нач. XIII в. Исследования продолжаются.

Литература

Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Дружинина И.А. 2021. Результаты комплексных исследований Среднего Зеленчукского храма X в. на городище Нижний Архыз в 2018-2019 гг. // Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации. Программа конференции. М.

Доде¹ З.В., Зеленский² Ю.В.

¹ООО «Наследие», г. Ставрополь

²Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ: КОСТЯНОЙ ИГОЛЬНИК И ПОДВЕСКА

В коллекции случайных находок Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына хранятся два костяных предмета, найденных 16 апреля 1958 г. на северной окраине станицы Динской Краснодарского края, на левом берегу р. Кочеты-2. Первый предмет (КМ 10120/70) представляет собой полый цилиндр (длина 9 см, диаметр 3,3 см), сопряженный со своего рода втулкой (2,9x0,76 см), декорированный резным сюжетным рисунком с портретами мужчины и женщины (рис. 1). Предмет сохранился в относительно целостной форме, с частичным разрушением стенки основной части и втулки, доньшко и крышка утрачены полностью. Второй предмет (КМ 10120/71) – плоский, в виде лопаточки (общая длина 7,2 см), имеющей лопасть подквадратной формы (3x2,8 см) с заovalенными углами и прямоугольный черенок (4,2x1,8 см) с двумя круглыми сквозными отверстиями подконической формы (диаметр 0,5-0,35 см); этот предмет сохранился практически без утрат. На поверхности лопасти с одной стороны прослеживаются искусственные резные линии, напоминающие окружность, соприкасающуюся с полуокружностью; с другой стороны лопасти наблюдаются незначительные повреждения поверхности, в результате которых обнажилась естественная структура кости.

Указанное в музейной книге поступлений место находки предметов – «территория 23-й огородной бригады», в окрестностях станицы Динской – допускает, что они были обнаружены в результате полевых работ. Случайный характер находки не умаляет места этих предметов в контексте кочевнических древностей как Улуса Джучи в частности, так и монгольского имперского пространства в целом.

Игольник. Цилиндрический предмет из станицы Динской аналогичен костяным игольникам, известным по находкам *in situ* в женских золотоордынских погребениях. На функциональное назначение этих находок, изготовленных из трубчатых костей мелких животных или птиц и украшенных циркульным декором, указывают часто сохраняющиеся внутри железные иглы.

В то время как известные костяные игольники, как правило, украшены простым циркульным орнаментом, на поверхности рассматриваемого предмета выгравировано

сложное сюжетное изображение (рис. 1). С разных сторон корпуса вырезаны погрудные фигуры мужчины и женщины. При развороте рисунка оказывается, что оба персонажа, глядящие друг на друга, объединены внутренним пространством шатра или юрты. Женщина размещена слева от мужчины. При условности целого резчик достаточно реалистично изобразил детали: одежду персонажей, характерные черты внешности, мужскую прическу, женский головной убор.

Характерные детали костюмов не оставляют сомнения в принадлежности изображенных к подданным монгольской империи. Оба одеты в одинаковую одежду, в которой угадываются монгольские халаты с так называемым «облачным воротником». Внешность мужчины решена в соответствии с канонем восточной наружности: с округлым лицом, узкими раскосыми глазами, широкой плоской переносицей и высокими скулами. Он изображен без головного убора, с бритой головой, с челкой и длинными волосами на висках, возможно, с усами и небольшой клиновидной бородкой под нижней губой. На женщине без труда угадывается характерный головной убор замужних монголоков – *боктаг*, конструкция которого отчетливо прослеживается.

Несмотря на соблюдение художественных традиций, создается впечатление, что работа была выполнена не профессиональным мастером. Дело не столько в предельно обобщенной манере и качестве резьбы, сколько в отступлении от шаблона создания этикетных образов. Мужчина изображен с непокрытой головой и прической, отличающейся от унифицированного монгольского стиля, требующего свернутых и подвязанных за ушами боковых прядей. Волосы на его висках распущены. Женский головной убор, по сравнению с высокими парадными боктаг на миниатюрах, очень низкий, хотя у резчика, казалось бы, было достаточно места, чтобы изобразить его в большем размере. Эти отступления от канона намекают на некоторую индивидуализацию образов и приватный характер сцены, лишенной парадности и этикетности, присущих миниатюрной живописи. Сюжет резьбы на поверхности игольника из Динской, предназначенного для индивидуального использования, не соответствует ни бытовому назначению предмета, ни его форме и не носит официального характера. За ним видится гештальт, связанный, скорее, со сценами частной жизни и, возможно, персонификация изображенных людей, послуживших резчику визуальными моделями. По всей видимости, мастер свободно ориентировался в кодах знакомого ему культурного пространства, где мужчине было позволительно находиться без головного убора и носить прическу, отличную от официальной, а женщине покрывать голову боктаг небольшой высоты. Эти подробности, скрытые в интерьере шатра, могли быть известны носителю культурной традиции, который, как представляется, отобразил их на динском игольнике, создав, своего рода, «автопортрет».

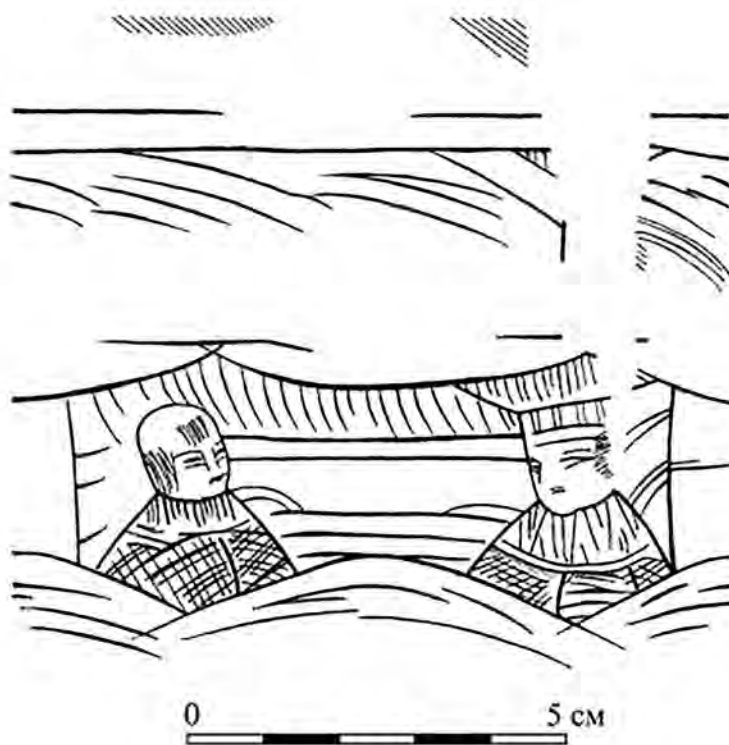

Рис. 1. Разворот рисунка на игольнике из станицы Динской.

Решающим в определении автора резьбы оказывается роль контекста – шатер маркирует кочевой образ жизни, элементы костюмов – подданство персонажей монгольским ханам, низкий боктаг – посвященность мастера в обычай, регулирующие внутреннюю жизнь кочевников, особенности мужской прически, скорее всего, свидетельствуют о латентной культурно-этнической самоидентификации, сохраняющейся в исторической памяти резчика. Все это обуславливает уникальность игольника из Динской как исторического источника, коррелирующего с объективной и индивидуализированной реальностью.

Костяная «лопаточка». Типологически костяная «лопаточка» из Динской близка болгарским подвескам-ложечкам. Наиболее близкие аналогии усматриваются в бронзовых подвесках, обнаруженных в средневековых памятниках на территории стран Восточной Европы. Исследователи считают их подвесками-амулетами, связывают с культурой средневековых кочевников – печенегов, узов и половцев – и прослеживают их аналогии в изображениях подобных предметов на половецких каменных изваяниях. Сходство костяной лопаточки из Динской с находками костяных и бронзовых лопаточковидных подвесок позволяет рассматривать ее в этой же категории подвесных амулетов. Надо полагать, что семантика этих амулетов связана с общими универсалиями кочевой

культуры. Однако сомнение вызывает правомерность проведения прямых параллелей между археологическими находками таких амулетов и подобными предметами, изображенными на половецких каменных изваяниях из южнорусских степей. Проблема заключается не столько в хронологической дистанции реальных и изображенных предметов, сколько в невозможности их отождествления. В историко-культурном контексте монгольского имперского пространства лопаточковидная подвеска из Динской ассоциируется с монгольской ритуальной ложкой *цацал*, предназначенной для кормления духа юрты и духов-предков рода.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия

ВДИ – Вестник древней истории

ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ГИМ – Государственный исторический музей

ГМИИ им. Пушкина – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

гр. – группа

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИАК – Императорская археологическая комиссия

КИО – культурно-историческая общность

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

мог. – могильник

НИУ – Национальный исследовательский университет

НПЦ – Научно-производственный центр

п., погр. – погребение

РА – Российская археология

РЖВ – Ранний железный век

РО ИИМК – Рукописный отдел Института истории материальной культуры

РСО-Алания – Республика Северная Осетия – Алания

СА – Советская археология

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет

ст. – станция

Научное издание

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА:
ОТКРЫТИЯ, ГИПОТЕЗЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ.
XXXII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

*Материалы Международной научной конференции по археологии Северного
Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана.*

Майкоп, 18–23 апреля 2022 г.

Подписано в печать 31.03.2022 г. Формат бумаги 60x84/8.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,34. Тираж 300 экз. Заказ 5.
Типография ООО «Качество», 385000, г. Майкоп, ул. Крестьянская, 221/2,
тел./факс: (8772) 52-36-87, 57-09-92.